

Александр Шубин

Ведьмино кольцо. Советский Союз XXI века

Посвящается Би

Давным-давно, в первой четверти XXI века, в мире по-прежнему было тревожно. Минула эпоха глобализма, антитерроризма и нефтяной экономики. Глобальная депрессия, дестабилизация климата и атомные аварии изменили социально-политические структуры, технологии, политическую карту мира, подорвали гегемонию Запада, повысили уровень Мирового океана и породили Великую пустыню и другие варварские территории, не контролируемые ни Союзам, ни национальными государствами. Президенты и монархи все еще мелькают на видеоплощадках, но власть принадлежит уже не им, а тем, кто контролирует информационные и ресурсные потоки: самоуправлению, региональным советникам, союзным комиссарам, экспертам, регуляторам электронной Сети и виртуальным манипуляторам средств массовой информации — «смишникам». Общественный подъем в Северной Евразии, известный как Советское Возрождение, привел к созданию нового Советского Союза. Но он существует наряду с другими влиятельными союзами: Европейским, Южноамериканским, Китайским, Индийским. Несмотря на тяжкий кризис, еще сохраняются США. Борются за жизнь не присоединившиеся к союзам страны. А из перенаселенной и голодной Африки надвигается на мир тень Халифата. Это — самая заметная тень, но не единственная...

Ракеты к ужину

18 июля.

Наукоград Полис.

Сергей Сергеевич Романов, Артем Грустин.

«Написание».

«Сначала была Каша. Она была разнородна, но взаимосвязана. Затем Некто взглянул на нее, и она стала превращаться в Мир...»

— Что это за ерунда? — Артем откинулся в кресле и отложил грубо сшитые страницы.

— Не знаю. Танюша где-то в Сети откопала, распечатала и подсунула. Говорят, все сейчас это читают. Вот и я на досуге тоже... — мурлыкнул Сергей Сергеич.

— Каша, каша. Вот и у меня в голове... Может быть, ты, как тот Некто, взглянешь на мою кашу. На досуге, — Артем снова вернулся в сидячее положение, и кресло-качалка угодливо зафиксировало нужный спине градус.

— Ага, — Сергей Сергеич лениво потянулся (как всегда в таких случаях, эта леность была показной, мол, ну что там у вас), — не прошло и полусуток. Сейчас мы узнаем, чему обязаны твоим визитом.

— Язва. Сам же ни о чем не спрашивал, будто действительно полагаешь, что я приехал греться тут на прикаспийском солнышке.

— «Солнышко». Вы о дурдоме? — Таня с шумом вынырнула из бассейна и, как обычно, прицепилась к первому услышанному слову. У них с Сергеичем была на эту тему какая-то семейная шутка.

— Ну так вот, — Артем решил не углубляться в бессмысленные упражнения калам-бурения (термин, естественно, Танин), — в последнее время по Европе прокатилась волна странных инцидентов. Обычная вроде бы хроника несчастных случаев и единичных заболеваний. Но результат поразительно однообразен. Всегда

ведет к обострению массовых конфликтов. Каждый инцидент раздувается СМИ до вселенских масштабов.

— *Смишников*¹ не трогай. С ними лучше не связываться, хлопот не оберешься.

— Ну мы же между собой... Вот, я тебе тут привез статистику — хулиганская выходка, закончившаяся побоищем в арабском квартале, воспаление легких советника, сделавшее необратимым шотландский конфликт. Тут сотни примеров... Пролистай.

Таня вылезла из бассейна и привычно устроилась за спиной мэтра, обняв его за шею и упершись подбородком в лысину. Сергеич задвигал пышными бровями, морщась от стекавшей с жены на его лоб воды.

— погоди, быстро листаешь, — она взяла пульт управления тетрадкой и вернула изображение на пару страниц назад. — Ну, ну. Конечно. Опять Артем со своей теорией случайностей. Как тебе не надоело повторять одно и то же на разный манер? Сознайся: сделал предсказание, оно не сбывается, вот и подгоняешь фактуру. Это как легенда про дельфинов — мы знаем свидетельства тех, кого они толкали к берегу, но те несчастные, которых толкали от берега, в статистику не попадают.

— Так. Во-первых, — Артем почувствовал, что заводится, и принял расслабленный «пофигистский» вид, — я дальше представил статистику всех «случайностей» подобного рода. И мои «случайности» составляют в них изрядный процент. Так что все «дельфины» сосчитаны.

Я готов утверждать: мы имеем дело с глобальной организацией, которая силовыми методами действует за кулисами событий. И нештучных событий — тех самых, от которых зависит будущее мира!

А во-вторых...

— Понятно, понятно. Знакомые уши Теории случайностей. «Случайность в одной науке есть прежде всего закономерность в другой. Безвременная кончина Ленина совершенно закономерна с точки зрения современной медицины, а трагическая «случайность», погубившая Пушкина, — точка соприкосновения исторической психологии и баллистики». С младых ногтей, с лекционных времен меня бесит эта твоя попытка все вычислить и объяснить, господин профессор.

Ее лицо заострилось, как всегда, когда Татьяна шла на таран. Артем знал это действительно с лекционных времен, когда она подкалывала молодого профессора, а он изображал снисходительность и терпимость.

— Как ты не понимаешь, что Случайность (это слово в ее устах прозвучало именно с большой буквы), Случай-ность — это то, что позволяет нам жить, дышать. Это птица, которая не может жить в поганой, по-га-ной, повторяю, клетке твоих логических цепочек. Человек непредсказуем, иначе он — робот.

Татьяна раскочегарилась не на шутку. Она схватила смеситель и стала не глядя смешивать соки и газы. Глотнула напиток и сморщила свой птичий нос. То ли от собственной скоротечной кулинарии, то ли по причине отвратительности Артемовой теории. Артем улыбнулся в усы не без ехидства и парировал:

— Ну почему же? Вот, например, ты вполне предсказуема. Наверняка дослушаешь наш разговор хотя бы до середины.

— На этот дешевый крючок ты мог поймать меня лет десять назад, — выражение ее лица смягчилось, глаза стали озорными — в предвкушении победы.

Таня демонстративно прошла мимо Артема и со всплеском глубинной бомбы

---

¹ Здесь и далее значение слова, помеченного курсивом, можно посмотреть в словаре.

бултыхнулась в бассейн. Артем довольно потрепал бороду, наслаждаясь легкостью, с которой удалил с поля строптивую супругу своего собеседника.

— Но признайся, что в главном Танька права, — извиняющимся голосом пропел Сергей Сергеич, — статистика твоя слишком разнородна. Аналогия по слабому признаку. Все эти теории... Мировой какой-то заговор получается.

— Я знал, что ты перейдешь к своей любимой теме о паранойе, — Артем промолвил это вполне добродушно, поскольку твердо знал, что по классификации Сергея является скорее эпилептоидом.

— Да нет. Бог с ней, с паранойей. Хотя... Да нет, не в этом дело. Какой-то замученный сатанистами аббат, какие-то утонувшие при купании друзья французского короля... Просто среди сотен тысяч отравлений, инфарктов, катастроф, мафиозных разборок, да еще типичных в наше время экологических провалов и войн уж слишком слабую струйку ты обводишь во всем статистическом материале. Ну, десять — пятнадцать процентов инцидентов имеют такой результат. А остальные не имеют к теме отношения.

— Но только две целых восемь десятых процента имеют обратный эффект. Вот что интересно.

— Ну в эти два года два, а в следующие — двадцать. Откуда мы можем знать. Я бы не торопился. Посмотри, как будет дальше развиваться эта... динамика. И потом, один случай с прорывом *Халифата* через Суэцкий канал перевесит всех твоих единичных покойников.

— Так ведь этот прорыв — на мою мельницу! Ты знаешь, что израильскому лейтенанту прислали сфабрикованный мейл о гибели его невесты. И он бросил пост...

— Ой, Артем, ну это уже слишком! Армия разбита, «потому что в кузнице не было гвоздя». И гвоздь вынули злоумышленники! Смешно, ей богу.

— Но ведь в наше время всеобщей компьютеризации... Представляешь, как можно просчитать варианты?

Сергеич знал это, может быть, лучше Артема. Но он только снисходительно улыбнулся.

Раздались звуки «запила» полонеза Огинского. Это значило, что Сергеичу пришла почта от кого-то из «випов». Старомодный Сергеич отказывался вживить себе пульт управления компьютером и потому пользовался всякими отсталыми штуками вроде звуковых сигналов и голосовых команд. (Ученики вслед за Учителем тоже предпочитали беречь свою голову от хирургических вмешательств.) В ответ на грозный окрик хозяина подлетел монитор с сообщением.

— Его Величество просит позвонить.

— Обойдется. Я в отпуске, никаких коммуникаций. Если он сидит в Зимнем дворце, который арендует у петроградских властей, это еще не значит, что я должен вставать во фрунт при его звонке. Пусть скажет спасибо, что хоть сообщения читаю. Он даже не пишет, по какому из дел я ему так срочно понадобился. За меня Вася на хозяйстве. Он, кстати, тоже не в восторге от твоих выкладок. Рановато, Артем. Рановато.

— В общем, я догадывался, что сразу тебя убедить не удастся. Когда тебя вообще в чем-то убеждали с первого раза? Но идею я закинул, и ты ее погоняешь. Так?

— Ну, погоняю. Отчего же не погонять. После отпуска. Там у меня одно интересное расследование. А потом можно провести разговор по твоей этой теме. Но только не на Совете *Школы*, пожалуйста, а на каком-нибудь университетском

семинаре.

Удовлетворенный соломоновым решением, Сергей Сергеич снова сладко потянулся, но на этот раз по-настоящему:

— Что закажешь на ужин? Выбирай, мы сделали заказ еще утром, — Сергей Сергеич включил на столе меню. Демонстрируя окончание деловой части разговора, он повернул кресло в сторону бастионов Полиса и посмотрел вдаль, на линию горизонта, где степь переходила в Великую пустыню. Знаменитый здешний закат уже начинался. Багровые штрихи отделили складки облаков и степные ложбинки. Романов не сразу заметил движение, заставившее его обомлеть. Темная точка (или запятая?) мелькнула на горизонте, и от нее стали медленно расходиться три дымных шлейфа. Затем один из них прервался, ярко вспыхнув. Через минуту донесся тихий хлопок (как потом выяснилось, сработала космическая система противоракетной обороны, успевшая среагировать только на один объект). Два оставшихся белых следа с гулом прочертили маршрут от горизонта и пересеклись... прямо в башне, за два дня до этого занятой Сергей Сергеичем. Миниатюрная башенка (слава Богу, в ней размещалось единственное жилое помещение) с треском раскололась на множество кусочков, между которыми вспыхнул ослепительный рыжий свет.

— Мой компьютер! Два дня работы! — закричал Сергей с негодованием на неизвестно откуда взявшуюся напасть.

Артем, привыкший в итоге подчеркивать свою правоту, по инерции промолвил: «А все-таки Таня выслушала половину нашей беседы. Просто она не знала, что беседа будет такой короткой». Но его, разумеется, никто не слышал и не слушал. Никто на него не смотрел и не видел, как затряслись его руки.

Замок под колпаком

19 июля.

Ясенево (Московская земля).

Школа «Социум».

«Природа едина. Но ее элементам свойственно пребывать в движении. Движение элементов природы назовем потоками. Природа состоит из потоков. Все мы пребываем в них.

Не часто представляется шанс повлиять на направление массивных жизненных течений. Но всегда есть возможность изменить свое положение в потоке или сменить его. Если поток, который влечет тебя, несет в пропасть, не сиди сложа руки. Выйди из него и выведи близких. Но не сюит паниковать — не всякая пена говорит о грядущем водопаде...»

Сергей Сергеич почесал крупный подбородок, глотнул коньяку и отложил текст. Его банальность раздражала, но что-то мешало выбросить эту пачку небрежно сшитых листков. Во всяком случае, сейчас «поток» нес его куда-то не туда. Впервые он пережил покушение на собственную жизнь. И притом весьма очевидное. Как в боевике. «Выйти из потока?» Чувств. Неизвестный автор «Написания» не вправе направлять его жизнь. «Не всякая пена говорит о грядущем водопаде». Нет, все-таки командует. Экая манера влезать в сознание и начинать там распоряжаться то так, то эдак.

С ним происходило что-то непонятное. С миром — тоже. Сергеич любил размышлять о себе на фоне мира, о своем месте в мире. Это помогало в трудные моменты. Поднакачаешься мировой энергией, лучше поймешь направление Потока (говоря прозаичней — конъюнктуры) — и вперед, к новым успехам.

Так, что там в мире делается? Он включил видео во всю стену. Объемное изображение превратило пространство холла в море: показывали события в районе Сокотры, куда уже слетелись видеокамеры полусотни ведущих СМИ. Было на что посмотреть.

Шиитский ракетоносец «Возвращение Али» еще вчера покинул Басру и сегодня носился над водами уже на траверзе Мирбата. Лет десять назад эта штука была последним словом техники. Испанская постройка. Теперь гигантские ракетоносцы на воздушной подушке уже устарели — слишком уязвимы и энергоемки. Им приходится таскать с собой целый рой противолодочных авиолетов. Зато брюхо набито ракетами под завязку. Понятно, куда рвется этот «Али». Стоит ракетоносцу пройти в Баб-эль-Мандебский пролив, он прямой наводкой выстрелит по всему африканскому побережью Красного моря. А из космоса все уже рассмотрели, что там накоплены силы для десантной операции против Аравийского полуострова. Значит, шииты определились. Они все-таки решили спасти суннитов от Халифата. Это правильно — сегодня ты, завтра я. Надо останавливать врага на земле соседа. Ну-с, насладимся зрелищем морской баталии.

Халифатовцы не зря еще в прошлом году захватили Сокотру и все это время рылись там, обновляя старинную советскую военно-морскую базу. В СМИ просачивались сведения то о шведских инженерах, которые инкогнито работали в каких-то подземельях, укрепляя своды пористой броней, то о закупках маврами в Совоборонэкспорте скоростных подводных ракет с кислотной оболочкой.

Как только ракетоносец прошел Эль-Мукаллу, Сокотра дала залп. Сотни ракетных трасс расписали пространство в самых невероятных направлениях. Но «Возвращение Али» был готов к этому и стал отплеиваться противоракетами. Блестяще. Пространство над Аденским заливом вспыхнуло мириадами огней. Комментатор фиксировал процент попаданий: девяносто восемь процентов ракет Сокотры поражено в воздухе.

«Интересно, — подумал Сергеич, — почему, если можно почти без промахов отбить атаку сотен ракет, не удалось предотвратить нападение на меня? Ведь мою комнату разнесли ракеты, летевшие через границу. Там же тоже должна быть противоракетная оборона. Ой, бардак в ракетных войсках. Надо бы взгреть их при случае».

Эта мысль пронеслась в мозгу, но не зацепилась за нужную полочку и потухла. Сергеич продолжал следить за картиной морского боя. А если бы он хорошенько обдумал эту свою мысль, то, вероятно, гораздо быстрее раскрутил бы дело о покушении на свою персону. Вернее, он быстро нашел бы исполнителя, хотя, скорее всего, не заметил бы заказчика.

Половина видеокамер отключилась из-за помех от взрывов, но у Сергеича был хороший стабилизатор, который быстро нашел наилучшее изображение на канале «ТАСС». Ракетоносец получил незначительные повреждения (в трех местах что-то лениво дымилось). Но «Али» разозлился. Он отклонился от курса, снизился до уровня воды и двинулся плющить Сокотру. «Возвращение Али» потратил лишь сотую часть своей огневой мощи, но этого хватило, чтобы выкорчевать бетонно-пластиковые

ракетные башни, разворотить их титановые каркасы, взрыть брюхо подземных коммуникаций и ополовинить уникальную флору и фауну острова. Глядя на то, как скалы размером с небоскреб улетают в море, Сергеич вдруг с ужасом подумал: то же самое в обозримом будущем может произойти и с Крымом. Сергеич не был на Сокотре, и, по большому счету, ему было не жалко этот уникальный остров. Крым — другое дело. Он любил Ай-Петри и сейчас понял, что технические возможности позволяют снести великую скалу, просто нажав на гашетку.

Сокотра дымилась, ракетносец победно продвигался в сторону Адена. Индийский океан бурлил — противолодочные автолеты пронзали глубины ракетами. Но тут компьютер Сергеича уловил какие-то эмоциональные комментарии на канале «Заря Востока». Там заметили что-то эксклюзивное и теперь вопили, как во время опасного положения в хоккейном финале. Сергеич переключился на «восточников» и не пожалел. Ай, молодцы, глазастые ребята. Их видеокамеры не только летали в воздухе, но еще и прощупывали море эхолотом, реконструируя изображение с помощью компьютера. Оказывается, в пещерах под Сокотрой уцелели подводные лодки, которые сейчас вылезли в опасной близости от ракетносеца. На «Али» заметили неладное, но было поздно. Две мощные ракеты вылетели из воды и ударили ракетносецу в брюхо. Сначала показалось, что ничего не произошло, и комментаторы начали было спорить, какой урон нанесли ракеты внутренности корабля. Но через минуту сомнения испарились вместе с ракетносецем — сдетонировали ракеты. Над Аденским заливом расцвел огромный огненный цветок. Все было кончено. «Возвращение Али» опять не состоялось. Возвращение Халифата на землю Мекки и Медины стало неизбежным.

Сергеич, впечатленный зрелищем, выключил видео.

Маяк сообщил, что приближаются гости. Сергей Сергеич переключил обстановку в зале, сменив трехмерную картинку арктических льдов на строгое убранство средневекового замка. От того места на стене, где возник камин, потянуло приятным теплом и запахом костра. Этот эффект был смонтирован месяц назад и все еще забавлял хозяина. Когда-то он прочитал о подобном интерьере в фантастическом романе и потом потратил немало сил, чтобы доказать предпочтительность виртуальной технологии над ресурсоемкими интерьерами XX века. Теперь его критиковали за расточительность, излишние траты электричества. По мере углубления энергетического кризиса пуританизм входил в моду.

Послышалось шипение сразу нескольких *автолетов*. Вообще-то окна занимали почти всю стену, недаром местные жители называли «Стрекозой» этот дом. Блестящие зеркальные глаза тарацились на кварталы коттеджей Конькова, расположенные вплоть до Битцевской парковой полосы. Тыльной частью дом Романова примыкал к гребню блочных обломков хрущоб прошлого века. Выше него было только здание Ясневского *совета*, и советники любили посудачить о том, что творится там, за «стрекозиными глазами», где живет сам архитектор Советского Возрождения.

Но окна были задрапированы разными картинами, сейчас вот «стеной замка», и только через узкие прорезы проникали полосы света, разрезавшие пространство комнаты на фрагменты интимного полумрака. Чтобы рассмотреть, кто прилетел, хозяин взял пульт и передвинул окно в сторону посадочной площадки. Из трех автолетов выбирались четыре человека. Артем почему-то прилетел с Ольгой. «Странно, я не замечал, чтобы он за ней ухаживал последние лет десять».

Вскоре вся компания, выбрав напитки и закуску по вкусу, рассаживалась в мягкие

кресла, диссонирующие со средневековой обстановкой. Вася демонстративно облокотился могучими плечами о невидимую стену, демонстрируя неприятие технических новинок. Он гордился своим крепким срубом, который украшал только небольшими мультипликационными картинками.

— Итак, друзья, я собрал вас здесь, чтобы...

— О пренеприятнейшем известии мы уже знаем. Артем рассказал нам по видеофону в красках, — перебил Василий Сергей Сергеича. — Что делать-то будем?

— Когда-нибудь торопливость тебя погубит, Вася. Мне, например, интересно было бы послушать версию жертвы. — Отец Фома поправил крест, провисавший над несолидным для священника животом.

Собственно, ничего особенно нового о самом инциденте рассказ Сергей Сергеича не содержал. Но выяснилось интересное обстоятельство. Он почти никому не сообщал о месте своего отпуска. Ничего удивительного в этом не было. Ученый такого ранга — объект приставаний журналистов, начинающих *экспертов*, лоббистов, заинтересованных в тех или иных откликах на их проекты. Мало ли кого еще. Прибегать к страничке центра «Социум» перед принятием решений — хороший тон. Отсюда суета вокруг ее творцов.

О месте отпуска знали все члены Совета Школы и секретарь. Особой тайны из этой информации, понятно, никто не делал. Тем более что Полис гарантирует некоторую защиту от посторонних.

В то же время заказчикам покушения и террористам следовало знать слишком многое — например, где находится комната, в которой остановился объект теракта. При этом они не знали распорядка дня — ракета прилетела как раз в то время, когда Сергей Сергеич обычно нежился у бассейна.

— Все как в классическом детективе, — Ольга славилась своей любовью к Агате Кристи и Сильвио Крамеру. Ограниченный круг допущенных к информации, широкий круг врагов. Остается только совместить два множества.

После недолгого обсуждения выяснилось, что классический детектив не получается. Во-первых, почти каждый из присутствующих с кем-то говорил о планах на летний отдых, увязывая их с отпуском Великого учителя. Правда, никто не сообщал сразу всех данных, но при желании из частиц можно было бы собрать мозаику. Артем говорил по радиофону с секретарем и упомянул Прикаспий. Василий многим говорил о сроках. Фома часто приводил Сергей Сергеича в качестве примера человека, который отдыхает в общинах-полисах. А Ольга так и вовсе сообщила своему знакомому о том, что шеф уезжает в Полис и можно будет провести пару недель на волжском пляже.

Решили зайти с другой стороны. Кому выгодно. Мечь противников Советского Возрождения? Глупо. Дело прошлое, да и в него было вовлечено слишком много людей, чтобы мстить именно Сергеичу.

Ольга достала из сумочки пенал компьютера и вывела на визуальное поле список проектов, по поводу которых Сергей Сергеич проводил исследования и был намерен «не поддержать». Между потолком и искусственными шкурами, которыми был выстлан пол, повис огромный список в несколько столбцов. С полчаса его сортировали то так, то эдак — толк небольшой. Количество абзацев ужалось раза в три, но все равно самые разные инстанции были заинтересованы в поддержке их проектов «Социумом». И все с безупречной репутацией (с «упречной» просто не допускались к общению). Мотивом для убийства Романова могло быть его намерение

дать кому-то «от ворот поворот». Но Романов как раз не имел обыкновения заранее сообщать, что собирается дать отрицательное заключение. И нет никаких свидетельств, что кто-то заранее знал, что Романов готовит им неприятность. А зачем же иначе его убивать?

На всякий случай список поделили между присутствующими для дальнейших расследований, но безнадежность этого направления была очевидна.

По мере обсуждения с Романовым связались семь союзных *комиссаров*. Сухой и холодный председатель ресурсной комиссии (наверное, такими раньше были директора Центрального банка) выразил свое сожаление по поводу случившегося и поинтересовался позицией Сергеича по вопросу о бакинской нефти. Добродушный с виду глава военного комиссариата, недолголюбивавший Сергеича за дружбу с генералами, на этот раз был предельно любезен и обещал всемерную поддержку, если будет необходимо силовое воздействие на Великую пустыню. Упрямец-эколог, вытягивавший нервные волокна у всех зачинателей новых промышленных проектов, и тот был полон сочувствия, и лишь аккуратно разведал, не будет ли Сергеич лоббировать проект Иркутского космопорта. Обходительный комиссар иностранных дел ради беседы с Романовым даже прервал переговоры с посланником Тибета, корректный комиссар юстиции, которому, кстати, подчинялся *Союзный следственный комитет* (ССК), сообщил о возбуждении уголовного дела по факту обстрела.

Когда министры исчезли со стены, обсуждение возобновилось.

— Вот что. Пока мы не знаем, что именно делать, начнем с самого простого. Будем разматывать клубок там, где мотается. — Чтобы его слова выглядели как можно внушительнее, Артем даже вышел на середину зала и поднял над головой бокал амаретто, изобразив подобие костлявой статуи Свободы. — Во-первых, нужно прокатиться в Прикаспий, походить по местности. Наверняка ракетоноситель прилетел не с другого континента. Это работа для нашего супермена Васи.

Вася напрягся и оттолкнулся от стены. Его круглая голова мотнулась то ли в знак протеста, то ли в память о былых вихрах.

— Ага, чтобы меня там грохнули! Это же *варварская территория*, там законы не писаны.

— Мы сделаем так, что никто не узнает, что ты там появился. Для этого тебе придется сделать крюк. Так сказать, «обрубить хвосты». А мы посмотрим, кто будет за тобой следить. Глядишь, отсюда еще ниточка потянется.

— Ладно. Но только если меня освободят от крымского проекта. Он уже достал! Сколько ни собирай информации, ее все больше.

— Такова природа науки, мой мальчик, — флегматично отметил Сергеич. — Ну да ладно, все равно я собрался писать биографию почившей Софьи Петровны. Разберусь в твоих материалах, пока ты будешь витать над пустыней.

— Какой отрадный консенсус, — продолжил Артем, прикончив амаретто. — Сергей Сергеич, насколько я понимаю, собирается удалиться подальше от южных рубежей *Союза*. «И это правильно», как говаривал один исторический деятель. Берегите себя, *Учитель*, не забывайте надевать защитный плащ. Что касается меня, то я намерен тщательно изучить наш список по своей методе. Надеюсь, после случившегося вы к ней уже не так скептически относитесь.

— Не скажу, что ты меня убедил, Тема, но можешь считать, что к твоей гипотезе прибавился один веский аргумент.

— А что за теория? — Ольга спикировала в плавучем кресле почти на роскошную

шевелюру Артема так, что тот пригнулся. Это, разумеется, было напрасным движением, поскольку плавучие кресла запрограммированы на уклонение от контакта с любым объектом, кроме мягкого места сиденья. Ольгино лицо выражало полнейшую безмятежность. У учеников Сергеича это был признак крайней заинтересованности.

— Что касается Оли, то ей придется замаливать грешок.

— Какой грешо-о-ок? (О теории Артема было на время запомнено.)

— Анатолю натрепалась. Полетишь узнавать, куда разошлись круги. Тебе ведь все равно, где писать.

— Вообще-то у меня на этой неделе серия встреч.

— Ну, это по части других грешков...

Все громко рассмеялись.

— Вечно ты, Тема, о своем, о больном...

Все помнили, как в свое время Анатолий и Артем соперничали из-за Ольги. Но это было давно.

— А вот и не подеретесь. — Отец Фома наливал себе новую порцию «оранжа» с таким видом, будто совершал обряд. — Слетать в Самару, Ольга Юрьевна, это от силы два дня. От тебя не убудет. Анатолий действительно такой фрукт.

— Вот она, хваленая мужская солидарность в борьбе со слабой женщиной, — Ольга театрально всплеснула руками.

— Не столько со слабой женщиной, сколько с ее слабостями, — не без злорадства парировал Артем.

Фоме нравилось, как Артем взял расследование в свои руки и распределял обязанности между учениками Сергеича. Но сам Фома не стал дожидаться, пока Артем и его «распределит»:

— А я, в свою очередь, посоветуюсь с духовными.

— Ну спасибо тебе от нас, бездуховных. — Артем терпеть не мог самоназвания братства *духовных общин*.

— Во всяком чаде Божиим сокрыто зерно духа, сын мой. Открыть его никогда не поздно.

В завершение беседы Масипас, мирно дремавший на летающей подушке, соскользнул с нее и с громким мявом шлепнулся на столик с напитками. Зрелище громадного кота с подмоченным хвостом и репутацией окончательно разрушило деловой разговор. Масипас, брезгливо отряхивая пахнущие вином лапы, удалился под общий хохот.

На столбике сигнализации замигал огонек телефонного звонка. Под шум начавшейся тусовки Сергеич взял видеотрубку из груди рыцарского доспеха. Звонил сам начальник штаба Союза. На всякий случай Сергеич сделал режим видеосвязи локальным — чтобы собеседник видел только лицо Романова.

— Але, Сережа. Слышал о твоей неприятности. Ну как же. У нас большой шухер по этому поводу, все-таки нападение на территорию Союза. Уже полгода такого не бывало. Не бойсь, военные тебя не оставят. Узнаю, что смогу. Да, еще, я договорился с участковым. Не могу пока об этом по телефону, но там ты узнаешь много нового о грибах.

Мост самоубийц

19 июля.

Рейс Москва — Сан-Франциско.
Василий.

«Истинная свобода — это воля к выбору. Свободный человек — не тот, кто беспорядочно размахивает руками, то и дело меняя направление пути под воздействием дуновения ветра. Истинно свободный человек умеет выбрать путь и не сходить с него, несмотря на сопротивление титанических сил, пока избранные им высшие ценности не поставят путника перед новой развилкой».

— Любопытное наблюдение, молодой человек. Что читаете?

— Не знаю точно. Друзья дали адресок в Сети. Я люблю такие штуки.

— Да, в наше время люди меньше увлекались философией, все время гнались за успехом... Или это я гнался, а мои родители втихую зачитывались Шопенгауэром?

Василий оторвался от монитора, его круглое небритое лицо приобрело вежливо-приветливое выражение и повернулось к соседу по сиденью — пожилому иностранцу, напоминавшему Тедди Рузвельта. Дедок сносно говорил по-русски с сильным американским акцентом. Василию нравилось, что теперь с иностранцами все чаще можно говорить на родном языке. Русский вошел в моду, коварно провоцируя умственную лень. Не эта ли лень при всеобщем знании твоего языка подвела американцев?

— You speak Russian very well².

— Вы мне льстите.

Некоторое время они так и говорили: Василий по-английски, а американец — по-русски. Наконец представитель «великого и могучего» сдался.

— В вашем возрасте, наверное, рискованно летать на челноках. Все-таки перегрузки.

— Я крепкий старик. До сих пор бегаю, диета. Космос — моя страсть. Между прочим, я был пассажиром первого пассажирского челнока. Моя жена сказала, что я сумасшедший. Выложить годовую зарплату «за билет на «Титаник». Так она сказала. Но все окончилось благополучно, я видел Землю со стороны. Вам это привычно, а для нас... Я ведь еще застал вашего Гагарина, высадку на Луну.

Наступал приятный момент невесомости.

— Вы в Сан-Франциско или дальше?

— Да, в город.

— По делу?

— Именно, а вы?

— Я живу под Лос-Анджелесом. Там нет космодрома.

— Красивый город. Я был там лет десять назад.

— О, теперь многое изменилось. Старики всегда говорят, что все становится хуже. Но, я думаю, вы согласитесь. Америка не та, что прежде.

— Не огорчайтесь. У нас тоже не сразу наладилось.

Невесомость закончилась. Стали давать обед. Американец заказал вегетарианский. Словно подтвердил анекдот о том, что американцы делятся на белых и черных, вегетарианцев и ножкоедов, голубых и... Нет, он не будет рассказывать этот обидный анекдот соседу. Интересно, какие анекдоты рассказывают они про нас.

---

² Вы очень хорошо говорите по-русски (англ.).

— Скажите, Сэм, а есть у вас анекдоты про русских?

— А, вы вспомнили анекдот о вегетарианцах и любителей куриных ножек, голубых и жертвах харасмента? Хо-хо. Про русских? Хорошо, только не обижайтесь.

— Что вы, я уже сам нарушил политическую корректность.

— Встречаются как-то русская, француженка и американец...

Тут раздался взволнованный голос по внутренней трансляции: «Уважаемые пассажиры. К сожалению, наш космический корабль многоцелевого использования вынужден изменить траекторию полета по требованию группы террористов. Надеемся, что компания сможет компенсировать вынужденные неудобства. Предположительный пункт посадки — космодром Турфан». Про себя Василий решил, что это даже кстати. Если, конечно, все кончится хорошо. Одно успокаивало — если по ним действительно выстрелят, то сработает система спасения. Салон разделят на герметические секторы, и каждый отстрелят на своем парашюте.

Сэм, хоть и не закончил анекдот, как ни в чем не бывало ел травку, время от времени вытирая длинные седые усы. Увидев, что Василий отвлекся от своей рыбы, он ткнул вилкой в направлении кабины:

— Не слушайте эту болтовню. Меня уже третий раз так «захватывают». Террористы сидят где-то в горах. Возможно, у них даже есть ракета. Чтобы их успокоить, корабль задержал снижение. Сейчас готовят ракеты перехвата на случай, если по нам действительно кто-то выстрелит. Потом нас спокойно посадят в Сан-Франциско.

Словно в подтверждение слов ветерана последовало опровержение предыдущего сообщения.

— Это все ерунда, Вася. Вот в Сан-Франциско я вам не советую зевать. Там не шутят. Вы уже знаете, где остановитесь? А то поехали ко мне в Санта-Барбару. С утра полетите по своим делам.

Вася вежливо отказался, записал номер нового знакомого в Сети, оставил свои координаты. На космодроме Сэм проводил Василия до аренды флаеров (как называли здесь автолеты, отрицая российский приоритет), где они и расстались.

— Что желаете, сэр?

— Мне, пожалуйста, вот этот синий на одни сутки.

Раздалось характерное шипение реактивной стрелы. Служащий бодро прыгнул под металлический стол. Раздался сильный удар, посыпалась каменная крошка. Василий даже не успел испугаться. Служащий встал, отряхнул кепку, плащ клиента, меланхолично взял трубку мобильного:

— Хай, мастерская. Третий блок. Да, две стрелы. Колонна еле держится. И стену попортило. Нет, стену не сильно. — Положил трубку на место. — Извините, я не расслышал, — на одни сутки?

У выхода что-то сверкнуло и грохнуло. Пробежали несколько полицейских.

— У вас что тут, война?

— Нет, что вы. После похорон старика Линкольна это называется борьбой с преступностью. Разные ребята выясняют отношения. Правда, последнее время они делают это все время.

На маленьком автолете подлетели двое рабочих. Достали баллон с какой-то эмульсией. Залили выбоины, повозились, придали форму. Улетели. Стена и колонна были как новые.

— А у вас тут автолеты, то есть флаеры, не сбивают?

— У вашей машины сильное защитное устройство. Включается при наборе высоты. Так что, если будут стрелять из баловства, ничего страшного. Если вы кому-то сильно насолили, могут потратить хорошую дорогую ракету. Тогда, конечно, не спасет. Но это всегда так было.

— Спасибо, утешили.

Машина быстро набрала высоту. Закатный город напоминал шахматную доску. Одни здания и кварталы горели электрическими огнями, другие утопали во тьме. Их жутковатые силуэты напоминали о картинах из американских фильмов ужасов. Здесь Америка не знала себе равных. Справа ветер носил по улицам такие кучи мусора, что некоторые пакеты и обрывки долетали даже до высоты воздушного сообщения. Впереди гряда небоскребов отражала закат, ярко загораясь желтым и багровым. Слева что-то горело по-настоящему. Зато спереди все было чистенько, улицы и здания ярко освещены. Время от времени внизу щелкали и бахали орудия убийства и разрушения. Впереди вспыхнула крыша небоскреба. Наверное, там засел какой-нибудь «крепкий орешек-5». К горящему зданию потянулись грузовые автолеты с огромными баллонами. Они быстро залили огонь и начали закачивать в разгромленную крышу какую-то эмульсию. Вася вспомнил, как в аэропорту ремонтировали разбитый столб. Наверное, к утру небоскреб будет как новенький.

Василий включил местное видео и тут же получил полную информацию о происходящем. Ему была предоставлена видеокарта той части города, где он пролетал. Наложившись на панораму, которую зритель видел из окна, карта очертила места всех происходящих инцидентов. Вон там расовые волнения — черная Ассоциация любителей легкой музыки в союзе с Фронтом исламского освобождения бьет полицейских за вчерашний инцидент на танцплощадке. Полицейским помогают добровольные дружины, организованные по самым разным признакам. Больших успехов добились китайцы и голубые, они зашли с тыла. Это хорошо видно на карте, но в реальности сам черт ногу сломит, просто что-то грохочет и горит. А вот взрыв в небоскребе — результат неосторожного обращения с энергетической установкой. Во всяком случае, такова официальная версия компании, журналистов внутрь не пустили. Зато вон под тем роем полицейских автолетов идут бои совсем другого рода: проходит вручение Премий виртуального пространства Западного побережья. Здесь собрались губернаторы и весь бомонд. Плохое настроение у Нэнси Чартер (жюри ее отвергло) и Бэнджамин Хоук (его вилла была только что взята штурмом и разграблена, пока он объявлял следующую номинацию).

По защитной оболочке автолета что-то хлестко щелкнуло. Пожалуй, хватит экскурсии. Вася выключил видео, набрал в компьютере адрес, и машина понесла его по оптимальному маршруту к дому Александра Бычкофф.

— Hi, can I talk to Alexander?³

— No, he is absent now.⁴

Александра не было дома, на связи оказалась его пятнадцатилетняя дочь Лайза. Вася объяснил девушке, что он, Олег Гуськофф, находится в городе проездом и привез для Александра образцы зубов среднеазиатских змей.

Бычков был старым приятелем Романова, и если против Сергеича действовала

---

³ Привет, могу ли я поговорить с Александром?

⁴ Нет, он сейчас отсутствует (англ.).

глобальная организация, то этот адрес наверняка был под наблюдением. Артем и Вася хотели это проверить, но так, чтобы дальнейший маршрут Васи остался неизвестен злоумышленникам.

Лайза проверила документы, просветила гостя на предмет наличия оружия и сверила его фотографию с банком данных разыскиваемых маньяков — в Америке без этого нельзя. Но после этих непродолжительных процедур Олег (он же Василий) мог чувствовать себя как дома. Лайза приготовила ему кофе с молоком из пакетика, подогрела картофельные чипсы, усадила на диван и зачем-то даже накрыла пледом, как будто он перед этим промок насквозь. Все это время она не переставая рассказывала гостю о тяготах американской жизни и о том, как ошиблись родители, когда покинули землю обетованную (так она называла Союз).

«Олег» благожелательно поддерживал разговор, хотя делал это с некоторым усилием. Ему уже порядочно надоели стенания некоторой части западной публики по поводу нынешних бедствий цивилизации и заискивание перед Советским Союзом. Тем более что Василий считал — дома дела обстоят отнюдь не блестяще. А если в страну хлынут эмигранты со всего света, то они, пожалуй, потопят лодку. Когда Василий высказывал такие настроения вслух, его обычно ритуально обвиняли в шовинизме. Но в общем-то сочувствовали и... меняли тему разговора. Он не был экспертом по демографическим вопросам, и поэтому считалось, что его частное мнение не имеет большого значения. Хотя, судя по результатам электронных референдумов, оно является типичным.

— Сейчас на Дальнем Востоке дают землю общинам репатриантов. Я уже была ездила, выяснял условия. Можно накопить небольшая сумма и поселиться недалеко от Магадан. С энергией там хорошо — ветряки работают весь год. Тепличное овощеводство, гидропоника. Я в этом разбираюсь хорошо. У меня даже есть проект коттеджа. Проблемы с гражданством, много бумаг надо, а то бы уже на следующий год переехала из этот кошмар. Эх, папа, папа, зачем уезжал?

— Наверное, он хотел как лучше. Тогда ему было легче жить здесь.

— Да нет. Тоже много проблем было. Сейчас жалеет, много жалеет. Говорил, хотел дети были счастливы.

— Да все у вас наладится. У нас было почти то же самое. Даже Союз развалился на какое-то время.

— Нет, не было то же самое. Президент — наркоман. Исламисты и черные расисты занимают страну. Вы знаете черные расисты? Вы знаете, если крадут людей каждый день. Штаты не слушают президента. Никто не слушает. Энергии не хватать — очень дорого. Дышать нечем. Вода пить нельзя. Все помешаться на своих правах: расы, неудовлетворенные тетки-феминистки, адвокаты, меньшинства, большинства — сумасшедший дом. Олигархия — все иметь. У них контроль за видео, производство чипов — золотое дно. Но им плевать на Америка. Они могут жить, где хотят. Все строить себе крепости в море у берег Южной Америки. А здесь пропадай все.

Василию было трудно возражать. Он смутно помнил, что в детстве тоже было много панических разговоров. Но, наверное, тот российский кризис все же был не так тяжел, как эти американские несчастья. Тогда люди как-то выкарабкались. Просто жили, решали свои проблемы. Да и политики в конце концов перестали очень сильно мешать, по-видимому, просто парализовали друг друга. Так что мировые потрясения начала века, которые он помнил уже хорошо, прошли даже как-то весело. Всем надоело ждать апокалипсиса, и захотелось сменить декорации. Что-то в этом роде он

попробовал объяснить Лайзе.

Она слушала его, жадно пожирая глазами, будто он вещал какое-то религиозное откровение своей фанатичке. Тут Вася обнаружил, что плед сполз в сторону, блузка на слушательнице оказалась полурасстегнутой, а девичья ручка юркнула к нему под рубашку. Но «сворачивание малолетних» в его планы никак не входило, и он решил быть добрым, но строгим.

— А ну стоп. Это еще что такое? Что ты себе позволяешь?

— А если это любовь?

— Любовь — чувство святое. Давай договоримся: у нас с тобой любовь братская.

— Это еще как? — Лайза смотрела на него удивленно-ласковым взглядом, а между тем рука упорно продолжала пробираться к низу живота.

— Это значит все то же самое, но без секса.

— А что плохого в секса?

— Хотя бы то, что по законам твоего штата за этот милый роман меня могут посадить лет на пять. Ты же несовершеннолетняя.

— А-а, так ты боишься. — Лайза разочарованно отодвинулась, не сдавая, впрочем, своих позиций на его животе.

Это был сильный ход. Конечно, Василий ничего не боялся. Или, во всяком случае, не мог себе в этом признаться. Однажды он бросился с автолета в байкальскую воду только потому, что у него захватило дух от высоты и ужаса перед холодной водой. Впрочем, тогда трюк был хорошо рассчитан, в том числе и на милую соседку. А вот сейчас на него смотрят разочарованные глаза — герой оказался трусом. Другой бы сдался, тем более что на самом деле в закрытом помещении им вряд ли кто-то мог предъявить обвинение. И девочка была явной акселераткой — уже не Лолита. Или ему так показалось?

Другой бы сдался. Но Василий был моралистом:

— Что ты, я бы и в Швеции тебе не дал себя изнасиловать. Дело не в юриспруденции, а в ответственности. Знаешь, к чему приводит беспорядочная половая жизнь?

— Ну вот, опять как в колледже. Да знаю, знаю. Но тут ничего беспорядочная. Я тебя люблю и готова выйти тебя жениться. По законам Сибири это уже возможно. Я выясняла. (Рука предприняла еще одну атаку на Васин пупок, но была перехвачена. Теперь «Олег» владел инициативой.)

— Ага! Милое создание. Любовь, говоришь. А юридическая сторона проработана заранее.

— Конечно. У меня есть, был бойфренд из Хабаровск. Жениться предлагал. Но я тогда молодая была, глупая. И чувства не тот, что сейчас. Так что не обижайся и вообще расслабься.

«Олег» не стал расслабляться, вытащил руки Лайзы из-под своей одежды, посадил расчетливую хозяйку рядом на диван и как можно нежнее прижал к своему боку. Она возмущенно, почти театрально встала, вышла в ванную и закрыла за собой дверь. Пока «Олег» думал, что делать, если хозяйка вернется нагая, Лайза выслушивала нотацию. В зеркале появилось лицо какого-то старца. Он сурово заговорил. Слова поступали Лайзе в наушник, и Вася не мог ничего слышать.

— Что ж ты делаешь? Хочешь парня подвести под закон о сексуальном домогательстве? Тебе же до совершеннолетия полгода! Ты должна была отследить, кто его пасет, и все. А ты его тянешь в постель, маленькая... — Старец еле сдержался,

чтобы не употребить оскорбительное выражение.

— Дядя Саша, ты не понял! Я ради дела. Я же могу сейчас с ним поехать и вертеть им, как надо...

Дядя Саша, видимо, справился с приступом гнева и ответил почти ласково:

— Дуреха ты маленькая. Ты же сейчас все сорвешь и посадишь ему жучок на хвост. Двух людей отследить проще, чем одного Джеймса Бонда. Бросай самодеятельность и делай, что решили заранее. Результат перешли Артему, и мне копию.

— А если я...

— А если будешь своевольничать, я Артему покажу твои сексуальные похождения.

Лайза вышла из ванной, застегнутая на все магниты, и села рядом с Васей. Теперь они напоминали уже не любовников, а любящего отца и любимое, но ершистое (и взъерошенное) чадо. «Папа» продолжил воспитательную работу, много говорил о братских чувствах, о том, что «еще найдешь свое счастье», что в случае чего можно приехать к нему в гости с отцом. И вообще...

Чувствовал он себя при этом полнейшим кретином. В голове проносилось то «Где мои семнадцать лет?», то «А вдруг будет любить меня еще пару лет, а я так и не остепенюсь. Почему бы нет?». На Лайзу он при этом смотрел сверху и видел только спутанные волосы — нарушенную конструкцию, созданную с помощью какого-то электрогеля. А Лайза между тем пронизала пространство спокойным мечтательным и немного хитроватым взором. Думала о чем-то своем.

— Ну поняла? Будешь мне как сестра.

— Да.

— Вот и хорошо. Пошли гулять.

— Пошли.

Василий на минутку зашел в ванную и защелкнул за собой дверь. На всякий случай включил воду, достал из кармана небольшой пакетик. В пакетике содержался водолазный костюм, который очень хорошо садился под дутую куртку типа бодибилдинг и намеренно консервативные, не очень облегчающие штаны. Трубочки он пока вытягивать не стал — это можно сделать и в воде.

Лайза уже рассчитала наиболее безопасный пешеходный маршрут. Главная достопримечательность в десяти минутах — гигантский мост через залив. Ближайшие боевые действия шли в километре. Против мелкой шпаны она взяла небольшой пульверизатор и спортивный арбалет.

Погода была тихой, и они поддали газа в куртки. Тело стало невесомым, можно было плыть по дорожке, едва касаясь ее ногами. С тротуара Сан-Франциско выглядел гораздо симпатичней, чем с высоты птичьего полета. Аккуратные коттеджи, садики. Лишь некоторые здания были сожжены и еще не восстановлены. То ли владельцы уже совсем разорились, то ли уехали далеко. По улицам мирно гуляли прохожие, как правило, демонстративно вооруженные. Вася вспомнил хронику Чечни конца прошлого века. Горожане дружески раскланивались с милой парочкой. Лайза полностью приняла правила братской любви и ласково жалась к Васе под бочок, не предпринимая каких-либо сексуальных покушений. Аккуратно и со вкусом накрашенная, она выглядела вполне совершеннолетней. Утреннее небо было красиво разлиновано лучами солнца и разноцветными, почти виртуальными облаками. На некотором удалении от них в режиме автопилота следовал арендованный «Олегом»

флаер. Вдали грохотал то ли гром, то ли очередная разборка. Вот и мост. Охранник посмотрел на посетителя наметанным глазом. Вроде не похож на потенциального самоубийцу. Хотя из-за экономической депрессии уже и вполне приличные люди стали прыгать, укрепляя репутацию этого сооружения как «Моста самоубийц».

Они сдали оружие на хранение. В случае необходимости могут получить его с другой стороны. Ах нет, только посмотреть? Тем лучше. С моста открывался прекрасный вид на город — красивую рыбину со стеклопластиковым гребнем небоскребов на спине, словно приготовленную на блюде в салате садов.

— Ну, привет, сеструха, слушайся папу, — ласково сказал Василий, перегнулся через изгородь и полетел в воду. Некоторое время Лайза ошалело смотрела на расходящиеся далеко внизу круги, потом истошно заорала.

Флаер, потеряв связь с хозяином, равнодушно полетел на базу. К Лайзе, бившейся в истерике, подбежало несколько работников охраны моста. Один уже по-деловому шарил эхолотом — дело привычное.

На небоскрёбе в центре города два джентльмена наблюдали эту сцену на экране монитора. Их видеокамера висела в воздухе недалеко от моста.

— Вы знаете, а он, похоже, нас все-таки надул. Попробуй, сыщи его в такой мутной воде.

— Ловить рыбу в мутной воде — ваша профессия. Не так ли?

— Но не в такой загаженной, как вода залива. Ладно, придется смириться с поражением. И вот что, когда девочка успокоится, с ней надо ласково побеседовать. Возможно, она что-то все-таки узнала о нем. И вообще, интересная девочка. Похоже, за билет на Колыму с видом на жительство она на многое согласна.

— Ну это типично.

— Конечно, но не у всех американских девочек, мечтающих эмигрировать в Союз, есть нужные нам знакомые.

Придя в себя, Лайза ответила на незатейливые вопросы полиции и понуро отправилась домой. Войдя в небольшой парк, где ее закрывала листва, девчонка вдруг изменила маршрут, свернув на соседнюю улицу к офису почты. Там она зашла в кабину закрытой связи и набрала: Абонент fdg5570723, копия aah000382: «Все ОК. Еще одна капля на твою мельницу. Сигнал с видеокамеры шел из офиса 23490. Люблю. Соскучилась».

Поход на юг

19 июля.

Черниговская земля.

Павел, Ирочка.

«Человек, воюющий с миром за свою свободу, срывается в одиночество. Разрушая сковавшие его живые связи, он попадает в сети мертвых. Лелея и холя собственную уникальность, он незаметно для себя становится удобным объектом манипуляций. Ибо легче всего манипулировать крайностями — восторженной толпой или раздробленной массой одиночек. Уникальность — в неповторимости связей с миром. Истинная свобода — погружение в мир со всеми его недостатками. Свободный человек чувствует почву под ногами, чувствует поток событий и идет навстречу им. И тогда он получает возможность выбрать возможное, а не мечтать

о выборе».

— «Отжившие бредни брэнного мира», — как говорила Софья Петровна. Еще Бакунин писал, что свобода не может быть ограничена. Или она есть, или ее уж нет, — Павел сладко потянулся в мешке и провел носом по своей любимой ложбинке под Ирочкиной ключицей. — И вообще, когда тебе надоест будить меня всяческим электронным мусором? До подъема еще десять минут.

— Вот и протрешь глаза за эти минуты. А то вылезает из палатки, как суслик. Перед соратниками не стыдно?

— Стыдно, стыдно, — и отец Павел, как звали его «соратники», еще глубже зарылся в неровности Ирочкиного тела, вызывая своими движениями ее хохоток и повизгивания — боевая подруга боялась щекотки.

— Нет, ты послушай, это модная вещица! Ее сейчас все читают... Ой-й. Ну что ты там забыл? Старый крот, вот ты кто. Маркса начитался, и туда же — все роешь... Вот: «Неограниченная свобода — всегда миф, мираж, виртуальная мечта замороженного своей индивидуальностью сознания».

— Обратный адрес у этого умника есть?

— Как не быть.

— Тогда отправь ему, чтоб не умничал: «Вам не хватает одного, чтобы быть свободным, смелости. Чтобы определять свой путь самому, нужно только решиться на это. Свободные — решительны».

Ирочка продиктовала машине монументальное изречение, пока Павел вылезал из мешка на свет Божий.

— Ты будешь смеяться, но уже есть ответ.

— Там что, робот сидит, что ли?

— Видимо, у автора есть ответы на все случаи жизни и он забил их в компьютер заранее. Машина сортирует запросы по примерному содержанию. Вот что досталось нам: «Дорогой Александр Матросов, идя на штурм, не забудь бронежилет. Это поможет тебе дожить до того времени, когда ты станешь менее решительным и более свободным».

— Ну вот, я так и знал. Автоматика его подвела. Он спутал нас с каким-то своим знакомым Матросовым и ответил назиданием, предназначенным не для меня. Вставай, красавица, труба уже охрипла. Так что там в мире делается?

Видео наполнило палатку взрывами, бегущими людьми, сжимающими кто оружие, кто скарб. Мир сотрясался в самых своих основах, и как всегда, на Ближнем Востоке. Воины Халифата лезли на желтые глиняные уступы в окрестностях Иерусалима. Брели массой. Горы трупов служили им прикрытием. Напичканные электроникой бастионы молчали. Судя по всему, их защита уже была подавлена.

Средиземное море, съемки сверху. Рой автолетов покидает Палестину. Воды не видно. Новый Исход...

Замигал красный значок в виде черепа и скрещенных костей. Это значило, что далее последует сцена, не предназначенная для глаз детей и тех, кто не любит кровавых кадров. Мавры прижали роту израильтян к Великой палестинской стене. Несчастные бойцы не могут отойти к Иерусалиму. Взорвать стену нельзя — прочнейшая технология. Перелезть? Лихорадочно гуртуются, карабкаются на плечи товарищей... Залп. Месиво трупов. Кровь стекает по стене, построенной ради защиты одного народа от другого.

Дальше пошло интервью с командующим палестинской дивизией «Арафат», прикрывавшей Тель-Авив плечом к плечу с остатками израильской армии: «Мы слишком долго боролись за свободу, чтобы уступить ее даже исламской империи...» Экстренное сообщение! Землеройки мавров прошли под линией обороны Иерусалима. Город оставлен израильско-палестинской армией.

— Что за землеройки?

— Ну как же, это переделанные немецкие туннелепроходчики. Идут под землей со скоростью километр в час. Нет такой западной технологии, которую Халифат не мог бы использовать в военных целях.

Ирочка выключила «машинку», змейкой вползла на Пашу, обняв его руками и ногами:

— Неси на волю.

— Дорогая, для начала надо хоть что-нибудь на себя надеть, а то наши православные коллеги опять будут креститься всю дорогу. Нехорошо портить людям настроение.

— Да это они только вид подают. А на самом деле им приятно увидеть меня такую красивую на тебе таком могучем. Тем более что ты уже в штанах, так что мы почти одеты.

— Презумпция невиновности. Не будем подозревать их в двуличии и соблазнять нашими мирскими обычаями, — Павел осторожно положил подругу на горку одежды и вышел из палатки.

Лагерь просыпался неторопливо, позвякивая котелками, шурша палатками, побрякивая на незлобные шуточки. Умывшись и облачившись в рубаху защитно-пятнистого цвета, координатор похода Павел Слепцов занялся делом. Как и положено лидеру, он будил заспавшихся, мудро шутил с проснувшимися, раздавал первые на сегодня поручения — так сказать, нес миссию, ставшую уже привычной за месяц похода. Народ потянулся за завтраком, выстраиваясь к кострам в несколько разноцветных хвостов: туристического вида бродяги, длинноволосые лесачи, пятнистые хаки, черная когорта монахов. Только экзотические поклонники восточных культов еще звенели бубнами, рискуя остаться, как давеча, без рисовой каши.

Павел, снова обвитый Ирочкой, складно рассуждавшей о свободе и экзистенциализме, принялся за завтрак. Вскоре метрах в двухстах от костра обнаружилась какая-то буза. Он надел черные очки, превращавшие его в грозного терминатора, и пошел разбираться.

Бузу затеял абориген — здоровый седой мужик на пневматическом велосипеде. Он громко корил пришельцев, которые не знали, что ответить, и оттого гуртовались во все более внушительную толпу. Аборигена это не пугало: то ли он знал, что имеет дело с пацифистами, то ли вообще не привык теряться в таких ситуациях.

— Вот, приперлись, дел других нету. А еще знамя зеленое вывесили (это о палатке «зеленых»), то же мне, аллахи.

— При чем здесь Аллах, — важно возразил один из длинноволосых экологов, — видите подсолнух. Это знамя Зеленого движения — защитников Природы.

— Это вы-то защитники природы? А кто всю траву тут вытоптал?

Трава на лужайке действительно представляла собой жалкое зрелище. Экологист не нашелся, что ответить, и начал смущенно оглядываться по сторонам.

— Трава должна выдерживать естественную нагрузку, — с ходу вступил в полемику отец Павел, нависнув над оппонентом. — Трава отрастет, а вот люди могут

погибнуть. Вам что, травинки жалко, а людей нет?

— А это что за терминатор? — Мужичок уставился на Павла.

Тот поправил виртуальные очки, настраивая их на собеседника. Если его лицо есть в базе данных, очки должны выдать информацию. Но мужичок ни в каких базах не числился.

— Павел Никитич Слепцов, координатор похода.

— Ага, значит, ты за весь этот бардак отвечаешь.

— Какой бардак?

— Известно, какой. Привалили тут толпой, траву помяли, мусор накидали, деревьев нарубили...

— Ну это, господин-товарищ-гражданин, форменная клевета. Травку, правда, примяли немного, а вот жгли только сушняк. Ничего не рубили. Мусор собираем и утилизируем. Все по последнему слову экологии.

Для пущей убедительности Паша включил дистанционное управление мусоркой, и она хищно заурчала в надежде получить свою порцию отходов для превращения их в пеномолу.

— А-а, ну тогда ничего, — внезапно сменил гнев на милость защитник здешних мест. — А про что это ты говорил, что кого-то убить могут? Что, банда завелась?

Павел принялся уже привычным путем разьяснять цели похода: угроза столкновений между этносами в Крыму; противостояние военизированных групп; международная обстановка; исламский фактор.

— Ну а вы-то что сделаете?

— Наш поход — живая перегородка между враждующими сторонами. Имеем богатый опыт миротворческих акций. Во время албанских волнений мы встали между противниками. Нас немножко помяли, но до стрельбы не дошло. Наши люди прошли такие же дела и в Кашмире, и в Палестине. В Тунисе не получилось. Но там слишком большие силы были вовлечены в конфликт.

— А что не получилось?

— Обошли нас. Война началась, не удалось предотвратить. Трое наших погибли, были раненые. Но мы готовы и дальше...

— ...лоб подставлять.

— А хоть бы и лоб. Если в Крыму шарахнет, то вам здесь мало не покажется.

— Да нет, я-то понимаю. Просто, похоже, власти вам не рады.

— Еще бы. Они думают, что мы у них под ногами болтаемся и еще сильнее все запутываем. Но без нас они не справляются. Силовые методы тут не годятся.

— Вот, вот. Силовые методы. Не дойдете вы до Крыма.

— Почему?

— Километров двадцать южнее снова кварталы начинаются, там вас уже милиция поджидает. Хорошо экипированная. Щиты, силовая защита, абберрационные системы. (Последние слова не очень вязались с предыдущим лексиконом собеседника, но Павел вспомнил об этом только через несколько дней.)

— Обойти нельзя?

— А как ты их обойдешь? Вы же сейчас в горлышке — между Чернобыльской зоной и Курским следом. Я думаю, они дороги перекрыли, дозоры там, все такое.

— А через зону или след не пройти?

— Да жалко вас. Радиация все-таки приличная до сих пор. Хотя, вообще-то, в следе дырка есть. У нас ею многие пользуются.

— По карте покажешь?

— Отчего же. Покажу.

Высветили карту. Минут десять новый знакомый чертил на ней проход в следе — известную только местным тропу, где выпадение радиоактивных осадков было слабым и «все уже выветрилось». Прощались дружески, но от обеда велосипедист отказался:

— Да нет, мне дотемна надо доехать. Бывайте.

После того как лагерь скрылся за лесом, он остановил велосипед, достал телефон:

— Але, привет. Все, как договорились. Да, южный. Идеальная дичь.

Опасные грибочки

20 июля.

Ондозеро (Карелия).

Романов.

«Случайность почти невероятна в макром мире. Здесь любое событие обусловлено причинным рядом. Необъяснимое ведет исследователя за собой в не освещенные еще уголки мироздания, становясь таким образом объясненным. Но необъяснимое не случайно. Оно, как правило, предопределено причинами, которых мы не знаем.

Случайности истории в большинстве случаев — пример вторжения в гуманитарную сферу факторов других наук. Кончина политика, от которого зависят судьбы мира, — результат биологических факторов или, скажем, баллистических (описываемый физиками маршрут движения пули).

Даже наши шальные мысли в большинстве случаев могут найти психологическое объяснение, стоит лишь провести грамотный психоанализ, изучить наше воспитание, сферу деятельности, навыки образования мыслительных ассоциаций, круг интеллектуального общения и направления влияний на нас со стороны. Наш внутренний мир вывернут наружу тысячей связей...»

— Это что, доклад твоего Артема? Он и здесь сбился на философствование, — вынесла свой приговор Татьяна.

— Во-первых, нашего Артема. Ты знаешь его почти столько же, сколько и я, — не преминул поправить супругу Сергеич. — А во-вторых, это действительно похоже на его теории. Но вывод другой. Этот автор — не фаталист. У него вся цепь прописана ради вывода. Вот: «Единственное пространство, свободное от предопределенности, — это выбор личности между двумя равносильными возможностями. Там, где Буриданов осел умирает от голода, человек творит новый путь себе и другим».

— Отговорка. Возвышенная фраза для украшения скучного фаталистического текста. Если возможности примерно одинаковые, то чего же тут выбирать. А если ты творишь новый путь...

— Новые пути мы тоже творим под воздействием старых предрассудков. А вот глупости делаем спонтанно. Взять, скажем, несчастную Софью Петровну. Какая уж там баллистика. Просто съела негодный гриб. И вот тебе — историческая случайность: нет приятной умной женщины, и вся страна не знает, что теперь делать в Крыму. А ведь заметный человек — известная правозащитница, ветеран движения Советского Возрождения, лауреат Библической премии за вклад в ход истории, член экспертного сообщества и вождь десятка гражданских движений.

Сергеичу пришло в голову, что смерть Софьи Петровны — из того же ряда случайностей, что и его спасение при взрыве в Полисе. Он не подозревал, насколько это предположение близко к истине.

Таня поерзала в кресле, массируя затекшие от долгого сидения ягодицы. Потом потянулась и откинула сиденье в горизонтальное положение.

— Вздремну.

— Поздно уже, снижаемся.

Автолет скользил над рябью длинного рукава Ондозера. Сергей Сергеич любил летать на низкой высоте, разглядывая пейзаж. Однажды он даже врезался в холм и сильно помял амортизационную обшивку. Пришлось читать лекции с синяком на лбу.

По обе стороны длинного озера разматывался бесконечный зеленый пейзаж: сосны-ели, ели-сосны. Природоохранная зона, за которой бесконечные кварталы коттеджей. А внизу темно-синяя гладь озера с красноватой от заката рябью. За очередным мыском открылся серый деревянный идол.

— Наверное, его поставили здесь древние славяне, — лениво сказала Таня.

— Это вряд ли. Судя по состоянию дерева, памятник поставлен в прошлом веке. Судя по форме головного убора, это солдат в каске. Скорее всего — могила солдата Второй мировой.

— Какой ты зануда... — Таня принадлежала к поколению, для которого Вторая мировая значила уже меньше, чем романтическая эпоха древних славян.

Автолет начал сжигать газ и плавно спускаться на окраину Ондозера. На бережку стояло несколько разнокалиберных зданий: пара коттеджей, четыре древних сруба и полуразвалившийся барак немислимых размеров.

Сергей Сергеич сообщил в микрофон: «Я приехал, включайте маяк».

Судя по сигналу, им было нужно в сруб, который так глубоко врос в почву, что напоминал землянку. Когда автолет завис над ним, открылась дверь гаража. Внизу их встретил радушный хозяин — коротенький толстенький и очень живой участковый Степан Андреевич. Общение с Вяземским Сергей Сергеевич собирался использовать в корыстных целях. Милиционер помог бы выяснить, какими темами Софья Петровна занималась в последние дни своей жизни. Ведь он вел следствие по несчастному случаю...

Участковый проводил их «в залу» — просторную комнату, где уже был накрыт ужин. Пока хозяйка, столь же полненькая, живая и радушная Верочка, разливала суп и водочку, а Масипас шарился по углам в поисках какой-никакой живности, Степан Андреевич расспрашивал о нападении на известного эксперта. Событие наделало много шума, занимается им Союзный следственный комитет, сделаны даже дипломатические демарши. Сергей Сергеич сочувственно кивал. Так, будто речь шла о родственнике участкового. Выпили за безопасность в нашем опасном мире. Гость поддел вилочкой соленый грибочек и с наслаждением всосал его внутрь. По рту растекался волшебный вкус, приятный холодок щекотнул горло.

— Осторожнее, дорогой, а то один грибочек — и будет новая историческая случайность, — сострила Таня.

— Грибочки хорошо просолены, думаю, участь Софьи Петровны нам не грозит, — он попытался исправить бестактность супруги.

Но хозяин дома вдруг сделался серьезным и ничуть не обиженным:

— А вы знаете, от гриба, которым отравилась героиня вашего труда, не спас бы никакой рецепт соленья.

— Бледная поганка?

— Нет, видимо, самый что ни на есть белый или подберезовик. Наверное, большого размера. И не ложный. Но отравленный.

— Как это? Чем?

— Не чем, а кем. Не знаем. Но после ее кончины отравился еще один человек. Позавчера. Об этом еще не сообщалось в интересах следствия. Мы тогда прошлись по округе и отыскивали еще несколько таких грибов. Все недалеко от коттеджа потерпевшей. Содержание яда в очень высокой концентрации. В одном явно просматривается след от шприца. Завтра прилетают специалисты все того же ССК.

— Вот это поворот. Мне, конечно, хотелось бы присутствовать.

— Вообще-то не положено. Но не помешает. Дня два, пока здесь будет вся возня, я смогу вас прикрыть. Только при условии инкогнито.

— Это и в моих интересах.

После обеда, сидя в уютных креслах, они еще долго говорили о грибах и ядах, пока из-под пола вдруг не полезли поганки огромных размеров. И тогда Сергей Сергеич понял, что заснул.

Утречком участковый посадил своих гостей на велосипеды, и они покатали втроем в сторону Кавгубы. По дороге Сергеич выяснил, что ни с кем из граждан Союза жертва в последние дни не созванивалась. Только с неким Принтамом во Франции. «С неким Принтамом! — воскликнул Сергеич. — Это же крупный ученый, президент Академии текста». Участковый остался равнодушен: ученые беседы не могли пролить свет на причины преступления. Да, действительно, убитая оставила незаконченную статью о связи языка и этноса...

Несмотря на то что до места было далековато, велопробег стоил затраченного времени — маршрут пролегал через природоохранную зону. Не часто в Европе увидишь столько леса сразу. Карельская природа затягивала, засасывала своими красотами. У Сергея Сергеича даже не было времени или охоты размышлять над странными обстоятельствами кончины «выдающейся деятельницы» и т.д., и т.п.

Наконец, искрящаяся на солнце дорожка из затвердевшей смолы, перемешанной с утилизированным мусором («Из какого, в сущности, дерьма сделаны все красоты этого мира», — промелькнуло в голове), вывела велосипедистов к здешним коттеджам. Обычные стандартные домики, нашпигованные электроникой. Местная община сдавала их любителям уединения. От коттеджа до коттеджа около полукилометра. Не беспокойно, но в случае чего можно соседа позвать. В садике ближайшего домика сидел человек в черной накидке или плаще. Поза была странной, несколько скрюченной. Впереди крупными буквами светилась надпись на русском, английском и каком-то скандинавском языке: «Просьба не беспокоить».

— Слушайте, а ему не плохо ли? Может, помочь?

— Нет, все нормально, — ответил Степан. — Его лучше не беспокоить.

Дорога вывела их на край озера. Зрелище было совершенно нереальное, напоминавшее скорее виртуальные краски компьютерных миров, чем живую природу. Отчаянно синяя гладь воды, обрамленная циклопическими глыбами скал, на которых теснились струны сосен, обернутых зеленью. Все это можно было бы нарисовать, смоделировать и перенести домой, но что такое виртуалка без жизни, без осязаемой влаги, прохладного шелеста, возможности подойти и дотронуться.

Не говоря ни слова, Таня сняла с себя полупрозрачное невесомое платье и, не зная броду, сиганула с невысокой скалы прямо в синюю краску воды. Сергеич зачарованно

смотрел на место, где она прошла поверхность озера, подсознательно ожидая, что Танюша вынырнет, перепачканная в синем. Но нет, на поверхности показалась все та же загорелая мордашка.

Зрелище обнаженной натуры заставило почтенного Степана Андреевича порозоветь.

— Смелая у вас супруга. Так вот кидаться с обрыва. Здесь и о камень пораниться можно.

— Бесшабашная. Но перевоспитывать уже поздно.

Таня вылезла из воды, отфыркиваясь и демонстрируя, как ей холодно и как она счастлива.

— Слушай, ты бы оделась что ли. Сейчас следователи прилетят. Ведь заглядятся на твои красоты и врежутся в ближайшую сосну.

— Сережа, это пошло.

— Красивая женщина, — поддакнул участковый.

Сергей Сергеич уже не первый раз ловил себя на мысли, что ему неприятно, когда при нем обсуждаются достоинства жены. На его взгляд, отточенный с годами, она была несколько более полной, чем хотелось бы. Впрочем, ему не нравилось, когда кто-то обсуждал его статьи, но он все равно их публиковал.

Следователи действительно вскоре появились. Они приземлились рядом с домиком, где жила покойная. Скупое поздоровались и приступили к обыденной работе. Говорить с ними было не о чем. Они уже все знали из докладов, а ничего нового пока не обнаружили.

Поскучав, Сергеич решил побродить вокруг, подышать воздухом и осмыслить происшедшее. Не оставалось никаких сомнений в том, что Софья Нестерова была убита. ССК сколько угодно может вычислять, кто это мог сделать, но совершенно очевидно, что адресов будет больше, чем давеча в досье на его, Сергея, потенциальных врагов. Наиболее привлекательным представлялся крымский след. Именно Крымом она занималась последнее время, там была избрана в Совет земли и согласительные комиссии, работа которых теперь будет сорвана. Правда, Софья в общем-то всех там устраивала, поэтому на нее и возлагались такие надежды. Резонансное убийство здесь тоже, очевидно, не предполагалось. Все сделали аккуратно, и если бы не трагическая случайность, грибочки, пропитанные ядом, сгнили бы в неизвестности. И он, как обычный ученый осел, закончил бы уже почти написанное жизнеописание банальным рассуждением о трагической роли случайности. Но теперь нет уж. Теперь он откажется от соблазнительной чести написать первую биографию Нестеровой. Ничего, можно написать и вторую, не действительно полную.

Он не заметил, как очутился у домика со странным человеком в черном. Тот сидел все в той же позе. «Молится, наверное». Но ведь прошел уже час, как они здесь проезжали. Может, умер?

— Извините, пожалуйста, можно вас побеспокоить?

Дальше произошло нечто невероятное. Мужик, не меняя позы, метнулся в его сторону. Причем вместе с домом, лужайкой и лесом за ней. Сергеича поглотил черный плащ, но никакого прикосновения он не ощутил, а ядром пролетел в какой-то черный коридор. Происходящее напоминало бы одну из бесчисленных виртуальных игр, бессмысленных и беспощадных, как русский бунт, если бы не очень ясные и весьма неприятные ощущения. Несмотря на то что Сергей ничего не соображал, на периферии его сознания появилась фраза из какой-то древней телепередачи: «Я чувствовал себя,

как одна большая затекшая нога». Мириады иголок покалывали каждую клеточку его организма. Сердце колотилось, потом, к ужасу агонизирующего мозга, вообще исчезло. Сознание пронизывали какие-то яркие и притом болезненно жгучие образы, которые он не мог уловить и тем более запомнить. Чернота вокруг уносилась назад с космической скоростью. Впереди маячил свет. Мимо с протяжным воем пролетел Масипас. Вдруг перед глазами выросли поганки из вчерашнего или уже сегодняшнего сна. Затем в отблесках далекого света возник образ Нестеровой — как он видел ее на грандиозном виртуальном митинге год назад. И два неизвестных ему лица. Потом снова что-то взрывалось, вспыхивало, несло. Но неприятные ощущения прекратились, и он, будто Алиса перед тем, как попасть в Страну чудес, ощутил способность управлять падающим в бездну телом. Вот тут-то он и услышал Голос:

— Ты что тут делаешь?

— Я... — уважаемый профессор почувствовал себя нашкодившим ребенком: — я просто хотел спросить.

— Сережа, — голос, как ему показалось, приобрел тембр давно почившей матушки, — сколько тебе можно говорить, что в розетку нельзя совать пальцы.

— Я больше не буду совать пальцы, — ответил профессор и заплакал. На маму это всегда действовало. Помогло и сейчас. Голос стал более дружелюбным.

— Ладно, ты и так уже узнал все, что надо. Иди пока.

Что-то вспыхнуло с особенной силой, и темнота изрыгнула его наружу. На фоне сосен и голубого неба склонилась зареванная Танюша и озабоченный Степан Андреевич.

— Сереженька, слава Богу, что с тобой?!

— Что это было, Степа?

— Да так, ничего страшного, — ответил участковый не очень уверенно. — Просто не надо было его беспокоить.

Южный крест

20 июля.

Самара.

Ольга.

«Вся история цивилизации — это путешествие из одного тупика в другой. Стоило возникнуть сознанию, и защита сознающих породила бесчисленные табу, удушающие знание. Появившись на свет, интеллектуальная элита тут же обросла государственностью, и мир погрузился в бесконечную смену недвижных ирригационных цивилизаций и бандитских империй, пожирающих соседей и себя. Едва явились мировые религии — объединяющие народы духовные пространства, как мир погрузился в туман Средневековья, эпоху инквизиции и бесконечной войны всех против всех.

История человечества была бы адом, если бы не ниточки знания, пронизывающие ее, если бы не творческие прорывы, в корне изменяющие правила игры и толкающие мир прочь из привычного тупика. Суть истории в эволюции знания и творческих переворотах — революциях Адама и Евы, Менеса и Саргона, Моисея и Исаяи, Солона и Александра, Христа и Магомеда, Лютера и Генриха, Джефферсона и Дантона, Ленина и Ганди, Кон-Бендита и Тоффлера, Робертсона и Кубанина. Имена — символы

целых поколений творцов истории, сотворцов Неба. Они связывают нас и прошлое в неделимое целое».

— Стареешь, Толя. Раньше ты писал лучше. Яснее, конкретней. Без ложного пафоса, — Ольга попыталась придать своему голосу возможную мягкость, что было нелегко при произнесении сурового приговора. — И потом, что это за странный набор имен. Ну Робертсон еще куда ни шло, а Кубанин просто пешка в игре. Какой-то Генрих. Четвертый или восьмой?

— К сожалению, не знаю. Это не моя книга. И потом, какая разница, оба Генриха подходят для этой ниши. Один произвел реформацию во имя любви к женщине, другой подавил ее же во имя любви к Парижу. И то и другое определило культурное лицо Европы и мира на столетия, хотя актеры истории тоже были своего рода пешками в руках судьбы. Перечисли «величайших людей», и я скажу, в чем твоя философия истории.

Пока Анатолий философствовал, Ольга все больше злилась. Она не знала, с чего начать, и волновалась, что Толик опять ее заговорит. Когда что-то было нужно ему, это было удобно. В конце его спича можно было поблагодарить за приятный вечер и откланяться. Но теперь... Она даже стала почесывать верхними зубами нижнюю губу, чего делать не следовало никогда. Артем над этим все время посмеивался, называя ее то кроликом, то исхудалым хомяком. Хорошо хоть, что не крысой. Небрежно так посмеивался, как будто дружески похлопывал по сломанному плечу.

— Я не историк, Толя. У меня нет никакой философии. Я — экономист. Из всех «величайших» я знаю только Сергеича и очень за него волнуюсь. Ты, конечно, в курсе, что случилось.

— Более того, я ждал, что ты приедешь по этому поводу. Ведь не так давно ты говорила мне о его отпуске. Я попал в список подозреваемых?

— Увы и ах! Мы ведь накануне говорили о некоторых его делах. Так что теперь я должна быть уверена, что тем не навредила Учителю.

— Ну что же, думаю, пришло время предъявить мое алиби. И не только в этом деле.

— Неужели это так просто?

— Нет, конечно. Чтобы осознать, что я и мои друзья не имеем ничего против Романова, ты должна нас понять.

— И для этого ты заставил меня читать сей трактат?

Толя подлил ей еще чаю и прошелся по веранде в задумчивости (насколько она его знала — в показной задумчивости). Облокотившись о перила и приняв театрально-небрежную позу, он «начал серьезный разговор» (она хорошо помнила предыдущий, когда он просил ее руки):

— Понимаешь ли, Оля... Дело не в текстах. Этот я прочитал вчера, и он мне тоже не понравился. Нас, как всегда, многое объединяет с тобой. Но главное здесь верно — цивилизация в тупике. И ее нужно из этого тупика выводить. Иначе все беды XX века покажутся нежным сном...

— Слушай, Толь, давай ближе к делу, а, — Оля сузила свои и без того раскосые глаза, что было верным признаком или любовной неги, или приближающейся агрессии. Из контекста было ясно, что речь идет о втором.

— Не торопись, не торопись, — Толя рефлекторно погладил лысину, подыскивая слова, понятные даже женщине-экономисту, и приподнял свой крупный грузинский

нос как дирижер смычок. — Если грядет катастрофа, мы должны сделать ее управляемой. — Наверное, Квидзе дал команду вмонтированному около уха компьютеру активизировать нужные материалы. — Твоя любимая экономика подписала приговор всему мировому порядку. В свое время именно технологический рывок создал предпосылки для Советского Возрождения. Когда была создана Корпорация Инноваций, сделавшая ставку на производство авиолетов, электронных коттеджей, альтернативных энергоустановок и сжиженного воздуха, был подписан приговор всей старой экономике, нефтяному и атомному миру.

— Толь, ты забыл, что я читаю лекции по экономике и все это знаю не хуже тебя. Это во-первых. Во-вторых, Корпорация смогла внедрить свою продукцию только благодаря политической поддержке Советского Возрождения. Иначе старые монополии все придушили бы на корню. Не забывай также о том, как валютный обмен был заменен энергорасчетами в ходе великого экономического кризиса. И, в-третьих, Сергеич...

— Да, да, извини! Конечно, тебя интересует Сергеич, причины постигших его неприятностей. Думаю, что это — своеобразная месть судьбы. Советское Возрождение создало мощное геополитическое поле, но не снабдило его каркасом дисциплины. И теперь стихия перешла в контрнаступление, хаос готов вторично поглотить Союз.

У нас был рывок, огромный выброс энергии. Но он же взбаламутил все мировое болото. Советское ядро притянуло окрестные народы, но этот пример оказался заразителен для тех миллиардов людей, которые живут на уровне начала XX века, которым еще предстоит пройти своим путем эту дорогу сырьевых технологий. И вот теперь трещат южные рубежи Союза. Его полуанархическая советская структура показала свою полную неспособность справляться с проблемами. Это нужно изменить! — Анатолий стал грозен, на мгновение забыв, что он не на сцене своего политтеатра.

— «Это» собираются сделать твои друзья? — вставила Оля, упирая на первое слово.

— О! Ты уже видишь во мне заговорщика. Да нет же, нет. Но согласишься, что нынешняя ситуация абсурдна. Утерян сам смысл гражданственности. Люди живут или местными проблемами, не интересуясь тем, что делается за околицей, или пребывают в виртуальных сетях, то есть и вовсе не в России. Жалкое меньшинство населения еще продолжает по привычке голосовать в безвластные «органы власти». Причем кто в какие горазд. Кому-то милее Дума, кому-то — Верховный совет, а большинство вообще предпочитает виртуальные сети со своими республиками и королевствами...

— Что-то ты задраматизировал совсем. Я лично спокойно голосую в местное самоуправление и не жалуясь. Если мне нужно, чтобы было принято то или иное решение, я посылаю мейл своему делегату, а он уже лоббирует мое мнение в земельном совете. Если, конечно, моя позиция не противоречит взгляду большинства моих соседей.

— Вот-вот! Местное самоуправление. Оно и должно решать местные проблемы. А они узурпировали практически все вопросы. Их ассоциации контролируют земельные парламенты...

— Парламенты решают сейчас тоже немало. В рамках своих полномочий, конечно. Да что далеко ходить, 1 октября — Точка фиксации по вопросу об отношении к Халифату. Увидишь, как народ повалит к голосовальным машинам.

— Но сами ли они решают, за что голосовать?

— Брось, Толь. Ты прекрасно знаешь, что в нашей стране слишком много источников информации, чтобы можно было заставить людей голосовать не за то, за что они хотят. И нет такого властолюбца, который рискнул бы решить за меня что-то вне сферы своей компетенции. Стоит гражданину подать в суд, и поднимется такой вой, что тошно станет. За земельными советами следит ворох правозащитных организаций, имперский наместник, если они входят в Российскую империю, ССК, думский уполномоченный по правам человека со своими вездесущими фискалами, смишники и, наконец, экспертное сообщество.

— Именно! Экспертное сообщество. Власть настолько распылена, что реально она сосредоточена в СМИ и университетах. В ваших социумах. Пойми, что для нас, сторонников восстановления дееспособности власти, вы — объективные союзники. Но и вам, сторонникам и творцам нынешней системы, уже не просто изменить ее, вывести из застоя. Нужна встряска. Достаточно лишить страну тепличных условий, и она снова вернется к нормальной государственной схеме, к Державе. Включится тотальный мобилизационный код, силы нации сольются вместе под руководством прочной вертикали, и возникнет прежнее энергетическое пространство. А это — условие для нового прорыва в будущее. Ты должна понять...

Дальше у Анатолия Квидзе действительно включился какой-то код. Он начал самозабвенно произносить геополитический трактат так, будто играл Шекспира. Все-таки актер он был неплохой. Они и познакомились-то на досках театральных подмостков, когда он преподавал начала театрального мастерства. Тоже, язва, докопался до ее передних зубов. Но потом забыл о них... Давно пора обратиться к дантисту, убрать их назад и сделать короче. Портят лицо. Или уж оставить как есть. Имидж, имидж. Уграздило же жить в эпоху имиджей...

Все-таки Гамлет у него идет лучше. Вся эта чушь политологическая не отвлекает от восприятия — от гнева, сарказма, многоголосия, когда он изображает спорящих противников. Ах, где мои пятнадцать лет...

Анатоль не удержался от соблазна проиллюстрировать свою мысль наглядно, включил экран с картой и хроникой. К объемному ландшафту Турции потянулись зеленые стрелы. Рядом хроника демонстрировала высадку десанта исламистов в Тунисе. Бойцы в маскхалатах, размывавших их очертания, сыпались с гигантских автолетов на прибрежный песок. Но получалось, что воины Аллаха прыгают прямо на турецкое побережье. Действительно красиво он все это смонтировал. Завораживает. И указкой своей лазерной точненько так тычет в Анкару и Стамбул. Привычно так. Наверное, эту лекцию раз десять уже читал.

— ...И мы должны, должны, понимаешь, устроить им новый Синоп. Иначе гибель культуры, нашей культуры.

Тоже мне, Нахимов. И неплохо смотрится. Такой же гордый профиль. И на фоне волжской воды очень мило. Она вдруг разглядела скульптуру древней ладьи, стоявшей внизу, прямо над Волгой. Получалось, что Толик Нахимов стоит на фоне ладьи и смотрит куда-то вдаль. Прямо флотоводец перед битвой. И туда же, в Турцию. Все они сейчас помешались на Турции. Судьбы мира у них решаются.

— Я, конечно, могу ничего не понимать в тотальных кодах. Но куда-то тебя несет в романтическое детство. В какой-то дремучий XX век.

— Нужно сделать шаг назад, чтобы потом пройти два шага вперед. То, что ты говоришь, извини, пожалуйста, наивно. Однолинейно. Также говорят... — дальше он назвал несколько неизвестных ей фамилий, наверное, каких-нибудь экспертов или

политиков средней руки.

— Все это очень сложно и, извини меня, сомнительно. Не натворите глупостей. Но ты обещал объяснить, почему покушение на Сергеича не дело рук твоих друзей. Сам ты, конечно, не головорез. Но твои идеи сверхмодернизации по нраву разным мракобесам. Взять ваше кафе «Приют государственника», где ты выступаешь. Там такие типажи крутятся — того и гляди, кто-нибудь вытащит ракетную установку из-под плаща.

— Но пойми же, что мы готовы не стрелять в Романова, а грудью прикрыть его от врага. Мы возлагаем на твоего Учителя большие надежды. Он — архитектор Возрождения. Теперь нужно новое Возрождение. Если мы сумеем убедить его — это же полдела. Романов — вменяемый человек, он, как никто, знает механику нынешней общественной системы, без него нам будет трудно вписать наши идеи в реальность. Мы ведь не хотим великих потрясений. Нужно привлечь его к нашей работе. Да, да, я понимаю, что он сейчас не станет... Но ведь ты же можешь поучаствовать в наших обсуждениях и потом рассказать ему, что ничего страшного мы не...

— Давненько не была на заседаниях масонской ложи.

— Полно тебе. Ложа. Темный зал, шпаги, череп. Кого могут увлечь эти детские забавы. Я предлагаю тебе посетить серьезное мероприятие, предварительный просмотр новой серии «Олимпа». Она еще не вышла в эфир и сейчас обкатывается в малых аудиториях. Замечания можно высказать прямо автору, ведущему нашему писателю Акулову. Он будет присутствовать.

— Ведущему писателю вашей «ложи»?

— Ну что ты, что ты. Ведущему русскому писателю. Хотя ты можешь считать таковым и Пиранина. Так вот, и его мы тоже пригласили. Может быть интересно.

Наблюдать схватку Акулова и Пиранина действительно было бы любопытно. Их борьба за неофициальное звание лучшего русского писателя современности сотрясала читательское сообщество вот уже два года. Сначала было непонятно, почему два столь разных автора вообще пересеклись в одной точке. Дело в том, что они окучивали зрительский безмозгль с совершенно разных сторон. Акулов был сценаристом мировых сериалов из кремлевской жизни прошлого века. Пиранин писал сценарии компьютерных игр, в которых герои путешествовали по кругу сансары, проходя по дороге множество уровней и эпох, перевоплощаясь и получая бесконечное количество впечатлений, почерпнутых из арсенала наркотических глюков. Большой заслугой Пиранина считалось то, что он отвратил миллионы людей от наркотиков, так как теперь те же впечатления бывшие наркоманы получают, надев виртуальный шлем. Это гораздо безопасней для здоровья, но, как говорил Романов, не для психики.

Казалось, у каждого было достаточно собственных лавров. Но Акулов и Пиранин любили публиковать свои творения не только в обычном виртуальном виде, но и в виде текстов. И это вскоре приобрело важное энергетическое значение. Дело в том, что недавно увенчалась успехом многолетняя кампания в защиту традиционной культуры, в которой участвовали и Церковь, и экспертное сообщество, и множество общественных движений. После референдума было принято решение о выделении энергетических лимитов на развитие традиционных форм культуры. И теперь писательство стало не хобби чудаков, а весьма выгодным делом. Понятно, что жадные до энергии медийные корпорации ринулись в эту область. Если их автор еще и великий писатель современности, следовательно, можно выбить дополнительные лимиты в каком-нибудь совете. Получается, что идет не изготовление медийного

продукта, а популяризация высокой культуры.

Сначала компания «Свободное творчество» обратилась в Совет по социальному знанию Академии — к историкам. Сериалы-то исторические. И это был неосмотрительный ход. Историки, ненавидевшие эти сериалы за многочисленные ошибки, которые и студентам бы стоили неудач, торжествовали. Неделью все любители жанра читали издевательские рецензии академического сообщества на «Олимп» и другие сериалы «Свободного творчества». Даже историки техники поспешили прибавить свой фунт соли к пудам, запорошившим открывшиеся раны Акулова, у которого Сталин летал в отпуск на дирижабле. Успехи дирижаблестроения в начале XX и XXI веков имели перерыв, о котором писатель забыл, за что и был раскритикован в пух и прах.

Тогда «Свободное творчество» занялось осадой литераторов, и это было мудрее, так как Акулов был членом сей корпорации. Но выяснилось, что на лимиты по литературе претендует Ассоциация «Путь в себя», уже раскрутившая своего автора Пиранина. В отличие от Акулова, Пиранин был мастером короткого рассказа, дотошно вгрызался в тему и обладал философским взглядом на вещи, ибо имел пристрастие к буддизму. Акулов, воспитывавшийся на американских боевиках, тоже не мог игнорировать Восток (какой боевик без ниндзя, айкидо и яда гюрзы), и между двумя «востоковедами» закипел церемонный спаринг. Акулов стал быстро теснить Пиранина с завоеванных позиций, потому что тот был сноб и презирал коллег по цеху, что читалось в его колких замечаниях. Акулов, напротив, раздавал комплименты направо и налево, восхваляя даже шокирующую своей некрофильностью контркультурную серию «Когти». Литераторы дрогнули, читатели (число которых заметно уступало зрителям) потекли следом. Оставалось только присудить Акулову Нобелевскую премию по литературе. Для этого он писал специальную повесть, адаптированную для скандинавов. Сама тема уже гарантировала успех — реанимация теории о кавказском происхождении Одина. В качестве переводчика была использована высоколитературная программа «Графоман», так что слог Акулова заиграл редкими шведскими оборотами.

Несмотря на то, что ход битвы уже был предрешен (это, как и краткую суть дела, Ольга знала понаслышке от Васи), было любопытно посмотреть на арьергардные бои Пиранина. Так что Толя ее уговорил.

— А как же «секретный разговор» с твоими единомышленниками, если мы будем смотреть кино?

— О, не волнуйся. Демонстрация будет в райском уголке, на острове среди Волги. С хорошей звукозащитой. Так что кулуаров будет предостаточно.

Ольга не спеша допила чай. По части чая Толик был большой мастер, этим он ее в свое время и завлек. Заседание клуба карбонариев в кулуарах видеопросмотра. Чего не бывает. И если кто-то будет утверждать, что сотрудник «Социума» обсуждал перспективы вовлечения страны в какую-то авантюру, можно ответить, что она просто смотрела здесь кино.

Словно читая ее мысли, Анатолий добавил:

— Сама ты можешь ничего по делу не говорить. Только слушать.

— А зачем это вашему «Союзу меча и орала»?

Чтобы твой шеф знал о нас и о том, что мы не угроза ему, а защита.

Через полчаса Оля уже сидела на травке под огромным волоконным экраном, заменявшим здесь небо. Рядом неторопливо стайками гуляли приглашенные. Двумя

кучками поклонников и соратников выделялись выдающиеся писатели современности.

Загремела музыка, пространство заполнили символы компании, титры, кабинет Сталина, который уже давал секретное задание агенту КГБ непобедимому капитану Фантомасину.

Ольга неплохо знала историю прошлого века, и поэтому сюжет серии был ей не очень интересен. Слухи и версии, на которых он строился, давно были разобраны в литературе, большей частью отвергнуты, истолкованы, замусолены до скуки смертной. Битва двух мастеров слова была впереди. Пиранин, конечно, довольно громко заметил окружавшим его вассалам, что церемонный поклон Фантомасина Сталину выполнен с нарушениями правил японского этикета, но на него зашикали акуловцы: «Не мешайте смотреть, обсуждение потом». Некоторые недовольно забурчали: «А он откуда знает, можно подумать, в приемной Сталина родился».

А когда Фантомасин мастерским ударом маваша справа выбил у Берии склянку с ядом, за минуту до этого ополовиненную в стакан Сталина, Ольга и вовсе потеряла интерес и решила, что лучше пойти искупаться. Проплыв метров десять, она устала, вылезла на бережок и улеглась на песке.

Напротив Ольги возлежал странный тип с могучим телом и совершенно непримечательным лицом. Такое бывает, смотришь на человека, разговариваешь с ним, а потом встретишь на улице и не узнаешь. Стандартен, неприметен. Глаза потухшие. Но говорит бодро, с интересом к жизни и собеседнице. Парадокс.

Пока протекал ритуал знакомства, Ольга разглядывала мощную фигуру. Не культурист, конечно, но есть на чем взгляд остановить. Нет, пожалуй, это пошло. Ну пошло. Подумаешь. В конце концов, мелет Бог знает что. Хорошо хоть о погоде не заговорил.

— Хороший частный пляж просто необходим в наше время перенаселения. Везде толпы. А толпа стирает в нас человеческое — дистанцию, грани, своеобразие...

— Что есть, то есть (как я банальна)...

— Вы знаете, мы провели свое расследование покушения на Романова. И пришли к интересным результатам.

Вот так — безо всякого перехода. От пляжей к сути дела. В глазах загорелся интерес: как она прореагирует. Ольга ощупала себя изнутри (вроде все нормально). Спокойное лицо, рука монотонно перебирает песок. Итак, перед ней один из толиных «сообщников».

— Не желаете выпить?

— Скорее, попить.

Он взял пульт и подогнал столик с напитками. Тот завис над песком чуть дальше от нее, чем следовало, но хозяин пляжа уже отложил пульт.

— Извините, сейчас. — Он вдруг напрягся, сквозь никакое лицо проступили жесткие, жилистые черты. Оно приобрело остроту и запоминающуюся четкость, глаза — огонь. Столик дрогнул и проплыл несколько сантиметров к гостье. «Фотокарточка» собеседника вновь приобрела изначальную пустоту.

На этот раз сохранять спокойствие было бы просто невежливо. Тем более что такой фокус Оля видела впервые. Тут же в голову пришел эпизод из старинного фильма, где русские провинциалы издеваются над графом Калиостро: «Замечательно, вот если и тарелку можете употребить...» Вместо того чтобы восхититься, она улыбнулась и даже вроде бы фыркнула.

Гость тоже улыбнулся и протянул ей бокал.

— Так что за результаты?

— Вы, наверное, проверяете все контакты вокруг Сергея Сергеевича. Так вот, нам доподлинно известно, что за двадцать минут до взрыва из его комнаты был произведен звонок. Открытый звонок, безо всяких защитных штучек. А ведь вы знаете, что Романов давно не практикует таких разговоров, когда не хочет привлекать внимания к месту своего нахождения.

— Интересно. Откуда данные?

— От вас мы случайно узнали, где отдыхает Романов. Мы искали с ним встречи. Не скрою, контролировали направление его контактов, нам нужен был повод для знакомства.

— А зачем вам нужна была эта встреча на самом деле?

— Видите ли, Романов является дальним родственником правящего монарха...

— А вы что, гинеколог... Ой, то есть генеолог... — Ей стало ужасно смешно, и Оля не стала сдерживаться. (Я что, пьяна, что ли? Но выпила только глоток сока без всякого алкогольного запаха.)

— Да нет, все проще. Не важно, какая у него там степень родства. Наши специалисты подведут базу, если нужно. Существенно другое. Сергей Романов является кандидатом на престол и при этом весьма влиятельным человеком в Союзе. Если совместить две системы в одном лице, это укрепит всю структуру государственности...

«Какая чушь, однако, — подумала Оля. — Впрочем, у этих монархистов всегда какие-то длинные и непонятные расчеты. И зачем понадобилось восстанавливать монархию? Все равно с ней никто не считается». Но вот что странно, Ольге совершенно не хотелось спорить с собеседником. Пожалуй, что-то все-таки подсыпали в стакан. Но он пил из той же банки. Надо держать язык за зубами...

Тут на пляж выбежала толпа кагэбэшников из фильма. Они отстреливались от наседавших на них японских самураев. Один из самураев потерял лицо, оказавшееся маской. Под ней скрывался мастер перевоплощения капитан Фантомасин. Яростно размахивая шашкой, как самурайским мечом, он ударил по японским милитаристам с тыла и отогнал врага с пляжа, дав собеседникам продолжить разговор.

— Ладно, допустим, что Сергей что-то там спасет. Хотя, насколько я его знаю, он не склонен играть в эти игры. Кто же звонил?

— Артем.

— Артем? Ну конечно. Он же был там. Ну и что? Он мог звонить и по другому поводу. Артем не такая важная персона, как Сергеич. Он вообще редко пользуется спецсвязью. — Она рассуждала вслух. Надо бы, конечно, рассуждать про себя, но напряженный взгляд собеседника заставлял ее шевелить губами.

— Это был единственный человек, кроме нас, кто знал точное положение Романова в пространстве. Но для нас гибель Романова — катастрофа. А для Артема...

— Тоже катастрофа. Сергеич его Учитель. А вы знаете, что такое Учитель в нашем сообществе?! (Вот это я зря... Не стоит подробно раскрывать отношения ученичества... Это же не принято...) Учитель — источник опыта...

— Но конкурент в борьбе за влияние.

Ученик выводит донос,
Чтоб увериться в собственной силе,
А не ради монет. До слез

Сострадая учителю.
Точь-в-точь вдова на свежей могиле...

— Чье это?

— Так, Чеботарева. Ваш друг вполне мог устранить своего Учителя. Ведь в «Социуме» он после Романова первый аналитик, не так ли?

— Так. Ну и что, что так?! — Она вскрикнула уже почти по-детски, чувствуя, как глаза собеседника вжимают ее в песок пляжа.

— И более того, ваш замечательный Артем после всего этого отправился вслед за Романовым...

— А вот и нет! — Оля торжествовала. Она могла опровергнуть этого несносного человека. — Романов уехал в Карелию, а Артем назначил мне встречу в Риме завтра.

— Ну и где?

— В соборе Святого Петра, разумеется. Где же еще.

— Вот и все. Спасибо.

Собеседник слегка отстранился. Но его глаза ее не отпускали. Она чувствовала почти осязаемое давление. Затем краски смазались, и Оля задремала.

Она проснулась уже в темноте. Рядом плескалась вода. Еще искупнуться? Но сейчас было лень, дрема пока не отпустила ее. В глубине бархатного неба блестели бриллианты, достойные Алмазного фонда. Оля стала лениво искать знакомые контуры. Но почему-то не находила их. И вдруг... Нет, такого не может быть. Это был, конечно, сон. Прямо над ней висел ясный и ни с чем не сравнимый Южный крест. Она знала все его звезды с детства и специально ездила на Южное полушарие, чтобы увидеть это созвездие воочию. И вот теперь он меланхолично висел над волжским пляжем.

Оля вскочила, больно подвернув ногу. Это был не сон. Она стояла на бесконечном пляже океанского берега.

Знакомство по-французски

20 июля.

Брест-Турин.

Артем.

«Зачем ты любишь? Зачем растрачиваешь силы и делаешь глупости? Зачем радуешься этому, как неразумное дитя? Ради нескольких минут физиологического блаженства? Нет. Ты не животное. Я знаю тебя, ты же читаешь мою книгу. Ради эгоистического «ты — мне, я — тебе», по принципу «нельзя же вечно оставаться одному»? Нет, ты среди людей. Среди слов, текстов, мыслей, чувств. Далеко не всех ты любишь на этом хаотичном карнавале или в упорядоченной казарме. Но ради чего ты мечтаешь заглянуть в эти глаза?

Там, где нет любви, нет и созидания, нет и творчества, нет и Бога».

«Легко сказать. «Заглянуть в эти глаза». Сначала конечно. А потом, когда глаза начинают потухать, когда их замечает пороша текучки. Что-то меня потянуло на тот же литературный пафос. Интересно, что подумал Сергеич, прочитав этот кусочек».

Поступило сообщение от Лайзы. Отлично! Есть зацепка. Да, этот взрыв

разворошил сразу два муравейника, все забегали. Так, что за офис, из которого пасли Васю? Введем номер в поисковую систему. Помещение фонда «Власть — воображению!» Вася знал, где нырять, они стали следить за ним со своего места работы. За эту ниточку можно наконец вытянуть всю сетку. Так, координатор фонда... Фото... Какое пустое лицо, встретишь в толпе, не узнаешь. Члены... Ба, медиамодератор Саланас. Круто. Интересно, что накопает дядя Саша. Старик что-то знает про все это, но не делится. Играет в педагога, хочет, чтобы я сам дошел.

Артем выключил монитор. На электронной карте уже давно мигал значок снижения. Автолет приближался к пограничной вышке Бреста — огромной платформе, где сотни машин проходили пограничное сканирование. Граница Евросоюза и Советского Союза все еще была реальностью в отличие от тысяч других границ современного мира.

Припарковав машину к освободившемуся терминалу, Артем прошел через зону контроля. «Нет ничего незаконного». Зачем они вообще задают глупые вопросы? Все равно тебя просвечивают и обнюхивают. Нет ли чего-нибудь слегка радиоактивного или слишком наркотического. Или оружия, запрещенного к провозу. Еще бы вывесили надпись: «Охота на людей строго по правилам и в рамках лицензии». Хорошо хоть в последние годы научились проверять транспорт, не вскрывая.

Пока пограничники возились со своим оборудованием вокруг его «Жигулей», Артем купил пакетик хмеля и вышел на террасу, потягивая из трубочки. Было уже темновато для того, чтобы любоваться видом. Картину эту он видел сотни раз и мог бы воспроизвести по памяти. В обе стороны от границы уходили за горизонт лоскутки полей, местами «засеянные» ровными рядами ветряков. Лесные полосы разделяли кварталы коттеджей и сельскохозяйственных теплиц. Зелень дворики, разноцветные яркие крыши, солнечные батареи. На горизонте — небоскребы Люблина. Там сохранилась крупная промышленность и старомодный урбанизм. Внизу — занятая пограничная инфраструктура Бреста. По архаичной железной дороге тащился поезд. Он ходил раз в сутки, перевозя любителей экзотики, туристов и жертв высотобоязни. Но на границе и им приходилось полетать — здесь поезд переносили с одной колеи на другую мощным дирижаблем...

— Джень добже, пан, — рядом с Артемом стоял рослый темноволосый парень в форме натовского офицера.

— Не разумию по-польски.

— По-русски?

— По-русски да.

— Извините, принял вас за соотечественника. Впрочем, мои предки из России. Точнее, из Беларуси. Представляете, дернул их черт уехать в Польшу. Ну, были там у вас какие-то проблемы. Можно было потерпеть. Так нет же. Теперь союзное гражданство не получишь ни за какие коврижки. Того и гляди, погонят воевать с неграми.

— Ладно убиваться-то. Мы тоже думали, что хана. А потом все вышло к лучшему. Не стоит повторять ошибку предков и мечтать об иммиграции. Можно опять ошибиться.

— Ну уж нет. Если я вернусь на родину родителей, то только вместе с новой родиной.

— Лихо завернули. Это как же?

— Ну как, как. Вместе с Польшей. Хотите Польшу в союзники?

— Зачем? Без нее как-то спокойнее. Когда у нас Польша в союзниках, поляки нас не любят. Если не хуже.

— Любят — не любят. Какая разница. Союз — не брак. Его заключают не по любви, а из-за обстоятельств.

— Да нет, не думаю, чтобы страны НАТО в ближайшее время вступили в Союз. Не так это все просто. Ни один лидер не только в Польше, но и вообще в НАТО за это не...

— Лидеры — дело поправимое. Могут быть и новые...

— Уж не вы ли?

— Какая разница. Хотя ты еще не знаешь моих способностей. Нации, как известно, подобны женщинам. Их несложно обольстить.

Артем мог, конечно, парировать это замечание. Тем более что источник данного сравнения был весьма сомнителен. Но он промолчал, потому что было неловко признаться: он не был согласен не только с политической, но и с чисто бытовой стороной вопроса. Он не умел обольщать женщин. Единственная женщина, с которой у него все получилось, обольстила его сама. Но она далеко.

Между тем поляк перевел разговор в плоскость технологии «съема», и это было гораздо любопытней, чем дилетантские рассуждения о судьбах европейской политики: «... и главное — дай ей почувствовать свою беспомощность. Это фигня все, что женщины любят сильных. Они любят слабых, которые потом становятся сильными. Гораздо хуже, если ты являешься во всей мощи, а потом из тебя одна за другой выпадают слабости. Разверни дело другой стороной. Попроси о помощи, а потом уже показывай, что за тобой — как за каменной стеной. И не давай опомниться. Попроси показать дорогу, а дальше уже веди сам. Делай так, чтобы ей было интересно. Не тебе, а ей. Я это называю знакомство по-французски...»

— Почему по-французски?

— Так, личный опыт. Да и звучит романтично.

— Все это красиво. Теоретически. А на практике...

— Хочешь пари? Вон красотка у стойки. Через пять минут я подведу ее к тебе, познакомлю вас, после чего уйду с ней. Если мы еще встретимся потом, с тебя должок. Ну, скажем, какое-нибудь полезное мне знакомство. Если у меня не получится, идем сейчас в ресторан за мой счет.

Не то чтобы Артему хотелось в ресторан. Ему было интересно опробовать рецепт. Он кивнул: «Давай». Поляк мягкой походкой подошел к девушке сзади, неожиданно появился перед ней — какой-то слегка неказистый и озирающийся по сторонам. Она стала ему что-то показывать рукой, объяснять. Вот он уже ее благодарит, поворачивается. Его лицо расплывается в улыбке, он показывает рукой на Артема. Берет ее под руку и ведет к нему.

— Виталий, как приятно. Давно тебя не видел. Разреши тебе представить: Анна, твоя соотечественница. Куда едешь?

— В Испанию. А ты?

— Служить в Венгрию. Вот мой адресок, не дашь ли свой. Поболтаем при случае.

Артем протянул карточку, где был записан стационарный телефон, по которому он очень редко бывал. Поляк нагнулся к нему и чуть слышно сказал: «Учись, как знакомиться по-французски. При случае могу объяснить и другие способы».

— Мы с Аней отклоняемся с твоего позволения. Созвонимся. — И они уплыли в соседний зал. А Артем автоматически положил карточку Казановы в карман и пошел к

автолету, который уже ждал его, просвеченный и заправленный.

Не прошло и трех часов, как под брюхом машины в лучах восходящего солнца забурлило каменное море Альп. Итак, Италия. Надо где-то заночевать. Кружить до завтрашнего дня над полуостровом — подозрительно. Ночевать в отеле — фиксировать свою личность вторично в мировых сетях. Легко будет вычислить его маршрут. Или, чего доброго, заявятся прямо в номер и устроят ему инфаркт миокарда. Чтобы тело утилизировали без лишних вопросов.

Нужно как-то тихо провести этот вечер, нигде не регистрируясь. Нелегкая задача в наш век глобальных коммуникаций и всеобщего помешательства на безопасности.

Горные цунами откатили на горизонт, и под Артемом раздвинулась долина. Полетный атлас показывал Турин. Почему бы нет. Здесь он еще не был.

В лазурном пространстве, облакавшем Турин сверху, на посадку заходило несколько кораблей. Рассмотрев в бинокль водителей, Артем заметил милый девичий профиль. «Казанова, говоришь». Запомнив номер машины, он пошел на снижение и обогнал автолет очаровательной (хотелось бы, не все же определишь по профилю) француженки (если верить парижскому номеру машины).

В бинокль он отслеживал маршрут «жертвы». Почему-то он стал называть ее жертвой, то ли из-за «польской» игры в Казанову, то ли из чувства вины. Еще не поздно было отказаться от намерения втравить это дитя в свои опасные игры и попытаться заночевать где-нибудь в горах. Да нет, авантюра. Тут же прилетит какой-нибудь страж порядка и ненавязчиво осведомится, не требуется ли помощь. И попробуй объясни ему, почему добропорядочный гражданин Союза, Империи и Республики торчит здесь под елочкой, вместо того чтобы спать в отеле. «Нет денег? Рады будем ссудить вам низкопроцентный кредит. К сожалению, мой господин, у нас не принято проводить ночь в горах. Это слишком опасно. Проследуйте, пожалуйста, за мной...»

Жертва приземлилась за речкой По. «Где гуляет Гиппопо» — всплыло в памяти. Лучше уж буду звать ее Гиппопо, чем жертвой. А то чувствуешь себя палачом даже тогда, когда хочешь всего лишь напроситься в гости.

Артем настроил приборы слежения на домик, рядом с которым приземлилась Гиппопо, и принялся неторопливо кружить над городом, почитывая туристическую информацию из электронного атласа. Когда автолет поравнялся с высоченным шпилем синагоги, компьютер сыграл сигнал. Расчет оказался правильным: Гиппопо не стала засиживаться дома и направилась гулять по городу. Перехватить ее было несложно, улицы Турина перпендикулярны, и на этой шахматной доске трудно заблудиться. Он оставил автолет на стоянке, прошел через переулок и вынырнул из-за угла с растерянным видом: «Извините, можно спросить...» Он рисковал оказаться непонятым, поскольку французы и итальянцы не очень-то изучают английский. Но на их языках он не говорил.

Гиппопо отреагировала на его вопрос (как найти Севастопольский проспект?) вежливой фразой на блестящем английском: «К сожалению, я впервые в этом городе, но у меня есть атлас». Атлас был на русском языке. В первый момент Артем подумал, что ему мерещится. Такие удачи бывают только в фантастических романах:

— Боже мой, соотечественница!

— Надо же. Сейчас в Италии легче встретить русского, чем итальянца.

— И многих русских вы уже встретили?

— Да, мой дядя и его семейство. Но вообще-то я здесь недавно, так что, может

быть, встречу и итальянцев тоже.

Дальше последовала приятная и обычная в таких случаях светская беседа. Марина приехала в Париж практиковаться в языках и решила слетать к родственникам в Турин. Несмотря на большой рот и неправильный прикус, она была достаточно мила, чтобы с ней было приятно общаться, и любознательна настолько, чтобы ваше общество ей не наскучило. Еще категорична в суждениях и политически некорректна: «Во Франции легче встретить араба, чем француза». Ей тринадцать лет («Ого, акселерация. В мое время таким девушкам было по восемнадцать»), она интересуется всем на свете, кроме математики, хочет посмотреть мир. Ну, по крайней мере, пока не надоест. Она уже была в Швеции, Англии, Каталонии и Маньчжурии. Может прочитать лекцию о Турине (уже ознакомилась с туристической информацией).

Тут Артем вспомнил о второй части «знакомства по-французски» и проявил свои сильные стороны. Он начал рассказывать ей о странах, в которых бывал. И прежде всего о Риме. Артем преодолел свою нелюбовь к Вечному городу и разрисовал его в таких красках, что можно было поверить героине старинного фильма о римских каникулах — это лучший город земли. Марина смотрела на него широко раскрытыми глазами (потом он заметил, что они у нее всегда широко раскрыты, что бы она ни думала о собеседнике). Жадно впитывала каждое его слово, и со стороны казалось, что девушка влюблена в мужчину средних лет, который вещает ей о чем-то возвышенном. Впечатление со стороны быстро разрушилось, когда Марина позволила себе пару реплик. В одной она передразнила неудачный речевой оборот «спикера», в другой — язвительно усомнилась в том, что Траян мог построить термы в конце первого века (она читала в справочнике, что в начале второго, и Артем про себя признал, что был невнимателен). Но главного он достиг: она была влюблена в Рим и хотела немедленно туда ехать. Хоть сейчас на его автолете.

— Вообще-то в Европе это называется киднепинг.

— При чем здесь киднепинг! Я что тебе, ребенок?

— Конечно, ребенок. По европейским законам совершеннолетие наступает с пятнадцати лет, а по нашим и того позднее. Так что нужно разрешение родителей.

Собеседница надула губы:

— Можешь не волноваться. Предки дали мне карт-бланш на Европу. Сюда я приехала в полном одиночестве.

— В одиночестве имеешь право. Но я не могу взять тебя в свою машину без разрешения каких-нибудь взрослых. У тебя же здесь родственники. Я должен с ними поговорить, и тогда могу поработать гидом в Риме.

— Зануда. Где твой автолет? Поехали.

Родственники — Игорь и Аграфена — оказались приятной молодой четой, работавшей в питерском филиале Корпорации Инноваций. Им нравился Турин — итальянский аналог Питера, но более спокойный и расположенный среди гор (Игорь был альпинистом). В Союзе они не были уже два года. Хотя работали в Питере, но даже не знали в лицо координатора креативного коллектива, которому каждый день слали эскизы по Сети. Гостям с Родины они всегда радовались. Никаких возражений против Маришиного путешествия в Рим у них не было, тем более что Артем предъявил документ, удостоверяющий его личность.

Вечером за чаем Игорь заговорил о политике. Нападут ли исламисты на Европу, войдет ли Питер в Российскую империю. Артем реагировал вяло, ссылаясь на то, что далек от политических проблем.

— Напрасно. Интереснейшая вещь политика. Вы ведь, Артем, тоже постоянно занимаетесь политикой...

Артем чуть не поперхнулся чаем — откуда Игорь знает?

— ...Каждый человек в той или иной степени занимается политикой. Только в малой группе. Вы же достигаете каких-то целей, входите в какой-то коллектив, какие-то союзы, у вас наверняка есть противники, и вы прилагаете усилия, чтобы их нейтрализовать. Рекламируете себя и свои проекты.

— Но это не столько политика, сколько психология.

— Психология достижения цели — это и есть политика.

— Почему бы нет.

— Но интереснее заниматься политикой в мировом масштабе. Размах. Вот наш рекламный коллектив Корпорации Инноваций воздействует на умы по всему свету. Мы начали с того, что продвигали дирижабли. Сейчас вы все пользуетесь авиолетами, в основе которых тот же дирижабль. То, что Россия первая стала производить авиолеты в массовом масштабе, вытянуло ее экономику.

— Ну, не только это. А строительство научных поселков? А перевод энергетики на альтернативные источники?

— И это, конечно, но в дирижаблях была «фишка». Все остальное было и у других. Но Европа молилась на свои отличные дороги, Россия не могла выстроить свою инфраструктуру. А мы сделали дороги ненужными. В любую точку вы теперь можете добраться практически по прямой и гораздо безопасней. Понимаете, нужен неожиданный, нестандартный ход. А теперь мы противостоям исламу. Не церковники, философы и военные, а мы. Это — битва за умы на уровне образов, видеоряда. И тут мы тоже готовим им «фишку». Все закачаются.

Игорь не стал конкретизировать. Он подумал о чем-то своем и молвил:

— А вообще-то вся нынешняя политика манипулируется сетевой организацией мистиков, цели которых вообще непонятны.

Тут уже Артем поперхнулся по-настоящему, так, что Марина принялась стучать по его спине и давать советы, как продышаться. А Артем судорожно соображал, не проиграл ли всю партию, неосторожно представившись первому встречному.

— Извините, не в то горло попало. Что это еще за мистический орден? Не масоны ли?

— Да какие нынче масоны. Это позапрошлый век. Что-то общее есть, наверное, но корни явно иные. Судя по всему, их не волнует ни национальный вопрос, ни государственная власть, ни просвещение. Их душа человеческая интересуется миром идей и верований.

— А вы откуда знаете?

— Слежу за новостями. Анализирую, так сказать, реальность. Впрочем, успокойтесь. Вы-то их вряд ли интересуете. Пока вы не пытаетесь влиять на умы миллионов, вы вне этой игры.

— Ну и слава Богу.

У Артема запищала коммуникатор в часах. На циферблате высветилось: «Получила твое сообщение. Буду на Ватиканской площади завтра в три. Ольга».

Это писала не она. Уж он-то знал ее стиль. Сработало.

20 июля.

Град. Тверская земля.

Отец Фома.

«Центром познания являешься ты. Ты существуешь. Существует то, что воздействует на тебя. На других оно воздействует иначе. Значит, для других и существует оно иначе. Люди уподобляются наркоманам, которые ходят рядом и не видят друг друга, занятые собственными грезами. Но как же они согласуют свои действия, противоборствуют, сотрудничают, добиваются достижения целей? Общество навязывало им систему координат — близкие картины мира. Это — форма сознания. И форма господства общества над личностью. Но, освободившись от него, мы попадаем в отчужденный мир без резонанса духовных вибраций, где каждый идет своей тропой за своим миражем».

Строки было трудно разглядеть. Генератор изображения с трудом пробивался сквозь плотную атмосферу парилки.

— Все верно. И поэтому скучно, — вяло отреагировал отец Фома, растирая мокрую от пота ногу.

— Что же. Раз тема для тебя не нова, предложи выход, — Володимир хитро, «по-ленински», как шутили в Граде, прищурился и не сводил глаз с собеседника, рассчитывая выловить что-нибудь из смены выражений на лице. Фома был опытным собеседником, его полноватое лицо выражало только бесконечное удовольствие от жаркой парилки и приятной компании:

— Ответ один: любовь.

— Нет, нет, это отговорка. Надо сказать, характерная для священника, — подала с полки голос жена Володимира Наталья. — Любовь — понятие растяжимое. И потом она-то — самый очевидный мираж. Ты кого-то любишь, рисуешь себе картины из мультфильма, а он, в свою очередь, из фильма ужасов. Потом все это не сходится, и получается черт знает что.

— Я бы попросил, Наташенька, не поминать к вечеру нечистого.

— Ах, извини. Но как же с миражами?

— Настоящая любовь не мираж. Ибо взаимна. Потому что жертвенна. Ты жертвуешь своим мифом...

— ...ради мифа другого. Миф на миф. Баш на баш. Веру на веру.

— Нет, Наташ, — снова взял слово Володимир. Именно взял слово, как он всегда и делал, так, чтобы никому не пришлось в голову его перебивать, — миф и вера — не одно и то же.

— Разница?

— Это к Фоме. Он у нас — Фома верующий.

Фома думал отвечать, но тут лицо Володимира застыло, глаза остекленели. Поза свидетельствовала о том, что гуру «отошел». В этот момент он более всего напоминал бородатую статую Будды или фигурку нэцкэ.

— Надолго сейчас?

— Трудно сказать, думаю, минут на пять. Все-таки гость в парилке. Дольше мы не выдержим. Тут он и вернется. Парку поддать?

— Нет, спасибо. В самый раз.

Фома распластался на скамейке, уперевшись затылком в бедро собеседника. Тему

не продолжали.

— Поскольку отец уже, наверное, разъяснил тебе разницу между верой и мифом, — очнулся Володимир, — то я добавлю. Не только любовь, но всякое взаимопроникновение. Всякое. Хотя лучше бы без отмычки и фомки. Если ты проник в мир другого, пустил его в свой мир, вы нашли способ завлечь в кампанию третьего... Слезь, пожалуйста, с моей ноги, она и так затекла... Возникает единство. Поняв друг друга, вы поймете, как войти в реальность, превышающую вас. Но тут без любви действительно никак не обойтись... Вы что, пару поддавали? Не продохнуть...

— Нет, мы вообще тут без тебя ничего не делали, зная твой злодейский характер.

— Хо-хо. Тонкая лесть всегда приятна. Ладно, пошли подышим.

В предбаннике встретили каких-то граждан, которых Фома почему-то не знал. Володимир церемонно их представил. Оказалось, семейная пара, приехавшая в Град где-то с год. Надо же, Фома год не был в Граде...

— Вы очень похожи на Учителя, — новопредставленная «отвесила комплимент». Разумеется, она имела в виду Володимира. Фома решил позволить себе ответную бестактность, повернувшись к гуру:

— Раньше говорили, что ты на меня похож.

— Ага, крестом на груди. Хо-хо-хо.

На улице хлестал дождь. Они встали на крыльце, с удовольствием глотая свежий воздух. Наталья вышла под струи, смывая пот.

— Да, увидело бы тебя сейчас твое церковное начальство. А то гляди, подстрелит сейчас какой-нибудь папарацци, — Володимир любил подкалывать старого друга, особенно после его посвящения в сан.

— Ерунда. В формальной иерархии я — обычный священник. Кому я нужен. Да и начальство прекрасно знает мои обычаи. Сначала корили, но ты же меня знаешь. Я им убедительно разъяснил, что нагота почтенна и сама по себе не греховна. Спаситель крестился, чай, не в купальном костюме. И принародно. Опять же массовое крещение Руси. Росписи соборов тоже не без наготы. Человек должен чувствовать тело и не обязан прятать его. Это — тренировка против вожделения и прелюбодеяния.

— Так уж и тренировка. Ты что же, вот так смотришь на Наталью и ни капельки ее не вожделеешь?

— Нет.

— Наташенька, он тебя не вожделеет!

Наталья повернулась к Фоме, провела ладонью по мокрой коже от шеи до живота и с притворной обидой переспросила:

— Не вожделеешь?

— Увы. Меня оправдывает только то, что это — результат длительных упражнений.

— Ты не импотент, часом?

— И даже не гомосексуалист. Просто у меня много других интересов.

— Хорошо, хорошо. Познакомлю я тут тебя с одной девочкой, посмотрим, спасут ли тебя от греха другие интересы.

— И грех тут ни при чем. Окажется хорошая девочка, возьму ее в попадьи.

От бани до дома Учителя было недалеко. Включили воздушный колпак. По невидимой поверхности, как по стеклу, потекли струи. Некоторое время шли молча, разглядывая знакомые пейзажи во вспышках молний. Как фото — контрастное дерево в полумраке, старинный деревянный дом с остроконечной крышей и прикрепленным к

ней автолетом, мост через речку, бурлящую под струями. В речке бултыхались граждане. При виде священника на всякий случай погрузились по шею, дабы не смущать служителя культа своим видом.

Наконец Фома решил перейти к делу. Володимир, разумеется, слышал о печальном инциденте, происшедшем на днях с Сергеичем. Да, он, конечно же, обеспокоен. И размышлял. Конкретно? А что тут можно сказать конкретно. Искать нужно кого-то из ближнего круга. Из своих. Без этого не обошлось. Но вообще Сергеич Володимиру не очень-то нравится. Володимир его не чувствует, не находится в контакте. Вот если бы с Фомой что-нибудь. Тогда конечно. И немедленно. А тут...

Фома чувствовал, что Володимир, поломавшись, все же даст ниточку. Мол, тебе надо, ты и разматывай. И он ошибся, Володимир дал не ниточку, а иголочку.

— Понимаешь, вы все, кто верит, относитесь к моим уходом утилитарно. Как к Пифии. Ты там пошарь в забытии и выдай ответ, где у меня автолет барахлит: в термосе или руле управления. Пифия, наверное, тоже обижалась и выдавала современникам такие оракулы, от которых им только хуже становилось. Да нет, не собираюсь я тебя подставлять. Но и расходовать себя по пустякам не хочу. Ну ладно, ладно. Сергеич — не пустяк. Бог с ним. Только не там вы ищите. Ни при чем здесь вся ваша коммерческая деятельность по продаже связующих нитей между кусочками общества. Ха, эго сказанул. Нужно запомнить и вернуть где-нибудь какому-то из твоих Сергеичей. Чтобы знал, чем занимается. Видел я тут его намедни. Полез с немытыми руками куда не стоило...

Тут уж Фома не выдержал: «Где это видел?! Ты же неделю отсюда не вылезал». И осекся. Володимир бродит, где хочет. Ему география не препятствие. Гуру на реплику священника не отреагировал, а продолжал с издевочкой: «Ну да, влез. Как влез, так и вылез, еле откачали. Ха. Это было зрелище, почище той ракеты, которой его пугнули».

— Пугнули? Ты думаешь, его не хотели убивать?

— Друг мой, может быть, я и не прав, но, по-моему, сейчас если хотят кого убить, то убивают. Наше время основано на искусственных событиях, на несущем нас Не-Сущем. Вроде убивали, дыму напустили. Да не убили. Или не того убивали. Или не там. А вот зачем понадобился шум да гам? Каким врагам, Бабам Ягам? Это вопрос. И ответ у всех этих вопросов один. Вы венчики вяжете из прутиков распавшегося мира. Я тоже корзинки плету. По всему миру найдешь еще с пяток таких милых группочек, которые занимаются подобным плетением. Но вязанки все разные, а прутики одни. Конкуренция, однако. Вот и пришли.

— Куда пришли?

— Я тебе хотел одно интересное местечко показать. Соорудили вот наши умельцы. Получается, так будут лет через десяток наши детки жить.

— Извини, Володя, мы недоговорили.

— А вот сразу после и договорим. Оно и поможет.

Наташа поколдовала с пультом («ключница моя»), и они вошли на небольшой островок недалеко от берега пруда. Здесь стоял невзрачный двухэтажный коттедж, каких много. Дверь не заперта, Фома вошел...

Первое ощущение — будто тебя сбили с ног. Подсечка сзади, и Фома оказался в полулежачем положении, правда, довольно удобном. Его поддерживали какие-то странные ангелочки. Что-то вроде объемной анимации.

— Это что еще за пародия на рай?! — воскликнул он возмущенно и тут же осекся, забыв об ангелочках. Он висел в сияющей пустоте. Под ним разверзлась бездна, на дне

которой жутковато шевелилась багровая лава. Сверху нисходило ослепительно белое сияние, а прямо перед носом висел земной шар с искаженной картой мира, на которой Союз был выпячен в сторону зрителя и на нем передвигались фигурки ближайших знакомых Фомы.

— Не сердись, это пародия не на рай, а на твое мировоззрение. Система не настроена на тебя, улавливает лишь самые общие импульсы и переводит их в знакомые образы, — при этих словах из изображения земного шара вылетела панорама Града, а из нее, в свою очередь, отпочковался маленький Володимир, который тут же вырос до натуральных размеров. Он висел над бездной, сидя на банном полотенце как на ковре-самолете. — Сосредоточься на ангелочках и мысленно прикажи заменить это кресло на другое, удобное для тебя.

Фома последовал совету гуру и представил собственное кресло под дуб. Через мгновение он висел уже в нем.

— И что, я так и должен болтаться над этой геенной огненной?

— Это как угодно. Важно, что ты в нее не упадешь. По крайней мере, сейчас. Ты сам регулируешь свое положение в пространстве. Точнее, ты сидишь в удобном кресле в окружении световых и голографических эффектов, управляемых компьютером. Компьютер подключен к твоим рукам и ногам, ты ведь не обулся. Согласись, что основные твои требования он считывает довольно точно. Со временем вы привыкнете друг к другу, и ты выстроишь тот интерьер, какой захочешь.

— Я и так устроил свой дом, как хочу. И виртуальных эффектов там тоже хватает.

— Ты не понял. Эффекты — фон. Суть в том, что теперь ты можешь легко управлять своей средой простым движением мысли. Например, ты можешь связываться с кем хочешь, затребовать любую информацию и тут же формировать ее в образы. Начни думать о Сергеиче.

И Фома подумал. Дальнейшее захватило его целиком. Пространство вокруг отца задвигалось самым невероятным образом. Володимир с Наташей улетели куда-то на периферию. Северный Прикаспий на карте взбух и резко увеличился. Далее перед глазами Фомы разыгралась драма с ракетами, быстро стали перемещаться нити связей между событиями, заполнившие все пространство. Некоторые из них отрабатывались и исчезали. Он понимал все обозначения на этой трехмерной движущейся карте, окутавшей его со всех сторон. Он сам был источником этих обозначений, но они компоновались чрезвычайно логично и удобно. Все чаще в поле зрения появлялись незнакомые лица и обстоятельства. Видимо, система всюду копала необходимые базы данных в Сети и тут же комментировала, разъясняла, выдвигала важное вперед, перемещала несущественное на периферию. Незаметно для себя Фома несколько раз переговорил по видеофону, получив устные консультации. Он освежил свои знания по среднеазиатскому региону и системе экспертирования заводов, по производству жидкого воздуха. Он выяснил, что ракеты могли быть заказаны из любой точки планеты без особого труда, и даже проследил некоторые финансовые потоки. Впрочем, без особой пользы для дела. Еще он локализовал Сергеича где-то над Финляндией (точное расположение неизвестно) и обнаружил полное исчезновение Артема в Западной Европе (последняя фиксация на западной границе Союза) и Ольги в Самаре. За них он не волновался, но само выпадение из цивилизации было любопытно. Похоже на новый роман. И это — в такой ответственный момент! Путь Василия прослеживался до Сан-Франциско, где, как следовало из сообщений, он покончил жизнь самоубийством, прыгнув с моста в воды залива. Это, судя по

молчанию почты «Социума», было очередной фикцией.

— Не о том ты все думаешь, — Наталья резко спикировала с периферийной полочки сознания, увеличившись в размерах и закрыв собой часть сложной схемы, висевшей в пространстве. Ты до безобразия логичен. Просто Фома неверующий.

Потому он и взял себе имя Фома. Он логичен, он все пробует «на зуб», щупает руками. Это нелишне, особенно в наше время абсурда. Хотя иногда нужно применять и другие методы. Меньше членить, больше чувствовать.

Володимир с супругой сидели напротив Фомы все на том же полотенце. Сложная схема, глобус и полочки с данными висели чуть поодаль. Фома не протестовал. Он уже понял, что его виртуальное расследование привело в тупик. Полезная штучка, но всех открытых данных мировой Сети здесь не хватает. Нужен эксклюзив.

— Расслабься. Эта комната придумана не столько для логического, сколько для образного мышления. Ты, пожалуй, первый, кто заставил ее работать Шерлоком Холмсом. Подумай о вечном.

И то правда. Фома «отключился» от сыскной темы, сложная конструкция уменьшилась в размерах и исчезла в ящичке, образовавшемся в углу стола (видимо, это означало, что она записана и может быть при необходимости воспроизведена). Пока Фома работал, система притерлась к нему. Комната (если можно так назвать бескрайнее пространство) обустроилась. Свечение и бездна сохранились. Но внизу вылепилось множество опор, уровней, символов. Ближе к бездне, на периферии, расселись какие-то существа неприятного вида. Видимо, это какие-то комплексы и тайные страсти. Надо будет потом рассмотреть их поближе. Вокруг раскинулся игрушечный городок, который населяли приятные ему люди. Иногда они воспроизводили фрагменты давнишних и недавних событий. Пронеслась Маняша, но он отогнал ее. Сверху продолжал нисходить свет. Зазвучала музыка. Та, которую он хотел услышать. Фома парил над своим миром, упираясь взглядом то в один его фрагмент, то в другой. Люди и события сменяли друг друга, как во сне, но он явственно видел их и сам выстраивал последовательность происходящего. Это было приятно и тревожно. Весь этот мир по-прежнему висел над бездной. Как всегда в таком случае, Фома начал молиться. К удивлению своему, он словно упал на землю с небес. Картина перевернулась. Теперь он не парил, а лежал на своей земле, а над ним ярко светилось небо. Свет густел, формировался в какое-то ядро, сквозь которое проступило знакомое лицо Спасителя. Но оно не приближалось, а только смотрело на Фому ласковыми глазами. Он стал молиться о Сергеиче и снова думать о нем. Хотя понимал, что это кощунственно. Но ведь все это витание в виртуальном пространстве с образом Божиим кощунственно.

И тогда он понял, что на всю эту историю с Сергеичем они просто смотрели не с той стороны, упустив из виду самую главную деталь. Неважно, кому мешает Сергеич.

Гостеприимный Афган

20 июля.

Кабул.

Василий.

«Люди мечтают о свободе. Но они уже свободны. Человек свободен настолько, насколько допускает его собственная сложность. Внутри себя можно выстроить

любое количество миров. Было бы из чего строить. А вот за строительным материалом приходится обращаться в мир, и он требует за это своей доли свободы. Он проникает в наши миры и обустроивается там. Чувствуя инородное тело, человек мучается, иногда бунтует против себя и большого мира. Но бунт, стремление вырвать и вырваться, не приносит свободы. Только растворив чужеродное в себе, только примирившись с миром и меняя окружение по своему образу и подобию, можно расширить пространство свободы.

Но если ты меняешь мир, то теперь уже он сопротивляется и бунтует. Ты отказываешь ему в свободе. Он пытается растворить тебя в себе из чувства самосохранения. И лишь примирившись с творцами новых миров, мир может стать более свободным».

Василий дочитал страницу уже в лифте. Двери космодрома открылись, развернув таинственную, почти инопланетную панораму. Горы, горы, горы. А на их фоне — блестящие здания из стекла и бетона, вышедших из моды на родине, но здесь продолжавших расти к лазурному небу. Небоскребы казались тоненькими миниатюрными растениями на фоне горных хребтов.

Василий, как всегда, наслаждался видом и каждый раз с удовольствием впитывал картинку. Чем больше впечатлений, тем полнее жизнь.

В очереди на контроль не преминул заглянуть через плечо соседки (вид сзади весьма симпатичный). Она читала текст на испанском. За несколько минут удалось разобрать: «Далеко, далеко от этого пункта, на расстоянии короткой руки, жил и существовал...» Что-то несвязное. Но испанка читала с увлечением, автоматически протягивая пограничникам карточки и вещи для сканирования. Вероятно, если бы текст был переведен на русский не им, Василий понял бы его прелесть. Самокритичная мысль.

Пограничник вставил карточку в щель компьютера, пробежал по клавишам, и на табло загорелось: «Добро пожаловать в *Стан*».

Автоматические двери космодрома Кабул открылись, и турист из Владивостока Ричард Кольцов (он же Василий Гуськов) утонул взглядом в лазурном небе над коричневатым хребтом. Он сделал шаг вперед и натолкнулся все на ту же испанку, очень неудачно склонившуюся над своим багажом прямо на дороге.

— Пердоне ме, пор фавор, — Ричард продемонстрировал свое знание языков.

— Абла эспаньол? — далее последовала фраза в пулеметном темпе, которую он уже не понял. Обернувшись собеседница оказалась далеко не столь привлекательной, как рисовалось со спины. Лицо иссечено мелкими морщинками — свидетельство возраста и подвижной мимики, оно постоянно менялось, играя полутонами выражений. И надо всей этой игрой имиджей возвышался грандиозных размеров нос. «Буратино», — подумал Василий про себя, но, оценив глубину глаз, поправился: «Сирано».

Несмотря на разочарование, пришлось поддерживать беседу. С трудом подбирая слова, Ричард объяснил, что испанским владеет со словарем. Оказалось, Федерика более или менее изъясняется по-русски. Правда, она изучала его на Кубе, но у настоящих русских. Живет она в Техасе, прилетела на конгресс биологов. Далее что-то на испанском о биологии пустыни.

— А ты? — спросила Федерика.

— Мой дед здесь воевал в прошлом веке. Много рассказывал. Хочется

посмотреть своими глазами. Ты не знаешь, как здесь арендовать автолет?

— Что?

— Ну автолет, флаер.

— А, да, да. Не знаю. Но меня встречать гид. У него легко будет все узнать.

Гид не заставил себя ждать. Им оказалась девушка лет двадцати, которая подверглась со стороны Василия столь же пристрастному анализу, как и Федерика. Лицо было необычным, вытянутым, с крупным подбородком, немного выпирающими зубами (впрочем, очаровательная улыбка, не сходявшая с лица, сглаживала этот небольшой недостаток). Это с одной стороны. С другой — красивые черные волосы, большие искрящиеся весельем глаза и ощущение молодости. На этот раз аналитик решил вынести положительные оценки и не упускать знакомства.

Гульнара (так звали гида) нашла свою подопечную сразу — у нее была голограмма. Представилась и с ходу начала что-то объяснять по-испански. Василий понял только завершающую фразу: «Жаль, что вы не предупредили, что будете вдвоем. Об этом нужно было сообщить в гостиницу».

— Я не задвоилась, — ответила Федерика по-русски, — Ричард зазнакомился со мной только сейчас. Но у него есть для вас дело.

— Дело? Ко мне? Как интересно.

— Дело — это громко сказано. Я хотел узнать, как здесь арендовать автолет.

— К сожалению, это невозможно. Автолеты не употребляются в нашей стране.

— Почему? — Василий изобразил удивление (готовясь к поездке, он, разумеется, протудировал основы законодательства Стана, и не только это).

— Видите ли, — в голосе Гульнары появилась привычная интонация гида, — наша страна живет в трудных условиях. Мы ведем борьбу с международным терроризмом и транзитом наркотиков. Рядом находятся агрессивные режимы. Опыт показал, что такие транспортные средства, как автолеты, могут использоваться преступными группировками и агентами иностранных спецслужб для подрыва безопасности наших граждан. Поэтому мы ограничиваемся автомобильным транспортом и государственными аэробусами.

— Но что же делать? — «Ричард» был в отчаянии. — Я не умею водить автомобиль! Неужели я зря приехал в страну?!

— Могу думать, не все так страшно, — спокойно заметила Федерика. — Сейчас ты гуляешь по Кабулу, а вечером заходишь в мой номер в гостинице. Я надеюсь, Гульнара не откажется и тоже заходит. Там она все разъясняет, и мы вместе все придумываем для тебя.

Гуля не стала возражать против такого покушения на ее свободное время, что Василия не очень-то удивило. Он привык к интересу со стороны женщин. Тем более он был иностранцем, приехавшим из процветающей страны. С чего молоденькому гиду отказываться от вечерних посиделок в присутствии двух новых знакомых.

А пока — Кабул. Метро пронесло Василия под новыми кварталами и выбросило в старый город. Тщательно отремонтированные и выглядевшие искусственными, эти дома помнили еще англичан и русских. Узкие улочки с множеством магазинов и магазинчиков, мечетей и полицейских. Поблуждав по лабиринту в медитативном забытии, турист добрал до дворца Тадж Бек.

Зеленый холм почти скрыл светлый контур здания. Сейчас в резиденции правителей Афганистана был музой. Его служители зазывали туристов, формировали из них колонны и отправляли наверх по склону. Что же, у Василия было время пройти

по этой пропитанной кровью дороге. Экскурсия для иностранцев велась на русском и английском: «...там открывается вид на старые кварталы города. Именно здесь в 80-е годы XIX века английские захватчики входили в Кабул». Неужели среди экскурсантов нет англичан? Английский вариант, однако, отличался от русского: «Вы можете представить себе колонны солдат в алых мундирах, которые включили город в английскую сферу влияния в 80-е годы XIX века. Культурное влияние Великобритании способствовало ускорению развития страны». Какое двоемыслие! Но оно не могло продолжаться долго, поскольку в толпе туристов присутствовал американец, знавший русский язык: «Позвольте, вы сообщаете нам разную информацию. Я имею в виду, по-русски и по-английски вы говорите не одно и то же!»

«История никак не может отучить американцев по любому поводу качать права», — подумал Василий, не без удовольствия предвкушая битву ковбоя с моджахедом.

— Я просто не хотел оскорблять ваш слух однообразием, — учтиво отвечал экскурсовод. — Согласитесь, что повторение одного и того же недостойно просвещенного человека. Он всегда облакает мысли в новые формы.

— Не увливайтесь, ваши формы ласкают слух русских и слух англичан порознь. Вы подыгрываете каждому по-своему, и тем самым водите за нос всех нас, скрывая, как там было на самом деле.

— Что можно скрыть от столь проницательных людей? То, что я говорю, правда. Англичане были захватчиками, и русские были захватчиками. Но и те и другие познакомили нас не только с жестокостью, но и со своей культурой. Мой прадед, сын борца с англичанами, учился в Оксфорде. Его расстреляли коммунисты. Мой дед учился в Москве. В тридцать лет он был революционером, в сорок — эмигрантом, а в пятьдесят — прагматиком, который восстанавливал страну. Может быть, исламский мир сегодня так могуществен и велик потому, что мы не только воевали, но и учились у незваных гостей...

Василий представил себе бегущих вверх по пыльной дороге десантников. Вооруженные просветители. Ему повезло, он не попадал ни на одну войну, современником которой был. Первая война, которую он застал, была Афганская. Последние выстрелы где-то бесконечно далеко от дома. Телевизионные репортажи о неведомом крае, где люди зачем-то убивают друг друга, а потом мирятся, обнимаются. И снова убивают, и снова мирятся. Так в его детском сознании формировался образ внешнего мира — бесконечно далекого, страшного и безумного.

Афганская война вскоре потухла. Но все это как-то запало в душу. Потом он расспрашивал об Афганистане взрослых и с удивлением выяснил, что им она запала в душу еще сильнее. Оказывается, мы тоже участвовали в этой далекой войне, и были еще живы ее старенькие ветераны. Мир оказался чудовищно тесным, и неосторожный выстрел на одном конце земного шара бил по судьбам людей на другом. С этим надо было что-то делать.

Позднее, когда Василий стал экспертом по локальным конфликтам и членом команды-чемпиона Калужской земли по военно-спортивным играм, он все также сторонился настоящих военных действий. Однажды Учитель сказал: «Драка — для дураков». И он запомнил эту фразу. Но вот сегодня этому Учителю угрожает настоящая опасность, и, похоже, дело может не обойтись без реальной драки. Мир стал еще теснее...

Пока американец и таджик оттачивали красноречие, у Василия запищал приемник компьютера. Пришлось отойти в сторонку. Из устройства выползла карта Великой

пустыни. На ней красным были обведены фотографии воздушного корабля, перемещавшегося по дуге, выгнутой в сторону Полиса, где проводил свой отпуск Сергеич. Судя по всему, удалось договориться с военными и заполучить материалы проводимого ими тотального фотографирования. Момент выстрела сфотографирован не был, но время совпадало. Рядом не было других объектов, которые могли бы выпустить ракеты. Но на этом успехи заканчивались. Корабль терялся в совершенно заброшенном районе Караганды, на северо-западе Великой пустыни. В тамошних промышленных развалинах можно было бы спрятать тысячу воздушных судов.

Василий не стал продолжать экскурсию и направил свои стопы в сторону Туркменского консульства. Туркмения хуже всего охраняла свои границы с Пустыней. У местного султана с тамошними пиратами было какое-то негласное соглашение, которое позволяло им переправлять через страну разные грузы к обоюдной выгоде. Опять же у Великого Отца Свободных Людей не болела голова по поводу набегов, которые так беспокоили соседние республики и монархии (что в современном мире — практически одно и то же).

Туркменское консульство представляло собой обычный беленький домик в старом городе. От соседних строений его отличал только флаг и длинная очередь просителей. Василий сел на сборный стул, который всегда носил с собой в сумке, раскрыл «тень» и стал терпеливо ждать. Чиновники работали неторопливо, беседуя с бесчисленными детьми гор, желавшими посетить Страну Свободы. Собственно, здесь были только люди, по тем или иным причинам желавшие въехать в нее легально, поскольку со стороны Каспия граница тоже почти не охранялась. Но нелегальные посетители должны были располагать крупными суммами, чтобы откупаться от патрулей.

Когда Василий уже настолько приблизился к заветной двери, что даже собрал стул, во дворик посольства вошла Она. Лица он сначала не разглядел — у таких девушек лицо рассматриваешь в последнюю очередь. Взгляд мечется по фигуре, которая в данном случае была туго обтянута блестящим костюмом цвета «хамелеон». Небрежно убрав в сумочку темные очки и откинув светлые волосы под Мэрилин Монро, Она обвела очередь взглядом, остановила оный на Васе, очаровательно улыбнулась и направилась к нему:

— Дорогой, я боялась, что не успею. Ты уже почти прошел.

Она чмокнула его в щеку, дав понять, что они настолько близко знакомы, что никто в очереди не должен возмущаться ее намерением встать именно здесь, а не в хвосте. Оценив преимущество своего положения, Василий привычным движением прижал новую знакомую к себе, продолжая оценивать достоинства ее фигуры. А вот лицо было, пожалуй, слишком острым и волевым для той роли нежной избалованной девочки, которую Она играла.

— Мне будет жаль, если, получив визу, ты сразу растворишься за поворотом. В ресторане рядом подают чудный плов, — прошептал он ей под локон.

— Вообще-то я худею, но могу составить тебе компанию ради какого-нибудь другого блюда.

Их тихое воркование прервала женщина европейского вида из середины очереди:

— Соотечественники, ради Бога, я страшно опаздываю. Не пропустите меня вперед, а? Честное слово, очень нужно.

Василий тянул время, пока красотка оставалась в мимолетной зависимости от него, и великодушно пропустил даму вперед. Она впиалась в ручку двери, рассчитывая

через минуту войти в консульство. Но эта минута оказалась насыщенной событиями.

Во двор решительно вторглись «трое в штатском», которых сразу распознаешь, что бы они на себя ни надели. За ними появился десяток военных в камуфляже и с автоматами. Один из «штатских» решительно показал в сторону Василия. А красотка изящно выскользнула из его объятий, в ее руке мелькнул миниатюрный предмет, который стал издавать глухие фыркающие звуки. Один из стражей порядка на ходу сложился вдвое и уткнулся лицом в асфальт. Солдаты рассыпались по двору, открыв беспорядочную стрельбу в сторону очереди просителей. Вокруг засвистело и застучало. Народ, не мешкая, вжался в землю. Лежа среди живых и мертвых, Василий краем глаза увидел, как его пассия вспорхнула на ограду консульства, прижала преследователей к земле очередью из своего миниатюрного оружия и скрылась из виду.

У окровавленной двери сидела женщина, которая только что так опаздывала, а теперь смотрела на происходящее широко открытыми неподвижными глазами.

Черные стрелы

20 июля.

Полтавская земля.

Павел.

Какая красивая мысль: «Люди живут среди мифов и мифами. Мифы — своеобразная реальность. Постмодерн раздробил жизнь людей на самостоятельные виртуальные миры — каждый со своими мифами. Но кто-то должен увязывать эти вселенные между собой, переводя мифы на язык друг друга, связывая их между собой жесткими нитями реальности. Если такого позитивиста нет рядом с тобой, вторжение реальности может разрушить твой автономный мир».

— Ира, не отвлекайся, пожалуйста.

У костра на опушке леса, где раскинулся лагерь пацифистов, сидело несколько бывалых молодых людей. То, что они бывалые, можно было понять по неторопливому раскованному говорку, по привычному подбрасыванию сучьев в огонь и по непринужденным позам тел, облаченных в удобные куртки а-ля командос.

На коленях одного из «туристов», могучего и солидного, лежала топографическая карта — непривычный архаизм в век визуальных голографических стендов, которые компьютер может генерировать в любой точке пространства. Но Павел любил повторять неизвестно откуда взятую им фразу: «В бою сапог надежней». Тем более что сейчас он не хотел бы демонстрировать маршрут колонны всему лесу и окрестным полям.

— Это — хороший шанс. Сейчас стемнеет, оторвемся и от ментов, и от смишников. Смишники во тьме снимать не могут, до утра залягут спать или будут квасить. Ментам тоже интереса нет нас в ночи пасти — мы обычно передвигаемся днем.

Самое время сейчас собраться — и в лес. К утру будем на той стороне радиоактивных полей. Еще день нас могут не найти. А дальше — выныриваем на оперативный простор степи — попробуй нас останови. До Крыма дочешем, а там можно и проход через Сиваш сообразить, местные мне обещали воду на час отогнать.

Перейдем, как Моисей, под носом у фараонов.

— Каких фараонов?

— Да так в старину ментов называли.

Некоторое время компания беспорядочно обсуждала тему Моисея и фараонов. Народ был образованный, каждый норовил вставить свои пять копеек по поводу Пашиного каламбура. Наконец треп затих, и вожди колонны вернулись к теме.

— Не годится, — мрачно буркнула Челка. Она была человеком уважаемым, ветераном неформального движения, чуть ли не с младенчества тусовавшимся с полубритыми. Челка привела в колонну человек сорок суровых юношей и девушек с челками. В меру накачанных, одетых в одинаковые черные куртки. Говорили они мало, но смачно. Каким-то своим хитрым путем челки пришли к выводу, что идеи полубритых, замешанные на Ницше, Лимонове, Мао и Че Геваре, нуждаются в пацифизме. Пацифизм челок был воинствующий, они всегда были готовы пободаться с ментами. Но школа полубритых тусовок научила их дисциплине, и за весь путь челки не позволили себе ни одного эксцесса, четко выполняли команды самой Челки и Павла. После отбоя их вообще не было видно, они уединялись попарно в палатках и занимались там семейной жизнью, замешанной на чтении классиков, к которым теперь относились Ганди, Лютер Кинг и Букчин. В их «квартале» лагеря звуки любви экзотично перемешивались с негромкой «бубнежкой» политических текстов, напоминавшей молитву.

Челке идея скрытного ночного марша категорически не нравилась. Она была настроена на драку. Для нее пацифизм без драки не был настоящим, революционным пацифизмом. Челка и ее начштаба точно рассчитали, что рано или поздно путь колонне перекроют, и пацифисты, выдвинув вперед группу в защитных колпаках, начнут прорывать цепь стражей порядка своей массой. Челки пойдут в авангарде и, возможно, даже проложат путь. А если их и повинтят, то не беда. Все равно смишники снимут событие и привлекут внимание нонконформистов к челкам, сайт которых пока посещается слабо.

Уход под покровом ночи с этим планом совсем не вязался — ни нормального экшн, ни долгожданного выхода в авангард. Опять растворяться в общей пацифистской массе.

— Нет, мы не крысы, чтобы скрываться. Надо идти дальше по договоренному маршруту, — продолжила Челка, холодно глядя на Павла из-под челки.

— Не дойдем ведь.

— Ну и что. Все равно привлечем внимание к теме. А так, перебежками, это не для нас.

Павел и его друзья давно ждали раскола. Они понимали, что почти треть колонны состоит из людей, которым, по большому счету, наплевать на гражданское противостояние в Крыму и прочие «скучные» проблемы Павла со товарищи. Но его движение — это марка, знамя, посещаемые сайты. Момент для развода был самый удачный:

— Ладно, решаем так. Мы пойдем через проход в полях, а вы — по маршруту. Сейчас спокойно досыпаете ночь, изображаете весь лагерь, даете нам оторваться. А поутру идете по дороге. И там как знаете.

Челке этот вариант не очень годился — терялось две трети массовки. Но ответить было нечего. И так революционному авангарду доставалось внимание смишников, привлеченных походом. Грех жаловаться.

На том и порешили. Неторопливо поднялись. Челка отправилась в палатку «личного товарища», лидеры групп — к кострам. Постепенно звуки гитар, синтезаторов и флейт стихали, лагерь наполнился негромким шумом сборов.

Из черной тьмы к опустевшему костру беззвучно вышел давешний абориген-велосипедист, посмотрел в оставленную на бревнышке карту, хлебнул чайку из кружки, ухмыльнулся в ус и растворился во мраке.

Ближе к полуночи колонна двинулась сквозь лес. Их вела довольно широкая тропа, позволявшая идти попарно. Ирочка привычно висела на руке Павла, что не мешало ей время от времени поддерживать гиганта, если он поскользнулся в темноте. «Соратница», — довольно бурчал он и продолжал слушать милый поток сознания о соотношении экзистенциальной и позитивистской философий:

— Понимаешь, они же все тесно увязаны между собой. Хайдеггер брошен в мир без целей и смысла. Один на один с враждебным, пустым пространством. Сартр выстраивает из себя цели в этом пространстве, а Камю уже конфронтирует с ним, проламываясь сквозь враждебную среду. Но куда?

— Извини, не понял.

— Что не понял? Смотри. — Она включила маленькое светящееся панно, которое поплыло перед ними. Перелистав несколько страниц с портретами философов, выписанными ею цитатами, показала схемку: «Вот мы с тобой — субъекты. Вот среда. Она враждебна».

— Почему?

— Неважно. Бессмысленна, хаотична. Это — «Дано».

— Кем дано?

— Философами этими. Прекрати издеваться, слушай. Или тебе неинтересно?

Павел знал, что лучше, если ему будет интересно. Хотя все эти экзистенциалистские размышления его не очень волновали. Он любил мир, считал его дружественной средой, из которой можно шаг за шагом вытеснять зло, которое для него отождествлялось с насилием. Он знал, что Ирочка думает так же. Но она «заводилась» каждой философской системой, которую в данный момент постигала. И уже через неделю будет разъяснять ему обратное.

— Конечно, мне интересно. Но не надо сейчас светить тетрадкой. Демаскирует. Мы будем светить, ребята что-нибудь включат. Еще музыку заведут. Давай потом. Посмотри, как красиво — луна какая-то рыжая. Между деревьев полосы светятся.

Действительно, тропинка была на редкость эстетична, и Ирочка выключила свой конспект. Некоторое время они шли молча, прислушиваясь к приятному лесному шуму, шушуканьям колонны, дыханию друг друга.

— Если мир — враждебный, то и я, как часть мира, враждебный? — с чего-то спросил Павел, хотя и не желал провоцировать продолжение философского урока.

— Ты — не мир. Ты — это я. Да прилепится жена к мужу своему. Кстати, когда ты наконец сделаешь мне предложение?

— Прямо сейчас и делаю.

— Так прозаично. Я смертельно разочарована. Где цветы, кольцо, поцелуй.

Павел спокойно поднял Ирочку на руках и погрузился в затяжной поцелуй, который прервала коряга, очень некстати отдохавшая на тропе. Павел шумно рухнул с Ирочкой в кусты. Сзади раздалось добродушное хихиканье: «Вы остаетесь? Тогда хоть карту оставь — куда идти, не знаем».

— Поцелуй я получила, а как же остальное?

- Дойдем до Крыма, будет тебе и кольцо, и цветы.
- А если не дойдем?
- Типун тебе на язык.
- Только типун?
- Типун, кольцо и цветы. Все будет. В любом случае.

Рассвело. Они продолжали идти. Спереди и сзади подходили люди. Советовались по поводу привала. Сверяли маршрут на карте с показаниями счетчика Гейгера. Все-таки никому не хотелось влететь в зону. На всякий случай подняли воздушный перископ до верхушек деревьев, осмотрелись. Признаков смишников не наблюдалось. С одной стороны был лес, с другой — свежие лесопосадки и небольшая группа коттеджей. За лесопосадками — речушка и заброшенная асфальтовая дорога. Кому сейчас нужны дороги, когда все летают. А туристам — как раз. По карте получалось, что проход они миновали. Можно выходить на оперативный простор. Скоро степь.

Павел объявил привал. Перед сном в палатке включил *видение*. События развивались даже быстрее, чем он ожидал. Рано утром Челка повела оставшихся бойцов на прорыв милицейских кордонов. Челки применили какую-то новую разработку, которая отключила защитные средства противника. «Пацифисты» бросились демонстрировать боевые искусства. Большая часть последовавших за Челкой участников похода стояла в стороне, с недоумением наблюдая происходящее. Но разошедшиеся менты обрушились и на них со всей силой современной полицейской техники. Крупным планом посреди Пашиной палатки довольно симпатичная виртуальная девушка корчилась от электрошока. Челок почти не показывали. Смишников интересовала смачная расправа, душещипательные подробности: разбитые в кровь лица, круто заломленные руки, перевернутый генератор, бутылка с зажигательной смесью, разбивающаяся в замедленной съемке и заливающая огнем ноги милиционера. А вот и Челка. Кричит в камеру: «Сейчас мы их загандячим!» «Последовательница Ганди» разошлась не на шутку.

Вынырнувший из видеоплощадки диктор произнес несколько «объективных» фраз, и кадр сменился: на объемной карте Южной Африки зеленые стрелы уперлись в несколько кружочков, вспыхнули обозначения боев, и кружочки были залиты зеленым цветом. Павел не стал дожидаться новых натуралистических кадров и выключил видение. Сидевший в палатке Лешик что-то недовольно пробубнил то ли по поводу недосмотренного сюжета, то ли — увиденного столкновения.

— Вовремя мы с ними развелись, — констатировала Ирочка.

— Бог его знает. Не разошлись бы, может, они и не полезли бы. — Павел жевал ус, что свидетельствовало о каких-то ему самому неясных размышлениях.

— Полезли бы. И в самый неподходящий момент, — озвучил Лешик общее мнение, в том числе и невысказанное мнение самого Павла. — Теперь еще не отмоешься.

— Ладно, давайте спать. Завтра смишники налетят, будем отмежевываться и крыть ментов.

Павел засыпал так, будто накурился какой-то дряни. В голове роились образы, не имевшие никакого отношения к произошедшим политическим событиям. Столкновение почему-то не тронуло его. Завтра все будет как надо, он «врубится в тему», но сегодня все попытки сосредоточиться не удавались. То давила мрачная (почему-то она казалась ему мрачной) тьма леса вокруг костра, то крутились лица давно не виденных знакомых, мишура текстов на панно. Даже зеленые стрелочки,

мелькнувшие в видении. И вдруг душа понеслась куда-то вверх. Он вспомнил главное на сегодня — ведь он сделал предложение. Вот оно что! У него лежит невеста под боком. Надо же. Попался. Это было так здорово, он наконец-то попался!

Вдруг дрему как рукой сняло. Но не от радостного ощущения, а от резкой боли в предплечье. Сначала он решил, что его укусило какое-то насекомое, и попробовал стряхнуть его, от чего боль стала еще пронзительнее. Это было что-то черное, но не насекомое. И вообще не живое. Тут взгляд упал на Ирочку. Павел ужаснулся выражению ее полуоткрытых глаз. Они смотрели в никуда. И из его любимой ложбинки около шеи торчало черное оперение стрелы.

Портрет неизвестного

21 июля.
Хельсинки.
Романов.

«Критики сломали гору копий по поводу того, что имел в виду автор нетленного романа в каждом конкретном случае. Но почему почти не пишут о том, что имел в виду читатель? Ведь творчество читателей играет ничуть не меньшую роль. Если читатели не станут сопереживать образам и ассоциациям автора, его труд канет в безвестность. Но сплошь и рядом автор, читатель икс и читатель игрек (зет и прочие миллионы) переживают воздействие образа совершенно по-разному. Автор лепил образ со своих знакомых, а мы видим в нем своих. Мы тоже творим. Величие автора — в способности создать образ, который заставляет творить нас. Его мир с мириадами населяющих его людей — это не наш мир. И только образ — словно дверь из мира в мир. Связующее звено реальности».

— Все это изящно, но неверно. Писательская братия заметно воздействует на наши миры. Литературная традиция лепит образ мышления. Пушкин писал «Золотой петушок» под влиянием сказок Арины Родионовны, спора с Раевским и каких-то своих ассоциаций. А мы, с детства зная эти стихи, уже запрограммированы ими. И в тех или иных ситуациях всплывает стандартный сюжет. Теперь это — один из шаблонов нашего мышления. Арина Родионовна, рассказывая Пушкину что-то свое, опосредованно запрограммировала наше мировоззрение на века. Если «царствуешь лежа на боку», то получишь... — рассуждал Сергей Сергеич, довольный своей способностью критически относиться даже к изящным идеям.

— На боку стоит Баку. У кого на боку? У тебя? Ты что, Каспий? И Волга в тебя впадает?

— Вот-вот, в тебе говорит объект литературного зомбирования. Было такое стихотворение: «Я чувствую, в меня впадает Волга». А его пародировали: «И на моем боку стоит Баку». Я тебе эту историю рассказывал довольно давно, ты ее наверняка забыла. А с задней полки памяти всплывает образ.

— Не забыла, а забила. И завыла. От твоего занудства.

С утра у Таньки было невыносимое настроение. Даже томные ласки и урчи Масипаса не спасали положение. Она каламбурила не переставая. Это делало любой разговор невозможным.

— Дай-ка чай.

— Какой качай? Кого тебе качать? Тебя качать? Маленький мой. В детство впадаешь? Или в манию величия? Качай его, качай!

Вся эта манера «шутить» надоела ему смертельно. В таких случаях он предпочитал свести общение к минимуму и философски размышлять о причинах поведения дражайшей супруги. Возможно, она опять намекает на прибавление семейства? Нет, вряд ли. К этой идее она охладела еще в прошлом месяце. Нам не до того. Через годик, если подумать... Но что же она нервничает. Вот, за финнов принялась.

Они как раз пролетали над бывшей границей Союза и Финляндии. В Татьяне проснулся национализм, и она стала корить финнов за то, что те пролезли в Союз через заднее крыльцо. Напросились в Российскую империю, пользуясь прежней к ней принадлежностью, а потом голосами имперских земель были приняты в Союз. Вот и делись с ними теперь всем-всем.

У Сергея было правило — не спускать жене дилетантских рассуждений по национальному вопросу. И он принялся занудливо разъяснять ей преимущества вхождения Великого княжества в состав России и Союза. Таня понимала, что устоять перед логикой супруга не получится. Лицо ее стало каменным, в глазах появился слезный блеск, губы сжались. Она лишь выпалила: «Вечно эти финны пользуются нашей добротой!» Чтобы не слушать методического перечисления достоинств финнов и Финляндии, Татьяна надела наушники с музыкой и уставилась в проплывающие под автолетом карело-финские озера, равнодушные к людским границам, некогда разделявшим этот край.

Поступило сообщение от Ольги. Краткий пересказ беседы с Квидзе. Версия насчет Артема. Бред какой. Анатолий вообще любит дешевые разводки. Хотя надо спросить Артема, звонил ли он из Полиса перед взрывом. Если да, надо всыпать ему по первое число. Он же должен был понимать...

Подулавший духом Сергей Сергеич обустроился поудобней и надел виртуальный шлем. Он знал, что лучшее лекарство от душевных недугов какое-нибудь невинное творчество — музыка или рисунок. Сергеич был любителем и потому предпочитал пользоваться многочисленными подсказками и шаблонами, на фоне которых оставалось только прорисовать изюминку картины, к которой потом присочинить мелодию. Он окружил себя волшебным пейзажем, сфотографированным еще на Кавгубе, стер несколько сосенок на переднем плане трехмерной картины, они загоразживали скалу. Портрет можно было расположить на фоне синевы озера. Художник устроил в пространство несколько шаблонов, немного поиграл пропорциями. Форма головы раздувалась и сплющивалась, пока Сергеич не нашел понравившийся ему вариант. Романов еще не знал, кого хочет нарисовать. Он доверился чувствам, подсознанию. Иногда прорисовывал черты сам, иногда, если что-то не клеилось, доверялся шаблонам, с помощью которых составляют фотороботы.

Облик вырисовывался. Портрет еще не был закончен, но Сергеич понял, что сотворил. Да, это было лицо из вчерашнего видения у Кавгубы. Конечно, ничего сверхъестественного не случилось, но Сергеич в красках вспомнил это неприятное происшествие и странные лица.

Над ухом прозвучал ласковый голос Тани: «Приближаемся к Хельсинки. Температура в городе двадцать один — двадцать два градуса. Будем через десять минут». К сожалению, это говорил автопилот. Его голос был синтезирован под Танин тембр. Сняв шлем, Сергеич обнаружил, что Татьяна заснула и теперь, разбуженная

автопилотом, сладко потягивается. Похоже, ее настроение, известное своей переменчивостью, наладилось.

— Ну, где столица великих финских князей?

Столица лежала у ног Татьяны. Они пришвартовали автолет у высотной парковочной башни на Маннергеймините.

Сергеич давно обещал Тане показать Скандинавию. Так давно, что ее уже тошнило от очередных обещаний. Ее вообще тошнило от давних обещаний о нормальной семейной жизни, о помощи в защите диссера, о поездках, об отдыхе на Байкале. Он выполнял обещания только тогда, когда это полностью совпадало с его рабочим графиком. Ее это просто бесило: «Если у нас родится мальчик, назовем его Социум, если девочка — Работа. Тогда ты будешь их любить». Он решил, что это шутка.

Вот и сейчас Скандинавия, еще и союзная, ей уже заранее не нравилась. Неторопливые финны казались сонными мухами, Сенатская площадь — пародией на Питер. Ей было скучно здесь. Тем более, что Сергеич явно нацелился на какое-то деловое свидание. Просто еще не наступило время, и он изображал неторопливую беспечность отпускника. Она уже знала, что вот-вот пропищит будильник и придется выбирать: или гулять в одиночестве, или манекенить на скучной беседе.

Сергеич должен был встретиться с прокурором Хельсинки Пеккой Паасио. Милый дородный слуга Фемиды опровергал все досужие представления о финнах — он имел очень подвижный ум и торопливые манеры. Пекка с ходу понял суть просьбы Романова и обещал подобрать информацию о подозрительных лицах, ездивших в последнее время в Карелию через Финляндию. Но Пекка был очень занятой человек, так что Романову пришлось ждать времени, назначенного для аудиенции.

Так что пока Романовы зашли в книжный на Кескускуату. Он любил его еще с тех пор, когда книги покупали ради того, чтобы читать. Сегодня нужную книжку легко издать самому с помощью любого компьютера. Издательское дело снова стало кустарным, как в Средние века. Что только теперь стало не также, как в Средние века? И в этом магазинчике продают старые книги или делают уникальные шедевры. Их приятно держать в руках. Ими украшают интерьеры. Не без удовольствия Сергеич обнаружил на полке свои «Предпосылки Китайской революции». Он взял книгу в руки, ощупал приятный шелковистый переплет, архаичную голографическую фотографию на обложке. Вспомнил поездку в Пекин. Портрет Мао на площади, нескончаемые потоки людей, образцовый порядок. Но он-то знал, он уже фиксировал предпосылки...

— Сергей Сергеевич! Какими судьбами?!

Анатолий! Откуда взялся? Сейчас это немного некстати.

— Здравствуйте, Анатолий Александрович. Рад вас видеть, — Сергеич краем глаза зацепил ненавидящий взгляд жены. Бедная, она решила, что Анатолию назначена встреча в этом магазинчике, как в шпионской истории.

— А я как рад. Раз уж встретились, не пообедать ли нам вместе?

Отказываться было неудобно. По тону Сергеича Татьяна поняла, что ошиблась. Ее настроение снова поменялось, и она принялась весело подкалывать Анатоля. Тот радостно смеялся над ее шутками. Напряженность спала. Они уселись за столик небольшого кафе на Эспланади, напротив какой-то абстрактной скульптуры, изображавшей обнаженных мужчину и женщину с равнодушными лицами. Неужели это про нас?

Анатолий заказал роскошные блюда, даже натуральное мясо, крайне дорогое в Финляндии. Конечно, Сергеич тоже был человеком обеспеченным, но есть мясо в Западной Европе... Это он считал делом крайне расточительным. Но если Квидзе угощает...

Анатолий говорил не умолкая. Этот разговор он обдумывал последний час с большой тщательностью. А в случае необходимости он умел держать аудиторию. Слегка пококлетничав с Татьяной, Квидзе быстро сделал ее своей союзницей и в случае необходимости прибегал к ее мнению как к независимому. Собеседника он насыщал крепко увязанными аргументами, которые соответствовали взглядам самого Романова. Тот с удовлетворением отметил, что позиции Квидзе эволюционируют в правильном направлении и с ним, пожалуй, можно будет посотрудничать.

— Очень приятно было с вами пообщаться. Свяжитесь со мной через недельку.

— Как же. С вами свяжешься. Я посылаю вам немало сигналов, но получал вежливые отписки, — промурлыкал Анатолий с видом обиды понарошку.

— Не обижайтесь, старина. Много работы. Да и поля для сотрудничества не было. А сейчас, после нашего разговора, я откликнусь незамедлительно. Ваша идея о синтезе Империи и Союза кажется весьма интересной. А сейчас мне пора.

— Да, вот еще что. Будьте осторожны с Артемием Павловичем.

— ?

— Знаете, разную информацию приходится собирать. Похоже, он окончательно свихнулся на своей теории мирового заговора и начал сам создавать доказательства этой гипотезы. Мы пока не располагаем всеми материалами, но, вероятно, именно он организовал взрыв в Полисе.

Сергеич вспомнил об Ольгином письме. Анатолий-то упорен в своей голословной версии. Но Анатолий Александрович, ставший вдруг крайне серьезным и даже как-то суровым, протянул собеседнику дискету с материалами.

— Вот, ознакомьтесь на досуге. И знаете что, не ходите сейчас к Пекке. Через десять минут он все равно будет арестован.

Наверное, эта фраза была рассчитана на то, чтобы окончательно подавить Сергеича и взять его в оборот. Но результат получился иной. Все-таки за столиком на Эспланаде сидел один из крупнейших аналитиков Европы. В голове у него быстро складывались цепочки доводов. Во-первых, было очевидно, что Анатолий встретил Сергеича здесь не случайно. Во-вторых, весь предыдущий разговор был нужен лишь для того, чтобы расположить Сергеича к себе. Конечно, Анатолий рассчитывал и на дальнейшее сотрудничество, но затеял все это ради последних фраз. Значит, у него в руках действительно что-то убедительное. Получается, и про Пекку он знает точно. Иначе не стал бы подвергать риску весь диалог, сообщая непроверенную, недостоверную информацию. Сообщение об аресте должно только подтвердить компетентность Анатолия. Если он прав, а он конечно прав, то и с Артемом нет дыма без огня. Так хочет показать Квидзе. Остается выяснить «пустячок» — помощь это или провокация. Так что придется продолжить общение с Анатолием. Он от этого, конечно, не откажется.

— А за что арестуют Пекку? — голос прозвучал как можно равнодушнее. Анатолий решил, что Сергеич ему не поверил, и триумф произойдет через десять минут, когда об аресте прокурора Хельсинки объявят по всем каналам.

— Взятки и организация наркоторговли. Обычное обвинение в Европе. Конечно, конечно. Пекка не таков. И, по нашим данным, он не виноват. Это выяснится на

процессе года через два. А на это время он будет устранен со сцены. И заместитель председателя магистрата продвинет своего человека на пост прокурора. В Хельсинки возникнет перевалочная база. А следователь Интерпола, добившийся ареста, получит теплое местечко где-то еще. Нынешний террор в Европе носит гуманный характер. Все понимают, что через год-два Пекка выйдет из тюрьмы в ореоле славы. Про него будет снят сериал. Он станет председателем магистрата Хельсинки и искоренит заразу. Только европейские мафиози уже найдут к тому времени новый перевалочный пункт. Пойдемте, посмотрим на начало этой драмы.

Сергей Сергеич уже набирал номер Пекки. Анатоля это не очень взволновало. О чем он может предупредить своего финского друга? Полиция уже вылетела.

— Привет, это Романов. Ну как, мы встречаемся? Все хорошо. Да, я тут рядом, на Эспланади. Материалы подготовил? Большой киитос. Слушай, не сочти за труд, вышли мне их прямо сейчас. Я понимаю, что секретность. Но там же нет служебных тайн. Зачем? Да это такое русское пари. Я понимаю, что чушь, но ты хотя бы подготовь их к высылке на мой адрес. Через десять минут мы все посмеемся, если я, то есть он, не прав. А если что, просто нажми на кнопку.

Они встали из-за стола и прошлись по Коркеавуоренкату до дома Пекки. Улица была перекрыта. Дальше над ней висели полицейские автолеты. У Сергеича запищал компьютер. Подмигнув помрачневшему Анатолю, Романов перелистал присланные Пеккой материалы. С одной из страниц на него смотрело лицо, поразительно похожее на недорисованный утром портрет.

Вечный город

21 июля.

Рим.

Артем.

«Окружающий нас мир соткан из мифов, определяющих наш способ мышления. А этот способ определяет наши действия. Действие — наша способность изменять реальный мир. Что же может быть более реальным, чем изменяющее мир действие. Даже если оно основано на мифах».

Артем процитировал эту фразу, глядя на расстилавшийся внизу миф. Марина не видела его взгляда из машины, но подумала о том же, тут же поделившись мыслью с микрофоном: «Есть мифы, над которыми не властно никакое действие. Например, Вечный город».

Вечный город есть вечный город. Такого количества обломков вы не найдете ни в одной точке Земли. Здания самых разных эпох и стилей, нагроможденные друг на друга. Останки Форума, раскиданные в том же порядке, в каком их оставили вандалы. Белоснежный дворец, растолкавший могучими крыльями средневековую архитектуру. Гигант-Колизей, вокруг которого мухами вьются туристические автолеты, а в недрах копошатся сотни туристов, желающих прочувствовать — каково это, всаживать короткий меч в человеческое тело на потеху почтеннейшей публике. Многочисленные виртуальные эффекты позволяют пережить все впечатления и зрителей, и гладиаторов, и первохристиан, скормленных львам. Рим возвратился к истокам. Неограниченное количество хлеба и зрелищ.

Артем и Марина оставили автолеты на стоянке. По Риму надобно ходить пешком. Здесь не признают правил вождения, и только местные жители способны маневрировать в каше летательных аппаратов над городом. Время от времени машины сталкиваются, наверху разносятся глухие удары. Иногда обшивка корезится настолько, что выпускает критическое количество газа, и автолет плавно парашютирует на ближайшую крышу, оборудованную под посадку. Тогда начинается интереснейший поединок, во время которого хозяин крыши и незадачливый пилот в чисто итальянской (иберийской, кавказской, латиноамериканской) манере сторговываются о плате за парковку.

Но и на земле туристу нет покоя. Сверху то и дело пикируют лихачи. Это тоже местная игра — вплотную подойти к запрещенной высоте двести метров, ни сантиметра ниже, иначе в дело вступит полиция и штрафа не избежать. Но чтобы недотрогам внизу посещение Вечного города медом не казалось, на автолеты ставится специальное оперение, которое визжит, как бомбы прошлого века.

На Виа дель Корсо не протолкнуться. Через эту улицу в день проходят тысячи туристов, которые как раз и кормят Вечный город, а тот уже делится с ближайшими провинциями Итальянской федерации. Артем решил не мучить Мариночку, мусоля ее о толпу зевак Виа дель Корсо, и обошел пробку мимо Тритона. Он хотел подарить своей новой знакомой Пьяцца де Испанья, и преуспел в этом. Они вышли к собору сбоку. Вниз уходила бесконечная лестница, усеянная парочками влюбленных. Горячий воздух римских каникул подхватил их. Артем махнул рукой мороженщику, и к Марине тут же подлетел лоток, нагруженный соблазнами. А потом они сидели на горячей каменной ступеньке, романтически глядя то в даль, то друг на друга. Артем ждал часа дня.

Они не торопясь прошлись вдоль Тибра. Артем декламировал Марине под локон истории королей и императоров, преодолевая приятным баритоном городские шумы. Без пяти два они были на Концилиасьоне. Купол Святого Петра царил над миром в паре сотен метров. Марина была уже достаточно вымотана, чтобы отдохнуть от познания мира. Артем усадил ее на каменную скамейку, заботливо подстелив теплонепроницаемый пакет.

— Знаешь, Мариш, мне тут нужно переговорить кое с кем. Ты посиди здесь, хорошо?

— Я с тобой. — Голос звучал уверенно. Все-таки не нужно было отдыхать на Пьяцца де Эспанья. Помотал бы ее по улочкам до полного изнеможения. Так нет же, пожалел ребенка.

— Потом, потом сходим и туда. Да я буду у тебя на глазах. Вон, видишь вход в собор? Я схожу туда и обратно. Вот, держи мой полевой компьютер. Если что не так, нажми эту кнопку. Ладно?

Марина без особого энтузиазма согласилась. Все вышло, может быть, и не так естественно, как он планировал, но в общем-то нормально. Главное, чтобы она точно поняла про кнопку. Артем еще раз повторил сказанное и дал понять, что кнопка нужна не для связи с ним, а «на всякий пожарный». Какой «пожарный»? Ну, мало ли какие бывают пожары. Артем отметил про себя, что сохранить безмятежный тон все-таки не удалось, и Марина смотрит на него с некоторой опаской. «Интересно, она боится за меня или меня?»

Как можно небрежней он погладил ее по голове и двинулся в сторону собора. Глыба надвигалась на него сквозь какофонию городских звуков, мельтешение толпы и

стук в висках. Артем понял, что ему страшно. Вдруг все стихло. Уши словно залепило ватой. Он ступил на территорию Ватикана. Мир изменился. Туристы степенно и благоговейно двигались к храму. Голоса звучали приглушенно. Толкотни не было. Страх исчез, и в свои права снова вступил трезвый расчет. Артем пощупал защитный плащ. Конечно, он вряд ли сможет спасти от серьезного покушения. Но серьезных покушений на этой площади не было уже несколько десятилетий. Едва ли они пойдут на такой скандал. К делу подключится вся европейская система безопасности. Слишком большой риск.

Он облокотился о колонну и оглядел площадь. Как и следовало ожидать, Ольги не было. На него никто не обращал внимания. Около колонн стояло и сидело еще несколько человек. Они кого-то ждали или просто отдыхали под сенью католической благодати. Артем понимал, что дело сделано, но теперь было важно зафиксировать их всех. Глазок видеокамеры был вмонтирован в значок на груди, и Артем методично обводил им площадь. Наблюдатель точно здесь. Дальнотзорные приборы тут не помогут, цель может проскользнуть незамеченной между колонн. Так что он точно здесь, причем появился раньше. Значит, вошедшие следом не в счет. Или в счет? Его ведь могут передавать из рук в руки. Пасти. В любом случае торчать здесь теперь не было смысла. Но и уходить просто так не следует. Артем оттолкнулся от колонны и решительно зашагал ко входу во храм.

Каменная высь приняла его в свое лоно. Мраморные мудрецы в папских тиарах успокаивающе заглядывали в глаза. Туристы казались прихожанами, священники — святыми, изваяния — осколками духа. Журчание святой воды и тихий шепоток посетителей убаюкивали. Артем перестал запоминать и снимать встречные лица. Кому нужно, тот был на улице. Здесь только братья и сестры. Он сделал шаг к источнику святой воды. Женщина, опустившая руку в чашу, перекрестилась и обернулась к нему. Черный костюм, обтягивающий идеальную фигуру, был уместен цветом, но выглядел вызывающе. Он соблазнял. Вернее не он, а плавные движения пантеры, перекаты мускул, резкий контраст черного блеска и бледности кожи. Кружевное покрывало на голове только подчеркивало идеальную красоту прихожанки. Ее лицо было немного непропорционально. Но об этом Артем подумал лишь на следующий день. «Вот что значит стиль». Она улыбнулась ему светлой улыбкой. У чуть раскосых глаз проступили мудрые морщинки. Еще мгновение, и гибкое тело в черном исчезло за колонной. Преследовать видение было бы бестактно. Да и дитя на улице заждалось.

Артем вышел на свет Божий. Облака заволокли римское небо, и контраста с полумраком Святого Петра не чувствовалось. Но никакое очарование святости и греха не могло отвлечь Артема от задачи выживания. Теперь нужно было проследить, не двинется ли кто-нибудь вслед. Для этого у него имелась еще одна камера сзади. Он сделал несколько шагов и тут же увидел Марину, которая в нерешительности озиралась по сторонам.

— Артем, Артем! Представляешь, у меня отняли твой компьютер!

И тогда Артем усомнился, собираются ли его вообще убить.

Расстрел

21 июля.

Килва-Кивиндже

(Восточно-Африканское побережье).

Ольга.

«Все так устойчиво вокруг,
Вы — в мягком кресле, море тихо,
Вас на «Титанике», наверное, несет...»

Или что-то в этом роде. В критических ситуациях Ольга вспоминала обрывки давно прочитанных стихов. Но такой критической ситуации с ней еще не случилось.

Ольга Борисовна Костикова, уважаемый эксперт и благополучный во всех отношениях (кроме личного) человек, стояла в полном одиночестве где-то в Южном полушарии и обалдело смотрела на бесконечный пляж и зависший над ним Южный крест. Она уже проделала все упражнения, чтобы точно убедиться — это не сон, не галлюцинация и не бред сумасшедшего. Тем более что сумасшедшей она не могла быть по определению. Нужно было куда-то идти, да и в одном купальнике холодновато. Вариантов не было: примерно в километре от берега виднелось шоссе. Оно было еще более пустынным, чем пляж. На море, по крайней мере, плескались волны, а здесь только ветер и камни. Ольга уселась на один из них и решила, что хорошо бы разрыдаться, дабы сбросить нервное напряжение. Но, как на зло, не рыдалось. И не думалось. Положение было настолько нелепым, что даже настроение как-то еще не успело испортиться. «Интересно, что бы могло по-настоящему испортить мне настроение?»

Как только она это подумала, на горизонте блеснули фары. «Слава Богу, здесь еще пользуются автомобильным транспортом. Или уже пользуются?» Она стала кричать и прыгать, всем своим видом изображая Робинзона Крузо, жаждавшего контакта с кораблем. И контакт наступил. К Ольге подкатил громадный армейский грузовик, из которого высыпали десятка два здоровых мужиков в военной форме и с совершенно черными лицами. Они что-то радостно и живо обсуждали на незнакомом ей языке. Под громкие восклицания солдаты начали хватать новую знакомую руками. Руки были сильны и алчны. Они трогали Ольгину кожу, пробуя ее на мягкость, прочность и, казалось, даже на вкус. Похоже, эти бойцы не видели женщину несколько лет, а уж белую и подавно. Один из воинов неизвестной страны с громким криком сорвал с Ольги верхнюю часть купальника и начал тыкать ей пальцем в грудь, что-то радостно втолковывая своим братьям по оружию.

В это время сзади раздался негромкий голос, который странным образом перекрыл весь разразившийся на безмолвном шоссе гвалт. И снова стало тихо, как до приезда грузовика. Только ветерок свистел в ушах. Солдаты выстроились во фронт, будто Ольга была президентом иностранной державы. Она так и осталась стоять в нелепой позе, которую вылепили солдатские руки. Вдоль строя прогуливался низенький чернолицый военный, умудрявшийся смотреть на своих здоровенных подчиненных сверху вниз. Во всяком случае, таково было выражение его лица. Он не торопясь подошел к Ольге, осмотрел ее со всех сторон, тоже сверху вниз, и негромко что-то спросил. «Извините, я не понимаю. Союз. Россия», — ответила она как можно вежливей. Офицер (или генерал, или сержант, кто ж его знает) повернулся к подчиненным и что-то тихо сказал, ткнув при этом ей пальцем в живот. Солдаты ответили громким ржанием. Затем последовало несколько коротких распоряжений, и находка подразделения оказалась в здоровом мешке. Ее аккуратно положили на пол, и грузовик продолжил путь.

Где-то через полчаса в глаза Ольге брызнул яркий электрический свет. Ее не вынули из мешка, а прорезали в нем дыры для головы и рук. Сначала вытащили руки, которые тут же привязали к какой-то поперечной трубе. И лишь потом позволили осмотреться.

Как в кино. Просто боевик. Ольга находилась в полуподвальном помещении. Напротив нее стоял стол с несколькими стульями. Выше висел портрет Исы. Значит, она в Халифате. Как же ее угораздило сюда попасть? Конечно, век скоростей и коммуникаций, но все же... Сбоку выделялась неокрашенная часть кирпичной стены — вся в выбоинах, забрызганная какой-то грязью. Это странно, поскольку остальная часть помещения была чисто вымыта. Рядом стояли двое солдат. В дверях офицер. Он что-то сказал охране и вышел.

Воины ислама смотрели на нее весело и, кажется, дружелюбно. Между ними завязался оживленный разговор, явно по ее поводу. Один на чем-то настаивал, а второй отнекивался. Но тоже как-то нехотя. Наконец, один поставил оружие к стене, подошел к пленнице и улыбнулся ей. Она улыбнулась ему, на всякий случай. Солдат сказал ей что-то ласковое и залез рукой под мешок. Ольга даже не успела испугаться, потому что вошел офицер.

Улыбка тут же исчезла с лица охранника, а само лицо из темно-коричневого сделалось темно-серым. Его товарищ изменил положение в пространстве, и Ольга поняла, что теперь он охраняет уже их обоих. Офицер, чеканя слова, подошел к провинившемуся, снял с него пояс и отошел в сторонку. Солдат понуро отошел к кирпичной кладке. Офицер вытянул руку, в которой оказался пистолет. Раздался оглушительный удар по ушам, и Ольга воочию увидела, чем была забрызгана стенка. Второй охранник буднично взял мертвого сослуживца за ноги и вытащил его из комнаты. Затем вернулся и, как ни в чем не бывало, стал мыть пол. Офицер, довольный его работой, что-то ласково сказал и направился к выходу.

Вот тут Ольга уже не выдержала впечатлений и закричала во всю силу легких. Офицер озадаченно подошел к ней, поднял края мешка и стал сосредоточенно разглядывать тело, видимо разыскивая скорпиона, ставшего причиной такого шума. Ольга осеклась. Начальник что-то довольно сказал охраннику и пошел восвояси.

Как только он исчез, охранник подбежал к окну и, глядя во двор, начал быстро раздеваться. Видимо, на этот счет в исламской армии тренируют хорошо. Уже через несколько секунд Ольга могла насладиться зрелищем обнаженной натуры. По поводу намерений ее соседа по комнате никаких сомнений быть не могло, но он был сообразительнее предшественника. Новый претендент пружинисто подошел к Ольге и, не тратя драгоценное время на улыбку, задрал мешок ей на лицо. Дальше она ничего не могла видеть, но палитра чувств была самой гнусной. В Ольге как-то сразу проснулся никогда раньше не проявлявшийся расизм. Каждое прикосновение было ей омерзительно. Вот сейчас и произойдет самое страшное. Она собралась заорать, но поняла, что после ее прошлой истерики вряд ли кто-то отреагирует на крик.

Но самое страшное не успело произойти. Тем более что это было еще не самое страшное. Как только насильник приготовился к делу, во дворе послышался шум. Мешок тут же был приведен в исходное положение, и Ольга с облегчением увидела обратный сеанс мужского стриптиза — столь же стремительный, как и раздевание. Через несколько секунд подтянутый часовой стоял рядом с ней навтыжку. Еще через секунду в комнату вошло несколько весьма важных персон. Это было ясно потому, что давешние офицеры смотрели на них глубоко снизу вверх.

«Генералы» сели за стол. В центре — седовласый африканец с умными глазами. Посмотрев на пленницу, он сказал на чистом русском: «Здравствуйте». Затем отдал негромкую команду, и Ольгу отвязали от трубы. Чувство облегчения было такое, что она чуть не лишилась сознания и на этот раз расплакалась навзрыд. Офицер галантно поднес ей кувшинчик с водой и успокоил учтивыми похлопываниями по спине.

— Разрешите поприветствовать вас на нашей гостеприимной земле, — продолжил седовласый генерал. — К сожалению, встреча была не очень радушной, но ведь вы сами в этом виноваты. В нашей стране не принято разгуливать в обнаженном виде. Это не Европа.

— Да, я понимаю. Но у меня не было одежды. Я была похищена из России и отправлена сюда в бессознательном состоянии. Вот в таком виде.

— Кем похищена?

— Точно не могу утверждать. Думаю...

В голове все путалось. Анатолий — похититель. Глупо. Да какая разница. Что они, будут проверять:

— Последний, с кем я встречалась, был Анатолий Александрович Квидзе. Потом не помню. Может быть, он ни при чем. Я потеряла сознание.

— И как он вас перебросил в Килва-Кивиндже?

— Куда?

— Да вот сюда.

— Не знаю. Я же говорю, была без сознания.

— Ах да, конечно. Без сознания. (Это была его первая грамматическая ошибка. И говорил он почти без акцента. Видимо, долго учился в Союзе.) Ну да ладно. Тут есть другой аспект. Я понимаю, у вас это вышло невольно. Но все же, по нашим законам прогулки без одежды — серьезное преступление. Мы ведем трудную цивилизаторскую работу здесь, в Африке. Долгое время угнетенные народы континента не имели возможности прикрывать свое тело. Они были бедны, их эксплуатировала Европа и Америка...

— Да, да, — с готовностью закивала Ольга, решив поддерживать любую чушь на всякий случай. — Но Россия всегда была против этого. У России не было колоний в Африке.

— Мы помним об этом. Хотя и не можем забыть о коммунистической экспансии на континенте, — парировал собеседник. — Сегодня жители Африки обеспечены продовольствием и добротной одеждой. У нас работают заводы, которые потребляют сырье, ранее отправлявшееся в страны Севера. Мы можем опираться на собственные силы. Мы трудимся в поте лица своего, как требует Аллах. Но нам мешают пережитки прошлого, и один из них — стремление некоторых племен ходить без одежды или почти без одежды. Это очень важная проблема, с которой борется весь наш народ. Вы, конечно, знаете работы доктора Фрейда.

— Да, конечно.

— Это поможет вам понять. Конечно, доктор во многом был неправ, он недооценивал творческой силы Аллаха. Но одно он усмотрел верно: энергия человека будет очень велика, если его половые инстинкты находятся в крепкой узде. Если вы не часто общаетесь с особью иного пола, вы энергичней в других делах, в борьбе за высокие идеалы. Это понятно.

— Конечно.

— В этом смысле ваше появление в таком виде вывело из строя целое

подразделение нашей армии. Это — как бомба.

Ольге лестно было услышать, что она стала здесь секс-бомбой. Но похоже, что генерал приписывал ей диверсионные намерения.

— Я все понимаю, я виновата. Но этого больше не повторится. Я готова ходить даже в этом, — она показала на мешок, — лишь бы не нарушать ваши справедливые законы.

— Ну что вы, мы не варвары. Вам не придется в этом ходить. Во всяком случае, вы ведь осознали свою вину.

— Конечно, конечно. Я все осознала.

— Тогда вам нужно подписать обязательство не нарушать впредь законов Халифата.

Перед Ольгой появился текст на русском и арабском — признание вины и обязательства не нарушать законы страны впредь.

— Вы должны переписать от руки русский текст и расписаться.

Ольга с готовностью выполнила эту просьбу.

— Что же, очень приятно было познакомиться, — ласково сказал генерал и произнес какую-то торжественную фразу по-арабски. Солдат подошел к Ольге, крепко взял ее за локти и перенес к кирпичной стене. Его руки, изголодавшиеся по женскому телу, с неохотой расстались с этими локтями — солдат с усилием толкнул ее к стенке. Ничего не понимающая Ольга с ужасом почувствовала неровности плахи. Офицер смотрел на приговоренную с явной симпатией. Он поднял пистолет, и Ольга ужаснулась нелепости собственной последней мысли: «Все-таки они умудрились сегодня испортить мне настроение».

Горная дорога

21 июля.

Кабул и севернее.

Василий.

«Мудрый гуру попросил ученика принести веер из кости носорога. «Веер сломался», — ответил ученик.

«Тогда неси самого носорога», — приказал Учитель.

«Что бы вы сделали на месте ученика?»

Вася сидел в мягком надувном кресле. Можно было бы почувствовать себя в гостях, если бы собеседник не расположился за массивным черным столом под портретом Вождя, и если бы в лицо не бил сноп яркого света. Это был допрос. Хотя и с философским оттенком. Лица следователя Вася не видел из-за света — только силуэт. Настроение было препоганое. И что особенно странно, голос следователя казался ему знакомым.

— Мне не до философий. В чем меня обвиняют?

— Как это в чем? Вы меня удивляете? Ваша подруга ухлопала несколько стражей порядка и скрылась в неизвестном направлении. Погибло несколько мирных жителей, в том числе ваша соотечественница. А вы корчите из себя невинность.

— Ах, вот в чем дело? — Вася уже продумал версию защиты. Он понимал, что правдивое объяснение никого не убедит. Уж вляпался так вляпался. Поэтому придется

слегка подкорректировать истину. — Я познакомился с ней, прогуливаясь по городу.

— Где?

— Трудно сказать. Ваши улицы для нас, европейцев, так похожи. Где-то ближе к Тадж Беку.

— Ах, Василий Иванович, Василий Иванович. Лгать грешно.

Вот тут Вася понял, что попался. Собеседник знал, что перед ним никакой не Ричард, а просто Вася из «Социума». Всего ничего. Собеседник продолжал неторопливо размазывать «Джеймса Бонда», как будто это был не человек, а кусок пластилина у него на столе: «С этой террористкой вы познакомились не «ближе к Тадж Беку». Там я уже за вами самолично наблюдал. Вероятнее всего, она тоже. Но не подошла».

Васе стало ясно, что сейчас его, пожалуй, не посадят. Более того, ему покровительствуют. Разоблаченный «агент Москвы» счел за лучшее не спрашивать, почему.

— Ну вот что, молодой человек. Будем считать, что я поверил вашей версии. Тем более что через час у вас встреча с гидом.

— А эта девушка тоже ваш человек?

— Что значит «ваш человек»? Она, конечно, наш человек. Гражданка страны, хорошая девушка. И пустыню знает. Лучшего гида тебе, Вася, все равно не сыскать...

Вася стоял близ серого небоскреба, уходящего в небо сотнями этажей. Небоскребы Кабула составляли гордость страны. Строили их специалисты со всего света, в том числе и из Союза. Но считалось, что проекты разрабатывались под чутким руководством самого президента. Поскольку автолетами в стране не пользовались, жители перемещались на гигантских лифтах, которые в часы пик заполнялись толпами в пару сотен человек. Президент был большим добряком и учел, что жители не должны тратить уйму времени, чтобы добираться до работы общественным транспортом. Поэтому промышленные предприятия располагались здесь же. Можно было выйти из квартиры, подождать минут десять скоростного лифта, проехать до нужного моста, который соединяет жилой небоскреб с промышленными, пройти в промышленный небоскреб по движущейся дорожке — и ты уже видишь из окна офиса или цеха свой дом. Очень удобно. Западная и советская пресса, недружелюбно настроенная в отношении Стана, писала, что воздух вокруг промышленных небоскребов нечист. Но это было не очень важно, потому что окна в жилых небоскребах все равно не открывались, и воздух подавался через систему очистки, также мудро предусмотренную самим президентом. Все это Вася прочитал в туристической брошюре по дороге с космодрома.

Как это ни странно, ему еще никогда не приходилось бывать в современных небоскребах. В Союзе их не строили, поскольку пространства страны хватало на дом для каждого. Так что небоскребы строили только промышленные, и посещать их нужно было по долгу службы. У Васи была другая служба. В Европе из-за падения рождаемости плотность населения была тоже не столь велика, чтобы загонять людей жить в эти циклопические конструкции. Как-то раз в Америке Васе довелось посетить небоскреб прошлого века, но ни в какое сравнение с нынешними азиатскими монстрами он не шел. Тем более что залетели они в него на автолете. А теперь микроскопический Вася стоял у подножия огромного гриба и чувствовал себя червячком, которому предстоит погрузиться в толщу ножки.

Попасть в здание оказалось не так просто. Жители проходили через турникет,

вставляя в него какую-то карточку. У Васи ничего подобного не было. Ему пришлось встать в гостевую очередь. Через некоторое время он уже имел приятную беседу со служащим, который не говорил ни по-русски, ни по-английски. По счастью, президентская мудрость предусмотрела оборудовать этих швейцаров переговорными компьютерными программами, которые с грехом пополам переводили иностранные языки. В конце концов швейцар набрал нужный телефон, переговорил с хозяйкой и показал ей по видео облик посетителя. Облик хозяйку устроил. Вася прошел через турникет.

Толпа быстро впихнула его в просторный зал, который моментально заполнился народом. Неожиданно для себя Василий оказался под мышкой у высокого таджика. При этом Васю поместили в некоторого рода сэндвич между толстым животом пожилого мужика с одной стороны и костлявым хребтом какой-то освобожденной женщины Востока — с другой. Эта бесцеремонность была для Васи совершенно новым явлением. Незнакомые люди редко приближались к нему ближе чем на полметра. А здесь что-то невообразимое, и отойти некуда. Даже не вздохнуть. Тут еще зал ринулся вверх, то набирая скорость, то притормаживая на этажах. Вася стал задыхаться. Слава Богу, эта пытка продолжалась минут пять. На табло загорелся нужный ему этаж. Вася было дернулся к выходу, но его попытка выбраться вызвала бурю возмущения. Пассажиры лифта горячо обсуждали поведение невежливого соседа, но как выбраться, Вася не знал. Пришлось ему ехать до конечной. Затем история повторилась, хотя Вася и пытался держаться ближе к выходу. Только с третьего раза он понял, что у пассажиров лифта была какая-то договоренность, волшебное слово, с помощью которого люди менялись местами и заранее продвигались к выходу. Вероятно, этот порядок тоже был придуман президентом. Поскольку Вася волшебного слова не знал, он стал пристраиваться в хвост к тем, кто пробирался на волю. Но и на этот раз от заветной двери его отделяла широкая спина, от которой воняло потом и одеколоном «Отечество», запах которого ужаснул его ещё в киоске Старого города. Вася собрал все силы в кулак и вытолкнул обладателя запаха наружу. Мужчина дал Васе по уху и вскочил назад в кабину.

Вася был совершенно измучен и чувствовал себя как герой компьютерной игры, перешедший с одного уровня сложности на другой. Он ждал, что впереди предстоят новые головоломки. И не ошибся. От шахты лифта во все стороны расходились коридоры. Вася не мог понять надписи, которые помогли бы ему сориентироваться. Попытка связаться с Гульнаррой по мобильной связи не удалась — в здании сигналы не проходили.

В отчаянии Вася начал приставать к прохожим с вопросом: «Говорите ли вы по-русски?» И довольно быстро преуспел. Словно из-под земли вырос парень, которым предложил свои услуги за десять рублей. Ох уж этот Ахмед. В нем сочеталась восточная хитреца и западный прагматизм. Он шутя обсуждал дела и вставал по стойке «смирно», если речь заходила о президенте его страны. При этом не было ясно, издевается он или благоговееет. Ахмед говорил, что знает все о горах северного Стана, о Пустыне и даже о Союзе, где он сначала побирался с родителями, а потом учился на географическом. Впрочем, Васе было не до размышлений о том, кто перед ним: восточный Швейк или южный Сусанин.

Еще через полчаса переходов с одной движущейся дорожки на другую мимо голографических панно, демонстрировавших официальную хронику и народные танцы, Ахмед подвел Васю к заветной двери. По дороге новый гид уже договорился о

том, что за умеренную сумму в русской валюте он поможет с машиной и проводником. Это было как нельзя кстати, потому что с очаровательной дамой, по существу, предложенной ему спецслужбами, нужно будет на каком-то этапе развестись. Теперь Вася не пытался скрыть свой маршрут. Местный КГБ его не преследует.

Дверь открыла Федерика. Выяснилось, что Гуля смотрит видение и оторвать ее от этого занятия невозможно. Что-то очень интересное и редкое. Васю (который снова стал Ричардом) несказанно удивило, что по видео могут показывать что-то редкое. Ведь всегда можно заказать себе нужную программу или фильм по Сети. Стало быть, демонстрируют какой-то эксклюзив, что-то сверхсрочное. Но нет, посреди комнаты на импортной видеоплощадке выясняла отношения какая-то влюбленная пара.

— Это сериал, — пояснила Федерика. — Любимое развлечение здешних женщин. Их штампуют по компьютерной программе. Актеры уже давно умерли, может быть, еще в прошлом веке, а дело их живет.

— А почему нельзя это записать?

— Что вы, что вы. У них тут ничего нельзя записывать.

— А как же они живут?

— Да как-то живут. Они специализируются на производстве индустриальной продукции. Свободная переработка информации им ни к чему. Стан — это фабрика. А на фабрике не нужны лишние рассуждения.

Пришлось Васе ждать окончания сериала. Гуля была сильно растрогана, в ее глазах стояли слезы. Когда Вася сообщил ей, что у него уже есть гид, вопреки ожиданиям, Гуля обрадовалась: «Значит, не надо никуда ехать. Очень хорошо, у меня столько дел!» Это было странно. Для агента Верховного Гида (как про себя Вася стал называть следователя) это было непростительным отлыниванием от шпионских обязанностей. Но не взять с собой «нашего человека», заменив «сомнительным» Ахмедом, это был бы вызов местным властям. Поэтому Вася, горячо поддержанный Федерикой, уломал Гулю помочь туристу. Хотя бы довести его до Душанбе.

Дальше все завертелось в каком-то суетливом круговороте. Подготовка поездки по стране оказалась делом невообразимо сложным. Несмотря на то, что Гуля каким-то образом была связана со спецслужбами, у нее не было никаких привилегий при оформлении вороха необходимых документов. Оба гида таскали Васю по инстанциям, очередям и довели его до такого же чувства, которое он испытал первый раз в лифте. Васе казалось, что он уже никогда не выберется из Кабула, что он поселится здесь, женится на таджичке, выучит язык и научится ездить в переполненных лифтах. Если, конечно, это искусство вообще доступно русскому человеку.

Но вот однажды утром в гостиницу позвонила Гуля и сказала, что Ахмед как-то там договорился об ускорении дела. Можно выезжать.

Оказалось, что в их «Великий северный поход» намеревается отправиться еще и Федерика. Она тихой сапой тоже оформила себе документы. Без лишней суеты и беготни. Федерика хорошо знала восточные обычаи и некоторых людей в местном МИДе. Она могла бы поехать самостоятельно, но не умела водить машину. И раз уж такая оказия...

Вася впервые в жизни ехал на автомобиле по горам. Где-то в далеком детстве, еще до начала массового производства автолетов, он ездил по земле. Но это ощущение уже забылось. А теперь... Что-то невероятное. Камни пролетали в нескольких сантиметрах от борта машины. Правила вождения автолетов запрещали приближаться

на два метра к каким-либо объектам, кроме парковочных систем. Выяснилось, что машина не оборудована компьютером, который выверяет маршрут. Невероятное искусство водителя позволяло удерживать машину между скалами и пропастями, повторяя все изгибы пути. Васе было непривычно все: и отсутствие панорамы под кабиной, и пролетающие вблизи на большой скорости встречные аппараты. Как они не сталкиваются без компьютерного анализа маршрута? Ахмед, который вел машину, беспрерывно что-то обсуждал с Гулей на смеси русского, пуштунского и таджикского языков, время от времени отворачивался от дороги, обращаясь к пассажирам. Они хохотали — к ужасу Ричарда. Ему казалось, что вот сейчас Ахмед врежется в очередной поворот, но этого почему-то не происходило.

Впечатления прошедших дней так утомили Васю, что в Душанбе он проспал весь день, даже не посмотрев город. Но вообще-то смотреть было особенно нечего — тот же Кабул. Зато попутчики успели поссориться. Вася не ожидал, что Федерика может быть такой агрессивной. Она кричала на Ахмеда по-таджикски. Гуля вступилась за собрата по гидовской профессии. От их гвалта Вася проснулся и застал только взбешенную «Сирано», которая бросила на ходу: «Салют» — и исчезла за дверью. Никаких объяснений.

— Вы что, с цепи сорвались?

— Да ну ее, сумасшедшая. Испанский темперамент.

Дальше путешествовали уже без Федерики. Всю дорогу до границы Вася пытался выяснить, из-за чего же они повздорили. Но Ахмед скорчил физию, выражавшую недоумение, а Гуля потупила глаза и отмалчивалась. От этой темы Василия отвлекли пограничники, которые безбожно перерыли его багаж. Если бы такое произошло на одной из европейских границ, международный скандал был бы неизбежен, но здесь, в Азии, Вася решил не привередничать. Он немножко волновался за свою экипировку, которая была вшита в сумки и без особого тщания не могла быть найдена. Сложив помятые вещи, путешественники продолжили путь по все тем же горам. Вася снова погрузился в ватную дрему. Соображать было трудно, только витал перед глазами волшебный пейзаж, расколотый на множество кусочков с изломами, светотенями, красочными пятнами. Но это были единые горы.

В какой странный мир он попал. Совершенно другая жизнь. А люди живут. Из курса истории он знал, что нечто похожее было и на родине. Но навсегда ушло. Остались только осколки, артефакты в музеях. А здесь он видел это все вживе. Он видел давно умершего носорога. Этот носорог появился перед глазами, мотнул головой и начал разваливаться. Последней упала берцовая кость.

— Просыпайся, Ричи. Привал. — Ахмед толкал Васю в плечо. Машина стояла на горной террасе. Вокруг мерцали багровыми закатными красками горные склоны.

— Пожалуй, я отдал бы ему осколки веера.

— Какого веера? Ты чего? Приехали, говорю.

— Веера из кости носорога.

Просто выстрел

21 июля.

Стокгольм.

Романов

«Что реальней — будущее или прошлое? В пользу прошлого — материальные доказательства его существования: рукописи, фотографии, развалины зданий. О будущем нам говорят лишь мечты, расчеты и интуитивные образы. Но в прошлом нет жизни. Его уже нет, остались лишь продукты его распада, осколки, собранные в музеях. Настоящее — как раз и есть момент распада. А что распадается? Будущее. Оно реальнее прошлого. Оно — жизнь, сжатая в пружину и готовая к прыжку в пропасть прошлого. Будущее распадается в прошлое».

Сергеич устал от парадоксов и закрыл страничку. Он уже прочитал материалы Анатоля, и компра на Артема была тяжелая. Этот прохвост, не сказав ни слова Сергеичу, рассылал какие-то материалы с его номера. Связи Артема — не самые приятные организации. Третий информационал, «Друзья Халифата»... И ведь ничего не говорил... Пора бы объясниться, но Артем не выходил на связь, канул.

Они летели в Стокгольм, к академику Адлеркрейцу. Романов еще несколько дней назад договорился о встрече, чтобы взять у коллеги воспоминания о Нестеровой. Она ведь выдвигалась на Нобелевскую премию, но предпочла более престижную Библическую. Это был интересный скандал, который Романов хотел подробно описать. Но, конечно, помимо официального повода для беседы у Романова были и другие виды. Он надеялся, что Шведская академия поможет в его расследовании. Все-таки это — один из крупнейших информационных центров Европы.

«Ладно, посмотрим новостной сервер».

И это было как раз вовремя. Вести с Родины поражали, такого давно не было. На Украине кто-то расстрелял лагерь пацифистов. Ага, вот и ответственность взял на себя Исламский фронт освобождения Севера. Эти боевики базировались где-то в мутных глубинах Черного моря и прежде действовали только против Турции. Картины, заполнившие комнату, были настолько кровавы, что Сергеич даже уменьшил их и убрал в угол: мертвые тела, корчи раненых. Руководитель похода Павел Слепцов, обнимающий окровавленную подругу. Ее увозит реанимация. Без шансов. Комментарии. Кто-то называет Слепцова Талоном, кто-то жалеет. Личная драма. Его лицо. Отсутствующий взгляд. Он просто не видит людей, которые пытаются взять у него интервью. Уходит, мыча что-то невнятное. Вся страна готовится к похоронам жертв. Союзный совет, президенты, император наперегонки принимают решение о трауре. Вся страна обсуждает проблему Крыма, которая еще вчера волновала только тех, кто по старинке собирался отдыхать в этом, увы, изрядно захламленном месте. А теперь — тема номер один на любом чате, сайте, за обедом, на пикнике, в коллективе. Оказывается, из-за притока турецких беженцев славянское население Крыма упало до десяти процентов, полуостров застроен самозахватом. Картины притока беженцев, как в 1920 году, только тогда массы людей стремились пересечь море в обратном направлении на перегруженных плавсредствах. Море из космоса — его пересекают тысячи авиолетов. Береговая охрана не знает, что делать, у большинства нет виз. Бедолаг селят в пустынных горах, но теперь они не пустынные, а перенаселенные. Другие регионы Союза уже закрыли границы. Теперь, после расстрела пацифистов, совет Крыма тоже объявил о закрытии границ. Но беженцев это не останавливает, они об этом декрете еще не знают. А в их лагерях начинаются бунты отчаяния.

Первый президент России заявил о поддержке решения крымского совета. Его поддержал и первый президент Украины (Крым входил в обе республики, но не в Империю, поэтому Зимний дипломатично игнорировал Крымскую проблему). Оба

первых президента стали осторожно намекать, что лучший способ спасти Крым от наплыва беженцев — защитить Турцию от агрессии Халифата. Рейтинги заколебались, и первый президент Украины даже чуть не поменялся местами со своим вторым коллегой. А второй президент России решил обыграть первого на волне радикальных настроений, вызванных гибелью пацифистов, и объявил мобилизацию добровольцев. Третий, ревновавший второго, едко обсуждал это решение на своих каналах и призывал не выступать раньше, чем страны Запада, и бороться плечом к плечу с ними. Четвертый президент, как обычно, заявил, что у него есть ноу-хау в этом вопросе, но он раскроет его после того, как закончатся консультации о введении Имярек в Совет обороны. Сергеич знал, что Имярек не имеет тут никаких шансов и четвертый президент просто пыжится, чтобы изобразить влияние. Это было последней каплей для Романова, который держал свой голос в копилке четвертого, другие нравились еще меньше. Ладно, отдадим голос пятому, а то он вот-вот вылетит за барьер.

Сергеич рассуждал вслух, чем спровоцировал интервенцию Тани в политический процесс:

— Хочешь заняться универсальной забавой жителей большинства стран планеты — голосованием? Тасовать президентов, как в старые добрые времена?

— Старые добрые времена здесь ни при чем. Теперь выборы не те, как во времена моего детства, ты уж и не помнишь.

— Что ж там было не так?

— Раньше люди голосовали в один день бумажками, что создавало сутолоку и возможности для фальсификаций. Так что слово «депутат» стало ругательным. Президент выбирался отдельно от депутатов и выступал от имени всего народа. Но это возмущало ту часть народа, которая за президента не голосовала. Как ты знаешь, кончилось это крахом всей политической системы. При разработке нынешней конституции основная власть ушла к самоуправлению и федеративным советам. Но и президентской власти нашлось место. Этот вопрос решили ко всеобщему удовольствию. Теперь каждая группа избирателей получила своего президента. Какую партию поддерживаешь, такого президента и получаешь. Он обращается к тебе по соответствующему каналу, встречается с другими президентами, вручает награды. Все как раньше, только теперь он выражает интересы тех, кто за него голосует. А интересы других отстаивает другой президент.

— Ай, брось. У меня одни мысли, а у президента, даже моего, другие.

— А ты пробовала заниматься политикой не в «Социуме», а напрямую? Попробуй, это занятно и довольно легко. В каждом из партийных каналов кипит своя политическая жизнь, всплывают и тонут свои лидеры. В ходе этих дискуссий, рассчитанных на своего избирателя, и формируется партийная позиция, выдвигаются генераторы идей. Президенты — это лишь лидеры партий. Раньше они в большинстве своем были лидерами бюрократических кланов. Какой-никакой прогресс.

— Не слишком ли много политиков на единицу населения?

— Каждый человек — политик. В семье мы проводим свою политику, в организации, во дворе тоже. Наше время дает человеку масштаб. Он получает любую открытую информацию с любого конца света в режиме реального времени, с пылу с жару. И может отреагировать немедленно и напрямую. Технологии позволяют. Поскольку даже проблемы нашего двора сегодня глобальны, нужно учитывать мировые тенденции и в дворовом совете.

— Ага, каждое чмо мнит себя великой личностью. А мозги как были на уровне

дворовой компании, так и остались. И все эти дворники лезут представлять мои интересы. Демократия, понимаешь!

— Вот, ты вбила себе в голову в детстве, что господствует безмозглек. Так и было в конце прошлого века, но в Союзе просветительский проект продвинулся далеко вперед. Нас даже обвиняют, что к власти пришла каста ученых.

— И ученых, и шоуменов. Мелькают на видео — аж в глазах рябит.

— Но публичных политиков сколько было, столько и осталось. А что касается центральных деятелей, то с ними получилась некоторая экономия. Президентов стало больше, а вот депутатов сократили. Они оказались лишним звеном. Во время предвыборных кампаний депутаты доказывали, что они славные парни, отличные семьянины, умеют связно говорить речи и остроумно ругаться с конкурентами. Но для составления законов все эти свойства совершенно не нужны. Поэтому депутаты после выборов занимались лоббированием интересов тех, кто оплачивает их предвыборную кампанию, а законы готовили аппаратные работники. Во время Союзной революции победители решили, что депутатская система устарела. Теперь технологии позволяли избирателям голосовать в любой момент. Поддерживаешь партию — размести свой голос на ее избирательном счете. Разочаровался — забери свой голос и перемести в другую партию. Партиям теперь приходится учитывать мнение избирателей в каждый момент, а не только перед выборами. Голосования в парламенте проходят не по количеству депутатов, а по количеству голосов, поданных за партию или предложенное ею решение. Само это решение считается принятым, если за него подано большинство голосов в определенный момент — точку фиксации. Перед этим моментом лидеры партий (президенты или их представители) высказываются по разным каналам, обосновывают свою позицию. Других депутатов не нужно. Так президентская и парламентская ветви переплелись: лидеров партий именовали по месту, которое на данный момент занимает их партия, — первым, вторым и так далее президентом. Не набрал миллион голосов — извини, теряешь место в парламенте и звание президента.

— Ай, все это — компьютерный мухлеж. Вот сейчас и *Фиксация* твоя...

— Ты прекрасно знаешь, что при фиксации никакой мухлеж невозможен! Перед точкой фиксации по важнейшим актам голосовать нужно очно. Просто ты не ходишь выполнять свой гражданский долг — вот и не знаешь, о чем говоришь! В ближайшей библиотеке установлены голосовальные машины. Можешь посидеть там, ознакомиться с сутью проблемы (если не сделала это дома), задать вопросы представителям пяти партий, которые уже за неделю до принятия акта начинают дежурить у машин, участвовать в их проверках. Дело серьезное, хотя парламент и очень сильно ограничен в правах.

Затем подходишь к служителю, прикладываешь палец, и если отпечаток совпадает, машина позволяет тебе набрать код и разместить голос.

Но до этого торжества еще почти месяц, и чтобы партии внимательнее следили за настроениями избирателей, в остальное время можно голосовать через *Сеть*.

Словно иллюстрируя свою мысль, Сергеич набрал код и перевел голос. Рейтинги от этого, понятное дело, не шелохнулись.

А вот голосование по референдуму об ультиматуме Халифату ползло вверх после разгрома колонны миротворцев. Сам Сергеич еще не голосовал. Он привык формировать мнение научно, не торопясь, И потом, он надеялся получить заказ Верховного совета на экспертизу этого важнейшего вопроса современной политики.

Даже набросал проект доклада.

Для Сергеича и его коллег члены Совета были наиболее лакомым кусочком. Они знали себе цену, не мелькали на видео и презирали президентов с их вечной избирательной кампанией. Но без президентов тоже было нельзя. Парламент принимает рамочные законы, партии отражают массовые настроения, голосования были лучшим социологическим опросом. Однако внимательнее всего члены Совета следили за настроениями своих избирателей, а советников выбирают советы земель. Что захочет земля, то и будет делать союзный советник. Чего будет добиваться район или город, к тому же будет стремиться его представитель в совете земли. Любой советник высокого уровня — тертый калач, прошедший большую школу согласований и лоббирования, настоящей демократии, когда тебя в любой момент могут отозвать и заменить другим. Но опытный советник сидит на своем месте долгие годы, а то и несколько сроков. Хотя Сергеич знал и таких, что навеки теряли управленческую работу, попав в черный список коррупционеров. Но это теперь редкость. С тех пор как миром стали править не деньги, а энергоресурсы, знаменитое «у. е. », приравненное к вашей доле энергопотребления, украсть можно только мелочь, заведомо уступающую содержанию советника. Все остальные перемещения ресурсов слишком заметны, их можно замерить физически.

Сила советников — в умении согласовать несогласуемое, соединить противоречащее. Поднимаясь со ступени на ступень системы советов, они научились главному — слушать. Они сами обращаются к эксперту (как он ждет этого обращения!) и слушают. Сидит перед тобой такой человек, а ты развиваешь мысль. Он не возражает, а только ставит вопросы, уточняет. Да еще так, что неясно, какой ответ он сам хочет получить. Потом весь твой центр пашет на этот заказ. Затем советник читает материалы. На твой центр переводится ресурс и приходит благодарственное письмо. Все. Теперь экспертное сообщество ждет, обратятся ли к тебе снова. Если да, это знак качества. Заказы пойдут как из рога изобилия. А потом опять ожидание. Большое искусство, чтобы к тебе обращались регулярно. К Сергеичу обращались чаще других, и не только союзные, но и земельные, районные, кстати, тоже не бедные. Производственно-хозяйственные организации Сергеич не консультировал вовсе. Для бизнеса, Общественной Корпорации Инноваций, коллективов и сетевого бартера — для всего этого океана ресурсообмена старались другие эксперты. Раздел сфер влияния. Экономисты и социологи подозревали друг друга в шарлатанстве, но публично свое мнение на эту тему не высказывали. Войны экспертов были приняты только в рамках одной дисциплины. Сергеичу приходилось и проигрывать, и выигрывать такие войны.

Обдумывая тему, Сергеич словно притягивал вожделенный запрос. И он пришел, да еще какой! Его запросил не один советник или президент, а сам *Собор*. Запрос формулировался в лоб: «Должен ли Союз применить силу в защите другого государства от агрессии?» Сам факт, что этот «неофициальный» орган задал такой вопрос, уже говорил о многом. Страна стоит на пороге войны. За три дня до Фиксации на «неофициальное» совещание в Новгороде соберутся все высшие лидеры и те, кого пригласят. Его, Сергеича, на этот раз не пригласят — таковы правила. Зато его меморандум в пакете документов дадут прочитать всем. Для затравки разговора. Так высоко Сергеич давно не поднимался. Ведь по итогам Собора они все обратятся с заявлениями. А через день наступит Фиксация — голосование будет остановлено, и результат будет принят к исполнению.

Собственно, болванка доклада у Романова уже была готова, и склонялся он к ультиматуму, а значит — к войне. После того как Сергеича обстреляли союзники Халифата, он еще сильнее укрепился в воинственном мнении. Но спросили не его одного. Тут важно оказаться на полкорпуса впереди других. Нужно знать что-то, чего другие не знают, и преподать эти факты в глобальном контексте. Так что Софьино дело может быть актуально.

Сергеич включил видение, чтобы запрограммировать его на отбор нужных для доклада свежих материалов.

Пока он вводил ключевые слова и образы, перед глазами на местном канале предстала Шведская академия. Профессор Эйхгорн, которого Сергеич хорошо знал, докладывал резюме: «Таким образом, Королевская академия заключает, что парламентские институты в их нынешнем виде нуждаются в серьезной трансформации». Ого, да мы летим в эпоху перемен. Вердикт Академии, сформулированный в столь резкой форме, просто так не выносится.

Сергеич отодвинул изображение в сторону и взглянул вниз. Он любил это место фьорда и обычно пролетал его на низких высотах. Скалы, синева моря или свинцовый отблеск в непогоду, сосны. Как давеча Карелия, но только среди моря. Озеро разрослось и затопило скалы. Рой авиолетов, клубящийся на подступах к Стокгольму, подкреплял иллюзию потопа. Если в результате глобального потепления полмира будет затоплено, все будут спасаться на авиолетах. И может быть, даже спасутся.

Скалы поднялись выше, и машина Романова вошла в город. Таня показала указкой на странный памятник, словно прилепленный к стене фьорда, — сложенные ладони. «Это что?» Ей было лень смотреть в справочник, а Сергеичу — вспоминать. В конце концов рассмотрели в трубу надпись, из которой следовало, что памятник воздвигнут в память шведов, погибших в прошлом веке в Испании. «А эти шведы, оказывается, большие драчуны. Где они, а где Испания. А туда же — воевать». Эта война почему-то заинтересовала Таню, и она стала рыться в базах данных, чтобы выяснить, что шведы забыли в прошлом веке в Испании. Компьютер начал выбрасывать картинки на выбор. Последние новости из Испании. Демарши Халифата, выступления испанских министров, митинги. Хотя Таня не знала, что точно ищет, она все же ограничила поле поиска, после чего пошла хроника XX века. Никаких признаков шведского вторжения в Испанию. Поисковые системы были по-прежнему несовершенны. Какие-то тексты на шведском. Таня засунула их в программу-переводчик.

А в ту пору внизу вдруг развернулись какие-то явно исторические события. Из королевского дворца стали выбегать сотни гвардейцев. Сергеич и не подозревал, что у короля столько солдат. Вообще-то Карл XX слыл большим оригиналом и сторонником возрождения абсолютизма, но где он взял такое количество ресурсов, чтобы содержать всю эту армию?

Королевская гвардия не стала строиться для парада, а ринулась в сторону Ригсадага. Вероятно, информация об этом тут же была распространена по местным каналам. Во всяком случае, сервер новостей, который продолжал работать в кабине Сергеича, затараторил с такой скоростью, что компьютер, загруженный еще и Таниными поисками шведско-испанской войны, не справился с переводом.

К Ригсадагу уже слетелись сотни авиолетов, из которых чуть ли не на ходу выпрыгивали люди и толпились у дверей здания. Такого шоу Сергеич не видел уже лет десять. Он начал переключать новостные каналы в поисках разъяснений, однако

выяснилось, что шведский переворот — не самая громкая сенсация на сегодня. Исламисты захватили Гибралтар и уничтожили находившийся там пульт управления воздушным движением. Ничего себе реакция на недавнюю катастрофу у Ибицы, когда автобус столкнулся над морем с авиалайнером. Действия исламистов возглавил бригадный генерал Халифата, по этому случаю демонстративно уволенный со службы, чтобы действовать в качестве частного лица. Но по всему Халифату идут демонстрации в поддержку освободительного движения мусульман Гибралтара. В Испанию срочно перебрасываются разноязыкие контингенты НАТО. Только разве что вооруженных шведов там сейчас нет. У них хватает забот дома.

Сергеич, конечно, ждал чего-то подобного, но не на Пиренеях, а на Балканах. Вероятно, сценарий ползучей экспансии ислама в Европе придется пересмотреть. Возможно, в Халифате решили, что они уже готовы к фронтальному столкновению.

Тут из виртуального пространства вынырнула Таня: «Ты представляешь, в 30-е годы прошлого века шведы участвовали в войне в Испании. Их добровольцы воевали с фашистами. Надо же, как бывает!» Просто дежавю. Все может повториться в ближайшее время. Неужели мировая война?

Сергеич был настолько захвачен новостью из Испании, что отвлекся от событий, происходивших под брюхом его машины. А местные перемены могли серьезно нарушить планы Романова. Ведь он назначил встречу как раз на том месте, где сейчас назревала большая драка.

Без особой надежды на успех Сергей навел бинокль на угол Ригсдага. Среди метущихся фигур недвижимая, как памятник шведскому характеру, стояла Анна Бьеллин, секретарь академика Адлеркрейца. «Что же, батьке придется пролезать в пекло», — прокомментировала ситуацию Таня. После краткой перепалки Сергеичу пришлось согласиться, что супруга пойдет с ним.

Они высадились в старом городе. Ближе подлеты были закрыты. По средневековым улочкам бродили шальные шведы с разнопартийными флагами и выкрикивали лозунги, которые компьютер переводил как «Мы сильные, мы смелые, мы разгромим...» Дальше следовало обозначение врага — у каждой фракции своего. Несмотря на буйство эмоций, противники тщательно обходили друг друга по запутанным улочкам. Шведский бунт, осмысленный и милосердный.

На выходе из старого города стояли патрули. Сергеич понимал, что уговаривать шведского королевского гвардейца пропустить его, да еще в момент переворота, — сизифов труд. На всякий случай Романов все же предъявил «вездеход» Интерпола, но это не помогло. Таня попыталась соблазнить военного, но он по-прежнему напоминал статую Карла XII. В отчаянии Сергеич достал из кармана скромную карточку почетного члена Шведской академии. Солдат, не меняя выражения лица, отдал под козырек и пропустил почетных гостей переворота.

Толпа уже была оттеснена от парламента, но Анна стояла все на том же месте. Очевидно, ее удостоверение действовало не менее магическим образом. Не успел Сергеич поприветствовать коллегу, как получил выволочку за опоздание. Она ждет его здесь уже семь минут. А у нее сегодня немало других дел. Нетипичное для шведки округлое лицо Анны излучало холодность, сжатые губки цедили слова, а миндалевидные глаза, в других условиях — само очарование, сузились и сверлили стену поверженного парламента. Сергеич знал, что в таких случаях нужно просто пропустить нотации Анны мимо ушей, но Таня не могла стерпеть такой наезд на ее супруга:

— Вы забываетесь, дорогая! Перед вами действительный член... — Далее в пулеметном темпе последовал набор титулов Сергеича, с которым мог соперничать только перечень Императора Бутана. «Как она все это держит в голове», — подумал польщенный супруг и тут же вспомнил, что с месяц назад Таня вживила компьютер. — Мы не виноваты, что шведы устроили в своей столице такой бардак.

Видимо, слово «бардак» был переведен компьютером самым невежливым образом, и Аника была обижена в лучших национальных чувствах.

Минут пять они препирались в церемонно-язвительной манере. Затем, забывшись, перешли на электронный обмен информацией. Анна напряглась и выдвинулась вперед, нависая над Таней, несмотря на невысокий рост. Таня, красная, как закатное солнце, сверлила собеседницу глазами, меняясь в лице в зависимости от успехов или неудач своих атак. Сергеич, который не слышал их электронной перепалки, просто наблюдал, как две дамы гипнотизируют друг друга.

Во время поединка этих амазонок ситуация на политическом фронте переменялась. С внутренней стороны залива прорвался большой автобус с демонстрантами. Они высадились в тылу гвардейцев и смыли их строй. Толпа протестующих снова заполнила площадь перед парламентом. Со стороны старого города двинулась масса националистов, выкрикивающих лозунги в поддержку короля. Обе группы угрожающе надвигались друг на друга: одни со стороны Тани, другие со стороны Анны. Казалось, что две фурии возглавляют противоборствующие лагеря. Когда столкновение стало неизбежным, к месту действия не торопясь подошел старомодный понтон, из которого горделивым аллюром вышла кавалерия королевской полиции. Несмотря на то, что полиция была королевской, подчинялась она министру, назначенному парламентом. Вслед за конницей вышла и пехота, отсвечивавшая защитными колпаками. Кавалеристы стали отеснять возбужденные толпы друг от друга. Перед Сергеичем вырос всадник в стилизованной старинной форме, увешанный полицейским оборудованием. Лошадь переминалась с копыта на копыто так, что Сергеич всерьез испугался за свои ноги. Если такая махина наступит... Фурии вдруг перешли с гнева на милость и стали с интересом осматриваться. Видимо, между ними продолжалась оживленная электронная беседа, потому что обе жестикулировали. Тут из противостоящих толп в полицию полетел всяческий мусор. Демонстранты принялись закрашивать полицию из пульверизаторов — испытанный прием. За краской, оседавшей на защитной пленке, ничего не было видно. С другой стороны гвардейцы с примкнутыми электроштыками двинулись на полицию и толпу. Становилось неудобно.

«Ладно, хватит шведской экзотики», — объявила Анна и нажала на кирпич в стене. В парламенте образовалось аккуратное отверстие, в которое прошла Анна и ее гости. Увязавшиеся за ними несколько зевак были отсечены внутренней охраной. На них действовали лишь удостоверения Шведской академии.

Они прошли по коридору, заполненному охраной, и уединились в каком-то кабинете. Как только гости расселись, Анна включила виртуальное пространство, заполнившее комнату. В основном оно состояло из трансляций разных полей СМИ о шведских событиях. На периферии, где-то в углу, шел репортаж о захвате Гибралтара исламистами. Анна выудила откуда-то из пространства вазочку с искусственным сыром и напитки, приятные на вкус, но немного отдающие химикалиями.

— Итак, Анна, когда я смогу побеседовать с Адлеркрейцем?

— Увы, ситуация изменилась. Сами видите. Сейчас он на приеме у Его

Величества. Как вы понимаете, пока это все не кончится, он вряд ли покинет Короля. Но он наказал мне позаботиться о вас. Вы надолго в наши края?

— Это зависит от того, насколько Академия будет готова помочь в расследовании, за которое я принялся. Об этом я как раз и надеялся поговорить с академиком. Нельзя ли побеседовать с ним хотя бы по видеосвязи.

— Увы, какое-то время он будет недоступен. Так что вы можете изложить свое дело мне.

Романов и Адлеркрейцу-то не намерен был излагать все, тем более — его секретарю. Он переменял тему на нынешний политический кризис. Разговор шел так, будто речь идет о футбольном матче. По комнате носились виртуальные люди и кони. СМИ фиксировали первую кровь. Но звук был отключен, и машина подобрала негромкое музыкальное сопровождение. Создавалось впечатление, что драчуны танцуют какой-то странный дикарский танец. Хотелось танцевать вместе с ними.

И тут в толпе мелькнуло знакомое лицо. Сергеич даже закричал, что случилось с ним раз в году: «Это он! Смотри, Таня, это же он!» Схватив пульт управления видео, Сергеич воспроизвел только что мелькнувшее изображение и зафиксировал лицо, затем начал вводить в память видеoinформацию из своей машины дрожащими пальцами (техника была запрограммирована на шведский язык, и отдать команду голосом было нельзя). Рядом с лицом из толпы появилась фотография, предоставленная Пеккой, и недавно нарисованный портрет неизвестного. Это был он.

Лицо Анны снова окаменело. На экране поползли данные из файла Пекки:

Эрик Бергсон, он же Эрнестино, он же Жоао де Жанейро. Проходил подозреваемым по делам о взрыве в Антверпене, о Сараевской катастрофе, о событиях в Христиании. Обвинения сняты за отсутствием доказательств. Родился...

— Я бы не советовала вам вмешиваться в это дело, Сергей Сергеевич. Я не могу сказать вам всего. Но лучше не вмешиваться.

Словно для того, чтобы придать дополнительную весомость ее словам, на улице хлопнул выстрел. Толпа вздрогнула и стала распадаться. Люди заметались. И правильно. Видео показало гвардейца, который лежал на руках товарищей без признаков жизни. Но сенсационных кадров, изобличающих стрелявшего, не было. Ни одна из сотен камер, витавших над местом событий, не отловила виновника трагедии. Гвардейцы взяли навскидку оружие и дали залп в толпу. В виртуальное пространство зала посыпались вполне реальные осколки стекол.

— Это же он стрелял, он! Вы же понимаете! Это общеевропейский заговор! — кричал Сергеич.

— Нет, он — маньяк-одиночка, — спокойно возразила Аника. В Швеции любой политический убийца — маньяк-одиночка. Это — традиция страны. А о европейском заговоре твердят параноики.

— Но ведь его выстрел изменит всю вашу страну!

— Значит, это соответствовало исторической тенденции. Все мы — лишь ее орудия, — ответила Анна, сидевшая в окружении виртуальных соотечественников, которые по-настоящему лежали в крови на площади.

Гольый король

21 июля.

Петроград.

Отец Фома, Николай III.

Чем, все-таки, человек отличается от животного? Муравьи трудолюбивее его, черви преобразуют материю настойчивее его, собаки быстрее реагируют на ситуацию. Крысы давно научились запоминать абстрактную информацию. Конечно, человек ушел дальше других на пути освоения абстракции. Но где лежит качественная грань между абстрактным зайцем в сознании лисы и абстракцией «субъекта» в сознании человеческого субъекта? Единственный навык человека, который мы не находим у животного, — это умение фиксировать абстрактную информацию на материальных носителях. Человек не доверяет памяти и тем самым качественно увеличивает запас доступных ему данных. Фиксируя информацию знаками, которые переводимы в сознание других, человек подключается к памяти Человечества. Он имеет социальное сознание, мощностю которого несопоставимо выше показателей животного, даже вооруженного рефлексами и опытом ближайших предков и соседей. Эта мощь позволяет индивидууму моделировать реальность, уходить бесконечно далеко от эмпирики, приближаясь к сущностным сферам Природы. Она же дает возможность создавать модели того, чего не видел никто, чего не было. Овладевая с помощью утопии будущим, человек получает возможность менять накатанную колею жизни...»

— Осмелюсь заметить, что это не ответ на поставленный вопрос, Ваше Величество, степенно молвил отец Фома.

— Не суть. Там еще что-то дальше. Но вернемся к этому позднее.

Императорская яхта «Николай II» причалила к набережной Невы. Гвардейцы взяли на караул. Городовые перекрыли подход к причалу, вежливо приостановив фланирование туристов вдоль Зимнего. Но Государь не пошел домой. Ему хотелось прогуляться. Тем более что на улице их было немного сложнее подслушать. Император носил с собой специальную приставку рассеивания звука.

— В печальное время довелось мне принять престол Империи, отец Фома. Иногда я чувствую себя моим предшественником Николаем. Все тихо-мирно, но корабль державный явно несет на льды, а команда не подчиняется своему капитану.

— Да что вы, Ваше Величество. Подданные любят вас. Недавно в состав Империи перешло Великое Княжество Финляндское. Когда еще Империя расширялась столь мирно?

И Николай III, и Фома понимали, что это аргумент из вежливости. Власть монарха была настолько ограничена Финляндским конституционным законом, что Его Величество даже не рискнул прибыть во «вновь обретенное княжество», дабы не вышло какого-нибудь конфуза.

— Вы смеетесь, отец Фома... Я понимаю, все вы здесь держите меня за попугая Йагупопа XIII. Вот и ваш Великий Романов отказывается со мной связываться. Шлю ему послание за посланием, а он — молчок. Между прочим, напрасно. Я хотел предупредить его об опасности...

— Так вы знали? Почему же не написали Романову конкретно об этом деле?

— Я не знал, а догадывался. И хотел с ним переговорить, узнать подробности, проверить опасения.

Фома подозревал, что «знание» императора было очень приблизительным. И встретиться он хотел по каким-то своим делам, а догадки использовал как повод для

встречи. Тем более легко говорить об этом, когда событие произошло. Но все же, но все же... Император был фигурой очень информированной. И в некоторых регионах имел реальную власть. В общем-то, он любил приbedняться, но сидел на мощных информационных потоках, которые и определяют реальную власть в нынешнем мире. Очевидно, что за свою информацию Его Величество затребует какие-то необходимые ему сведения или попросит содействия в продвижении нужного ему мнения.

— Итак, ваша версия.

— Версия, версия... Чем вам поможет моя версия? Кому вообще помогают версии? Вот, например, недавно кто-то перебил несколько десятков пацифистов. Зачем?

Фома знал об этой ужасной истории, но воспринимал ее как еще одно рядовое свидетельство безумия, охватившего современный мир. Их расследование по делу Романова имело к трагедии пацифистов не самое прямое отношение. Однако он решил не перебивать императора, неторопливо следовавшего мимо Александрийского столпа.

— Сейчас все взаимосвязано. Этим отличается наше время. От того, что я вам скажу и что мне скажете вы, уже через час могут измениться цены на виртуальные игры в Бразилии. И это при том, что почти все, кроме информации, сейчас производится примерно там же, где и потребляется. Если не считать американского порошкового кофе, разумеется.

Упоминание о порошковом кофе понадобилось императору для проверки системы рассеивания звука. Если бы звук уходил на расстояние больше метра, к ним бы немедленно подлетел столик от ближайшего автоматического кафе. Навязчивый сервис был неотъемлемой чертой столицы Империи.

Довольный результатами проверки, император продолжил не без язвительности:

— Если вас, святой отец, не очень тронула судьба пацифистов, я надеюсь сообщить вам нечто, о чем мир узнает только через час.

С этими словами Николай протянул Фоме свои виртуальные очки, подключенные к компьютеру. Надев их, священник обнаружил запись, от которой у него ощутимо сдавило сердце, чего не было уже два года.

Сначала перед экраном, словно вылупившись из стены на Большой Морской улице, появилась ошарашенная Ольга, одетая в какую-то дерюгу. Она говорила: «Я все понимаю, я виновата. Но этого больше не повторится».

— Вы ведь осознали свою вину, — спрашивал Ольгу строгий негр в форме генерала Халифата.

— Конечно, конечно. Я все осознала.

После этого следовал текст, написанный Ольгой. Фома понимал, что это могла быть и подделка. Но такие вещи сейчас легко проверяются, так что, скорее всего, надпись была подлинной. Содержание признания было самым чудовищным. Ольга признавалась, что подрывала обороноспособность армии Халифата, но более не намерена этого делать. Далее следовало сообщение о расстреле шпионки Союза, тексты протеста Халифата и ответа союзной Комиссии иностранных дел.

Все это было невероятно. Фома взял из стенного ящика кресло и присел. Император расположился рядом в удобном кресле, которое охранник всегда носил с собой в планшете. Некоторое время они молчали, предоставляя возможность туристам разглядывать живой экспонат — Императора Всероссийского.

Из оцепенения Фому вывел сигнал в очках. Пришла новая почта. Николай взял их

и набрал номер:

«Здравствуй, Игорек, что такое? Прилетал? Тот, о ком мы говорили при последней встрече? Как это мило. Куда? А зачем? Ладно, не сердись. Вообще-то ты рискуешь. Что значит большая девочка, ты же знаешь наши принципы. Да, да. Вы меня считаете идеалистом, а я на том стою: ни слезинки ребенка, ни капли лишней крови! Да, понял. Счастливо».

— Вот и за Артемом твоим какая-то охота началась. Похоже, он подставил Сергеича. Вообще-то стоять рядом с кем-то из вашей команды становится опасным. Того и гляди, засветят ракетой между глаз или вывезут на Южный полюс. Кстати, и Софья Нестерова, и пацифисты тоже не думали, что занимаются настолько опасным делом. Те, что остались живы, так до сих пор и не могут понять, что с ними произошло. А разгадка проста. Конфликт в Крыму должен разрастаться. Они не могли его предотвратить, но были способны замедлить. Даже и без них известие о межэтнических столкновениях не поспевало к сроку и, в общем-то, не очень трогало большинство жителей Союза и моей Империи. А теперь, когда тела доставляются во все земли и губернии, это уже кровное дело миллионов моих подданных.

Отец Фома хотел уточнить, что значит «Артем подставил Романова». Помешал виртуальный Пушкин. Он подошел к ним сквозь охрану (виртуальный же) и предложил зайти к нему в гости на Мойку. Эти рекламные музейные штучки изрядно поднадоели жителям столицы, но туристам нравились. Да и отвечать виртуальному Пушкину невежливым тоном было рискованно. Он был так запрограммирован, что в случае грубого ответа немедленно вызывал на дуэль и уже не отставал в течение часа. Скандал записывался на видео, и наиболее обидные для наглеца фрагменты затем помещались на сервере музея. Поэтому Государь отказался от приглашения со всей возможной учтивостью. Виртуальный поэт, бормоча стихи, как Винни Пух, направился на Невский в поисках потенциального посетителя своей мемориальной квартиры.

Собеседники поторопились пересечь Невский, заполненный туристами и виртуальными фигурами, склонявшими прохожих к посещению той или иной экспозиции. Обсуждать что-либо конфиденциальное на Невском было нельзя — за гигантской ботфортой какого-нибудь Петра Великого вполне мог скрываться журналист или соглядатай. Что сейчас почти одно и то же.

Пройдя сквозь Павла I, яростно отбивавшегося от заговорщиков, его потомок налетел-таки на седоусого туриста, который имел несчастье взглянуть в глаза рыбине, свисавшей с магазина. Вмонтированный в ее зрачки генератор виртуальных образов на мгновение охватил несчастного всем обилием балтийской живности, еще не вымершей в изрядно загаженных водах. Отведя глаза в сторону, турист уткнулся взглядом в Николая III и воскликнул: «О, это как раз тот музей, что мне нужно! Как пройти к Ваше Величество?»

— Я не музей! — рявкнул император, который не впервые попадал в такую ситуацию, и каждый раз заметно раздражался.

Турист на всякий случай дотронулся до объекта материального мира и тут же получил по рукам от охранника, очень вежливо.

— Это поразителен случай! Живой Его Величество! Как я могу искуплять свой грех перед вы?! — Седоусый немец (или кто он там) начал рассыпаться в извинениях. Он был сконфужен и изо всех сил пытался загладить вину. Но не знал, как.

— Ничего, ничего, милейший. Бывает. А сейчас мы бы хотели продолжить нашу

беседу. Посетите наш сайт. Всего доброго, — и император продолжил шествовать к Исакию.

— Так вот, любезнейший отец Фома. Все, что сейчас происходит, связано с проблемой надвигающейся войны, Трагедия пацифистов распространила по всей стране бациллы мести, волны возмущения, подгоняемые СМИ. Вот, смотрите... — Император включил видео. Перед собеседниками выросла траурная процессия. Ужасные по своей натуралистичности изображения трупов. Больницы с ранеными. Комментарий о том, что многие из них на всю жизнь останутся инвалидами. Схемы следственных действий, стрелочки которых тянутся к крымским экстремистам.

— Что замечательно, — продолжил Николай, — эти схемы существенно обгоняют действия ССК и тянутся в заранее определенном направлении. Народ негодует по поводу всего, что происходит в Крыму. Тамошний конфликт должен втянуть в свою воронку весь Союз, не говоря уже о моей Империи. Вы понимаете.

— Все это ужасно, Ваше Величество. Но хотелось бы понять, при чем здесь Романов. Он противник участия в военных действиях, но если Джихад затронет границы Союза, мнение Романова очевидно.

— Вы уверены, что у него есть такой казус белли.

— Он сам мне... — Отец Фома понял, что сообщает информацию стратегического значения, но отыгрывать назад было поздно. Да и насколько можно быть уверенным, что последние события что-нибудь не переменили? — Нет, я не уверен, что Романов уже определился, что должно случиться, чтобы участие Союза в войне стало неизбежным.

— Любопытно, что Романов как раз сейчас занимается делом Нестеровой, которая пыталась примирить враждующие стороны. Ее отравили... — флегматично молвил император.

— Это точно?

— К такому выводу, по моим данным, склоняется сам Романов. Но можно уточнить.

Его Величество покопался в машинке и вышел на связь:

— Здравствуйте, Анна. Спасибо, спасибо. Поддержка монархического начала — мой долг. Но я о другом. Да, да. Вот, и я как раз хотел вам рекомендовать помочь моему однофамильцу... Нет, не в этом смысле слова. Помочь по-настоящему. Мне представляется, что его ведут за нос в заранее определенном направлении. А все иначе. Вы меня понимаете. Именно. Помогите ему дойти до сути, когда Сергею Сергеевичу покажется, что он уже все выяснил. Благодарю вас. Приветы вашему учнейшему шефу.

Повернувшись к Фоме, император продолжил свое рассуждение:

— И здесь я прав, любезнейший отец Фома. Думаю, Сергей Сергеевич уже уверен, что он вступил в смертельную схватку с исламистами. И это даже отчасти правда. Но не вся правда. И даже не самая важная. Было бы хорошо, чтобы он это понял. Слишком многое сейчас делается, чтобы мы вступили в последний и решительный бой с разрастающимся Джихадом...

Отец Фома с тоской подумал, что это слишком далеко от его интересов и познаний. Но в этом рассуждении Николая, генетически боявшегося Большой войны, был некий важный пазл для проступающей мозаики...

Фома опять хотел спросить насчет Артема, но из-за угла «Астории» показалась демонстрация натуралистов. Сначала было не очень ясно, живые это люди или

виртуальные образы. Но законы Питера запрещали натурализм, и вряд ли какая-то местная организация могла рисковать, выпуская на улицу подобную картинку. Видимо, это была интервенция нудистских клубов, разросшихся на соседних землях и стремившихся распространить свои обычаи на Северную столицу. Завидев императора, нудисты стали скандировать: «Голый король! Голый король! Раздевайся и иди к нам!» Между императором и толпой обнаженных тел приземлился полицейский автолет. Туристы навели на происходящее видеоочки.

— Думаю, мне пора, — грустно молвил император. — Попробуйте донести до Сергея Сергеевича мои опасения. Я отправил ему соответствующий меморандум, но, по-моему, он сейчас не читает почты.

По сигналу к императору подлетел охранник на небольшом круге. Государь пристегнулся к поручню и, прощально кивнув Фоме, взмыл над городом. Он не заметил, как от его мундира отвалилась маленькая металлическая пылинка. Но она упала не вниз, а в руку пожилого туриста с длинными седыми усами, сидевшего на смотровой площадке Исакия. Послушав запись, он поиграл морщинками на переносице и произнес то ли под нос, то ли в микрофон: «Не так уж гол этот король. А Фоме нужно показать Ольгу. И поскорее».

Вторжение

22 июля.

Венеция.

Артем, Марина.

«Два смерча — войны и революции — позволяют массам людей выйти из накатанной колеи их животного существования. Эти явления природы — близкие родственники, которые попеременно выступают друг для друга в качестве курицы и яйца. Благонамеренному современнику они часто представляются одним и тем же — коллективным умопомешательством. Но можно ли назвать умственно здоровым человека, который изо дня в день катится по неизменной колее, как тихая скотинка, или сидит в виртуальном шлеме, подобно растению? Революции и войны заставляют человека вспомнить о том, что он Человек. Одна беда — война тут же превращает его в кусок мяса...»

Артем дочитывал эти строчки на Пьяцца Сан-Марко — туристическом центре Венеции. Это было единственное место в городе, где можно было припарковать автолет. Над заливом висел огромный летающий ресторан, изрядно портивший картину. Но что делать, если миллионам туристов сразу по прибытии в город нужно плотно подкрепиться, чтобы потом уже спокойно кататься по каналам. Большинство посетителей города так и застревало в этом предбаннике города, наслаждаясь его видами в виртуальном кафе и поглощая искусственную белковую массу. Артема всегда удивляло, зачем нужно было преодолевать какое-то расстояние, чтобы потом убивать время на зрелище, вполне доступное в любой точке Земли. Но в наше время имиджей важно не насладиться контактом с вечным, а иметь право сказать: «Да, был я в этой Венеции...»

Артем воспротивился Марининому стремлению посетить этот турцентр. Он знал небольшое кафе для своих. Там было дешевле и кормили только членов сообщества

духовных общин и их друзей. Артема внесли в соответствующую базу данных в Граде, и теперь он был споим в этой субкультуре. А в наше время принадлежность к еще одной субкультуре лишней не бывает — это и доступ к информации, и коробочка с аппетитно пахнущей белковой массой.

Артем не любил главную площадь Венеции. Она представляла некое экстерриториальное образование а городе, базу умирающей глобальной цивилизации, пульс которой еще теплился в туристических центрах. К сожалению, и сама Венеция была уже не та, что во времена его детства. Но все же эта игрушка человеческой фантазии пока сохраняла запах прошлого под своим бронированным колпаком, защищавшим старые здания от поднявшихся вод Средиземного моря и его ядовитых испарений.

Венеция была хороша еще и тем, что здесь можно Срыло легко обнаружить слежку. Следить за ним со спутника они здесь не могли из-за колпака. А на извилистых улочках шпик должен был следовать за объектом в непосредственной близости. И тем обнаружить себя. Если шпионит не Марина.

Глядя на опоры гигантского колпака, Марина вывела Артема из шпионского мира рассуждением в духе нового поколения: «Слушай, а может быть, это все не Венеция, а муляж. И наш автолет, и космодромы — все муляжи. И мы просто переходим из одной видеоигрушки в другую, а виртуальные эффекты обеспечивают иллюзию перемещений по планете. Я видела такую игру в Лунапарке в Новгороде». Может, она и права. Но если все эти толпы туристов с одуревшими лицами толкуются на одном пятачке суперлунапарка, то режиссер его просто гений. Или этот гений еще не родился, а замысел уже живет? Или уже родился, но пока без замысла?

Перебив аппетит какой-то солоноватой массой из пакетика, распавшегося в пыль после употребления, они углубились в улочки города. Артем помнил, как Венеция захватила его при первом посещении и вела, поворачивая под невыслыми углами, отражаясь в каналах, поднимаясь и ниспадая мостиками. К удивлению гида, Марина чувствовала себя в Венеции, как у себя в квартире. Она уверенно шла в одном направлении, обходя замысловатые углы и лишь изредка сверяясь с картой. Вскоре Артем понял, что это она ведет его к какой-то неведомой цели. Ах, да, он сказал ей, где они будут завтракать. Ей были чужды его романтические переживания, связанные с этими улочками.

— Ты что, уже была в Венеции?

— Нет, в первый раз. Очень красиво, — она произнесла это как-то дежурно. Вроде «Спасибо, было очень вкусно».

— Тебе скучно здесь.

— Мне? Нет, что ты. — Она даже остановилась, как охотничья собака, потерявшая след. — Здесь действительно очень славно. Знаешь, как в «Лабиринте». Я очень люблю эту игру. В ней постоянно меняются правила. Настоящее творчество. Здесь похоже на «Лабиринт», и я хочу быстрее решить задачу. Ты бывал в «Лабиринте»?

Он не бывал в «Лабиринте». Конечно, он играл в виртуальные игры. Но все-таки Артем был еще человеком переходного поколения. В его кругу признаком общей культуры было знакомство с основными классическими фильмами и клипами. Именно они играли роль моделей, позволявших без лишних словесных затрат пояснить свои мысли и житейские ситуации. «Она ведет себя как Эсмеральда из «Форпоста»...» И все понимают, о чем речь. Как в предыдущем веке культурные люди общались

стереотипами из романов. А прежде из Библии. Кто бы мог подумать, что сегодня руслом культуры станут виртуальные игры. Хотя, судя по тем же романам (вернее, их экранизациям, ведь сами романы он не читал), были времена, когда кодом культуры были карточные игры. И не самые бескультурные времена. Так что не о чем грустить. Венеция — это крутейший вариант «Лабиринта». И этим все сказано.

— Интересно, а какой будет последняя игрушка человечества?

Артем уже собрался удивиться такому созвучию их мыслей. Наверное, Марина тоже думала о соотношении «Лабиринта» и познания.

— Наверное, космос.

— Хорошая мысль, мон амор. Мы пришли.

Прекрасные формы собора Сан-Джовани и Паоло не помешали Артему зафиксировать интернациональное словосочетание «мон амор». Он промолчал. Как бы так и надо.

Над ними возвышалась монументальная фигура грозного кондотьера, у ног которого лежали свежие цветы. Виртуальную голограмму цветов со скромным указанием адреса установил у памятника клуб «Солдаты удачи».

Среди цветов стоял бессменный секретарь клуба Витторио Джентиле. Если бы Артем не назначил ему встречу еще до всей этой заварухи, можно было бы подумать, что Витторио — часть цветочной композиции. Он стоял без движения, выражением лица копируя вышестоящего кондотьера. Витторио был похож на Муссолини или актера прошлого века Марлона Брандо. Во всяком случае, пока молчал.

Но, увидев Артема и его спутницу, Витторио отключил музыку, поступавшую к нему прямо из вживленного компьютера, и бросился навстречу, бодро говоря по-русски модулированными фразами. В его движениях было что-то суетливое, но Артему в свое время объяснили, что они четко выверены. Такая походка, выработанная привычкой к накладным искусственным мышцам, помогает отразить любой удар в рукопашной и даже, если придется, сохранить ногу, наступив на запрещенную всеми конвенциями, но от того не менее реальную противопехотную мину.

— Артомино, как я рад, разрази мавров фаруга 35-го калибра! Как зовут твою блестящую сеньору? Представь меня ради всех мудрецов вашей научной ложи.

— Какой ложи, что ты несешь! — Артем принял развязно-восторженный тон старого приятеля. — Ты же знаешь, что я не создаю заговоров, а разоблачаю их.

— Ты помешался на заговорах, поглоти их все святая Адриатика...

Они начали обсуждать еще что-то бессмысленное, но тут Марина решила представиться. Витторио прервал разговор на полуслове и, словно мультяшная фигурка, мгновенно переместился в пространстве и встал в торжественную стойку рядом с дамой. Кавалер так галантно поклонился, что Марина невольно протянула руку для поцелуя. Витторио прикоснулся устами к перстам, но Марина ничего не почувствовала. Она недоуменно взглянула на Артема, который с трудом сдерживал смех. Витторио расхаживал в своем кабинете за углом, а на площади резвилась его виртуальная копия. Он покидал свою конуру, только когда шел на боевую операцию и был соответствующим образом экипирован. «Добро пожаловать в клуб «Солдаты удачи», прекрасная сеньора Марина! Ну и ты тоже заходи». После этой высокопарной фразы разоблаченный Витторио исчез.

Сам клуб располагался за углом, на набережной Мендиканти. Эта вербовочная контора арендовала помещение у общины «Марк», за что Международный союз

охранных ведомств оказывал сети альтернативных общин какие-то охранные услуги. Вставив в прорезь идентификационную карточку, подтвердив ее отпечатком пальца на кнопке и набрав код, они наконец вошли в кафе. Их встретил мрачный охранник. После необходимого в таких случаях сканирования гости вошли в зал, где их встречал Витторио. Когда он приблизился, Марина ткнула в итальянца сумочкой, чтобы проверить реальность образа. Витторио оказался настоящим. Отработанным движением он выбил сумочку из рук, тут же поднял ее и извинился: на резкие движения его мышцы реагируют автоматически.

Они расположились в кресле и включили меню, несколько программ видео и лист новых игр, которыми располагало кафе. Столик замкнулся в собственном виртуальном мире. С поверхности стола одно за другим появлялись заказанные блюда, очень виртуально-аппетитные, хотя и с искусственным привкусом.

Пока Мариша осваивала нового «Лешего в Пекине» (названия современных игр были для Артема не более понятны, чем словосочетание «Мертвые души» для героев «Вечеров на хуторе близ Диканьки»), Артем объяснял другу Витторио свою нужду: нужно на время исчезнуть.

— Ты знаешь, Арти, я — наемник. А сейчас как раз наклюнулось выгодное дельце (Витторио заговорил через устройство-переводчик, и его речь заиграла сугубо русскими словечками). Просто не смогу сейчас заниматься твоей безопасностью. Тем более что это сейчас будет нелегко. Ты, знаешь ли, вляпался. Хотя... Знаешь, есть вариант. Я тут недавно приобрел через подставных виллу на Канарах для нашего клуба. Хороший домик, заработанный честным трудом в Нигерийской заварухе. По-моему, об этой нашей вписке еще никто не знает. Надо только как-то перебросить тебя туда незаметно. Подводная лодка подойдет?

— Отлично, то, что надо! Спасибо, дружище.

Все получалось как нельзя лучше. Теперь, когда события стремительно развиваются, Артем мог затаиться в норке и следить, как дергаются ниточки раскинутой паутины, собирать «доказуху», чтобы затем предъявить ее всем заинтересованным сторонам.

Теперь можно выяснить последние новости. Как и следовало ожидать, они полностью подтверждали закон падающего бутерброда. Халифат и НАТО обменялись ультиматумами. В Крыму начались столкновения. Кадры видеохроники за позавчера, заказанные из архива, воспроизвели впечатляющую картину высадки войск Халифата в Аравии. Волна автолетов устремилась через Красное море, изрыгая огонь и грохот. Десантники толпами вываливались из тяжелых транспортных судов и тонули в дыму и пламени. Аравия сопротивлялась отчаянно, хотя дело было безнадежное. Артем смотрел на эту картину с чувством глубокого удовлетворения. Аравия в свое время вложила столько средств в Халифатское движение, что теперь в полной мере должна была почувствовать месть Судьбы.

Он не стал просматривать дальнейшие новости и дернул Марину за плечо — пойдём. Она довольно грубо отмахнулась (он потом признал, что тоже был грубоват) — отстань, у меня сложный момент.

— Да ты что, Венеция ждет.

— Пошла она, эта Венеция.

— Может, и меня пошлешь?

— И тебя туда же. Вот привязался.

Слово за слово, и они стали чужими людьми. Даже хуже, чем чужими. Артема от

нее тошнило. Совершенно взбешенный, он вышел на улицу, оперся о парапет канала и плюнул в него. В канале не осталось ничего романтического. Он напоминал ванночку с грязной водой и ничего более.

Чтобы отвлечься, Артем стал просматривать новости, и они заставили его забыть о скандале. Он узнал об Ольге...

Выключив монитор, Артем просто смотрел сквозь пространство, не замечая ни автолетов, ни гондол, ни стен, ни воды. Еще в Риме он был уверен, что нашел источник утечки информации. Он так хитро назначил встречи трем десяткам своих знакомых в разных местах. Ольгина встреча сработала. А ее, оказывается, просто выжали как лимон и выбросили шкурку. Он ее убил, бедную Ольгу, когда-то влюбленную в него, незащищенную и доверчивую. Невесть сколько времени прошло, прежде чем он очнулся и пошел ко входу в кафе.

Тут он увидел женщину в иссиня-черном костюме. Ба, так ведь именно она являлась ему в соборе. Неужели...

Женщина спокойно расстегнула магнитные створки сумочки, достала оттуда небольшой предмет и направила его на Артема. «Это конец», — подумал потенциальный покойник и, как человек не гордый, метнулся за каменные ступеньки. Пули чиркнули по стене. Жертва терроризма вжался в ступеньки и стал ждать смерти или чуда. Явилось чудо, как всегда закономерное. Охранник, глазевший на улицу через камеру наружного наблюдения, выскочил и швырнул в киллершу небольшой электрической дубинкой. Получив по голове, женщина упала и замерла.

— Красиво метнулись, сеньор. Где обучались выживанию?

— На даче в Чумазово.

— Надачечумазо. Красивое название.

Вдруг он остановился и уставился в сторону моря.

Развернувшееся там зрелище действительно было потрясающим. Все небо усеяно военными автолетами.

Тут загрохотала канонада. Затем на ее фоне послышался какой-то особый шум. «Вот каналы! Они взорвали плотину. Через три минуты здесь все затопит!»

Из клуба повалил народ. Все уже всё знали. За толпой Артем заметил, что террористка ожила и стала торопливо натягивать откуда-то взявшийся водолазный костюм (видимо, после покушения она собиралась уходить каналами). Охранник с Артемом за спиной не без труда проложил дорогу через людской поток назад в клуб. Их встретил Витторио, весь увешанный какой-то амуницией и в каске. Теперь он был вылитый кондотьер с площади.

— Где Марина?

— Не знаю, она ушла четверть часа назад.

— Быстро за мной!

На мониторе была видна огромная волна, широким фронтом приближавшаяся к Венеции. Еще минута, и она разнесет колпак вокруг города. Витторио полубегом провел своих спутников в сторону одного из тех парадных входов, которые в Венеции обращены на канал. Перед древними воротами стояла субмарина размером с небольшую яхту. Над ней висел старинный фонарь, который Витторио снял со словами: «Этот светильник мои предки спилили с исламского галеона в битве при Лепанто. Не хочу, чтобы он вернулся к мусульманам».

«А у нас вряд ли кто-то может похвастаться вещью, унаследованной от предков со времен Ивана Грозного. Слишком много волн прокатывалось по стране. Как через

них сейчас». Столь возвышенные мысли занимали Артема, пока он торопливо усаживался в субмарину.

Они задраили люки, и в следующее мгновение старинные двери были вышиблены напором воды. Субмарина оказалась на дне Адриатики, наступавшей впереди победоносной армии Халифата. А Венеция стала Атлантидой.

Филадельфийский период

9 августа.

Стамбул.

Фома, Павел.

«Господь годами собирает людей в корабль, которому суждено погибнуть. И нам, цепляющимся за жизнь, так хочется верить, что наше дело — Его, и Он еще не отвернулся, и время еще не пришло. А может быть, потому и пришло, что еще не отвернулся».

— Как все это грустно звучит, — прервал Фому отец Амвросий, настоятель монастыря святого Кирилла. — Мысль, разумеется, сомнению не подлежит, но зачем обвинять Господа в гибели людей?

— Так уж тут написано. Такова логика автора. — Фома постарался выразиться как можно тактичней. Он недолго любил манеру ортодоксов искать в любой фразе признаки ереси, но и прямых конфликтов избегал.

— Ох уж эти ваши авторы, отец мой. Мир пронизан ересью, и стоит ли множить ее озвучиванием. Тем более в присутствии неокрепших братьев наших.

Отец Амвросий имел в виду молодого послушника Павла, направлявшегося к святым местам.

— Извините, я не очень внимательно слушал вашу беседу, — мрачно отвечал неокрепший брат. Он вообще был неразговорчив и поглощен какими-то своими мыслями.

— Отец Фома зачитывал тут сентенцию одного из многочисленных философов, коими наводнена ныне Сеть. Воистину, сеть дьяволова.

— Не будем преувеличивать влияние нечистого. Как и на книжных страницах, в Сети находится поле битвы света и тьмы, — возразил Фома Амвросию. — Но эти люди, эти хакеры. Ведь они выпали из мира в эту придуманную реальность. Это же сатанинская пародия на монастырь. Ничто не интересует их, кроме виртуальных миров. Ведь многие давно живут на питательных растворах, беспомощные и беззащитные. Ведь они разучились даже перемещаться в нормальном пространстве. Стоит кому-то отключить их систему жизнеобеспечения, и они просто умрут.

— Умрут? Многие умрут. Ира уже умерла. Каждого настигнет его черная стрела. И меня, и вас, — промолвил Павел и принялся истово молиться.

— Бедный малый, — пробормотал отец Фома, глядя на воды Босфора, голубизна которых бросала вызов суеде века сего. — Я, кажется, слышал об этой истории с черными стрелами. Они принадлежали татарским экстремистам. Хотя татары, может статься, здесь и ни при чем.

— И ни при чем... — то ли повторил, то ли подтвердил отец Амвросий. — Ужасный век, отец Фома, ужасный век. Я надеюсь, что под сенью нашего монастыря

этот несчастный залечит свои душевные раны. Церковь остается последним пристанищем человеческого духа в наш безумный век. Пойдемте же к святой Софии, отец Фома.

Путь от набережной к центру города, который обычно занимал пятнадцать минут, оказался нелегким. Толпы жителей, прежде заполнявших улочки с торговыми рядами, теперь пришли в движение. Военное командование запретило пользование гражданскими автолетами в зоне боевых действий. Тысячи людей, не успевших эвакуироваться раньше, протискивались сквозь толпу, обдирая друг друга скарбом, ругаясь или двигаясь в упрямом молчании.

Только ближе к туристическому центру идти стало легче, и разговор об ужасном веке продолжился. Отец Фома высказывался в том смысле, что век не самый безумный. Роль Церкви; например, возросла, в ряде регионов пастыри Божьи пришли к руководству обществом. И даже Сеть служит не только страстям, но и слову Божьему. Отец Амвросий не разделял оптимизма своего коллеги.

«Филадельфийский период, — все время повторял он, — Филадельфийский период. Близятся последние дни. И совсем уже наступили». Отец Фома решил не упустить случая подколоть своего ортодоксального собрата. Это была уже привычная защитная реакция на постоянные обвинения в ереси, которые сыпались на Фому со всех сторон.

— Грех это, грех, отец Амвросий. Как можно знать, что последние дни наступили? То в руке Божией.

— Все в руке Божией. Но мы — орудие в ней. И сами последние дни приближаем...

Отец Амвросий встал, широко расставив ноги и воинственно взглянул на увенчанный полумесяцем храм Святой Софии. На площади, обычно людной, на этот раз никого не было. Туристы уже не ехали в прифронтной город. В своем долгополом облачении Амвросий почему-то напомнил отцу Фоме магометанского воина, который стоял здесь пятьсот лет назад и примеривался к кресту на куполе.

Никто не тянул отца Амвросия за язык, но его словно прорвало:

«Меня вот считают провидцем. Но ведь я сам, своими вот руками вталкивал в жизнь свои пророчества. И грешил немерено, безмерно грешил. И на исповедях молчал. Нельзя о таком признаваться даже на исповеди, чтобы не сокрушить дух неокрепший. Такой вот дух. — Здесь он кивнул на Павла и не торопясь пошел ко храму. — Богомольцы наши, святая совесть наша, и не ведают, что приходится творить ради них, ради их спокойного подвига. А как вовлечь их в наш круг? Вот, Павел, например, я давно за ним наблюдаю, чуть не с рождения...»

Павел прекратил молиться и напрягся. Он вообще узнал о существовании отца Амвросия меньше месяца назад. Отец Фома пробежал несколько звеньев логики отца Амвросия и ужаснулся. Неужели...

Отец Амвросий тем временем продолжал исповедоваться все более конкретно:

«Да, да, Павел. Я знал заранее о той трагедии, которая с тобой произойдет. Но не потому, что я провидец, как обо мне говорят. Не я виновник, но я молчал и потому виновен. Ох, как я бываю виновен! Во многия знания многие печали».

Павел хотел что-то то ли возразить, то ли спросить, но был остановлен взглядом духовного пастыря.

«Мы сами выбираем свою судьбу, свою сеть диавола и свой шанс на спасение. Если ты собираешь вокруг себя толпу, Павел, ты должен быть готов к потасовке. И к

тому, что кто-то будет толкать тебя в нужном ему направлении. Если тебя интересуют наркотики, то скоро вокруг будут маячить мафиози и интерполы. Если ты психоаналитик, ты притягиваешь маньяков. Если ты безвылазно живешь в виртуальном мире, рано или поздно найдется хакер, который взломает твой мозг. Есть множество сетей, но самая опасная сегодня, Фома, — это Церковь Божия. Здесь уже не маньяки и рядовые манипуляторы. Здесь Манипулятор манипуляторов противостоит нам. И такие подкидывает загадки, такие шансы-соблазны! Мы согласились воевать с ним, и не подозревая подчас, как тяжела эта война».

Фоме показалось, что глаза Амвросия зажили самостоятельной, какой-то шальной жизнью. Над городом взорвался военный авиалайнер, но никто из монахов даже не дрогнул. Что гибель этого города по сравнению со схваткой между твоим собеседником и Манипулятором мира сего.

А собеседник уже признавался в таких вещах, о которых Фома даже догадываться опасался.

«Скажи, Фома, если ты знаешь, что есть ребенок. Золотой ребенок. В глазах его ты видишь Благодать Божию, в словах — невысказанный для этого возраста разум. А родители — перекасти-поле, виртуальные наркоманы, живут в грязи, вовлекают сына в садомию, не отпускают... Можно ли оправдать их право на эту мерзкую, жалкую жизнь, если оно основано на слезе ребенка? Еще такое бывает... Заходит человек в комнату. А потом просыпается где-нибудь в Африке. И как-то там живет, трудотерапией занимается... Я могу за небольшую услугу посоветовать кое-кому, для кого из ничтожных тварей эта терапия показана. Каково, Фома?» Фома, который стал сиротой в пять лет и смутно помнил своих родителей, с ужасом смотрел на старого наставника. А тот и не думал останавливаться: «Где уж мне осуждать предшественников, которые могли уморить ребенка ради возможности основать новый монастырь на его наследственной земле. И уж конечно, я промолчал, когда одна группа слуг князя мира сего собралась перебить другую ради своих суетных целей. Ведь в результате ты, Павел, обратился к Богу. Прости меня, Господи».

Отец Амвросий вошел в сень собора и начал истово молиться.

Фома слышал, конечно, некоторые маловероятные истории об отце Амвросии, но считал, что их распространяют недоброжелатели святой Церкви. Нет, не Церкви. Ведь Церковь не несет ответственности за отдельных падших чад своих. Любовь к Родине не должна быть поколеблена, если ты ужаснулся из-за какого-то эпизода ее истории. Этого правила отец Фома придерживался во всех своих изысканиях, позволявших ему лучше понять пути Господни. Перед Богом каждый отвечает за себя.

Вслед за отцом Амвросием они вошли в древний собор. Во мраке проступала византийская роскошь, отреставрированная, на беду свою, вышедшая на историческое мгновение из-под защитной штукатурки, чтобы теперь погибнуть навеки. В этом исходе вряд ли можно было сомневаться.

Они молились каждый о своем. Молитва Павла напоминала виртуальный клип. Образ Христа перемежался с образами Ирины, картинами последнего месяца.

Он пешком прошел расстояние до Киева, до Лавры. Он сутки молился в пещерах, не отходя от мощей первого попавшегося угодника, а когда монахи стали уговаривать его выйти на свет Божий, поскольку пришла пора закрывать подземелье от посетителей, Павел попросился в братство.

Вскоре Господь подарил ему возможность отправиться в Святую землю, из-за

войны желающих ехать было не так много. А он поехал. И наставников Господь послал ему хороших.

И вот теперь он, всегда такой уверенный в своем пути, за короткий срок был снова вышиблен из кресла. Ну уж нет, на этот раз он не переменится. Отец Амвросий испытывает его. И он останется его учеником, даже если это сам сатана.

Фома молился, не ставя вопросов и не вознося просьб. Как это иногда бывало с ним в трудные минуты, он просто предавал дух свой Господу, без условий и формул. Фома отключал волю и видел только Спасителя. Отец Фома с опаской относился к экспериментам «умной молитвы» и свою молитву про себя называл «глупой». Разумеется, вслух он не произносил этого названия, опасаясь неизбежных издевок со стороны братьев во Христе.

В свете, исходившем от Спасителя, нередко проступали образы. На этот раз Фома увидел Ведьмино кольцо. Сначала он не понял, к чему это. Просто грибы. Они расположены кольцом. Когда-то они росли в центре поляны. Потом грибница разрослась, и они заполнили все пространство. Но позднее грибница в центре отмерла, и теперь грибы растут только по краям поляны.

Сначала Фома подумал, что эта аллегория может относиться к Церкви, утерявшей связь с изначальным смыслом, ради которого возникла. Но эту еретическую аналогию Фома отогнал от себя. Тем более что в последнее время живительные соки возрождения и обновления в Церкви были слишком очевидны.

Что же это за образ? Ну конечно. Образ Ведьминого кольца наложился на недавние размышления о печальных событиях, связанных с членами «Социума». Фоме даже показалось, что происходившее может быть обозначено на карте как фрагмент некоторого Ведьминого кольца. Теперь он знает, как выглядит противник. Но в чем был изначальный смысл грибницы, ради чего выросли эти грибы, связанные и поныне между собой? Что может сказать об этом отец Фома, если сами грибы забыли свой исток? Тем сложнее понять их мотивы, их логику действий.

— В чем смысл кольца, отец Амвросий?! — вдруг вырвалось у Фомы.

— Какого кольца? — повернулся к нему Амвросий. Лицо его преобразилось, черты обострились и как-то вытянулись, придав образу аскетичность и одержимость. — Ах, Кольца. Ну что же? Ты в целом правильно меня понял. Пойдемте. Скоро здесь будет интересно. Вчера пап Трапезунд. Не в правилах Халифата ждать со следующим ударом.

— Какая суета! — После всего открывшегося Фоме война Халифата с турками казалась ему малозначимым фоном разворачивающейся перед глазами драмы.

— Несомненно. Но мы с вами не соскучимся, особенно я, — ответил Амвросий и пошел прочь из храма.

И тогда Павел почему-то понял, что не Амвросий, а именно Фома станет его Учителем.

Улицы старого города уже опустели. На своем пути монахи встретили только одного человека. Он был одет в старинный турецкий костюм и нес в руках сверток. Турок-фундаменталист шел опасно, неделю назад военные расстреляли на центральном рынке дюжину фундаменталистов, вывесивших зеленые флаги. После этого Запад на неделю заморозил помощь Турции. Наверное, в свертке «старинного» турка тоже был флаг. Готовится праздничная встреча освободителей.

Серые каменные русла улиц, обросшие древностью, вели монахов к морю. На шоссе, уходящем вдоль моря на Балканы, продолжалось столпотворение. Тысячи

людей, привыкших к светской жизни на окраинах постиндустриального мира, не хотели назад, в Средневековье. Они еще надеялись ускользнуть из-под носа надвигавшейся армады к родственникам за железный занавес Европы. Но Европа не хотела принимать беженцев, оставляя им лишь участь жителей фильтрационных лагерей в Македонии, еще в прошлом веке превратившейся в огромную съемочную площадку человеческих трагедий, непрерывно демонстрировавшихся мировыми информационными сетями. Македония привыкла зарабатывать на жизнь, обслуживая эту съемочную площадку. Но мировые дотации на беженцев уменьшались с каждым десятилетием. И вот уже жители Македонии предусмотрительно стали перебираться подальше от наползающей с юга тени. Если Халифат использует Великую Албанию и Боснию, свой балканский плацдарм в Европе, созданный в свое время стараниями Запада, то бежать будет некуда.

Отец Амвросий прервал размышления отца Фомы совсем неожиданным образом. Он словно напомнил коллеге о том, как быстро тот вернулся в мыслях своих к предмету, который сам же и заклеил как суетный.

— Здесь безопасно быть только христианским монахом. Воины ислама сегодня не трогают монахов, потому что «от них не исходит скверна». Проклятый Филадельфийский период. Даже бусурмане играют в плюрализм мнений. Пожалуй, с этим надо покончить. Позорно, когда этот памятник находится в большей опасности, чем воины Христовы.

Отец Амвросий имел в виду статую Ататюрка, горделиво смотревшую на Босфор. Амвросий подошел к памятнику и произнес: «Приветствую тебя, о воин, в момент крушения твоего дела». Затем он повернулся в сторону Золотого Рога и замолчал. Фома и Павел присели у самой воды, отдыхая от походов этого дня.

Ждать пришлось недолго. Северные укрепления вздрогнули от ракетной атаки. Земля зашаталась, как при землетрясении. Со стороны Черного моря появилась армада военных самолетов. Видимо, дело уже было решено. Они летели, лениво постреливая по оставшимся целям, на которые пилотов наводили спутники и приборы, фиксировавшие прицеливание с земли.

Один из передовых кораблей вел молодой турок, ставший пилотом Халифата. Он с детства не принимал беспорядочную и суетливую жизнь Турции, в которой были причудливо перемешаны обеды с западного стола и восточный базар. И особенно ненавистна была для него фигура основателя этого химерического государства. Портреты Ататюрка, развешанные повсюду, заставляли его вздрагивать. Он уехал в Халифат еще тогда, когда это было разрешено псевдодемократической олигархией, правившей в его стране. И вот теперь возвращается как победитель и освободитель. Он ждал этого момента половину своей недолгой жизни. Он впитывал глазами все — дымящиеся укрепления среди гор, прекрасную синеву Босфора, игрушечный город внизу. Оглядывая прицелом полузабытые очертания Стамбула, он увидел ненавистный памятник на набережной. Что же, достойный символ возвращения...

Фома даже не понял, что произошло. Грохот оглушил его, и горячая волна бросила в море. Откашлявшись от воды, он уцепился за камень и привстал. Рядом Павел, более привычный к физическим передрягам, деловито выжимал рясу. И только потом они увидели, что на месте памятника горит выжженная земля.

— Смотри, смотри, Павел. Это великий момент. Святой великомученик родился сегодня на наших глазах. Да простятся ему грехи его, — произнес отец Фома.

Настоящее одиночество

10 августа.

Берлин.

Романов, Татьяна, Алекс.

«Ведомо ли вам настоящее одиночество? Нет, не отдых от суеты, приятное уединение. Не скука среди толпы, где все тебе чуждо. Не ночная тоска в четырех стенах. Ведомо ли вам настоящее одиночество, когда лопнула связь с миром? Как это может быть? Скоро вы узнаете и это».

Слово «это» Сергей дочитывал уже на фоне монументальных небоскребов Берлина. Сергей видел такое чудо иллюзионизма впервые. Берлинские небоскребы строились еще в конце прошлого века. Но после начала мирового экономического кризиса средства на строительство помпезного центра Четвертого рейха кончились. И тогда решили заменить реальное строение подсветкой, виртуальной иллюзией. По мере возможности строение достраивалось, но практичные немцы предпочитали не использовать американскую эмульсию, которая позволила бы возвести любой небоскреб за несколько дней. Немцы хотели строить на века, поэтому пока построили немного.

Мишина Романова уже заходила на стоянку, когда небоскребы вдруг исчезли. В мгновение ока на их месте остался лишь жутковатый каркас, будто обглоданный пираньями. Это было невероятно — ведь сейчас космическая энергетика Германии полностью обеспечивала потребности страны. Отключение электричества означало небывалую катастрофу, угрожало ужасными, множащимися с каждой минутой последствиями. Гибель хакеров, погрузившихся в виртуальный мир и целиком зависимых от приборов питания, паралич транспортных и информационных систем... О, ужас! Сергеич лихорадочно включил Сеть. Но ни в виртуальных очках, ни на экране ничего не появилось. Многие десятилетия Сеть служила ему и миллиардам других людей. И вот вместо нее — темнота. Конец света.

Таня сладко потягивалась в кресле, но увидев позеленевшее лицо супруга, затрясла его за плечо. Катастрофа, происшедшая с Сетью, ее не столько напугала, сколько озадачила. Таня стала крутить приборы приемника в поиске радиосигналов. Вскоре в эфире зазвучали голоса, что означало: мир жив, информационные потоки ещё где-то бьют ключом. Радио сообщало, что Халифат взорвал в околоземном космическом пространстве большое количество контейнеров с металлическим мусором. Радиодиджеи, которые внезапно для себя стали главными источниками информации для миллиардов жителей планеты, уже присвоили этому чудо-оружию название «космическая шрапнель». Боевой металлолом уничтожил большинство спутников противоракетной обороны и связи. Так что теперь единое информационное пространство распалось на локальные кусочки, и главным СМИ, как в прошлом веке, стало радио. Сеть сохранилась, но ее единство нарушено. Видение работает, но только в пределах прямой трансляции. Самое ужасное: теперь ракеты Халифата почти невозможно сбить. Это, конечно, не значит, что он применит стратегическое вооружение, можно получить тем же обухом по тому же месту. Но тактические ракеты теперь будут свободно летать над Европой и сбивать все, что движется над поверхностью.

Словно в подтверждение этого прогноза над Берлином взорвались несколько автолетов, и Сергеич аварийно спикировал на Александерплац. В сумерках, без обычной подсветки, классические сооружения немецкой столицы выглядели мрачно. Толпы берлинцев, в момент оказавшиеся без гипнотического воздействия информационных каналов, вывалили на улицу и восстанавливали человеческое общение, переполнив пивные и площади.

Сергеич не очень хорошо понимал по-немецки. Аккумуляторы переводчика сели, подзарядить их было негде. Поэтому удавалось понять только обрывки фраз: «...форменное безобразие!», «...Это им дорого станет!», «...Черномазые варвары, долго мы терпели!», «...Культурный мир восстанет!», «...Крестовый поход! Да здравствует новый Зигфрид!» Кто имелся в виду под новым Зигфридом, Сергеич не понял. Несмотря на то что неплохо знал современную европейскую ситуацию, ему на ум так и не пришел образ вождя, который мог бы повести на мавров железные когорты бургеров, тусовавшихся на этой и других площадях Европы.

Затем все задрали голову и стали разглядывать разгоравшийся в небе пожар. Там сгорали частицы «шрапнели» и обломки спутников. Сгорала основа цивилизации.

— Что же теперь будет? — всхлинула Таня, озвучив вечный вопрос современников переломных исторических эпох.

— Во всяком случае, нужно срочно возвращаться домой.

— Не так-то это теперь просто, ведь регулирование воздушного движения тоже отключилось, никаких автопилотов. — Неожиданно вмешался стоявший рядом офицер. Он говорил по-русски с легким акцентом, но все равно показался Романовым до боли своим среди толпы немцев.

— А как же теперь передвигаться?

— О, здесь вы повстречали специалиста. Видите ли, воздушные ракеты хоть и летят на низких высотах, но все-таки не ползают по земле. А автолет может двигаться практически непосредственно над землей, как автомобиль прошлого века. Поэтому можно лететь над полем или старинной дорогой. Конечно, очень медленно, дороги кое-где заросли деревьями. Да и ландшафт неровный, легко врезаться в препятствие. Хотя вообще-то я бы порекомендовал выбрать маршрут вдоль горной местности, там у вас будет гарантированная защита от ракет.

— Да, это хорошая идея! — Сергеич воспрял духом и проникся к новому знакомому самыми теплыми чувствами. Всегда очень важно в необычной ситуации встретить человека, который знает, что делать еще до того, как ты затратил силы и время, чтобы придумать какой-то свой вариант поведения, менее отточенный.

— Вы знаете, я ведь в молодости водил автомобиль!

— Что вы говорите! Вы ездили по этим одномерным ниточкам-дорогам, да еще наполненным другими машинами?

— Еще как наполненными. И к тому же половина неслась вам навстречу.

— И с какой же скоростью вы ездили?

— Около ста километров в час.

— Потрясающе! — офицер даже вскрикнул. — Это настоящее искусство. То же самое, что нестись бегом по минному полю. Ну, тогда вам ничего не страшно.

— И тем не менее ваша идея прижаться поближе к горам кажется мне вполне разумной. Я думаю поехать севернее Карпат.

— В таком случае я бы попросил вас меня подвезти. В этой суматохе я тоже потерял свой транспорт. Кстати, разрешите представиться, капитан Войска польского

Александр Засурский.

— Очень приятно. Сергей Сергеевич.

— Таня.

Александр уважительно пожал руку Сергеича и наклонился к руке Татьяны. Когда он целовал пальцы, Таня чуть не вздрогнула. От его мягких губ повеяло совсем нецеремонной теплотой. Она подумала, что вполне еще нравится молодым мужчинам.

— Знаете что, поверьте военному. Скоро в старушке Европе будет нелегко просто так поехать на дороге. Поэтому давайте зайдем в ресторанчик и хорошенько перекусим.

Сергеич еще раз отметил глубокое понимание жизни этим парнем. Они обошли народное толковище и устроились в небольшом кафе на Унтер-ден-Линден напротив мрачной фигуры великого Фридриха. В кафе ощущение катастрофы ослабло. Люди сидели вокруг свечей и пели песни, покачиваясь в ритм и размахивая кружками с пивом. Виртуальные покрытия исчезли, и в свете свечей проступали грязно-серые стены с металлическим отблеском, безвкусные конструкции и яркие пятна виртуальных украшений, работающих от аккумуляторов.

«Неужели теперь таким будет образ нашего мира?» — подумал Сергеич. Пока они заказывали обед, пока Таня о чем-то ворковала с капитаном, Сергеич пытался осмыслить происходящее. Глобальная виртуальная цивилизация была для него привычной средой обитания. Он набил себе руку в точных прогнозах мирового развития, он предвидел основные геостратегические повороты нынешнего витка мировой истории. Его не удивило и нынешнее нашествие Халифата, которое он был намерен разглядывать, не приближаясь на опасное расстояние. Он чувствовал себя вооруженным и защищенным своими знаниями и своим умением отбирать в гигантских и внешне хаотических потоках информации самое главное, существенное и истинное. Он жил в этих потоках и царил в них. За это его уважали и боялись. И вот теперь варварским, примитивным и потому непредсказуемым способом была уничтожена его среда обитания. Это была его личная трагедия, что бы после этого ни говорилось о трагической судьбе миллиардов людей, как бы ни сложилась судьба страны, на которую он теперь не мог влиять в самый решительный момент. Глобальная информационная цивилизация была тем золотым плодом, который вырос на уже почти отмершем дереве индустриального общества. Без этого плода мир превращался в обычное Средневековье. Технически оснащенное, но все-таки Средневековье. Как Халифат. Воистину, вожди Халифата по-своему гениальны. Одним щелчком они поставили передовые страны пира вровень с собой.

Нет, нет, не может быть. Все-таки человек не может деградировать в одно мгновение на целые века. Когда вся эта заваруха кончится, глобальные информационные связи можно будет восстановить. Ведь остались и технологии, и специалисты по их изготовлению. Люди будут неизбежно стремиться к тому уровню жизни, к которому привыкли. В свое время это помогло восстановить Союз и выйти из кризиса.

Этот оптимистичный вывод срезало брошенное между прочим замечание Засурского: «Ужасно то, что сейчас информация не может перетекать с места на место. А в тылу халифатской армии идут специалисты, которые подвергают чистке информационные базы, ведут учет специалистов и их знаний, уничтожают все «лишнее». Вот как».

Таня ждала, что ответит ее Сергеич. Ведь для него было привычкой оставлять за собой последнее слово. А тут он продолжал молчать, пережевывая европейскую

белковую жвачку. Поведение мужа, явно растерянного и беспомощного перед лицом обстоятельств, ее в очередной раз разочаровало.

Сергеичу стало не по себе от возможности превратиться в средневекового чернокнижника, сгибающегося под тяжестью своих знаний и неспособного обмениваться ими с окружающими, может быть, из-за их неготовности к диалогу, а может быть, из-за угрозы прямых репрессий. Он похолодел от предчувствия этого одиночества длиною в остаток жизни.

Ну так уж дудки! Не выйдет. Нужен ковчег, где важнейшая информация сохранится от этого потопа. Очевидно, что в нынешних условиях базы данных европейских цивилизаций может сохранить Россия. Нужно направить экспедиции по их сбору. Для начала заехать в Париж, где находится важнейший банк данных в Западной Европе. Пожалуй, это будет хороший повод побеседовать с Принтамом о Софье.

Так, сначала в Прагу, где осталось одно важное дельце, затем — в Париж, а потом бегом назад. Ноев ковчег не может участвовать в морских сражениях. Теперь Сергеич окончательно утвердился в недопустимости вступления Союза в войну, как бы ни были благородны ее цели.

Пока они поглощали порошковое мясо с брюссельской капустой, Сергеич продолжал растерянно молчать, а Александр с юморком описывал Тане сложившуюся на фронтах ситуацию:

— ...а с Боснийского плацдарма они пробили оборону НАТО в Хорватии, уже вторглись в Венгрию и пробиваются в Чехию. Гордым мадьярам приходится вспоминать времена XVI века.

Было видно, что польский подданный белорусского происхождения недолюбливает гордых мадьяр. Таня решила вставить свои пять копеек:

— А как же сербы? Ведь они могут ударить во фланг мусульманам.

— А что сербы? Они не входят в НАТО. И вообще их позиция зависит от Союза. Если вы вступите в войну, тогда, конечно, и они... Халифату придется нелегко. Я думаю, через месяц вместе мы выкинем их из Европы.

— Сережа, ты слышал? Мы должны...

— Ничего мы не должны. Все, доели? Время не ждет. Прага ждет.

Толпа на площади заметно поредела. Вдоль улиц медленно плыли перегруженные электронным скарбом автолеты. Впервые за несколько десятилетий на улицах Берлина образовались пробки. Сергеич вырулил на Фридрихштрассе.

Александр молча положил руку на колено Тане и ласково улыбнулся ей. Масипас мирно урчал на своем месте так громко, что заглушал мотор. Сергеич и не знал, как близко он оказался к настоящему одиночеству.

Ковер-самолет

12 августа.

Великая пустыня.

Василий, Гуля, Ахмед.

Иса, сын Мариам, да святится имя его, говорил:

«Жизнь — мост. Проходи по нему. Не строй на мосту себе дома».

Это изречение было написано по-арабски, по-русски и по-английски на стене небольшого одинокого здания, расположившегося в предгорье на краю пустыни. Через секунду надпись сменилась другой: «В каждом из нас живут змея, осел, собака и женщина. Но в конце все они остаются на земле, а Аллах призывает нас в небо».

Василий нажал на кнопку звонка. Через несколько минут на пороге появился смуглый человек с изборожденным морщинами лицом и бородачкой а-ля старик Хоттабыч.

— Ассалом алейкум, — произнес Хоттабыч.

— Алейкум ассалом. Вы говорите по-русски?

— Немножечко говорю, — вполне чисто отвечивал старик.

— А это ваше изречение? — поинтересовалась Гуля.

— Не знаю. Смотря какое. Их тут много. Некоторые — мои.

— Мы войдем? — на правах проводника спросил Ахмед.

— Ты войдешь, — старик указал на Васю. — Вы подождите.

Ахмед пожал плечами, а Гуля вообще никак не отреагировала. Она привыкла подчиняться.

Василий вошел в саклю, которая на поверку оказалась предбанником обширного подземного помещения. Хозяин присел на небольшую деревянную тумбочку и взглядом усадил гостя на половичок, который при соприкосновении с сидалищем зашипел и начал подниматься над поверхностью. Вася даже подпрыгнул от неожиданности, но потом понял, что имеет дело не с восточным ковром-самолетом, а с обычной воздушной подушкой.

— Ну, к делу, — пригласил хозяин.

Вася открыл компьютер и направил его луч на пол. Среди комнаты возник бюст отца Фомы, который произнес: «Дорогой друг. Дело, с которым к тебе обратится этот молодой человек...» Появился портрет Васи в обнимку с Фомой (чтобы труднее было подделать в случае чего), «...очень важно для нас всех. Помоги, пожалуйста».

— Ну и?

— Надо бы в Караганду. И по возможности незаметно.

— Да уж. Если тут ехать в Караганду заметно, то вряд ли доедешь. Ладно. Вас двоих отправлю. С девочкой. Третьего отправишь назад.

— Почему?

— Ты его давно знаешь?

— Две недели.

— А я две минуты. И за эти две минуты он дал мне попить, что он тут власть.

— Это как это?

— Вот ты не местный. Ты здешних обычаев не знаешь. Можешь быть невежливым. А парень этот знает. Но он может позволить себе вести себя так, как будто этих обычаев нет. Они у него в крови. Но еще у него в крови власть, которая освобождает его от обычаев, от того, что он младше меня, и от того, что я здесь живу, а он — путешествует. Так здесь можно было общаться лет сорок назад, но не нынче.

Вася не поверил Хоттабычу. Этот мнительный старикан всерьез спутал его планы. Ахмед как раз очень бы понадобился в Темиртау. Хоттабыч обиделся на легкую неучтивость молодого таджика, казалось, вполне эмансипированного. Ну и друзья у отца Фомы. Святой отец, надо отдать ему должное, предупредил, что спорить здесь не стоит.

Ахмед воспринял новость с небольшой обидой, но в общем спокойно.

Дождавшись, когда Ахмед на машине скрылся в горах, Хоттабыч не стал драть волоски из бороды, а спустился в свое подземное жилище. Через несколько минут он явился с лысым мужиком, который вышел с Васей на двор и дернул какой-то рычаг. Ничего не произошло. Тогда мужик сказал: «Шайтан!» — и дернул еще раз. Шайтан услышал. На крыше зажужжала солнечная электроустановка, песок закружился, и из-под него вылез коврик, похожий на тот, что был подстелен под Васю, но только в десять раз больше.

Хоттабыч вышел на двор и торжественно произнес: «Отвези их на границу Стана». Вася галантно взял Гулю за руку и посадил на ковер-самолет.

Мужик за рулем злобно сплюнул на песок: «Шайтан!» — и поднял ковер-самолет над пустыней. Водитель включил зонтик, палящее небо исчезло за желтоватым маревом. Видимо, сверху автолет сливался с пустыней.

Водитель хранил молчание, и Гуля, словно в подражание ему, изображала египетского сфинкса. Вася решил, что раз уж Хоттабыч позволил ей сесть на ковер-самолет, то спутница, по крайней мере, должна развлекать их беседой.

— Почему ты молчишь, Гуля, ты гид или не гид?

— Честно говоря, я очень боюсь. Я вообще ещё не поняла, зачем я согласилась ехать. Это же противозаконно. Пустыня — бандитское место, источник зла и скверны. И никакой я не гид по пустыне. Вот, обращай к нему. — Гуля ткнула пальцем в сторону молчаливого шофера.

— Шайтан! — шофер виртуозно увернулся от встречного авиатранспорта, такого же замаскированного, как и они, и потому замеченного в последний момент.

Гуля была раздражена и обижена. Она была готова довести Ричарда из России куда ему нужно, и на следующий день вернуться назад из романтической поездки. Когда стало ясно, что клиент собирается в пустыню, приключение перестало ей нравиться. Она уже несколько раз собиралась вежливо откланяться, но... Не хотелось прощаться с Ричардом. Не хотелось, и все тут. И вот когда подали ковер-самолет, она не думая села на него, хотя это было уже явно не ее дело. А вот Ахмед не сел. Ах да, его не пустили. Ее пустили, а его, явно более нужного, нет. Неужели наш путешественник просто договорился с местной мафией, и ее украли? Аллах Велик! Ее украли. Теперь весь вопрос: приберет её Ричард для себя, или это — рабство, и ее будут пытаться, требуя выкуп?

— Куда мы едем?! — Она почти взвизгнула.

— В Темиртау, я же говорил. А чего ты кричишь, я тебя хорошо слышу.

— А что я там буду делать?

— Мне помогать.

— Я что тебе, секретарь?

— А чего ты взъерепенилась?

— Пока я не буду знать, зачем это все, никуда не поеду!

Вася про себя улыбнулся. Интересно, куда она собирается выйти на ходу — прямо в центр Аральского солончака? Ну хорошо, красавица. И он начал говорить. Он рассказывал ей о противоречиях традиционной восточной культуры и индустриального развития, которое привело к тяжелейшей экологической катастрофе на Арале. Гуля увлеклась, пыталась доказывать: все оттого, что Россия отказалась повернуть сибирские реки. Вася, естественно, нанес ей «теоретическое поражение» и продолжил разъяснять сущность нынешних глобальных проблем в связи с демографической проблемой в Средней Азии. Потом он показал ей глубокое знание

организации преступных сообществ Пустыни, их экономическую структуру. Только когда он рассказывал о современной работоторговле через Сеть и попытках виртуальной пустотой, Гуля как-то съежилась. Вася разъяснил, что волноваться не стоит, Союз защищает своих граждан и попытки их украсть немедленно приводили к высадке десантов в пустыне и большим потерям среди пиратов. Так что теперь они предпочитают не связываться.

Тут Вася понял всю бестактность собственных слов — Гуля не была гражданкой Союза. Он замолчал, потупив взор, и спутница истолковала эту паузу в самом неблагоприятном смысле. Она замкнулась до конца пути, а Вася так и просто заснул, хотя ночью стало довольно холодно.

Когда багровый восход окрасил пустыню, на горизонте возникли какие-то черные тени — то ли здания, то ли куча мусора. Вскоре шофер лихо приземлился, откинул порог и сказал: «Темиртау».

Они спрыгнули на землю. Вася галантно подал руку спутнице, которая не ждала от будущего ничего хорошего. Перед ними расстилалась степь, заваленная обломками техники. Вдали виднелись развалины каких-то заводов и озеро. Города не было, да и не должно было быть, Темиртау давно ушел в сеть подземных коммуникаций. Дышалось тяжело — от озера стелились ядовитые запахи. Плюс жара.

Ковер-самолет зашипел и взмыл в воздух. Через секунду его уже не было видно.

— Ну что же, пошли. — Вася взял вещи и направился к развалинам.

Идти пришлось недолго. У дороги вырос холмик, из которого выдвинулась небольшая ниша с вооруженным человеком. Он сказал что-то непонятное. Но тут как раз пригодилась Гуля, которая перевела простейшую фразу: «Куда идете?» Вася попросил перевести: «Мне нужен абонент 2374973. Хочу сделать ему заказ». Человек кивнул и уступил дорогу. Они важно вошли в туннель. Часовой спустил их ниже, и там какие-то люди усадили в капсулу, предназначенную для перемещения в туннеле. Стоило им устроиться, как на запястьях замкнулись наручники. «Так вам будет удобнее», — сказал один из обитателей подземного царства по-русски. Капсула понесла их в неизвестность, преодолевая множество развилок сразу во всех трех измерениях.

— Все-таки рабство, — проговорила Гуля, но Вася ее не услышал.

Капсула остановилась, наручники разомкнулись, пассажиров извлекли на свет. Затем еще какие-то вооруженные люди провели их через зал этого своеобразного метро и пригласили посидеть в небольшой приемной. На двери зажглась лампочка, Вася с Гулей вошли в кабинет. За столом расположился радушно настроенный Ахмед:

— Здравствуйте, дорогие мои, сейчас будем чай пить. Ну и какое у вас дело к абоненту 2374973?

Смена эпох

22 июля — 14 августа.

Африка.

Ольга.

Летит в Зимбабве он с визитом,
Живой формально, но убитый,
Сраженный пулей на заре,

Лоран Кабила, Дезире.

А я, рожденный быть пиитом,
Но телевизором воспитан,
Ни Щербаков, ни Бержерак,
Лапшу вкушаю, доширак.

Во всем есть разница меж нами,
Но исторический цунами
Наш мир несвязанных картин
Перемешает в миг один.

Ольга повторяла эти стишки, которые были известны ей с детства. Даже Чуковского «Вдоль по Африке гуляют, фиги, финики срывают» она услышала позднее. Где-то подцепила, запомнила, стишки привязались. Сотни раз в жизни она их переиначивала, разбивала на кусочки. «Кабила — враг дебила», «Бержерак — в речке рак». Кабила казался ей эдаким суперменом из боевика, в которого стреляют, а он не падает, летит куда-то с визитом, Бержерака сознание смешивало с лапшой, куда в качестве гарнира добавлялась щепотка Щербакова. И все это перемешивало в один миг какое-то цунами. По мере взросления слова стали приобретать первоначальный смысл. Она увидела, что такое цунами. Посмотрела фильм о Бержераче и даже почитала его стихи. Послушала записи Щербакова и, не поняв там половины слов, обратилась к XIX столетию. Когда ей попала на глаза биография Кабилы, она с интересом ее прочитала, подивившись судьбе этого партизана, который действительно был застрелен вскоре после прихода к власти. Но поскольку соратники еще пытались спасти его с помощью медицины дружественного Зимбабве, они не сообщили о гибели президента и объясняли его внезапный отлёт в другую страну дружественным визитом. Все фигуры приобрели очертания. Даже «наш мир несвязанных картин» указывал на вполне определенные постмодернистские обстоятельства. И лишь «перемешает в миг один» она поняла только теперь. Да что толку.

Её расстреляли. Как в 30-е годы прошлого века. Она провалилась в навсегда ушедшую эпоху. Да еще учится теперь в ней выживать. После расстрела ее не похоронили, а дали нашатырный спирт, привели в чувство. Смыли с лица краску. Видимо, спектакль зачем-то снимали на пленку. Но им она еще была нужна. Ее три дня везли по каким-то саваннам, пустыням и горам, мимо бесконечных коричневых толп. Толпы пахали, выкорчевывали, спиливали, осушали, рыли, маршировали, ехали на каких-то допотопных тракторах и притороченных к ним волокушах, проносились мимо на грузовиках и военных автолетах. За все путешествие Ольга ни разу не видела, чтобы кто-то сидел под пальмой. На десяток работников по надсмотрщику с автоматом. Автоматы очень легко шли в дело. «Отбракованных» здесь же и закапывали, прямо на глазах у туристки.

Финалом ее путешествия стала скала. Ночью Ольгу привезли на точку, возвышающуюся среди какого-то крупного города. Здесь располагалась школа разведчиков. Утром Ольгу поставили в строй новичков и объявили, что им оказана особая честь. Как иностранных граждан их приняли в школу без экзаменов. Им запрещается общаться с кем-либо, кроме руководителей. Они должны беспрекословно выполнять указания. Первое нарушение — замечание. Второе — физическое

наказание. Третье — расстрел. Задача — дожить до выпуска.

И дальше они попали в конвейер: арабский язык, основы ислама, история Халифата, кросс вокруг скалы, тренинг по вождению, стрельбе, и снова по кругу. Злые офицерши и добрый мулла. С ним единственным можно было общаться, он был защитником, источником мудрости и доброты. Постепенно Ольга стала понимать, что она и близко не представляла себе, как многогранен и глубок ислам. Ее увлечение Кораном поощрялось, ради Священной книги освобождали от кросса.

Постепенно ее стала покидать даже мысль о побеге, и, словно поняв это, мулла разрешил ей прогулки по краю пропасти, отделявшей их школу от остального мира. Внизу под скалой в песке валялись огромные каменные глыбы, был виден арабский замок и несколько роскошных сказочных мечетей, а вокруг них простирался бесконечный ряд четырехэтажных домов с гладкими крышами. «Как бритые зэки», подумала она и осознала, что все-таки хочет бежать.

Обшарив глазами горизонт, она вдруг поняла, где находится: на горизонте за рекой, пальмами и прочей зеленью в желтизне пустыни виднелись пирамиды.

Ольга хотела поделиться этим открытием хоть с кем-нибудь. Это была игра со смертью, но все-таки за ужином она, стараясь не шевелить губами, проговорила в сторону соседки: «Мы в Каире». «Вау!» — воскликнула соседка, видимо американка, и тут же получила первое предупреждение от охраны.

На следующий день Ольга потеряла свое право на тайну: экскурсию на пирамиды устроили всем. Их посадили в автолет и кинули в пустыню, совсем недалеко от пирамид. Это был ад. Они бегали по раскаленному песку, а потом их пинками загнали в чрево пирамиды. Доводилось ли вам спускаться в преисподнюю? В полной темноте, почти без воздуха, согнувшись в три погибели. Вниз — вверх, все на ощупь. И, наконец, свет. Они сгуртовались в маленькой комнате, где их встретил мулла, державший свечу (чем он там дышал?): «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного. Вы многое испытали и во тьме увидели свет. Теперь те из вас, кто пройдет испытания, понесет этот свет всем народам. Прочтём же молитвы...»

Когда они вышли на свежий воздух, то одновременно поняли, что такое счастье — это уже сама по себе возможность просто дышать. Втягивать горячий воздух полной грудью. Эйфория! Американка подняла голову вверх, что строжайше запрещалось, и произнесла по-английски: «Я, Дженифер Мария Лопес, гражданка Соединенных Штатов, похищена в Испании и нахожусь в плену в Каире в диверсионно-разведывательной школе». Она явно рассчитывала, что это сообщение будет считано спутником. Естественно, она тут же получила второе замечание. Ни Ольга, ни кто-то еще не решились повторить этот подвиг. Они побрели к автолету у сфинкса, ступая по камням, стесанным миллионами жреческих, варварских и туристических ног. Закатное солнце блеснуло ей в глаза, и Ольга обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на пирамиду, и даже замешкались на секунду, рискуя репутацией идеальной ученицы. На пирамиде ей показалось... Нет, не может быть. Там стоял человек в хитоне и смотрел на нее пронзительным взглядом. Искушение. У него было лицо отца Фомы. Чур меня! Она побрела к автолету.

Призрак как раз и был отцом Фомой. В Стамбуле их с Павлом задержали и для их же безопасности перебросили в Александрию, подальше от театра военных действий. Оказавшись в краю египетском, Фома не мог не показать Павлу здешние святыни. Они бродили от собора к собору, и Фома посвящал ученика в тонкости споров

монофизитов, несториан и православных. И Павел дивился суетности своей прежней жизни, когда спасение какого-то региона от гражданской войны казалось ему важнее спасения души и судьбы всего рода человеческого. Фома был в не меньшем восхищении, он так давно мечтал об ученике, об отзывчивом слушателе, который, в случае чего, сможет продолжить его дело, его духовный путь. Фома даже испросил дозволения у местных властей посетить древние храмы каирские. И получил разрешение.

К закату они дошли до самых пирамид. Здесь было довольнолюдно — работала археологическая экспедиция. Дехкане откапывали древности, которые пойдут на продажу в Америку. Халифат по-прежнему был заинтересован в торговле с внешним миром. У пирамиды Хефрена стоял часовой, жестом преградивший им дорогу. Пирамида Хеопса была свободна от охраны, и Фома полез на нее, путаясь в рясе, подчиняясь детскому восторгу перед древностью. Павел остался внизу и с беспокойством смотрел на удаляющегося Учителя. И тут к нему подошел человек в бедуинской одежде, только с более светлой кожей, и обратился по-русски:

— Извините, пожалуйста, не могли бы вы окликнуть своего Учителя минуты через две? Нельзя долго быть на пирамиде, новые власти могут прогневаться.

Павел не знал об этих ограничениях, их не предупреждали, но в Халифате было много непонятного, так что лучше не возражать. Минуты через две он крикнул: «Отец Фома, пора бы назад!» Фома повернулся к ученику, но взгляд его словно обо что-то споткнулся.

Фома спрыгнул с каменной глыбы и, взяв Павла за руку, потащил его быстрым шагом по тропе. Он торопился в город, чтобы как можно скорее попасть на другую половину расколота современности. Фома не задумался ни о том, кто организовал эту их случайную встречу, ни о том, зачем. Только много лет спустя он как-то подумал, что эта встреча не была случайной, не мог сторонний человек увидеть тренировку разведшколы.

В Александрии тот же чиновник, что выдал монахам разрешение на поездку в Каир, направил их назад в Афины. На том доброта мулл закончилась. Из Афин монахам выбраться не дали, и Фоме ничего не оставалось, как бродить со своим экскурсантом по Акрополю и горе Святого Георгия. Зато он знал, что Ольга жива. И знал об этом не только он. Это знали люди, способные отдать приказ Витторио и его ребятам, которые отсиживались на подводной лодке, прятаясь в гроте в Эгейском море.

Ольга продолжала играть в арабскую рулетку. Пули свистели совсем рядом. Американка снова заговорила с Ольгой, очень неосторожно: «Нас спасут. Не могут не спасти. Америка всегда спасает своих граждан». Ольга побоялась отвечать, и правильно. Надсмотрщица подала знак, и нарушительницу увели. У нее было уже третье нарушение. После завтрака их выстроили на плацу. Зачитали приказы. Последний — о казни очередной нарушительницы. Она стащила у соседки мыло. Несчастную вывели к стенке. Потерпевшая должна была исполнить приговор. «Все справедливо», — подумала Ольга и ужаснулась. Как-то одновременно ужаснулась из-за своего согласия с этой справедливостью и из-за того еще, что приговор американке по этой логике приводить в исполнение придется ей, Ольге.

Новоиспеченным палачом оказалась то ли китаянка, то ли корейка. Эта справится. Сама невозмутимость. У нее не было ни одного нарушения, хотя особых

успехов в боевой и политической подготовке тоже не наблюдалось. Дитя Востока плохо говорила, с трудом запоминала Коран и не попадала в цель со ста метров. Но с пяти метров она не промахнулась, спокойно вогнав пулю в лоб обреченной. Завтра утром то же самое придется проделать Ольге. Или не придется? Стрелять она здесь насобачилась. Взять, да и прекратить все эти мучения, подстрелить кого-нибудь на трибуне напоследок.

Целый день она только об этом и думала. Раньше был шанс изображать лояльность в надежде вырваться отсюда как-нибудь потом. Теперь повяжут навеки. Оставят запись — Ольга совершает обряд жертвоприношения самому справедливому Богу.

Вечером ее вызвал в молельню мулла. Эти приглашения воспринимались со страхом и радостью одновременно — все-таки возможность вволю поговорить. Ольга знала, о чем пойдет речь, и поэтому боялась выдать свой план. И еще больше — передумать.

— Я рад тебя видеть, прекраснейшая, перед прощанием. Завтра ты покидаешь нас. В твоих руках — великая миссия. С тобой будут работать другие люди и в других, не столь суровых условиях. В дальнейшем, когда ты лучше поймешь многогранность нашей культуры, тебе предстоит вернуться домой, чтобы убедить своих соотечественников — нам всем нужен мир между Халифатом и Россией. Если ты не успеешь со своей миссией, погибнут миллионы людей.

— Я должна буду завтра...

— А как же? Иначе нам труднее будет тебе доверять. И ты должна будешь это сделать ради миллионов жизней, ради судьбы своей страны и всего мира. Подумай об этом.

И он оставил ее на ковре наедине с Кораном.

Потом Ольга пыталась вспомнить, как она старалась что-то решить. Какие взвешивала аргументы. Но ничего не вспомнилось. Видимо, ничего и не взвешивалось. В конце концов она открыла Коран на первой попавшейся странице и прочитала: «Аллах ниспослал лучший рассказ — книгу со сходными, повторяемыми частями, от которой съезживается кожа тех, которые боятся своего Господа, затем смягчается их кожа и сердца к упоминанию Аллаха». Так и было, пока она читала Коран. Но теперь ей предстояло убийство и вечное рабство в плену компромата. От этого съезживалась кожа, но вот только не размягчалась.

Она подложила Коран под голову и уснула. Это нарушение, но было ясно: ее сейчас не накажут.

Проснувшись она от того, что кто-то вошел. Невероятно, но это был офицер-негр. Единственный мужчина, который был вхож в их казарму, кроме высшего командования, — это мулла. Солдаты стояли только на карауле вдоль края скалы. А тут офицер разгуливает как у себя дома. Но на этом сюрпризы не кончились.

— Пошли отсюда, — молвил он человеческим голосом на ломаном русском языке.

Ольга аж вскочила.

— Куда пошли?

— Отсюда.

И они пошли. Казарма была пустынна, все на занятиях. Только корейка стоит на часах. Та самая корейка, которая приняла Их правила, которая согласилась быть машиной для убийства. Сейчас она поднимет тревогу. Но нет. Часовая стояла, не

меня лица. Когда они уже подошли к выходу, в дверях появился мулла. Он недоуменно смотрел то на офицера, то на Ольгу. Корейка подошла к нему строевым шагом — как для парада — и отправила в нокаут ударом в солнечное сплетение. Если для Ольги это было полнейшим сюрпризом, то странный офицер ничего другого не ожидал. Они с корейкой были заодно! Вот это да! У тех, кто вызволял ее отсюда, длинные руки. Перешагнув через тело наставника, все трое вышли на улицу, подошли к краю скалы, где их ждал свой часовой и альпинистское снаряжение. Через несколько секунд, за которые Ольгу спустили вниз, она увидела настоящего часового, лежавшего на камнях без признаков жизни.

Офицер держал Ольгу за руку, а корейке отдавал короткие команды по-английски. Они встали на воздушные скейтборды и помчались по улочкам ночного города, опустевшего из-за комендантского часа. Только на берегу Нила их застигли прожектора, да было поздно. Около ног Ольги образовался люк.

— Лезай!

— Чего?

— Come in! Быстренько!

— Куда это ведет?

— Вот глупый женщина. Какой разница. На свободный мир!

Сзади втискивались ее спутники. Люк закрылся. Включились двигатели. Это была подводная лодка. Офицер переоделся, умылся и оказался европейцем, хотя внешне большими губами действительно похожий на негроида. Он представился ей как Витторио.

— Вы имеете полчаса переодеться и прийти на себя. Затем экипаж ждет вас в кают-компании. Час на обед. Потом, по нашим расчетам, наша лодка будет обнаружена и потоплена. Но мы ее уже будем покидать.

— А если обнаружат раньше?

— Тогда будем и покидать раньше. Средства спасения экипажа — самое надежное, что есть на лодка.

На Ольгу так давно не смотрели как на женщину, что к визиту в кают-компанию она основательно почистила перышки. Фурор удался. Подводники вытянулись во фронт и пожирали ее глазами. Витторио галантно подошел к сеньоре, взял за руку совсем как средневековый кавалер и подвел к креслу во главе стола:

— Мы счастливы приветствовать вас на борту нашего корабля. За все время его существования здесь не было столь очаровательной женщины, — теперь Витторио говорил по-русски чисто, хотя и голосом устройства-переводчика.

Подали обед. Витторио продолжал представлять коллектив, изящно вплетая кружева комплиментов. Ольга мило кивала, обворожительно улыбалась, иногда вставляя нечто односложное вроде «Спасибо». Compliments казались Ольге немного странными, поскольку ее невероятно возвеличили. Миллионы людей восхищаются ее глазами. О, он сказал бы больше, но почтение не позволяет. Этот итальянский темперамент, склонность к преувеличениям...

Она решила все же проявить скромность по принципу: «я, конечно, подвижник, но не святой».

— Ну что вы, Витторио. Какие миллионы. Я всего лишь...

— О да, и традиционная русская скромность! Как это понятно в такой драматический момент. Но, может быть, — Витторио дождался, пока Ольга доела желе, — ты не откажешься, Ольга, ответить на вопросы зрителей?

— Кого?

— Зрителей.

Посреди стола появился известный видеомодератор Саланас. Видимо, он продолжал какую-то речь: «Таким образом, первый вопрос, который мир задает счастливо воскресшей Ольге Костиковой: можно ли жить рядом с Халифатом, дожидаясь, когда он придет к нашим границам?».

Ольга стала собираться с мыслями, чтобы ответить, но тут до нее дошло, что сигнал с лодки позволяет ее рассекретить.

— А разве можно отвечать?

— Можно. Твой ответ, Оля, мы передадим через восемь минут. Еще через три минуты нас накроют. А за минуту до этого мы уже можем спокойно покинуть лодку. Все равно нам нужно перелететь по воздуху из нильского канала в Красное море.

— Так быстро? (Ольга с детства помнила, что покинуть подводную лодку не так просто.)

— Конечно. Ты, наверное, посмотрелась фильмов о том, в каких муках умирали подводники в прошлом веке. Страшно?! — Он комично навис над ней, как привидение из фильма ужасов. — Не бойся. Мы уже сидим в спасательной шлюпке. Отвечай, и поехали.

— Ну, — Ольга как-то еще не собралась с мыслями, — конечно, нужно что-то делать, чтобы другие люди не оказались в подобном положении.

— Вот она, истина, непосредственно приближенная к...

После этого Саланас выключился, все встали и перешли в соседнюю комнату. В полумраке были видны небольшие сиденья. Ольгу пристегнули к одному из них. Дверь задраили, вокруг все зашипело, стены затряслись.

— Мы в торпеде. Лодка хрюкнется (это слово он произнес по-русски, и устройство-переводчик сопровождало его пиццианием, как неприличное или непонятное), а мы будем уже в километре. Вот, сейчас нас качнет (качнуло), теперь, господа утопленники, можно продолжить беседу.

Но Ольга не могла продолжать беседу. Остановившимися глазами она смотрела прямо перед собой. Даже для переживаний сегодняшнего дня это было уже слишком. Перед ней сидел Артем.

Артем, которого Витторио еще в Венеции запихал в люк субмарины, вынужден был променять Канары на эти нары. Он был совсем непривычен к жизни на подлодке. К тому же по ночам его методично мучил один и тот же кошмар: на улочках Венеции раз за разом тонула Марина. Услышав какой-то радостный гвалт, Артем побрел в кают-компанию и обнаружил перед собой другую тень с того света. Какое-то время он решал, закончился ли сон. Тем более что Ольга смотрела на него из полумрака округлившимися раскосыми глазами и ничего не говорила. Фоном было гудение двигателя, бормотание команды, шуточки Витторио. Но для Артема и Ольги других людей не существовало.

— Ты жива.

— Я жива.

— Боже, ты жива.

— Ты меня спас. Это ты меня спас. Что же ты спрашиваешь, жива ли я? Ты же спас.

— Да нет, я ни при чем. Я тут так...

- Ты меня спас.
- Я нет. Я погубил...
- Кого погубил? Ты спас.

Он просто обалдел. Он смотрел на Ольгу с идиотской улыбкой, повторял: «Да я не... Не, не я», — и был счастлив. Что-то подобное происходило и с ней.

Они не обращали внимания на происходящее вокруг. Спасательная капсула прошла Баб-эль-Мандебский пролив, вышла в нейтральные воды, превратилась в летательный аппарат и понеслась над Индийским океаном.

Наконец они пришли в себя, «восстановили фокус сознания», начали, перебивая друг друга, рассказывать, как здесь оказались. Потом Артем жалел, что не сделал из Ольгиной истории должных выводов, не объяснил, не проинструктировал. Через несколько часов лодку еще раз качнуло, гул стих, и дверь открылась.

«Акватаун, господа», — тоном гарольда заявил Витторио.

Пан

13 августа.

Вена.

Алекс.

«Стремление любого живого существа избежать смерти оборачивается в человеке жаждой бессмертия. Мы оттягиваем момент смерти даже тогда, когда верим в жизнь после смерти. Жизнь, сплетение духа и животных порывов, тянет нас к себе. Смерть — вечный и главный враг человека и животного. Но животная сторона нашей жизни запрограммирована на смерть. Животный мир не может существовать, не умножая смерть. Живое существо редко умирает от ветхости. Его убивает недостаток ресурсов для существования. Оно погибает в давке. Чем больше мы стремимся к еде, комфорту и размножению, тем ближе наша смерть. У отдельной особи есть шанс пробиться наверх, но тогда именно против нее будет сосредоточена ненависть остальных. Человек может побеждать смерть постольку, поскольку он преодолевает в себе животное. Оно неотделимо от смерти, оно так устроено.

Стремление вырваться из объятий смерти чревато опасностью растворения личности в Большем, в человеческой организации — Нации, Церкви, Партии. Пока живо мое Дело, жив и я. Это растворение в Человеческой Машине превращает человека в деталь, инструмент. Из живого существа человек превращается в предмет. Он начинает умирать при жизни. Однако стремление быть живым неизбежно влечет за собой бунт Человека против Организации. Жизнь берет свое, но она же тянет за собой смерть. И все начинается снова».

Александр принялся обдумывать прочитанное, но тут мавры опять начали шмалять по Лысой горе, и стало не до философских абстракций жизни и смерти. Они перемешивались на глазах.

Гора возвышалась над Веной, поэтому здесь наспех построили бункер с небольшой ракетно-импульсной установкой. Как часто случается, в ходе сражения к югу от Вены надежные линии обороны не выдержали, и эта позиция стала ключевой. Алексу было лестно представить себя в центре самого большого в мире сражения, но

он никак не мог свыкнуться с мыслью, что игру не удастся закончить.

Алекс любил стратегические игры, где ты сам передвигаешь войска. Тут же какая-то стрелялка, где войска, флаеры, ракеты сами мечутся вокруг тебя, и остается только нажимать на гашетку. Это неинтересно, поскольку огонь и так ведется автоматически, и нужно только вовремя прекращать его, когда наши делают вылазку. Пару раз Александр с этим запаздывал, что стоило нашим пяти автоматических флаеров. Они взрывались так же картинно, как и вражеские. Шар огня. Вещь! Начальство не сердилось: люди при этом не гибнут, а техника все равно обречена — военные заводы работают на полную мощь, замещая перемолотое железо новенькими образцами.

Над горизонтом были видны какие-то всполохи, где-то за холмами мавры готовили новый рывок. Их силы были хорошо видны на мониторе. Наверное, генералы что-то сейчас придумывают по этому поводу. Интересно, помнят ли они о скромном poste на Лысой горе.

Мавры не сразу поняли, где находится натовский пункт управления огнем, и Алекс пережил на нем уже шесть ударов. Он вспомнил предсказание, сделанное Александру II, что тот переживет семь покушений. Но последнее оказалось двойным. Стало жутковато. Можно было уйти с пульта, спуститься вниз, в раскинувшийся под горой город, еще не очень потрепанный войной. Оттуда даже звучала музыка, горели огни кафе. Оставшиеся в столице венцы все еще жили надеждой на то, что маврам не до них.

Чтобы отогнать мысли о собственной трусости, непозволительные для польского офицера, Алекс вышел из бункера наружу, к полуразрушенной церкви, построенной в честь победы Яна Собесского над турками. Тема страха плавно сменилась темой исторической преемственности. Я и Ян Собесский. Он сумел остановить здесь мусульманское нашествие. А я? Или все-таки похоронят? Будет строчка в каком-нибудь фолианте. Эпизод Великой войны.

Запищал локатор. Через минуту начнется. Одновременно зажужжал компьютер. Сообщение. «Ну что же, — он даже усмехнулся, — напоследок прочтем сообщение».

«Вам предписывается немедленно прибыть в штаб обороны. 4587» Это был позывной командира батареи. Зачем идти в штаб, а не на КП батареи? Алекс не стал вникать. Он просто вышел из бункера и быстро сбежал вниз по дорожке. Через несколько секунд наверху раздалось несколько взрывов, дернулся дерн, посыпались камни.

Штаб обороны находился на площади Сан-Стефано. Было известно, что мавры, опасаясь обвинений в варварстве, предпочитают не бить по памятникам архитектуры без нужды. Поэтому, пока они не прознали про местонахождение командования, это место было безопасным. Алекс представился дежурному и спросил о командире. Офицер насчет командира ничего не знал, но про Алекса слышал. «Да, вас ждут. Шестой кабинет». «Везет мне сегодня на шестерки», — подумал Алекс.

Его встретил неприметный господин в гражданском, усадил напротив себя за стол, предложил кофе.

— Это капитан... — Алекс не знал, можно ли при нем называть фамилию командира, — ну он меня к вам направил!

— Нет, молодой человек. Здесь направляю я. А капитан Володыевич, к сожалению, погиб сегодня. Так вот. Помянем.

На столе материализовались две рюмки, и неприметный господин налил в них

водки. Они помянули командира.

— А как же он меня направил?

— Это я вас направил. Резерв прочности вашей батареи был на одну-две атаки. Зачем губить вашу молодую душу? Это всегда можно сделать потом.

Господин засмеялся.

— Откуда вы знали про батарею?

— Видите ли... Моя профессия — сидеть за пультами. Я сижу за разными пультами и научился экономить фигуры и время. Чем послушнее фигуры, тем легче их экономить. Вот капитан ваш не ушел с поста вовремя, там оставались его солдаты, а они должны были вести огонь. А вы ушли.

— Но у меня не было солдат.

— Это впереди. К сожалению, после вашего ухода батарея не выключилась при контратаке и сбила не только десять ракет противника, но еще и один наш транспорт. Полупустой. Но несколько человек погибло.

У Алекса похолодели руки.

— Это шантаж?

— Ну что за глупости. Я же сам вас вызвал. С меня и спрос. Недосмотрел.

— А вы право имеете?

— Тварь я дрожащая, или право имею? Имею.

Незнакомец нажал на что-то, и стена отъехала, обнажив пульт. На нем была представлена карта окрестностей Вены со множеством значков-картинок, каждая из которых жила самостоятельной жизнью. Господин ткнул куда-то указкой, и маленькое изображение развернулось во вполне читаемое. Это была Лысая гора. Церковь совсем исчезла, а на месте службы Алекса зияли дымящиеся провалы.

— Ну и стоило вам там находиться?

Находиться, разумеется, не стоило. Но если все так оправданно, зачем было говорить о сбитом транспорте. И был ли он?

— А транспорт?

— Не сыпьте мне соль на раны, да и себе. Жаль парней. Недосмотр. На войне всегда потери. Но вы важнее, чем транспорт. На них у меня не было видов, а на вас есть. И если вас волнует ответственность за то, что вы оставили позиции, то вы это сделали по приказу. Все оформлено как надо. Я отправил приказ с терминала капитана, вот его почтовый ящик, здесь у меня. И информагентства уже сообщили о вашем подвиге, и фотографию где-то достали. Проньры.

Действительно, подвиг был расписан как надо, хотя никаких смишников поблизости Алекс не видел. Вот он задумчиво стоит возле церкви Яна Собесского, вот развалины батареи. Вот сообщение, что, слава Богу, поручик Засурский остался жив. Откуда они знают, что он остался жив?

— А про приказ почему не пишут? — Алекс решил проверить свою гипотезу.

— Это немного не укладывается в образ. Приказ о вашем отзыве поступил уже после того, как батарея была разбита. Вас легко ранило. Ну, скажем, контузило. Надо подлечиться денька три. Поедете в Прагу, отдохнете в тылу.

— А она не станет фронтом? — Алекс решил проверить другую свою гипотезу.

— Нет, еще с месяц не станет.

— То есть вы отправляете меня в Прагу на лечение? — Алексу понравилось проверять гипотезы.

— Нет, в Прагу вас направляет генерал Шварц. Вот вам новый компьютер, старый

разбит на батарее. Давно пора вшить бортовой, молодой человек. — С этими словами господин постучал себе пальцами по виску. — В компе все нужные предписания. И краткая информация о вашей новой работе. Теперь вы будете адъютантом генерала и через четыре дня приступите к работе.

Гипотеза не подтвердилась. Пришлось задать вопрос в лоб:

— А вы тогда кто?

— Я раб, я царь, я червь, я Бог. А в этот миг я советник главнокомандующего группировкой НАТО в Европе по оперативно-тактическим вопросам. Вам полезно будет это знать на новой работе: генерал Шварц не может все время пялиться в этот пульт, да и я не могу. Для этого нужно несколько высококвалифицированных специалистов, и я один из них. Вам, чтобы разглядеть развалины батареи, нужно их увеличить, а мне нет. Я и так вижу, кто там копошится. Практика большая. Притом держу эту партию в голове. Такому нужно много учиться, нужно понимать, как ходят фигуры под названием люди, как их направлять, чтобы они этого не заметили и всегда оказывались в расчетной точке, не уклоняясь. Чтобы они думали, будто управляют событиями, а не кто-то где-то за пультом управляет ими. Кто-то за пультом — их слуга, оптимизирующий решения, избавляющий их от этой муторной работы — все отслеживать, обо всем помнить. У вас есть к этому склонность. В частности, позавчера вы прошли до восьмого уровня «Каталайзера». Вы думали, что против вас играла просто машина, а играл я. Поддавался, конечно, но стиль прочувствовал. Неплохой стиль, хотя еще шлифовать и шлифовать.

Алекс почему-то подумал, что, когда господин (так, кстати, не представившийся) играл с ним, он мог «пропустить» пару идущих на смерть транспортов. И вообще сомнение господина Алексу претило. Но доказательства его влияния были очевидны, и предложенная игра привлекала.

— И когда же будем учиться?

— Всегда. Я на связи.

— Но глобальная связь разрушена. Ведь все спутники были уничтожены.

— Это легко поправить.

Господин нажал на значок карты, и видеосъемка, специально развернутая для Алекса во весь экран, продемонстрировала пуск сотен резервных спутников связи НАТО. Это была операция, которая заняла достойное место в истории войны и внесла имя генерала Шварца в число великих стратегов. Но ее непосредственное осуществление видел только Алекс, о чем никогда и никому не рассказывал. Последствия эффектного запуска (а господин любил все эффектное и эффективное) немедленно сказались на карте. Мавры не ожидали, что НАТО сможет так быстро восстановить свой спутниковый флот. Очередная ракетная атака на Вену захлебнулась. Натовские стрелки на карте поползли к юго-востоку. И хотя это был не перелом, Европа стала чувствовать себя более уверенно. Ощущение изолированности и брошенности, захватившее человеческие атомы после гибели Сети, стало проходить. И только всплеск рождаемости, который пришелся на эти страшные военные месяцы, напоминал людям о неделе без Сети.

Алекс не смог скрыть своего восхищения. Он всегда подозревал, что за действием великих исторических фигур стоят десятки «серых кардиналов», которые все придумывают, согласовывают и осуществляют. Но что неприметный серый кардинал может творить события собственными перстами, а не могучей дланью начальника, — это было ново. Почувствовав, что пациент созрел, господин устроился в кресле

поудобнее, придал лицу выражение дремлющего кота и перешел к наиболее откровенной части разговора:

— Нравится? Мне тоже. Можешь считать это актом посвящения в тайну.

— Красивое посвящение, — поддакнул Алекс, ожидая, что господин вытащит шпагу и возложит ему на плечо.

— Меня тоже посвящали с риском для жизни. Может быть, слышал, как самолетами снесли два небоскреба в Америке?

— Как же, это событие мы проходили в школе.

— Так вот, я работал в одном из них.

— Здорово! И вы все это видели?

— Нет, это все остальные видели по телевизору, а я по лестнице бежал. Выскочил на улицу и как последний идиот уставился наверх. Там что-то горит, бумаги летают, каждая на сотню тысяч. А ко мне мужик подходит и говорит: «Ты чего тут стоишь? Пошли скорее отсюда, сейчас башня обвалится». Отвел меня за угол, посадил в машину и увез. А башня через пять минут рухнула. Если бы я остался глазеть, меня бы и завалило. Позднее я его спросил: «А откуда ты знал, что башня рухнет?» Он был очень доволен тем, что я сразу понял эту его причастность к делу: «Молодец, классно вычислил. Ты мне сейчас не поверишь, но потом поймешь. Дело в том, что я расчеты делал — куда надо таранить, чтобы она упала». Ты знаешь, я поверил. А потом познакомился и с тем, кто оплачивал подготовку всего этого дела.

— Вот это да! Значит, вы виделись с этим... Ну арабом, как его, Баладеном.

— Эх, молодежь. Не Баладеном, а Бен Ладеном. Нет, его я видел только по телевизору. С ним другие договаривались, чтобы он не шибко возражал, когда на него все спихивать начнут. Потом его тихо закопали, и антигерой держал в ужасе весь мир еще многие годы.

— А зачем это было нужно вашему Учителю?

— Подумай. Ты знаешь, какие экономические и политические последствия имели эти события?

— А он, стало быть, нажал на спусковой крючок.

— Молодец, малыш, ты начинаешь кое-что соображать.

Алекс не очень-то верил в эту версию мировой истории, но решил не возражать, понимая, что доказать собеседнику все равно ничего не сможет. Да и какая теперь разница, кто взорвал эти небоскребы, кто убил президента Кеннеди, куда делось «золото партии».

Прощаясь, Алекс задал еще один вопрос в лоб:

— А как вас все-таки называть?

— Зови меня по-польски, Паном.

Транспорт увозил Алекса с линии фронта в сторону Златоглавой Праги. Открыв компьютер, он обнаружил там иконку «Пан». Нажав ее, он прочитал — «Добро пожаловать в нашу корпорацию». Видимо, это была реклама, но названия корпорации не значилось. Затем Алекс увидел карту Праги с множеством иконок, в которых читалась видеосъемка пражских улочек, офисов, фотографии людей. Рядом с некоторыми фото шло видеонаблюдение за этими людьми.

Какова цель игры? Он набрал этот вопрос в иконке Пана, которая находилась и около карты. И получил ответ:

«Цель выбирай сам».

Алекс понял ответ как: «Отвяжись, не до тебя». И это было неверно.

Планетарные кочевники

14 августа.

Темиртау.

Василий, Гуля, Ахмед.

«Люби и стремись познать в наибольшей полноте культуру своего народа, его традицию и смысл его обрядов. Помни, что понять это можно лишь при внимании к другим народам и их наследию в этом мире. Нельзя увидеть красоту без фона. Сталкиваясь с детьми других культур, такими странными, не понимающими твоих обычаев, не дай овладеть собой гневу. Стремись понять причину различия и даже грубости. Насилие в отношениях народов — результат не их культуры, а их бескультурия. Культура духа требует поиска понимания, даже если различна основа языков. Не соглашайся, но и не обижай другого резкостью суждений. Слыша слова, которые считаешь неправдой, утверждай истину, но мудрым словом, а не грубостью, не агрессивностью или насилием, ибо они уводят от истины. Если не знаешь, что ответить, не спеши с потоком слов. Обдумай услышанное, посоветуйся с мудрым человеком, утвердись во мнении, которое и проповедуй».

Ахмед распевно то ли читал что-то наизусть, то ли считывал с вживленного портала. Они разговаривали уже час, и нарушенное было взаимопонимание стало постепенно восстанавливаться.

Попервоначалу Вася был совершенно смят. Он так тщательно выстроил грядущую беседу с главарем разбойников, так аккуратно должен был подвести его к теме... А тут явился Ахмед, который присматривался к Васе уже несколько дней. От неожиданности Вася стал путаться в словах, с трудом выводя разговор в нужном направлении. Ахмед немного поглумился, поиграл, аки кошка с мышкой, наслаждаясь путаницей в версиях своего гостя, но гневаться вопреки ожиданиям не стал.

— Ладно, Вася, не надо всего этого. Мы ведь тебя ждали. Еще в Кабуле.

Вася, конечно, вспомнил кагэбэшника и все понял. Тот работал на кочевников, и значит, вся Васина миссия провалена. Теперь выяснить ничего не удастся. Разве что получится уговорить Ахмеда, что ему нужно срочно задружиться с Союзом и выдать заказчиков нападения на Полис.

Но Ахмеда не нужно было уговаривать. Он надеялся увидеть не шпиона, а посланника.

— Видишь ли, Вася, сначала мы ждали не тебя, а ответного удара. Союз обычно не остается в долгу, даже если наши абреки позволяют себе гораздо более скромный набег, чем нападение на Романова. И они ударили. По пустыне. Не по нашим норам, а по солончакам и песку. И мы поняли: здесь что-то неладно. Причем не только для нас. Значит, вы придете разбираться. Вот ты и появился. А пока ты шел, мы уже кое-что выяснили. Так что отдохнете, и завтра нас ждет небольшая экскурсия...

Остаток дня Васе пришлось объяснить Гуле, почему он — не Ричард. Поселили их вместе, так что Вася смог доиграть роль Джеймс Бонда до конца, покоря девичье сердце.

Наутро Ахмед в сопровождении двух охранников, Вася с Гулей, достававшей его глупыми вопросами («Ричард, почему он зовет тебя Васей?»), и еще человек десять

неопределенных занятий и национальности сели в какую-то капсулу и понеслись по лабиринту нор, изрывших пространство под пустыней. Вскоре аппарат затормозил и как крот высунул нос над поверхностью. Здесь они пересели на совсем экзотический транспорт — верблюдов. Просто сафари. Зато на тех, кто движется медленно, не обращают внимания средства слежения. Ахмед философствовал, пока верблюды перебирали ногами: «Рутина, обыденность никого не интересует. Сделай резкое движение — и на тебя направят объективы и юпитеры. И напрасно. Резкие движения редко ведут к реальным переменам».

— А что ведет к реальным переменам? Ваше суфийское братство? — Васе почему-то показалось, что он имеет дело с суфием.

— Знаешь ли ты, Вася, кто такие суфии? — вдруг вмешалась в разговор Гуля.

— Ну как же... Вот, ваш кагэбэшник — типичный суфий.

Гуля и Ахмед как-то одинаково ухмыльнулись, и теперь уже Гуля стала распевно говорить, словно читая какой-то старинный текст:

«История вообще пронизана путями тайных обществ, как гора — муравьиными тропами. Поиск истины, сохранение достигнутого, потерявших былую жизнь магических формул. Ученики учеников тащат в будущее образ учителя их учителей. А на самом деле просто таскают мумию давно умершего. Причастность знанию, суть которого уже забыта, недостаточное условие для сплочения людей на дороге через века. Гораздо лучшее средство — борьба со злом. Многовековая тайная борьба «добрых» нас со «злыми» ими. Но и «злые» думают так же, считая «добрыми» себя, а «злыми» — нас».

Она говорила это так распевно, что Вася задремал. А кто бы не задремал на такой жаре. Видимо, Гуля обиделась, потому что потом молчала целый час. Ахмед толкнул Васю в плечо, но не для того, чтобы тот продолжал постигать Гулину премудрость. Просто они приехали.

Место, которое Ахмед показал Васе, было залито пластиком. Если бы жители пустыни не законсервировали след, его бы за несколько часов стерло ветром. След был велик, и Вася принялся деловито замерять параметры. Сомнений не было — это крупный военный корабль, который зачем-то сел здесь и стоял не меньше трех недель. А затем улетел.

— Он стоял здесь почти месяц. Включил систему невидимости и ждал. Поэтому его никто и не засек.

— Какой невидимости? — вмешалась технически не искушенная Гуля.

— Вах, это совсем просто. Когда на крышу транслируется точное изображение поверхности земли, а на борту — панорама фона с другой стороны. Так что ты заметишь, что перед тобой корабль, только если будешь смотреть очень внимательно. А кто же будет очень внимательно разглядывать пустыню. Так вот, когда он ударил по Полису и стал улетать, его траекторию отследили с этого места. Правильно?

Вася кивнул. Именно с этого места. Все впустую. Где теперь искать концы? В Закавказье? В Курдистане? В Иране? Конечно, там не любят Халифат, но, может быть, следы таинственного корабля тянутся в Персидский залив? Во всяком случае, он тут же передал в «Социум» полученные данные с просьбой исследовать все передвижения в этой точке не за дни, а за недели до атаки на Полис.

Ответ от милой ассистентки Маши, оставшейся на хозяйстве, последовал минут через пять: «Корабль шел из Астрахани. Если это то, что я думаю, то вам нужно немедленно уходить оттуда. Когда ты передавал мне сообщение, вас могли

запеленговать. Так что те, кто посылал этот корабль, уже знают о твоей находке. Информация уже выслана нашим».

— Ахмед, пора сматываться. Боюсь, верблюды нас не спасут.

— Жаль верблюдов. Но я это предусмотрел, — Ахмед дал команду своим абрекам, и они стали деловито вытаскивать из тюков оборудование. Трубки и оптическое полотно превращалось в дельтапланы. Бойцы тщательно протирали камеры съемки поверхности, чтобы изображение, транслируемое на плоскость крыла, ничем не отличалось от местности, создавая тот самый режим невидимости. Аппаратура обмана локаторов крепилась здесь же. Кресла, по три в люльке, были очень тесными и совершенно не защищали от потока встречной пыли. Но сейчас было не до комфорта. Зато электродвигатель работал от солнечной энергии очень тихо и не оставлял никакого следа, в отличие от распространенной воздушно-реактивной тяги.

Минут через пятнадцать они уже удалялись от стада верблюдов, неторопливо направившихся к дому. Но до дома они не дошли. Их поглотил неведь откуда обрушившийся ракетный залп.

— Жалко верблюдов, — качал головой Ахмед. — Так я и знал: свяжешься с цивилизацией — потеряешь верблюдов. Наверняка это ваши, русские. Вы там не поделили какую-то нишу, а страдают верблюды.

Васе тоже было жаль верблюдов, но стало обидно за цивилизацию.

— А вы что, здесь хорошо поделили все ниши? Все ваши норы?

Он хотел уязвить Ахмеда, который уже не был страшным и даже опасным, он был более чем кто-либо заинтересован в Васиной безопасности.

Но Ахмед не обиделся, а принял бой с чувством явного превосходства:

— А что нам делить. Это вы там в Союзе и в Европе делите место под солнцем. Кому — коттедж на Волге, а кому — в Сибири под морозозащитным колпаком. А кто и в норах еще живет. У вас ведь не все сдали экзамен на принадлежность к корпорации. Не всем нравится то, на что «тянут» его познания. Кому-то по душе бродяжить в норах метро и промзон. Если есть цивилизация, поделенная на ниши, всегда будут кочевники, маргиналы, те, кто в нишу не помещаются. И вы там, в нишах, всегда будете их бояться. Как римляне гуннов.

С этими словами Ахмед включил какой-то прибор, и дельтапланы превратились в группы диких всадников, скачущих в воздухе. Было видно, что он просто по-детски наслаждается этим зрелищем.

— Красиво?

— Не демаскирует?

— Не бойся, римлянин, гуннов видишь только ты, — продекламировал Ахмед.

— Дешевый фокус, Ахмед. Это все видеопонты, — сварливо рассуждала Гуля. — И вообще на твоём месте я бы не стала играть в гуннов — это ведь мы сейчас уносим ноги. Цивилизация сильнее. Вы просто паразитируете на ней. Не вы создали даже это видео, в свете которого ты изображаешь из себя гунна. И ваш маргинальный мир тоже ниша. Есть такая ниша — маргиналы, как раньше была ниша — кочевники. Кто сидит в этой нише, движется не более чем обитатель соседнего ящичка.

Получив такую решительную поддержку, Вася перешел в контрнаступление: «Кто-то ищет место в нише, кто-то меняет соотношения ниш».

Но разошедшаяся Гуля отвесила оплеуху и ему:

— А кто ты такой, чтобы менять соотношение ниш?! Что ты знаешь о здании, из которого выколупываешь кирпичи? Ты его строил? Что ты будешь делать, если оно

рухнет? Тоже мне! Каждый предводитель бродяг — батька Махно! Каждый турист — Ричард Львиное Сердце! Сидите в своих нишах, господа Наполеоны, целее будете! Вот высунулись, стали играть не свои роли — верблюдов погубили.

Конечно, мужчины не оставили женщине последнего слова и еще некоторое время рассуждали о том, как важно выйти за пределы собственного ящичка, в который тебя определила судьба. Но поскольку никто не мог внятно объяснить, как за эти пределы выйти, настроение у двух философов было препоганое, и в глубине души они понимали, что Гуля их «сделала». Уж таковы эти стервы, молчат, молчат, а потом скажут что-то обидное, и снова замыкаются. Как потом ни витийствуй, никакого удовольствия.

Они уже видели ядовитое озеро у Темиртау, когда Ахмед получил Сигнал. И совсем помрачнел. Они сели, он отдал несколько распоряжений, заставивших его товарищей сорваться куда-то бегом. Через минуту лагерь загудел, зашевелился, в норах что-то задвигалось и зашуршало.

— Хочу поведать тебе тайну, Вася. Теперь, пожалуй, об этом можно говорить, потому что мой друг переступил черту и как раз сейчас окончательно забыл о нашей дружбе. Даже если всему виной его генералы.

Ахмед не очень доверчиво посмотрел на Гулю, но, видимо, решил поведать тайну и ей, так надменно приказавшей ему «сидеть в нише». Пусть и она знает.

— Много лет назад я был дружен с Исой. Только тогда он был не Великий Иса, а Мухаммед. Мы в одной фирме работали экскурсоводами. Заядлый был спорщик. Слово скажешь — он два. С каждым туристом успевал обсудить все на свете, переваривал все религии, примерял к себе образы. То лицо блаженного, то грозного. Когда решил он «явить себя миру», мне первому сказал: «иди за мной», а я не пошел. Я люблю волю. Не забыл меня, и когда Каир принял его, снова позвал: «Ты должен служить мне». Я не стал рисковать, второй раз обижая его отказом. Но я люблю волю и предложил служить ему на дальних рубежах. Я выбрал Великую пустыню, и он сделал меня вождем этих разбойников. Они славные ребята и тоже любят волю. Но только плохо образованны. Сейчас у всех много всего понапихано в голове, но как-то бессистемно, как на свалке, в которую превращается наш мир. А я умею раскладывать по полочкам. Так что они любят меня слушать. Уважают. А уважение в наше время — это почти власть. А сейчас, Вася, он решил от меня избавиться. И уж не знаю, каким образом, но виной тому твой визит. Как-то не так все сложилось. Но я упрямый парень. Вольный человек должен идти туда, куда собрался, не меняя пути по ветру. Так что я помогу тебе выбраться из этого муравейника, пока его не подпалили. И к тому же, Гуля, мы спасем трех мулов.

Действительно, Ахмед открыл ворота, за которыми что-то жевали три мула.

— Садитесь. А сейчас вы увидите, что такое современные кочевники.

Ахмед выдвинул поудобнее микрофон из наручного пульта и произнес:

— Друзья мои! Через час наш приют в этой гостеприимной пустыне подвергнется нападению. Я не знаю, каким оно будет, но нам следует уйти. Каждый выберет себе направление пути сам, руководствуясь нашей общей мечтой и миссией. Но не будем терять связи в этом мире. Будем идти по нему, помогая друг другу и изменяя его своим движением. Настал час послать миру осколки нашей энергии, нашей воли к воле. Аллах подвел черту нашей оседлой жизни здесь. Настало время вернуться к людям, которые живут оседло. Поможем им прийти в движение. Пусть движущееся разрушит неподвижность. Пусть привыкшие к степи приведут в движение стены. И откроется небо

над потолками. Помогите им уцелеть среди падающих камней. Помните все, чему я учил вас. И да поможет вам Аллах, создатель всех миров.

Васе показалось, что логово жителей пустыни взорвалось как граната. Во все стороны устремились тысячи летательных аппаратов. Врассыпную. По всем направлениям. Гуля все еще была не в духе и позволила себе другую аналогию: «Разбегаются, как насекомые. Меняют ниши. А почему, Ахмед, ты решил, что Иса достанет тебя здесь? Ведь он далеко».

— У Исы много возможностей. Достаточно поделиться информацией. Скорее всего, он просто сдал нас Нурсултану III, и его войска выходят на позицию для атаки. Вероятно, сейчас они откроют огонь по всему, что движется. Двигается быстро. А мы отправимся на мулах в сторону Алтая. В век воздушных боев лучше путешествовать по земле.

Когда Темиртау уже был готов скрыться за холмами, они действительно услышали канонаду. Но удар, о котором Ахмеда предупредил доброжелатель при дворе халифа Исы, последовал потом. Небеса разверзлись, и сумерки прорезал сноп огня с небес. Он врезался в опустевшее пристанище кочевников и превратил его в море огня. Василий смотрел на это зрелище, помрачнев.

— Ты можешь не подозревать Ису в предательстве, Ахмед. У него нет такого оружия.

Акватаун

14 августа.

Акватаун.

Артем, Ольга.

«Когда вы ощущаете давление обстоятельств, не спешите винить в этом общество и природу. Подумайте, а может быть, это ответное давление. Когда вы воздействуете на среду, она отвечает вам тем же. Но если вы будете плыть по течению, ответное давление среды сменится давлением тех, для кого вы — всего лишь среда».

Витторио произнес эту фразу (видимо, считанную им из какой-то страницы в Сети), пока они выравнивали давление в шлюзе Акватауна.

Акватаун — крупнейший из подводных городов Тихого океана. Он был построен после завершения Великой китайской смуты, когда обстановка в Тихоокеанском бассейне успокоилась. Пока на суше города сотрясались от террористических актов разного масштаба, в подводные города нельзя было проносить оружие и хоть что-то напоминающее взрывчатку. Что касается Акватауна, то в его зону безопасности входило целое государство в Тихом океане, полностью подконтрольное медиаимперии.

Лодка прошла все необходимые сканирования, была отведена в изолятор. Пассажиров досмотрели, дальше все завертелось с невероятной быстротой. Витторио галантно вывел Ольгу за руку, на них устремились лучи света. Принцесса и ее спаситель! Команду отвели в сторонку, но Артем нырнул в окружившую Ольгу толпу. Он пробирался к ней в человеческом потоке, но понял, что течение сильнее и нужно просто в нем сориентироваться. Толпа понесла их мимо мощных конструкций купола,

мимо гигантских бронированных окон, за которыми в свете прожекторов плавали диковинные рыбы (окна увеличивали изображение любого движущегося объекта), мимо мраморных (по виду) ступеней, колонн и постаментов с какими-то фигурами (потом Артем понял, что видел их много раз по видению — это Аллея видеозвезд), мимо толп любопытной публики. Слава Богу, Артем сразу оказался внутри потока, а не в публике. Как это важно, оказаться внутри потока. Только бы знать, куда он течет. Ворвавшись в роскошное здание, отражавшее искусственный свет бесконечием блесков и оттенков, человеческая река разбилась на множество ручейков. Артем с ужасом обнаружил, что тут каждый знал свою дорогу. Оглянувшись, успел лишь заметить Витторио и Ольгу, исчезающих в водовороте одного из коридоров. Метнувшись туда, Артем получил корректный, но убедительный отпор у охраны.

— А куда мне?

— А вы кто?

— Я с ними. Вот, приплыл вместе.

Охранник буркнул что-то в микрофон. Словно из стены появилась шустрая дама с идеально взвихренными волосами (форму поддерживал еле заметный лак) и, не говоря ни слова, повела Артема коридорами и площадями мимо какой-то аппаратуры, каких-то еще потоков очень озабоченных и деловитых электронов этой гигантской системы. Артем понял, что он, зловредная микроба, течет где-то близ самого сердца организма одной из крупнейших медиаимперий. И если не произойдет чуда, ему предстоит быть переваренным, использованным на минутку и выброшенным в отходы, где он и дальше может эту систему ненавидеть, сколько ему угодно.

Артема привели, усадили и начали гримировать. К нему подошел деловой мужик, неряшливо одетый, несмотря на дорогой шерстяной свитер, и, посасывая что-то слабонаркотическое из трубочки, конец которой терялся в том же свитере, стал выяснять:

— Так, из Африки.

— Да, на лодке.

— Давайте я вас запишу.

Артем назвал правильно только имя. Должность — бортовой психолог. Ему сказали идти не с командой, а с Витторио. Вот он и...

— Да, да. Это ясно. Бенджи (это в микрофон), внеси психолога в сценарий. Секунд двадцать.

— Мне говорить секунд двадцать?

— Да сколько хотите. Двадцать секунд останется. Пожалуйста, что-нибудь о состоянии спасенной. Ну, не жалейте красок. Наверное, ей там, у каннибалов, не очень понравилось.

Артему прикрепили несколько чуть заметных точек на лицо. По ним будет ориентироваться техника, регулирующая краски. Так, причесочка. Здесь убрать, здесь нарастить волосы. Артем было протестовал против наращивания, но ему вежливо объяснили, что эти волосы выпадут через два дня. А если он хочет ликвидировать залысины, то нужно купить другую марку. Ну вот. Только костюмчик у вас не фирменный. Нужно что-то построжее. Вот, бумажный, из массы водорослей, одноразовый. Так, сидит нормально. Здесь заузим, тут потом подотрем при монтаже.

Сотрудница взглянула на утыканного кнопками и наряженного в какой-то балахон Артема и довольно подбоченилась: «Сами себя не узнаете».

Вдохновленный этим оптимистическим прогнозом, Артем был передан на руки

обвешанной наушниками и антеннами дамочке, которая уже повела клиента по недлинному коридору в Зал. Это слово здесь произносилось с сакральным придыханием и возведением очей к небу (в смысле к потолку). Зал занимал центральную площадь Акватауна и представлял собой многоярусный город с трибунами, балконами, переходами. Каждый из них находился под прицелом нескольких видеоустройств. Надо думать, и со звуком здесь все было хорошо. Артема усадили на балкон рядом с какими-то африканцами (как потом выяснилось, беженцами). Перед ним засветился монитор: «До вашего выступления 18 минут 34 секунды». Секунды, как и положено, стали давать обратный отсчет.

В центре всего этого пространства витал на небольшой летающей платформе медиатор Саланас. Артем видел это шоу по видению неоднократно, благо оно было круглосуточным. Саланас, хозяин и основатель шоу, появлялся на пульте, как называлась платформа, не так часто, в самых важных случаях. Этот случай был именно таким.

Ольга сидела на троне в окружении экспертов. Ее уже разговорили. Она рассказывала о лагере, в котором содержатся граждане разных стран. Это была сенсация и скандал. Витторио привез видеоматериалы, снятые с некоторого расстояния, и Ольга их комментировала.

Затем речь зашла о том, как ее похитили. Последним Ольгу видел Анатолий Квидзе, кстати, известный геополитик. Он был приглашен в студию, и обстоятельно, минуты три, рассказывал, что Ольга исчезла с пляжа на волжском острове. Она поплыла по Волге, но не вернулась. Хватились вечером. Обшарили все окрестности. Безрезультатно. Думали, утонула. А вечером мировые СМИ распространили сообщение о ее казни за моральные преступления в Халифате. Сама Ольга помнила, как сидела на пляже у Волги, но дальше ее воспоминания обрывались до появления перед глазами Южного креста.

Анатолий умолчал о последнем собеседнике Ольги, тем более что именно благодаря ему он получил сегодня одну из лучших мировых трибун.

Затем Квидзе взял слово уже как видный геополитик, и это был его звездный час. Поскольку Анатолий отличался националистической позицией, космополитичные мировые СМИ приглашали его в эфир лишь изредка, чтобы показать звериное лицо российского шовинизма. Вот Романова приглашали часто, из-за влияния в экспертном сообществе его нельзя было игнорировать. Анатолию же оставалось довольствоваться отдельными репликами в мировом эфире, которые он затем обширно комментировал на заседаниях собственного политтеатра и публиковал на сайте.

Но сегодня именно Квидзе солировал в качестве эксперта-геополитика. И это впечатляло. На него работали настоящие асы виртуальной реальности. В наше время, когда любой желающий может с помощью нехитрой программы сделать фильм, наполненный компьютерной графикой, Квидзе, конечно, раз в месяц публиковал политические фильмы в Сети. Иногда в них были тонкие наблюдения, но графика весьма средняя. А тут. Тем и держался бизнес медиаимперий, что они собирали творческие группы истинных мастеров жанра, которые посвящали свою жизнь чему-то одному — дизайну фонов или технологии трансформации изображений одно в другое. Теперь все это работало на замысел Анатолия. За десять минут перед зрителем пронеслись события последнего месяца. Хроника плавно перетекала в карты различных регионов мира, контуры стран — в лица политиков, сначала рисованные, потом — сфотографированные. Затем эти люди оживали и подтверждали все

сказанное геополитиком (фразами, иногда вырванными из контекста, как отметил Артем и позднее Романов, смотревший это шоу уже в Париже несколькими днями позднее).

Из предложенного подбора фактов вырисовывалась довольно печальная для России картина — к ней со всех сторон тянулись зеленые стрелы, она была главным ресурсным резервом в мире, сотрясавшемся от ресурсного голода. Нападение исламистов на Европу — фланговый маневр. Главное направление Турция — Крым. На полуострове разгорелся острейший этноконфликт, который не только подрывает оборону Союза, но, по существу, уже создал плацдарм для исламского вторжения. Так было с Албанией, которая сейчас стала таким плацдармом. Так будет с Крымом в ближайшее время. Халифатское движение снова оживилось на Кавказе, пока в форме культурных обществ (Артем знал, что оно там было уже лет двадцать, как и почти в любой стране с исламской культурой). По последним данным (кто-то вовремя предоставил их Анатолию) Нурсултан III договорился с исламистами об оказании помощи по разгрому разбойников Великой пустыни. Под этим предлогом туда будет введена их сильная группировка (новость обеспокоила Романова — как бы Вася не попал между молотом и наковальней). Группировка закрепит успехи уйгурских сепаратистов. Эффектным движением Квидзе начертил на карте дугу, из которой зеленые стрелы уже сами поползли вдоль Днепра, Волги, по Уралу и по Сибири.

— В этих условиях, — заключил оратор, — похищение Ольги Костиковой — факт исторического значения. Он ясно показывает, куда направляются взоры Халифата. Ольга известна нам всем, и притом давно, как крупный эксперт в области экономики ресурсов, как ученица самого Сергея Романова, носительница важнейшей концептуальной информации. Возможно, это лишь одно из похищений подобного рода, которое удалось раскрыть. В последнее время пропало немало людей. И будет пропадать до того момента, пока Халифат не выберет время для удара. У Союза остается один шанс на спасение — нанести удар, пока противник еще только готовит почву, пока он не добил наших возможных союзников и не захлопнул капкан окружения.

Аплодисменты зала.

Артем тоже аплодировал в душе заказчикам шоу. Это просто блеск. Квидзе получил в мировых СМИ прочную репутацию противника западной цивилизации, и теперь его позиция выглядит строго объективной. Ведь он за войну с Халифатом. Сейчас, когда им надо втянуть нас в драку, они включили Квидзе как сирену, создав впечатление объективности: вот, слушайте голос наших противников в России, они говорят, что нужно воевать с Халифатом.

Не успел Артем подумать об этом, Саланас примерно то же изложил своими словами. Романов видел это в монтаже, когда Саланас должен был олицетворять мудрость, его снимали несколько снизу и сбоку. Глядя на зрителя словно сверху и как бы вскользь сквозь очки, Саланас тоном философа развивал мысль. Затем он встряхивал прядью волос, камера резко перемещалась, взгляд Саланаса приближался, впивался в зрителя и почти гипнотизировал (мастера видеомонтажа использовали еще и соответствующие скрытые технологии, чтобы эффект гипноза усиливался). В это время должно было звучать самое важное: «Сегодня, когда Халифат нарушил все нормы морали, когда интересы Запада и интересы России снова стали общеевропейскими, спасение — в решительной борьбе. Мы снова союзники, как десятилетия назад в борьбе против Гитлера. Иначе — гибель и рабство».

Поскольку Ольгу на некоторое время оставили в покое, она размышляла о некоторых неувязках в речи Анатоля. Годы общения с ним научили тому, что Анатолий специально подбирает факты, заражает тебя своей убежденностью, а потом ты выглядишь глупо, когда отстаиваешь эту позицию в компании Романова и его учеников. Они тут же применяют комплексный метод, раскидывают факты по системе координат, что-то добавляют, и картина меняется. Выясняется, что в речи патриота из патриотов опять кроется подвох, а в логике — прокол. Вот и теперь. Все понятно, нас окружают. Халифат, как гитлеровская Германия. Действительно, местами очень похоже. Но похитили-то ее зачем? По Анатолю, чтобы выведать что-то. Но ничего такого у нее не выведывали. Ее скорее воспитывали. Сначала Ольга даже думала, что из нее делают диверсантку. Но чтобы из похищенного среди российских просторов интеллектуала вылепить что-то в этом роде, нужны годы, а тут речь идет скорее о месяцах. Создавалось впечатление, что ее держат ради какой-то мирной миссии. В общем, непонятно.

Подошло время, когда по законам жанра политологическое напряжение нужно было разбавить голосом культуры. Сначала слово предоставили ведущим российским писателям Акулову и Пиранину. Акулов из студии в Новгороде сказал как надо: «Ситуация действительно очень напоминает то, что происходило перед нападением Гитлера на Союз (Акулов подчеркнул аналогию между двумя Союдами, не назвав аббревиатуру СССР). Агрессор уничтожает очаги европейской культуры по частям, захватывая то Францию, то Испанию. А мы ждем, как ждал Сталин, и дождемся». Дальше писатель хотел прорекламирровать свой новый роман «Испанский миттельшпиль», где неутомимый Фантомасин должен был вступить в схватку с анархистским киллером Дуррути и раскрыть заговор нацистов в Барселоне. Но Саланас его выключил, боясь недовольства испаноязычной аудитории и обвинений в скрытой рекламе. Акулова зафиксировали с мудрым выражением лица, затем он плавно преобразился в Пиранина. Тот давал интервью на лоне природы, в духовном поселении «Аура», расположенном в меандре Таруски (так было сказано в титрах). Пиранин был настроен благодушно и высказался перпендикулярно происходящему: «Что войны. Бывало и покруче. Суть в другом. Девушку перекинуло через несколько морей, побило о камни тысячелетий, а она жива и здорова. Песчинка песчинкой, а как хороша...»

Ольга даже отвлеклась от своих странных мыслей и уже не знала, обижаться ей или принять комплимент. Но Саланас не понял, к чему это, и выключил русского созерцателя. Третьим представителем русской культуры была автор «Когтей» Марина Мурена (этот псевдоним скрывал весьма аристократическую фамилию, под которой Марина выступала прежде, пока у нее не пошел сериал о цивилизации трупоедов). Мурена была настроена, как всегда, уверенно и решительно: «Я не разбираюсь в геополитике, я писатель. Но я чувствую душу моего народа. И народ вам скажет: пора мочить». Мощный компьютер на секунду затормозил перевод слова «мочить» на двести языков, дожидаясь контекста. «И в этом мы, деятели культуры, должны наш народ поддержать. Как говорил один ретроград, но верно говорил, мочить, и при том в сортире». Видавший виды и слыхавший слыхи компьютер продолжал мучиться, пока эксперт по российской политике не дал ориентировку: «Надо их сокрушить. И как говорил один консервативный деятель, но верно говорил, крушить их надо везде, даже в туалете». Представители ста девяносто девяти языков решили, что у русских немного грубоватый юмор. Затем слово было предоставлено мировому телекритику

Вилли Фознеру, который уже не останавливался девять минут, объясняя тем, кто еще по какой-то причине не понял, что каждый честный человек должен встать сегодня на баррикады цивилизации и дать вооруженный (это слово повторялось неоднократно) отпор наступающему варварству, фашизму, гитлеризму-сталинизму, хомейнизму-бенладизму.

Пока литераторы излагали, Саланас незаметно для зрителя вел диалог с микрофоном. Из наушника с ним беседовал человек, сидевший на трибуне, почему-то не оборудованной камерами. Более того, ни одна камера не могла снять эту трибуну. Да если бы и задела случайно, зритель не обратил бы внимания на человека с обычным лицом, практически слившимся с фоном. Голос человека был спокоен, но настойчив:

— Давай, Мачо. Надо ковать железо, пока горячо. Дай ей произнести речь, раскрути на призыв к Отечеству. Население Союза должно ринуться голосовать за войну с Халифатом.

— Конечно, нет проблем, Мастэр. Но я же не могу перебить старика Фознера, он нас всех на работу принимал. У него еще три минуты. Потом психолог с лодки не помешает, а дальше она. Если психолог ляпнет что-то не то, мы его реплику сотрем.

Мастэр настаивал, да так, что в голосе появились властные нотки, а на лице стали проступать жесткие черты. Но убедить не успел. Фознер, как истинный профессионал, закончил секунда в секунду, и перед Артемом включился микрофон.

— У меня, собственно, не мнение, а вопрос к тебе, Оля. Как ты думаешь, почему изо всех, находившихся на Африканском континенте, выкрали именно тебя и именно сейчас?

Это была ключевая постановка вопроса в школе «Социума», очень привычная для Ольги. «Почему именно это и именно в это время?» Правильно. И все стало складываться в понятную для нее картину. А Саланас получил команду: «Вот что, амиго, давай закругляйся с этим шоу. Все, что можно, мы выжали». Ольге больше слова не дали.

Из жизни киллеров

15 августа.

Прага.

Романов.

«Самые приятные выборы, в которых можно участвовать каждый день, происходят в ресторане. За его пределами обычно выбираете не вы, а выбирают за вас. И только здесь вы можете сделать заказ без опасения подпасть под законы о терроризме».

Это кулинарно-политическое изречение предварило меню в ресторанчике на Кжеменцоа в Праге, оно проступало прямо на псевдодеревянном столе. Сергеич с Таней знали, что заказать. В ориентировке Пекки значилось, что через Финляндию в указанные Сергеичем сроки проезжало несколько людей, подозреваемых в причастности к заказным убийствам (разумеется, подозрения не были настолько обоснованными, чтобы их доказать). В некоторых случаях указывались адреса в Сети и способ сделать заказ, фото, особенности «почерка». К тому же теперь у них было фото подозреваемого.

Анализируя данные, Сергеич пришел к выводу, что «почерк» и маршрут, другие детали наблюдения Интерпола указывают именно на него. Сергеич не зря больше недели проторчал в библиотеке Шведской академии — одной из крупнейших мировых баз данных. Ему ассистировала Аника, в одночасье сделавшаяся любезной. О, эта дама знала толк в своем деле. Мало того что она предоставила ему множество возможных версий покушения в Полисе, которые, как это ни странно, снижали вероятность участия в этом деле Халифата. Аника раздобыла эксклюзивные данные расследования провокационного выстрела перед Ригсдагом. Выяснилось, что стрелял именно тот человек, которого они ищут, — Эрик Бергсон. Сергеич чувствовал, что, раскрыв тайну гибели Нестеровой, он обнаружит источник угрозы в свой адрес, заказчиков этой «охоты на экспертов».

Но доказательств против Бергсона не было никаких. Хорошо, можно проверить наиболее надежным способом — сделать заказ. Этот способ, неприемлемый для полиции (потом все равно ничего не докажешь), годится для частного сыщика, в которого и превратился Сергеич. Ответ пришел довольно быстро. Некто благодарил господина X за поздравления с праздниками и высказывал надежду, что они еще смогут славно погулять в Праге и выпить флековское пиво, закусив его печеным коленом.

Они прибыли в Прагу, где стали захаживать в многочисленные ресторанчики, заказывая это блюдо. Но выяснилось, что все не так просто. Там, где поили флековским пивом, не подавали «печено колено». И наоборот.

Такой недостаток сервиса был непонятен. Прага все еще держала марку кулинарного рая, несмотря на кризис и войну. Такова уж Чехия — страна-витрина. За свою историю она успела побывать восточной витриной Германской империи, северной витриной Австрийской империи, западной витриной Советской империи и снова стать восточной витриной Евросоюза. В наше время масок и имиджей чехи чувствовали себя в своей стихии. Упадок туризма, уже сжимавший костлявой рукой экономику дальних курортов, почти не повлиял на чехов. Их страна была расположена поблизости от европейских стран. Здесь можно было дешево поесть белковую массу, которая поразительно точно воспроизводила вкус мяса. И не только. В условиях кризиса и войны чехи почти полностью перешли на производство агропродукции собственными силами, причем наряду с гидропоникой использовались и старинные методы — разведение дичи с последующим отстрелом кровожадными (но не скардными) туристами из стран, где охота уже была запрещена под вооруженным давлением партизан Гринписа. Таня даже стала уговаривать слетать в Мельник поохотиться, но Сергеич устыдил ее напоминанием о греховности бессмысленного убийства животных. Татьяна упиралась — это убийство не бессмысленное, поскольку мы сами же и съедим подстреленного кабанчика. Тогда Сергеич совершил педагогический маневр и начал рассказывать своей девочке, каким веселым и симпатичным был этот кабанчик, которого Таня собралась пронзить стрелой арбалета, как он будет визжать и агонизировать. Эта душераздирающая картина решила исход спора.

Итак, в многочисленных пражских кафе и ресторанах не встречалось только одно сочетание — печено колено плюс флековское пиво. Поиски привели к тому, что Романов отчетливо стал замечать за собой слежку. Видимо, клиент клонул. Но лицо, которое ждал увидеть Сергеич, не мелькало.

Вскоре чета Романовых нашла то, что искала. Татьяна просто шерстила сайты

пражских ресторанов на словосочетание «печено колено». Выяснилось, что его подают на Кжеменцова. Таким же образом удалось установить, что флековское пиво подают в ресторанчике «У Флекува». Вместе два этих удовольствия не встречаются. Тогда Романовы зашли к Флекуву и попросили пиво на вынос. Эта просьба повергла бармена в недоумение — почему нельзя выпить фирменное пиво здесь? Оказывается, у гостей из России есть родственник, который прикован к постели, но мечтает выпить флековского пива, о котором они так много ему рассказывали. История об этой рекламной кампании в России растрогала жреца изысканного напитка, и он предложил гостям фирменную кружку, в которую был помещен драгоценный нектар всего за тысячу крон (это около трехсот ватт по мировому курсу). Кружка была тут же заламинирована, чтобы пиво не пролилось по дороге в Россию.

Конечно, после этого гости уселись за стол и испили пиво сами, с интересом разглядывая немногочисленную публику. Естественно, Бергсона среди завсегдатаев не было. В углу шумно гуляли соотечественники. Два японца притулились в противоположном конце зала. Симпатичная дама в обтягивающем костюме цвета «хамелеон» потягивала пиво сзади от Романовых. Ее Сергеич уже видел на улочках старого города. Она бродила по ним мечтательно-потерянно, как те туристы, которые не интересуются метражом башен и годами их постройки, а просто вкушают дух города. Она то глазела на фирменные пражские крыши-шапки у Карлова моста, то спускалась им навстречу с холма Пражского града, озирая панораму старого города, то плутала по его улочкам, забывшись во вневремя. Небольшой обмен репликами, и знакомство состоялось. Жанна оказалась домохозяйкой с Украины, женой преуспевающего программиста, открытой и говорливой. Она обожала детективы и Прагу, своего сына и мужа, хотела работать модельером, да как-то все руки не доходили. Сергеич, достигший большого мастерства в искусстве психологической аналитики, разработанной его Учителем, с удовольствием проникал сквозь маски и мифы этой женщины в самое ее психологическое ядро. И меньшего, чем она наговорила, хватило бы для составления исчерпывающей психологической характеристики и даже управления собеседником. Сергеич остался доволен этим незаметным для соотечественницы тренингом, а она, похоже, рада была просто пообщаться. Нужно было закруглять разговор и двигаться на Кжеменцова. Из вежливости договорились встретиться еще раз, посидеть следующим вечером в ресторанчике. Таня предложила «Черного коника» — милое и недорогое местечко.

Составляя психологический портрет собеседницы, Сергеич не учел, что в ее словах не было ни слова правды. Она жила в Минске, была коллегой своего супруга, ныне покойного, у нее была дочь, и еще она не любила детективы, хотя с удовольствием их смотрела и играла в детективные игры. Этот парадокс объяснялся тем, что детективы вызывали у Екатерины (так звали женщину на самом деле) чувство собственного превосходства. Авторы детективов, даже самых лучших, были людьми недалекими, их мышление — отсталым и прямолинейным. Через десять минут Катя уже определяла, кто убийца, и остальное досматривала только для того, чтобы подтвердить собственную правоту. Все сюжеты она развила бы лучше, если бы умела снимать кино и делать игры. Вот профессор Мариарти — жалкий клоун. Она не раз пыталась играть за него в игре «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», но каждый раз, когда победа была в руках, Мариарти вопреки воле игрока делал какую-то нелепость и падал в пропасть или взрывался. Любимым героем Кати был Эркюль Пуаро, в

отношении которого она имела собственную теорию. На самом деле Пуаро — хладнокровный убийца, наслаждающийся высоким искусством преступления. Почему убийства всегда совершаются там, где появляется Пуаро? Правильно! Потому что именно он и убивает, а затем находит человека, у которого нет алиби (как и у самого Пуаро, что обнаружила Катя), запутывает его в подброшенных уликах и заставляет признаться в преступлениях, совершенных самим Пуаро. Впрочем, Катя настаивала, что все эти признания — выдумка Пуаро, хвастливо повествовавшего о своих успехах наивной Агате Кристи. Никакой суд не признал бы доказательств бельгийца, что и подтверждает отсутствие этих громких дел в газетах того времени...

Когда Кате настало время выбирать путь в жизни, то сначала она подумывала о карьере следователя. Почетно и ресурсно, но не то. Она не хотела защищать этот скучный порядок вещей, который презирала. Ее влекло искусство точного удара, меняющего судьбы миллионов. Как повернулась бы история, если бы кто-то заранее вычислил перспективы Ленина, Гитлера, Рузвельта, Ганди, Сталина, Мао, Сомова и устранил бы их. И притом в нужном порядке. Мир выглядел бы иначе. Она решила стать киллером хай класса.

Но для этого нужен был Учитель и заказчики. Очевидно, что в наше время мирового антитеррористического порядка участие в смертельных играх требует больших знаний и ресурсов.

Тут наудачу произошло громкое убийство лидера профсоюзов Беларуси, и она решила расследовать это дело. Катя просеивала море информации, шла по следу (не выходя из комнаты, но выключая компьютер только для короткого сна). В нашем мире избытка информации и всеобщей прозрачности трудно не оставить следов, но не легче найти нужную тебе иголку в стогах информационного сена. Она нашла. Она сделала «заказ» и прикинулась девочкой на побегушках. С ней вошли в контакт. И тогда она сообщила, какой информацией об убийстве обладает, и предложила: убейте или возьмите в дело.

Катю приняли в спортивную школу в Карпатах, которую она теперь считала своей второй родиной. За короткий срок были освоены средства убийства без оружия и европейский дипломатический этикет, она научилась попадать в самолет из реактивного арбалета и водить космические корабли. Учитель, присутствие которого Катя чувствовала все три года обучения, встретился с ней перед последним выпускным экзаменом. Он познакомил ее с заданием. В школе учился парень с Кавказа, известный им как X-12. Он даже оказывал ей знаки внимания. Зачем его приняли, было непонятно, ведь научно доказано, что кавказцы не могут стать киллерами высшего класса. Мешает темперамент. Наверное, наставники приняли во внимание, что X-12 родился и воспитывался в общине синто-христиан, разгромленной во время последнего чеченского восстания. Но японская культура увлекла мальчика нуньчаками, звездочками и прочими бесполезными в наш век причиндалами, а вот должной дисциплины не привила. Пожалуй, он бы не смог вращаться в высшей мировой элите, сливаясь с фоном, а она смогла бы. Это вам не абречить по мелочи, тут нужны стиль, грация и умение менять акценты в зависимости от ситуации. Теперь Катя увидела, что ее мнение предвосхитило решение наставников. А тут еще X-12 назначил свидание, какая удача. И лишь накануне встречи она поняла, что кавказцу дали то же самое задание. Но она правильно просчитала его: кавказец решил совместить приятное с полезным. Она пошла навстречу его желаниям с такой скоростью, что сердце противника дрогнуло, он расслабился во время поцелуя, и она

легко свернула ему шею. Уложив тело в ложбинку недалеко от места свидания, она полила его соответствующей кислотой, обсыпала все вокруг необходимыми специями, отбивающими нюх у собак и чувствительность у приборов, запутала следы и отправилась докладывать о сданном экзамене.

Учитель принял ее со словами: «Я за тебя болел». Выслушав доклад, он спросил:

— А мне ты не свернешь шею, если я тебя поцелую?

— Не знаю, понравится ли поцелуй.

Он рискнул, хотя не расслабился, как X-12. Да и поцелуй понравился. Он стал звать ее не Y-8 и даже не Катя, а Коша. Она и была кошкой — мягкой и безжалостной. К концу года Коша ушла в декрет. Социальные льготы выдерживались в любой уважавшей себя корпорации. Через полгода после родов Коша вернулась к работе. Учитель любил свою дочку, но из-за частых командировок не мог много общаться с ребенком, а пользоваться видеосвязью не позволяла конспирация. Коша же всегда включала дочку или «сына» в легенду, чтобы держать видеосвязь, контролируя няnek и напоминая ребенку о себе. Марина росла самостоятельной девочкой. Как только в девять лет она освоила в школе автолет, тут же отправилась в свое первое самостоятельное путешествие. Естественно, что мама отслеживала ее маршрут и даже приставила на всякий случай дорогостоящего телохранителя. Но все обошлось, и с тех пор Марина предпочитала дистантные курсы, сдавая экзамены экстерном в перерывах между путешествиями. Беззаботный ребенок не знал, что у матери накапливаются проблемы.

Все началось с того, что Коша попыталась выяснить, на кого работает. Сбор информации на эту тему сначала завел ее в тупик. Заказы следовали из единого источника, который олицетворял Хозяин, или, как его еще называли на английский манер, Мастэр. Но смысл акций, которые они осуществляли, был непонятен. Они действовали в интересах разнообразных и совсем недружественных друг другу организаций, помогая то одним, то другим. Коша с разочарованием решила, что их лидеры просто обслуживают тех, кто даст больше ресурсов. Не то чтобы Коша разделяла наивный идеализм народовольцев, которые охотились на царских политиков ради будущего счастья лапотной России. Но все же хотелось бы чувствовать себя творцом истории. Тем более что иногда приходилось устранять известных людей. Своими сомнениями Коша поделилась с Учителем. Он загадочно улыбнулся: «Цель, конечно, есть. Но и от ресурсов мы не отказываемся. Не нужно торопить время. Когда-нибудь тебе сообщат, в чем наша цель».

Он плохо ее знал. Ждать она не могла и не хотела. Коша принялась искать преимущественный обмен ресурсами и информацией между заказчиками. Тщетно. Зато ее интерес был замечен, и Мастэр популярно объяснил, что научную работу этого плана следует немедленно прекратить.

Коша стала действовать осторожней, тем более что ее отвлекли печальные события. Сначала исчез Учитель. Мастэр объяснил, что ждать его не следует. Сопоставляя факты, Коша поняла, что Учитель руководил группой, готовившей покушение на члена совета мулл Халифата. Было известно, что группа провалилась. Вскоре и сама Коша испытала горечь поражения в Стане. Насилу ушла. Следующий прокол мог означать конец карьеры. И тогда она интенсифицировала свои поиски. Ей нужен был компромат на хозяев, чтобы обеспечить себе дополнительные шансы на выживание. А может быть, чем черт ни шутит, удастся войти и в руководство. Ведь в наше время правит тот, кто обладает эксклюзивной информацией.

Вскоре ей стало очевидно, что где-то за пределами сколь-нибудь открытого информационного пространства находится какой-то центр манипулирования, цели которого неясны. Он не был ни национальным, ни предпринимательским, ни государственно-политическим (эти версии она тщательно исследовала и вынуждена была отвергнуть). Он был идеологическим или религиозным. Собрав все, что она знала (включая и то, что знали еще несколько посвященных), Коша поместила эту информацию и соответствующую документацию в саморассылающийся файл, который скрыла в Сети. Если никто не обратится на этот адрес в течение месяца, информация станет широко известной. Получая следующее задание, Коша объяснила Господину, что подстраховалась. Надо же такому случиться — в Венеции ее снова ждала неудача. И ничего. Господин как ни в чем не бывало дал ей новый заказ. Теперь ошибаться нельзя — это было уже дело чести. Она встретит Романовых у «Черного коника» без свидетелей.

Они уже прощались, когда на компьютер Коши поступил тревожный сигнал от дочки. По инструкции — отвечать было нельзя, но входящее сообщение не могло повредить делу секретности. Коша Вывела дочку на свои видеоочки. Марина рыдала и кричала: «Мама! Ты где?! Отзовись немедленно». Крик этот сочетал отчаяние и негодование. Дети годами подбирают интонации, которые подобно ключу открывают душу. Душу родителя. Коша не смогла устоять и для очистки совести, чтобы легче было отвязаться от длинного разговора по видео, отправила через множество скрытых посредников сообщение: будь через час на Карловом мосту. Эта задача казалась ей нереальной. Только казалась. Потому что Марина летела над Судетами. Дочери оставалось лишь повернуть автолет.

Весь путь от Венеции до Судет Марина рыдала. Артем, конечно, обидел ее смертельно, но об этом она уже забыла. Поссорившись с Артемом, она кое-как закончила игру и просто ушла. Ей хотелось как можно скорее покинуть этот злой город. Она взглянула на карту Венеции и выбрала кратчайший маршрут до своего автолета, запомнив его из спортивного интереса. После этого она двигалась строго по азимуту, не отвлекаясь на осмотр достопримечательностей. Неудивительно, что, проходя мимо памятника кондотьеру, она даже не заметила родную мать, прошедшую практически ей навстречу с обратной стороны площади. Этой нежно любимой матерью была Коша, которая в тот момент тоже не отвлекалась на достопримечательности, сосредоточившись на задании. Конечно, такие случайности бывают только в кино. Но не будем забывать, как тесен мир и как сложно было вывести Марину из игры с Артемом тем, кто играл с ней в видеоигру в зале на Монтеканти.

Сначала знакомство Артема с девочкой, находившейся под наблюдением (все-таки дочь ненадежного агента), было расценено руководителями организации как большая удача. Артем еще только шел к Ватикану, где его поджидала Коша, когда агент, контролирующий Марину, сообщил в центр сенсационную новость. В поле зрения попал компьютер субъекта, похожего на Артема. Стало ясно, что можно изъять базу данных, которую он все время носил с собой. Было решено пока не убивать Грустина — сначала надо посмотреть на содержимое компьютера, который несложно вырвать из девичьих рук.

Знакомство с базой Артема доказало, что его все-таки следует устранить. Он уже слишком много знал, хотя и не имел достаточных доказательств.

Случайная встреча Марины и Коши в Венеции могла сорвать все дело. Так что пришлось прибегать к чудесам игровой психологии, чтобы рассорить объект с дочерью исполнителя. Благо девочка вспыльчивая и взбалмошная, а Артему сейчас было не до педагогики. Так что все получилось идеально. Да только Коша в Венеции опять сплеховала. Списывать пора.

За три минуты до начала штурма Венеции Марина села в свой авиолет и взмыла на городом. Она даже не взглянула на удаляющийся сказочный остров. Вернее, не взглянула бы, если бы не мощные взрывы. Обернувшись, Марина увидела надвигающуюся армаду военных дирижаблей, фантастических размеров волну, лопающийся защитный колпак, пену, в которой исчезают обломки хрупкой исторической игрушки. И там, где-то среди этих обломков, среди тысяч несчастных, остался Он. Их ссора привела к тому, что она жива, а он — нет. Дальше Марина только рыдала, а автопилот вел ее в Париж. На полпути она решила, что сойдет с ума, если не поплачется маме. И вот удача — мать совсем рядом. У Карлова моста, в милой Праге...

Романовы направились на Кжеменцова. Они спустились в ресторанчик и заказали по печену колену. Томительное ожидание, которое так роднит все ресторанчики, на этот раз внезапно прервалось. По лестнице бодрым шагом спустился Алекс. О, как он рад! Какими судьбами?! Надо же, какая встреча!

Таня, которой еще в Берлине понравился молодой обходительный офицер, заметно оживилась. Ее утомило непонятное путешествие, во время которого Сергеич то и дело менял маршрут, лишь изредка сопровождая свои действия какими-то невнятными объяснениями. А тут свежее общение вальяжного и остроумного молодого человека в погонах. Сергеич, напротив, был просто в ужасе. Он заерзал, поздоровался холодно, стал намекать, что они могли бы встретиться позднее. Таня принялась бить супруга под столом ножкой по коленке: мол, как ты можешь быть таким бестактным? Уж не ревнуешь ли?

Нет, Сергеич не ревновал. Он вдруг предложил Алексу и Тане без него посмотреть пражские достопримечательности. У него здесь срочное дело. Таня поддержала эту идею, хотя ей очень хотелось есть. Ладно, с Алексом они найдут, где перекусить. Сергеич просто-таки вытолкал их из ресторана. Но по ходу дела выяснил, кем теперь служит бравый капитан. Как раз сейчас он может очень пригодиться.

Как только Сергеич остался один, принесли блюдо: две здоровенные свиные ноги. И одной бы хватило на двоих, а тут придется работать челюстями еще и за жену. Сергеич принялся всасывать нежное, разваренное почти до состояния студня мясо.

— Нельзя есть столько одному, можно надорваться, — отметил низкорослый мускулистый господин, похожий на бульдога. Он появился перед столом Сергеича под едва заметный звук шумовика, блокирующего подслушивание и записывание звука. Романов предложил ему присесть. Именно так он и представлял настоящего киллера. Когда незнакомец уселся за стол и стал, как ни в чем не бывало, уплетать второе колено, Сергеич его узнал. То самое лицо. Теперь не было сомнений. Но на всякий случай он спросил:

— Чем предпочтете запивать?

— Конечно, флековским, вы ведь его купили не для больного родственника, дорогой господин Романов.

Сергеич вынул флековское и осведомился, как называть собеседника.

— Зовите меня Доггер. Итак, вы уже решили, кто составляет вашу проблему?

— Да, думаю, да. Но мне нужно все подготовить, чтобы дело совершилось в определенный момент. Вы можете так сделать?

— Когда вам будет угодно. Но половина ресурса должна поступить сразу после нашего разговора.

Доггер назвал счет. Романов его зафиксировал, как и номер ящика, куда он может сообщить, что нужно привести приговор в исполнение. Теперь Доггер попросил данные по клиенту.

— Видите ли, — прошептал Романов, — дело деликатное. Хотелось бы сначала поинтересоваться вашей квалификацией и гарантиями против разглашения.

— Ну что вы, Сергей Сергеевич! Несерьезно как-то, Гарантии очевидны, я ничего никому не смогу рассказать до совершения дела, а после — мы с вами соучастники. Тем более оба будем молчать. Что касается квалификации, то это и вовсе не предмет разговора. Вам меня порекомендовали. Не верите тому, кто это сделал, разойдемся. Поскольку вы не следователь, а исследователь, я не ожидаю подвоха, но сами понимаете: если что не так, то я смогу сделать то, что не вышло у кого-то в Полисе. На них все и спишут. Кстати, уж не того ли, кто вас заказал, вы решили аннигилировать?

Сергеич молча кивнул. А вслух сказал:

— Ну что вы такое говорите, никого не надо аннигилировать, это не наши методы.

Нужно было срочно назвать жертву. Сергеич уже несколько раз пытался придумать, кого подставить, и не мог решить эту простую задачу. Никого из своих знакомых Сергеич не хотел подвергать опасности. В отчаянии он шарил в памяти и, внутренне кривясь от отвращения к себе, решил направить угрозу на малознакомую туристку:

— Женщина, которая сидела с нами у Флекова.

— Bravo, Романов! У вас поразительное чутье. Мне даже жаль, но вы сэкономите на мне. Только вот время исполнения приговора придется выбирать не вам.

С этими словами Доггер, он же Эрик Бергсон, единым чохом заглотнул остатки колена под флековское и закончил разговор: «Приятно иметь дело с конкретным человеком». Через мгновение его уже не было в заведении.

Сергеич сидел в недоумении. Но все же он был одним из лучших аналитиков Европы, так что через минуту понял, в чем дело. Теперь нужно было действовать молниеносно. Во время разговора Сергеич чуть заметно коснулся Доггера ногой, на которую нанес радиоактивный порошок. Пока пыль не слетела, Доггер становился меченым атомом. Было ясно, что Эрик пойдет надело в самое ближайшее время. Нужно срочно найти Жанну. И так, чтобы никто этого не заметил. А то можно оказаться под огнем.

Сергеич тщательно стер с себя порошок и завернул его в фольгу. Затем он связался с женой: «Таня? Ты где?» Он намеренно не сказал: «Где вы?» Они были на Карловом мосту. Ну конечно, где же еще. Танина фантазия на большее не распространилась. «Сидите там, я подойду».

Он так и не доел мясо («Эти русские совсем зажрались», — подумали официанты) и двинулся мимо Народного театра, этого пражского ответа Венской опере, затем немного заблудился в улочках Старого места. В другое время он с удовольствием побродил бы по брусчатке вдоль старинных каменных стен, поглазел бы на фигуру смерти с часами. Но теперь смерть слезла со старинной башни и где-то здесь шла

целестремленной походкой. Важно было опередить ее. Сергеич сверился с электронной картой и через Карлову улицу вышел прямо к воротам моста. У костела имени Франтишека с Ассизи как раз сидели Таня и Алекс. Капитану Романов отвел в своем плане роль силовой структуры.

— Дорогой Александр, у меня к вам очень важное дело. Только что я раскрыл разветвленный заговор в тылу действующей армии. Заговорщики уничтожают наших и ваших общественных деятелей, дестабилизируя обстановку. Необходимо немедленно арестовать их, но Интерпол нельзя задействовать, потому что они имеют там своих людей (на самом деле Интерпол потребовал бы доказательств, с которыми у Сергеича было хлипко). Вся надежда на армию. Как только мы встретимся со Шварцем, я ему все объясню, мы старые друзья. Но сейчас вы — его представитель. Нужен взвод солдат, вы арестуете главного подозреваемого.

— На что вы меня толкаете, Сергей Сергеевич?! — Алекс был поражен не столько ролью, которую вдруг отвел ему известный эксперт, сколько новым обликом почтенного ученого мужа. Тот тряс бровями, глаза его метали молнии, руки выписывали в воздухе драматические кренделя.

— Поймите, Алекс, обстановка не терпит сантиментов. Генерал Шварц бы меня понял. Да, это авантюра, но я буду вам обязан. — Сергеич сделал особое ударение на слове «я». Спору нет, Романов — человек влиятельный и со Шварцем они явно в ладах. Неплохо бы, конечно. А игра становится интересной. Алекс согласился и, пользуясь своими новыми полномочиями, выделил в собственное распоряжение взвод настоящих солдат, которые поднялись по тревоге в Градчанах.

Таня, не забывавшая о покушении в Полисе, решила, что Романов напал на след преступников, и это прощало все предыдущие непонятности. Она была восхищена двумя решительными мужчинами, что еще сильнее подстегивало обоих к действию.

Алексу предстояла нелегкая задача: обнаружить киллера в целом городе. Были задействованы армейские антитеррористические приборы, которые обшаривали город с Пражского града и окружающих высот. Конечно, если снайпер будет находиться выше замка, его не обнаружить. Но пользование авиолетами в прифронтовом городе было запрещено, и это давало надежду.

А Сергеич, в свою очередь, запустил всю мощь аналитического аппарата «Социума». Хотя руководство центра разъехалось, десятка два экспертов были на связи, не говоря уже о мощных моделирующих компьютерах. Адрес ящика и номер счета были погружены в информационную среду, и в них вгрызлись лучшие специалисты в области ресурсопотоков, программирования, информационных сетей и т.п. Постепенно на дисплее Сергеича от двух точек в пространстве стала расплетаться сеть связей, узлов, развилок. Некоторые связи отмирали, некоторые становились все ярче и отчетливее. Сергеич регулировал поиск. Так, проверить по крымской тематике. Халифат? Есть кое-что. Усилить это направление. Да, похоже, рано он решил советовать соблюдать нейтралитет. Может быть, придется и силу применить против агрессора.

Штаб-квартира «Социума» передала данные Васи: «Выстрел был произведен с корабля, который прибыл в район за три недели (поэтому его не отфиксировали космические средства слежения). Корабль шел из Астрахани. Есть основания предполагать, что при возвращении корабль был потерян средствами слежения намеренно». Далее следовали предоставленные Ахмедом подробности и

доказательства. Ай да сенсация. По территории Союза стреляют с территории Союза. Ну, золотопогонники, ну я вам задам!

Сергеич тут же связался с начальником штаба вооруженных сил Союза. Окружение Романова и многие военные ломали голову над истоками этой дружбы эксперта и генерала. Романова в армии не любили как одного из главных авторов реформы, резко сократившей вооруженные силы. Но работали-то они над ней вместе как раз с тем полковником, который потом стал начальником штаба. Сколько было вместе говорено, выпито, сколько раз они вместе рисковали карьерой, прежде чем реформа стала реальностью и вооруженные силы превратились в компактный привилегированный институт. И сколько бы военные ни жаловались на жизнь, но своим нынешним положением они обязаны Сергеичу, и начальник штаба это понимал, всегда внимательно его слушал и помогал, насколько можно это делать, не рискуя креслом.

Узнав об астраханском следе, генерал начал было отнекиваться, но, получив разъяснения, взялся за дело всерьез. Действительно, в указанные сроки военный авиолет скрытно выдвигался в указанный район и производил стрельбы по полигону. Взрывы на полигоне фиксировались. Вроде все чисто. Начштаба обещал выслать на место группу экспертов.

Так начнется громкое расследование, которое позднее войдет в учебники истории как «астраханское дело военных». Выяснится, что взрывы на полигоне были произведены его собственным персоналом. Значит, корабль все-таки стрелял по Полису. Начнутся аресты, в дело вступят антитеррористические законы, которые в Союзе, как и по всему свету, являются чрезвычайными.

Теперь на Романова работала военно-следственная служба, хотя ее сотрудники и не знали об этом. Просто генерал подключил терминал Сергеича к соответствующим порталам.

А вот с Эриком было сложнее. Его пражские явки удалось выявить быстро и полно. Даже места, где он тратил ресурс за последние несколько месяцев. Уже не взвод, а рота чешских солдат дежурила у входов в квартиры и магазины с фотографией, полученной еще от Пекки. Но Доггер пропал. А вдруг он сейчас в каком-то закоулке беседует с туристкой Жанной. Ткнет ее потом ножичком и растворится в улочках. Никакое антитеррористическое оборудование не поможет.

Сергеич перевел анализ информации в автоматический режим и взял Таню за руку, нужно было быстро идти к «Конику». Неожиданно Жанна сама вышла к Карлову мосту. Это была редкостная удача, которую Сергеич позднее объяснял узостью туристического мышления. Все назначают встречи в одном и том же известном месте. Не замечая Романовых и поэтому не играя в романтическую рассеянность, Жанна была целеустремленна и собранна. У нее в запасе было совсем немного времени, чтобы успокоить дочку, очень некстати подросшую на место встречи. Марина бросилась матери на грудь и стала довольно бестолково рассказывать о своем горе. По команде Сергеича рядом с дамами материализовался солдат, который стал прохаживаться, обшаривая пространство противоприцеливателем. Он же прикрепил на парапет моста микрофон, с помощью которого Сергеич подслушал следующее:

«Вся Венеция потонула! Да что Венеция! Артем остался там! Из-за меня! Я не выдержу, я тоже утоплюсь!» Жанна стала утешать дочку, которая, впрочем, не стала порываться прыгнуть во Влтаву.

— Ты слышал, она сказала: «Артем».

— Ну мало ли Артемов.

— Мало. И потом Артем говорил мне, что собирается заехать в Венецию. И как раз в это время.

— Не может быть!

Не обращая внимания на конспирацию, Сергеич пошел к Жанне с Мариной.

— Жанна! Здравствуйте, какая встреча!

Жанна была неприятно удивлена. Теперь им придется вместе идти в «Коник», да еще с Мариной, что полностью ломало план акции. А тут еще Сергеич стал приставать к дочери с расспросами об этом Артеме, который утонул в Венеции. А затем застыл в ужасе, хотя Марина еще не успела ему ответить.

Дело в том, что в наушник Романова поступило срочное сообщение: «Внимание, обнаружено прицеливание. Даю координаты стрелка...» Тогда Сергеич кинулся на Жанну и свалил ее на мостовую. В то же мгновение пуля ударила о парапет и рикошетом отбила палец у фигуры святого на другой стороне моста (уже на следующий год фигура станет местом паломничества, а святой будет объявлен Ватиканом защитником от терроризма). Через две минуты Алекс со взводом на автолете задерживал Доггера. Оказывается, злодей засел в роскошных каменных кружевах собора Святого Вита, выше антитеррористической аппаратуры, так что если бы солдат не стоял рядом с Жанной, обнаружить террориста было бы невозможно.

Масштабная контртеррористическая операция на улицах Праги была замечена европейскими органами безопасности. И это создавало проблемы для Алекса. Ведь он явно превысил свои полномочия. Об этом Алексу своевременно напомнил Пан, который внезапно вышел на связь: «Ты здорово сработал, парень. Скоро о твоём новом подвиге раструбят все СМИ. Только одно «но». Твой трофей должен быть агентом врага. Иначе получится, что ты проявил самоуправство».

Доггер почти сразу согласился быть «агентом врага», то есть Халифата. Тогда он подпадал под статью о наемничестве, а не о политическом терроризме. Сергеич первым узнал о результатах допросов. События четко укладывались в схему Крым — Доггер — Халифат — Крым. Дело в том, что Доггер ездил в тот самый район, где расстреляли колонну пацифистов.

Подробнее анализировать информацию не было времени из-за бесконечных интервью, которые Романов давал относительно своего подвига. Действительно, эксперт с мировым именем, спасающий жертву киллера, — это суперсенсация.

Новости о подвиге Романова стали удачным стартом для целого сериала подробностей «дела о покушении Романова», которые будут будоражить видеопространство еще целых два месяца.

Теперь Романов получал свежую информацию примерно за день до того, как она попадала смишникам. Оказалось, что астраханские военные напрямую поставляли оружие крымским сепаратистам, а что касается пацифистов, то их как раз этим оружием и перещелкали. Это лишь подтверждало «рабочую версию» о том, что следы преступления тянутся в Халифат. Автоматический анализ информации выявил еще «ниточку» к генералу армии Халифата, который расстреливал Ольгу...

Астраханских офицеров Романову было жаль. «Интересно, действовали они по идейным соображениям или в армии начинает возрождаться разгильдяйство времен массового войска, когда можно было подкупить офицера? Все-таки зачем офицерам понадобилось устраивать покушение на меня? Эх, как не хватает Артема. Увы, Марина опознала его на видеозаписи. Неужели он погиб в венецианской катастрофе?

Какая трагедия».

Когда смишники рассеялись и новости были прочитаны, Сергеич обнаружил, что Жанна и ее дочь куда-то исчезли. Впрочем, он не придал этому значения. Романов очень бы удивился, если бы прочитал сообщение, поступившее к Жанне (Коше): «Вариант «вдовец» отменяется. Срочно выезжайте в Лондон».

Алекс, не зная того, оказался гораздо эффективнее киллеров и доказал правоту Пана в его споре с Мастэром. Пан вообще не любил террористических методов, иногда довольно резко полемизируя с коллегами, все еще верившими в отмирающие методы терроризма. Самоотверженность или профессионализм политических убийц практически всегда используются другими. Этот вывод он сделал еще тогда, когда не рассеялась пыль над Манхэттеном. События мировой истории лишь подтверждали правило «пуля — дура». Народовольцы привели к власти реакционного царя, анархист, убивший короля Умберто, проложил дорогу либералам, которых ненавидел не меньше, чем свою жертву, Николаев помог Сталину, Освальд тоже едва ли понимал, что прикрывает. И нужно ли было убивать Кеннеди, когда того же результата можно было достичь, просто рассказав публике немного правды о президенте. Пан был поборником тонких методов, и теперь он с удовольствием говорил Мастэру. «Пришлось сдать одну из твоих фигур. Но теперь Он практически наш».

Выжатые впечатлениями дня, Сергеич, Таня и Александр удалились с поля выигранной битвы в лабиринт Старого места и устроились в кафе у Ратуши. Средневековые фигурки совершали свой марш, Смерть трясла часами — так смешно и бессильно. Площадь наполнилась мелодичной музыкой в средневековом стиле, и из-за поворота появился Рыцарь печального образа. Он восседал на усталой кляче, да и сам так и излучал усталость из-под своих доспехов. Несмотря на то что площадь и так вполне соответствовала рыцарю по времени, она стала меняться в еще более фэнтезийную сторону. Рыцарь распространял вокруг себя что-то вроде пара, и расположенная на крупе лошади аппаратура наводила на клубы туманности световые образы. Стены покрывались скальными поверхностями, фонари превращались в деревья, а прохожие оказывались в романтических средневековых плащах. Никого это не смущало, и сначала Сергеич решил, что это просто такой туристический аттракцион. Поравнявшись с ним, рыцарь устало вздохнул, слез с клячи (теперь выглядевшей могучим конем) и привязал ее к каштану, который только что был стойкой навеса, где они сидели. Сам навес превратился в развесистую крону. Сергеич решил проявить радушие и понимание игры:

— Присаживайтесь, Дон Кихот.

— Я не Дон Кихот, я предводитель назгулов.

— И где же остальные назгулы?

— В том-то все и дело, что лишь немногие пали в честной борьбе. А половина просто оставила наше дело. Они говорили, что пошли по жизни дальше, постигать мир иными путями. А как же долг?! Ведь проклятый хоббит уже приблизился к воротам Мордора и наш мир вот-вот рухнет.

Сергеич понял, что перед ним типичный и при том отлично оснащенный представитель субкультуры толкинутых (течение саруманистов). Сергеич жалел людей, которые настолько глубоко уходили от реальности в виртуальные миры, что практически полностью теряли связь с внешним миром. В то же время их психология

была любопытна, а тут судьба свела исследователя с пропащей душой, которая не просто сама погрузилась в мир грез, а еще и погружает окружающих в свой мир, распыляя его вокруг зримыми образами.

— А где же Мордор, к которому приближается хоббит?

— Он в месте решающей битвы, — отвечал назгул, переводя ресурс на счет кафе, чтобы выпить чашечку кофе из пакетика и закусить вполне прозаической белковой массой со специями. Его ответ прозвучал бы издевкой, если бы виртуальная реальность не подтвердила сказанное зримыми образами. Из-под стола вылезли два омерзительных гнома с огромными топорами и бросились на назгула. Татьяна с визгом отпрыгнула к Сергеичу, а назгул привычным движением выхватил длиннющий меч и единым взмахом рассек одного из гномов напополам, а другого шлепнул плашмя так, что тот улетел в сторону собора Святого Вита. Останки поверженного гнома растворились на глазах. Это было лихо, и Сергеич мысленно сравнил свой сегодняшний подвиг с жизнью этого несчастного, у которого подвиги подобного рода превратились в обыденность. А ведь несколько столетий назад таковой и была обычная жизнь.

— Извините, это хоббит наслал на вас этих...

— Хоббит — пешка. Это одержимый злобой Гендальф стремится уничтожить наш мир.

— И что ему не нравится в вашем мире?

— В нашем с вами общем мире. Вы что же, думаете отсидеться в сторонке? Не выйдет. Хоббит приближается, и если я его не остановлю, то все рухнет.

— Так уж и все?

— А вы что, не замечаете, как все шатается кругом, как трещат основания мира? Оглянитесь вокруг. Вы этого хотите?

Дым клубился по всей площади, вокруг метались образы, весьма далекие от фэнтези: наступление мавров, бунты в городах Европы, истерические выступления политиков, катастрофы космолетов (действительно, целых две на неделе).

Нет, этого Сергеич не хотел. Просто ему не верилось, что социальные сдвиги, часть которых он и его Учитель предсказывали еще в начале века, являются результатом путешествия какого-то хоббита. Видимо, скептическое выражение на его лице стало слишком заметным, потому что назгул с вызовом произнес:

— Почему вы думаете, что, победив своих врагов, вы вообще что-то всерьез измените? Вы просто не умеете видеть сущность вещей.

— Ну уж и не умею? — Сергеич готов был разгневаться. Не какому-то полоумному учить его сущности вещей.

— Вы ее вычисляете. А ее можно увидеть. Вот, смотрите.

Клубы окутали чашку, и Сергеич увидел на ее месте замок, от которого, как от паука, тянулись линии связей, опутавшие всю планету.

— А почему вы думаете, что это замок?

— Это вы так думаете. Это — ваш образ. Лично я вижу здесь Трубу Славы.

— А я — башню и залив среди скал, — радостно подхватила Татьяна, нанеся Сергеичу сокрушительный удар с фланга. Назгул закрепил свою победу:

— Надо смотреть не на объект, а за объект.

Сергеич, конечно, не собирался оставлять за оппонентом последнее слово:

— Но, может быть, эти образы обманчивы и их следует проверить. Вот гномы, напавшие на вас. Они же не несли угрозы нам.

— Еще бы. Вы безопасны для зла и потому бесполезны.

— Почему же? Хотите, мы встретимся с Гендальфом и обсудим, нельзя ли остановить хоббита. Может быть, ого претензии к вам можно решить как-то иначе.

— Никогда! — назгул вскочил, даже не допив свой кофе. — О, жалкие слуги Сарумана! (Сергеич начал лихорадочно копать в детских закутках памяти, чтобы вспомнить, что это за персонаж.) Вам бы все приручать свирепость орков, цивилизовывать вольную дикость и разжедать софизмами твердыни цивилизаций! Полузло-полудобро, серая масса среднего класса, в которой растворяется четкая суть мироздания!

Он вскочил на богатырского, полного сил коня и бросил напоследок:

— Если встретите хоббита, скажите ему, что я жду его у жерла Вулкана.

— А как его узнать?

— Ну если меня вы приняли за Дон Кихота, то его, вероятно, сочтете Санчо Пансой, — язвительно ответил назгул. Клубы дыма развеялись, и тощая кляча не торопясь повезла своего седока мимо памятника Яну Гусу.

Предводительница нибелунгов

23 августа.

Штутгарт.

Романов, Алекс.

« Осознание причастности к историческим событиям обычно погружает новичка в состояние эйфории. Потом это чувство притупляется, историоделание (historymaking) превращается в рутину. Именно рутинно принимаются наиболее зловещие, равнодушные к судьбам людей решения. Конечно, и экзальтация заставляет крушить устои и проливать кровь, удивляясь потом, каким образом удалось наломать столько дров. Но во всяком случае здесь нет равнодушия и больше творчества. А как известно со времен Александра, именно творческий акт позволяет событию быть историческим».

Сергей Сергеич поморщился. Он не любил Александра. Применительно к теории творчества и креативизма вообще Александров был не оригинален. И сам Романов немало писал об этом, притом еще до выхода знаменитого, искусственно раскрученного «Креативизма». И вообще ссылка на авторитеты в таком рассуждении казалась неуместной. Сергеич с грустью отметил, что таким обидным недостатком обладает текст, который стал первым пришельцем из восстановленной Сети.

Они с Таней сидели на террасе небольшого особняка в Штутгарте. Гостевой дом Музейной корпорации был расположен почти на вершине горной гряды, вид на город открывался отменный. Супруги больше часа разглядывали игрушечные домики, лилипутские кварталы, рассеченные морщинами извилистых улочек, античный вокзал, ряды ветряков, изящные арки парковок и зеленые пространства парков. Штутгарт казался безмятежным музеем, сохранившим стиль жизни позапрошлого века, и Сергеич на время даже забыл о драматических событиях, которые привели его в эти края. Татьяна не была столь беспечна. Она внимательно проглядывала местные программы, пытаясь различить в них хоть какой-то плюрализм. Увы, военная цензура и стремление сказать все, что можно, не брезгуя любой деталью, делали

информационные сообщения неразличимыми. Закон Бурдьё: конкуренция вела к единообразию. Все рисовали линию фронта, поминутно приближавшуюся к Вене, зону прямого поражения ракетного оружия, которая уже покрыла Штутгарт. Но в силу действия противоракетной обороны это не сказывалось на пейзаже.

Они застряли в Штутгарте на целую неделю. Пользование автолетами в зоне боевых действий было запрещено. Их просто посадили на старинное шоссе, припарковали и отвезли в Штутгарт. Можно было эвакуироваться централизованно — транспортом. Но тогда Романов терял авиолет и свободу передвижения. А ему нужно было в Париж, пообщаться с Принтамом. Романов направил сообщение главнокомандующему центральной группой войск генералу Шварцу, где, напоминая о знакомстве, просил содействовать получению соответствующего разрешения. Шварц не отвечал.

Татьяна развернула видение на всю площадку. Показывали Анну Бьеллин, ту самую, из Стокгольма. Аника была первым человеком, который встретил их в этом немецком городке. Оказывается, она надеялась застать их в Праге, куда ринулась, узнав о сенсационном разоблачении Бергсона. Ведь он — ключевой обвиняемый по делу о беспорядках в столице, свидетелями которых они были. Анна должна была представить Шведской академии доклад по делу Бергсона, что могло определить направление развития политического кризиса в стране.

Это был странный разговор. В Стокгольме было очевидно, что Аника все и так знала о Бергсоне, но не желала делиться своим знанием, напускала виртуального туману. А теперь она расспрашивает Романова так, будто ничего не ведала. Похоже, теперь они с Адлеркрейцем просто делают вид, что не имеют к этому киллеру никакого отношения. Еще бы, Адлеркрейц — архитектор нового шведского государства, которое пытается отгородиться традицией от европейской смуты. А Романов знает, что у них — рыльце в пушку, что они прибегли к помощи киллера, который теперь замешал черт знает в чем. Сергеич намекнул Анике, что готов закрыть глаза на их шалости при условии, что Адлеркрейц поддержит его предложения Принтаму. После того как секретная часть беседы была закончена, они провели видеоконференцию с Адлеркрейцем, где говорили как бы о судьбах культуры. Узнав от Аники, что они пришли к взаимопониманию по основному вопросу, академик обещал содействие в переговорах с коллегой Принтамом.

Когда они прощались, Аника вдруг сунула Романову архаичную дискету и выпалила:

— Это — от Николая III. И не верьте, что Бергсон работал на Халифат.

Увы, дискета была столь архаичной, что Романов сумел найти для нее дисковод гораздо позднее, когда и сам все понял.

Анна вроде бы собиралась вернуться в Швецию. Но, оказывается, ее увлек смерч войны (или это было новое задание Адлеркрейца?). Через несколько дней после встречи с Романовым она давала интервью, стоя на фоне до зубов вооруженных людей. Чопорная прическа сотрудницы одного из наиболее консервативных учреждений Европы исчезла. Теперь Анна симпатично размахивала кудрями и пламенно призывала «всех, кому дорого все это» вступить в отряд нибелунгов, готовый встать на пути нового мавританского нашествия, чтобы, «как наши храбрые предки, остановить их в честном бою!». Этот средневековый романтизм показался Сергеичу детски смешным. Из последующего репортажа следовало, что за

прошедшую неделю Анна развернула кипучую деятельность. Она забросила задание Академии, которая теперь уже официально отмежевалась от деятельности Анны Бьеллин, и принялась рассылать видеообращения ко всем своим европейским знакомым с призывом создать отряд ополчения. Дело в том, что мавры, стремительно продвигаясь и прокладывая дорогу «человеческим ресурсом» (попросту говоря, не считаясь с потерями), захватили приличную часть пультов управления огнем. Резервная система спутниковой связи была слабее предыдущей. В итоге противнику удавалось то и дело нарушать слаженность работы громоздкой системы управления НАТО. Мавры наносили удары быстрее, чем компьютеры успевали обрабатывать информацию. Под угрозой оказалась вся концепция бесконтактной войны, когда армии (в отличие от мирного населения) почти не несут потерь, а удары по промышленности врага наносят ракеты и автоматические флаеры. Аника сколотила батальон талантливых игроков в компьютерный «Воздушный бой», которых посадила за пульта дистанционного управления реальными машинами. Столкнувшись с новой силой, мавры стали «глушить» место боя радиопомехами, жертвуя своими воздушными средствами. И тогда Аника, авторитет которой в новом амплуа к этому времени вырос, предложила невероятное — оборудовать воздушные средства кабинами для пилотов. Если пилот будет сидеть в кабине, ему не страшны радиопомехи. Правда, он рискует жизнью... Аника заявила, что нужно «смазать кровью машину нашей Победы». Но военные профессионалы не спешили соглашаться с советами дилетантки и возвращаться к кровавой военной практике XX века.

Но мавры-то продвинулись к Штутгарту. Еще немного, и Швеция могла стать прифронтовым государством. Генерал Шварц носился вдоль тыловой линии, пытаясь защитить тришкин кафтан электронными нитями, но разрушения в созданной им конструкции обороны были слишком велики.

Аника не переставала призывать на фронт рискованных парней и девиц, готовых полетать на флаерах вдоль линии сражения. На призыв отчаянной шведки откликнулись толпы молодых людей, которым понравилась сама идея служить не в армии, а в ватаге под началом лихой и симпатичной атаманши. В то же время Аника убеждала влиятельных знакомых надавить на генералов, чтобы они разрешили добровольцам вступить в бой. Знакомые упирались, отлично понимая всю незаконность и абсурдность идеи. Но поскольку их было много и занимали они самые разные посты, Анне удалось пробить разрешение на присутствие в тылу энтузиастов на собственных автолетах.

Сергеич отметил про себя, что Академия лишь на словах отмежевалась от деятельности Бьеллин. Теперь понятно, почему Анике удалось получить таких влиятельных покровителей. Видимо, шведы надеются остановить мавров с помощью этой нибелунгической авантюры. Как в XX веке — добровольцы сражаются с фашизмом на дальних подступах...

Инициатива оказалась в центре пиар-кампании нескольких политиков. Прокатиться вдоль линии фронта, играя в настоящую, а не виртуальную стрелялку, могло стать модной разновидностью экстремального туризма. Дело было за разрешением вступить в бой.

Надо отдать должное научной школе оргтехники, которой славилась Шведская академия, Аника создала из толпы хакеров, мажоров и плейбоев относительно слаженный организм, где каждый нашел дело по вкусу. Она назвала свою армию «Корпусом нибелунгов». Не забыв и о пиаре, она потратила целый день на разработку

своего штандарта — золотой крест, стилизованный под скрещенные мечи, на переливающемся разными цветами щите. Но принять боевое крещение под этим знаменем нибелунги не могли: генерал Шварц не отменял запрета на пользование частными авиолетами в прифронтовой зоне.

Однажды они просочились в район боя, и обе стороны в общей суматохе приняли нибелунгов за колонну беженцев. Оказалось, что люди могут реагировать на боевую обстановку лучше потрепанной автоматике. Анна атаковала с воздуха какие-то склады, а на обратном пути сожгла на земле несколько автоматических авиолетов противника, потеряв только один. Ходили слухи, что его сбили свои по возвращении. Во всяком случае, по пути домой нибелунгов встретил плотный заградительный огонь, и только чудом обошлось без больших жертв. Партизаны воздушного пространства немедленно сели на нейтральной территории и по земле добрались до своих. Затем в серии интервью Анна создала настоящий культ погибшего Макса Ордина, а уж видео позаботилось о создании культа самой Анны Бьеллин. К концу недели в ее штабе собралось уже более тысячи вооруженных молодых людей, которые рвались в бой, обожали свою атаманшу, рассказывая о ней друг другу восторженные легенды. Такой успех вызывал черную зависть у военного командования, которое никак не могло справиться с массовым уклонением от военной службы, военными неудачами и желчной критикой смишников. Генерал Шварц мечтал рассовать нибелунгов по подразделениям, которые понесли наибольшие потери в недавних боях. Поэтому нибелунгам по-прежнему не давали разрешения на вылет, а пытались уговорить подчиниться общему командованию и служить как все.

Эта история вызвала между супругами Романовыми спор в слегка раздраженных тонах. Сергеича прикалывало (он любил это архаичное словцо) поведение Бьеллин, а Татьяну возмущало. Он видел в происходящем творческий акт, а Таня — наглый выпендрей, зловещий смрад Средневековья и махновскую дезорганизацию фронта, который и так слишком быстро движется в их сторону. И вообще эта «баба» ей сразу не понравилась, да и засиделись они в этом захолустье. Сергеич, которого тоже достала неопределенность их положения, сорвался и начал металлическим голосом вправлять мозги жене по поводу некомпетентности ее рассуждений. Скандал мог бы получиться на славу, но тут завыли сирены — и прямо перед их балконом припарковался авиолет генерала Шварца.

Генерал бросился навстречу Романову с шумными приветствиями, объятиями и сетованиями на то, что, мол, «старик, ты меня совсем забыл». Любимый кот Романовых Масипас, который вообще-то был зверем неробкого десятка, при виде энергичного толстяка отпрянул на балкон, дверь которого была прикрыта неплотно. В общей суматохе никто не обратил внимания на тревожный сигнал ошейника — кот вышел за периметр здания, Он перешел улочку и был подхвачен цепкими детскими ручками: «Ой, какая киса!» — «Скорее, мой маленький Альберт, мы можем опоздать на экспресс, а это — единственная возможность убраться из проклятой Европы!»

На террасе у Романовых был развернут походный стол, сервированный двадцатью блюдами прибывшей с генералом мобильной кухни. За ужином, больше напоминавшим торжественный обед, можно было насладиться воспоминаниями о днях былых. Они познакомились со Шварцем во время миротворческой операции в Тибете, где он, тогда еще полковник, служил начштаба бригады, а молодой профессор присутствовал в качестве наблюдателя от Музейной корпорации. Они как-то сразу

сошлись на почве любви к футурологии. Затем их дружба крепла в ходе веселых приключений, о которых при Татьяне старые приятели предпочитали не упоминать. Как бы вскользь Шварц широким жестом подписал пропуск на все случаи жизни и распорядился приставить к уважаемому светилу взвод охраны.

Разговор зашел, конечно, и о войне. Шварц старался выглядеть веселым, но за шутками и смешными случаями, о которых он рассказывал, вместе с черным юмором проступало отчаяние. Генералы, воспитанные в миротворческих и гуманитарных операциях, явно не справлялись с ситуацией. Шварц убеждал Сергеича, что Союз должен помочь Европе, иначе нам всем хана. Сергеич не возражал.

Татьяна веселилась, что в любом случае устраивало Сергеича. Шварц галантно ухаживал за ней, то и дело вставая из-за стола и нависая над Татьяной своей широкоплечей фигурой, нашептывая на ухо веселые реплики, которые, конечно, были слышны и Сергеичу. Все смеялись.

Встреча уже должна была подходить к концу (генерал даже деловито посмотрел на часы), но тут к компании присоединился незваный гость. Сначала со стороны охраны донеслись крики и споры. Затем генерал застыл, выслушивая сообщение своих подчиненных, поступившее к нему то ли в ухо, то ли прямо в голову (Сергеич не знал, вшил ли генерал себе порт.) В конце концов он кивнул, и охрана пропустила посетителя.

— Извини, друг, может, хоть ты поможешь мне справиться с этой амазонкой.

Аника ворвалась на террасу, удивленно посмотрела на Сергеича с Татьяной и с порога набросилась на Шварца с обвинениями, остротами (их каскад явно был заранее продуман), постепенно превращающимися в военно-стратегические аргументы. От ярости она перешла к ласке. Анна играла роли и доброго, и злого следователя в одном лице, при том, что супруги Романовы оказались в роли судей, а Шварц — подсудимого, который предается гедонизму, когда мир в опасности, и не дает патриотам Европы сражаться с врагом. Помрачневший Шварц отрывисто отвечал, морща высокий лоб и нервно покручивая ус.

— И что же может вас оправдать? — Анна готовилась решающим натиском все же уломать Шварца дать им участок фронта. Но Шварц не успел ответить (честно говоря, он тяготился всем этим разговором). На защиту генерала встала Таня:

— А кто вы такая, чтобы задавать подобные вопросы?! Вы и так уже отвадили несколько сот людей от честной службы в армии. Вы — пятая колонна врага. Вы... — Татьяна снова перенесла спор в режим прямой коммуникации. Хотя слова не произносились вслух, судя по выражению лиц обеих дам, их информационный диалог «мозг в мозг» был более чем нелицеприятен.

Шварц остался доволен.

— Извини, мой друг, что втравил тебя...

— Ничего, ничего, очень интересно.

— Что же, мне нужно решить ряд вопросов. Но я надеюсь до отъезда еще видеть вас у меня. Я буду вечером вон там. — Генерал показал лучом указки на дворец в низине среди парков. Увидимся.

Когда Анна вырвалась из железной хватки Тани, генерала и след простыл.

— Эти вояки умеют только вовремя отступать! — Анна была раздосадована и обижена. Генерал «сделал» ее с помощью этой мерзавки — профессорской жены.

Романову хотелось сгладить последствия сего скандала, и он пригласил Анну выпить чашку чая, которую сам налил и подвесил в пространстве перед гостьей.

Татьяна, поглощенная поисками куда-то девшегося кота, оставила их, и, наверное, с час они говорили о чем-то очень высоком и абстрактном. Романова несло, как это часто бывает в присутствии очаровательной дамы. Хвост павлина в таких случаях сам собой разворачивается веером. Анна удачно вставляла реплики, давая понять, что способна оценить мудрость ученых речей. Она поймала себя на мысли, что могла бы так сидеть сколько угодно, и даже съела здоровый кусок мяса, от которого отвыкла в Швеции из-за дороговизны, по причине которой стала вегетарианкой. Обстановка настолько потеплела, что Анна даже позволила себе фривольность — налила профессору немного вина и подтолкнула летающую чарку в его сторону. Та плавно пересекла стол, профессор ловко, даже несколько игриво, поймал послание. Отхлебнул и переправил назад. Анна не ожидала такой резвости, и чарка ударилась ей в грудь, брызнув на костюм. Смущенный Романов бросился к Анике с абсорбирующей салфеткой, прижал руку к «окровавленной груди». И не стал отнимать. Да и Анна как-то подалась вперед, создав для салфетки, да и для руки упругую основу. Профессор смутился и отошел. Он был принципиальным семьянином. Анна улыбнулась и стала прощаться. Как вежливый человек, она хотела бы попрощаться и с Татьяной Александровной. Если та, конечно, не спит. Сергеич зашел в комнату и с удивлением обнаружил, что Татьяны и вовсе нет. Это его удивило, но он предпочел не посвящать Анну в столь таинственное исчезновение, сославшись на то, что жена уже отдыхает, и церемонно поцеловал даме ручку.

И тут небеса разверзлись, вечернее небо осветилось ракетными полосами. Ткань города в нескольких местах украсилась огненными шарами взрывов. Сергеич с грустью поймал себя на мысли о том, что это очень красиво. Горная гряда напротив осветилась прожекторами. Над ней роем закружили авиолеты.

Анна оценивающе оглядела гряду и занялась информобменом, видимо со Шварцем:

— Отлично! Генерал приглашает нас к себе.

Романов колебался. В этой ситуации нужно было срочно найти жену. Он даже боялся последующей «разборки» с лейтмотивом: «Как ты мог меня бросить, когда такое началось?!» Но Анна взяла профессора за руку железной дланью и довела его до авиолета, уже присланного генералом. Минуту спустя они летели ко дворцу, где их ждал Шварц. Сергеич заметил, что за ними увязались две группы вассалов. За Анной — презревшие запреты Шварца нибелунги, за Романовым — взвод охраны. По дороге Сергеич связался с Таней:

— Ты где?

— Ищу Масипаса.

— Что за глупости, просто ошейник дает сбой, как всегда. Ты же знаешь, он от нас не отбивается. Где-то здесь шарится. Давай к Шварцу. Там встретимся.

Несмотря на то, что дорога заняла у Сергеича пять минут, Татьяна оказалась во дворце первой. Здесь же Романов наткнулся на Алекса Засурского, суетившегося вокруг генерала. Шварц источал решительность, раздавал указания. Каждый получил свою порцию:

— Кто еще не знает — фронт прорван. Наша противоракетная оборона на этом направлении разрушена. Штутгарт будет эвакуирован. Засурский: подготовить план рубежа Линц-Нюрнберг-Франкфурт-Страсбург. Романовы: срочно берите свой авиолет и вылетайте по маршруту Нюрнберг-Варшава. Вас сопровождают. Пропуск отдай. Бьеллин: вы должны немедленно подчиниться военному командованию и отойти к

Дрездену для переформирования. Это все.

Это было не все. Присутствующие заговорили одновременно:

— Мне не нужно в Варшаву. В сложившейся ситуации мне срочно нужно в Париж. Поэтому я не отдам тебе пропуск.

— А мне надоело мотаться по Европе. Хватит, Сергеич. Я еду домой, — Танин бунт давно назревал, и Сергеич подумал, что так даже лучше.

— Какой Дрезден! Какое переформирование! Сколько можно отступать! Вот что, генерал: мы выступаем. И только попробуйте нам помешать. Если вы снова будете стрелять по своим, вам предстоит столкнуться с таким скандалом в СМИ, что у нас будет новый командующий. Имейте в виду! — Анна вынула видеопенал и включила знамя. Над ее фигурой, облаченной в «окровавленный» вином костюм защитного цвета, загорелся золотой крест на фоне переливающегося всеми цветами щита. — Здесь мне нечего делать. Можете эвакуироваться. — Анна вышла, и от дворца отчалил рой автолетов, который направился к лагерю нибелунгов. Над головным автолетом горел золотой крест.

И только Засурский ничего не сказал, а подмигнул Тане.

Вокруг все забегали. От одного из офицеров на Сергеича как-то странно пахло теплым воздухом...

Минут через двадцать между коллегами X и Y состоялся такой разговор:

— Вот что, старик, клиент прибывает в Париж завтра утром. Пойдет в Академию текста. Где-то в это время ему станет плохо — грипп. Твоя задача его не пропустить и госпитализировать. Хорошую палату обеспечить. Соответствующую информационную среду. Он твой на неделю. Потом космолетом прямо в Москву. И чтобы был как огурчик. Все понял?

— Сделаем, монсеньор, без вопросов.

Защита Белого дома

14-24 августа.

Акватаун-Вашингтон.

Артем, Лайза и другие.

«Чем определяется эффективность человеческой деятельности? Экономией ресурсов или всего лишь энергией самого человека? Ресурсы расходует система, а человек расходует себя. И самый известный публичный деятель, и скромный маленький человек отдают миру несколько часов общения в день, почти одинаковую энергию. Президент, пожимающий руки тысячам людей, не общается с ними. Его энергия принадлежит ближайшим допущенным к телу людям. Но и маленький человек допускает к телу не всех. Медиазвезда общается с миллиардами людей. Но она не видит их. Ее энергия уходит на коллег, службу, участников передачи. И маленький человек тоже посвящает звездам лишь некоторую часть своего дня, небрежно листая окна видео, свысока комментируя глупости звезд в репликах своей жене, занятой моделированием орнамента на стене.

Маленький и публичный человек живут в своих разных нишах, общаются с окружающими в своем кругу. Они — хозяйева своих дел и слов. Но Система, а не сам человек, определяет силу его слова. И не всегда преимущество получает тот, кто

сверху, кто на виду. Система давит на могущественного властелина своей инерцией, делая его несвободным. Воздействие начальства гасится исполнителями, вкладывающими в дело свою волю, а воздействие маленьких людей на публичных отследить сложнее. Руководитель приказывает и платит. Он заказывает музыку. Но, как правило, не знает, какую именно музыку он заказывает. И мы обычно не знаем, чью музыку напеваем».

Это рассуждение, явно написанное каким-то маленьким человеком, который хотел бы выглядеть значительнее, Артем дочитывал по дороге из Акватауна. Они выбирались оттуда, как Джеймс Бонд. Премьера последней серии бондианы была заранее анонсирована и должна была привлечь к передаче Саланаса дополнительный интерес. Правда, Артем уже видел этот фильм на пиратском сайте «У Флинта». В связи с исчезновением моды на хеппи-эндс Бонд в конце серии застрелился, узнав о своей старческой импотенции. Но пока он был еще жив и дряхлеющей рукой резал броню, чтобы выбраться из космической станции, со скоростью света уходящей в бесконечность.

Витторио подошел к Артему и знаком показал, что нужно двигать отсюда. Артем хотел было попробовать пройти к Ольге. Все-таки она умница, отлично поняла его реплику на шоу.

Но Витторио несколькими энергичными жестами пояснил, что Артема могут вытолкнуть за дверь Акватауна без скафандра. Витторио был обеспокоен не только за приятеля, но и за себя, поскольку вскоре станет ясно, кто привез сюда этого человека-торпеду. Своим вопросом Артем, по существу, сорвал все шоу, изменив настроение главной героини. Многоопытный итальянец уже успел получить гонорар за проведенную операцию, даже перевести его на свой энергетический счет. Что же, не стоило засиживаться. С Ольгой они даже не попрощались.

Пока организаторы шоу выводили его из крутого пике, пока сопоставляли факты и образы, пока до них дошло, кто задал роковой вопрос, Артем успел покинуть Акватаун на подлодке Витторио. Запасов сжиженного кислорода могло хватить только до Панамы, да и то если идти тихим ходом под водой (Витторио чего-то очень боялся и отказывался всплывать).

В Панаме они пересели на круизное судно и без приключений добрались до Флориды. На берег они сошли почти в одиночестве, навстречу им стали ломиться толпы беженцев, получивших кубинский вид на жительство.

Пробежав метров сто под испепеляющим жаром, путешественники расположились в небольшом приморском кабачке. Здесь все было, как в старые добрые времена. Энергоресурсы по-прежнему измеряли в долларах (курс доллара в квт./ч сиротливо висел в уголке), а меню содержало экзотические мясные продукты. Но отбивную никто не заказывал — слишком дорого, Витторио решил гульнуть, совсем забыв об осторожности (перевод столь крупного ресурса в рядовую забегаловку мог вызвать интерес местного антитеррористического комитета), и заказал свинину. Хозяин засуетился и стал быстро объяснять что-то. Переводчик завис, не справляясь с темпом, но потом все же переварил: мол, свинину нельзя, может быть протест равината и исламского совета по делам морали. Но есть говядина. Видимо, помимо исламского и еврейского лобби дело объяснялось наличием у хозяина только коровенки, а скотоводство в этих местах давно было повыбито засухами, эпидемиями и генной инженерией. Беда Атлантического побережья. А теперь коровенка принесет

хозяину приличную прибыль, можно будет уехать отсюда.

Пока путешественники ожидали яство, они могли развлечься картиной общения аборигенов с властью. Посреди таверны работало видео. Выступал президент, между прочим, с очень важным заявлением: «И в этих условиях народ Соединенных Штатов не может остаться в стороне от бедствий своих союзников по НАТО...» Артем как-то отвлекся от текущих событий, и только сейчас до него дошло, что, несмотря на неделю войны в Европе, Штаты все еще умудряются сохранять нейтралитет. Но это же не может тянуться бесконечно. Западная Европа, конечно, поддерживала США не во всех авантюрах, но блок НАТО вроде бы для того и создавался, чтобы дать отпор нападению на своих членов. Вот оно, нападение. Что же Америка? Видимо, несмотря на сопротивление изоляционистов, «Наш болван» (как именовали президента завсегдаи заведения) решил действовать. «С этого момента Соединенные Штаты считают себя в состоянии войны с Халифатом». Таверна взвыла.

Артем оценил исторический момент по-своему. Вот почему президент тянул. Вступить в войну нужно именно сейчас. Еще одна гирька на русские весы. Вот и Штаты вступили. Смелее, славяне!

Завсегдаи стали соревноваться в меткости плевания в виртуальную фигуру президента. Важно было попасть в глаз, но при этом не замарать стоящего напротив посетителя (он мог дать сдачи). В итоге виртуальная площадка оказалась заплеванной и президент стал исчезать, как чеширский кот.

Подали мясо. К столу тут же подсели два поддатых негра (пardon, афроамериканца) и попросили кусочек попробовать. Витторио решил, что Господь в данных условиях велел делиться (а то откусят персты), и отрезал немного, используя знакомство для сбора стратегической информации:

— А чего это вы плевались?

— Ага, вам, белым, скажи, вы сразу стукнете в антитеррористический комитет.

— Брось, мы иностранцы.

— Дай еще по кусочку.

Витторио дал и получил ответ:

— Эти сволочи хотят послать нас убивать наших братьев в Европу. Здесь этого никто не хочет. Даже белые, кто за юного Кеннеди. Но главное — это наш кандидат Малькольм. Он получил всего на сто голосов меньше. Значит, получил больше. Это все подтасовки. В нашем штате его канал сейчас глушат. Но Кеннеди на него ссылается, и Хуарес... А вот объединяться, сволочи, не стали. Тогда бы Малькольм был президентом, и мы бы глушили... Ну и войны в Европе не было бы. Все было бы круто. Я уеду, наверно, в Луизиану, к Малькольму. Там нет антитеррористических комитетов, там ислам. А северяне жгут нашу энергию...

— Так ведь нефтяной Техас не исламский штат. А ты говоришь: жгут вашу энергию.

— А что Техас? Нефть? Вчерашний день. У нас солнечные поля, новые атомные станции. Уже было две атомные аварии. Мы рискуем, они гуляют за наш счет. Взять бы и заморозить все счета, да посмотреть, кто кому должен... Дай еще кусочек.

Это была обычная в таких ситуациях иллюзия. Если они сейчас станут жить отдельно... Но может быть, воспользоваться мифом? Сейчас было бы очень неплохо заморозить бесконтрольный обмен ресурсами. Ведь Рузвельт закрывал банки. Сейчас бы закрыть их порталы хотя бы на месяц. Потом они найдут подходы, переманят, переформируют. Но сейчас было бы очень неплохо.

— А мне кусочек, — знакомые пальцы легли Артему на плечи», и он, не оборачиваясь, протянул весь остаток бифштекса. Это была Лайза.

На лице Витторио расцвела улыбка, и Лайза, с которой они виделись лишь раз, была сражена его обходительностью (Артем оценил, что итальянец не упомянул Марину). Главным в речи Витторио было то, что его миссия выполнена и он намерен уклониться от дальнейшего участия «во всем этом безумии», укрывшись в своей крепости в Андах. Ему еще нужно поскорее обменять энергоресурс на автономные батареи, новый ветряк, который в Андах решил бы все проблемы, и оружие, чтобы окрестные крестьяне не решили сделать из его замка местный клуб, как в прошлом году. Тогда ему пришлось бросить важные дела в Венеции и лететь через полмира на помощь охране. Ах, Венеция, Венеция, увижу ли тебя? Так что, друзья, сообщите, если что, я пошел.

Получив из Панамы весточку о скором прибытии Артема, Лайза приступила к организации его визита, который давно ждала. В общем, все было готово с момента Васиного прыжка с моста.

Пока они летели к Вашингтону, Лайза грузила Артема политическими новостями и сообщениями с оставленного Васей файла.

Лайза заказала гостиницу в Джорджтауне, на окраине федеральной столицы. Приобретя солнцезащитные зонтики, они направились... Нет, тут так просто никуда не отправишься. Улица была перегорожена огромной баррикадой из мусора, которая нестерпимо воняла. Потом они насчитали таких баррикад под сотню. Понятно, что США до сих пор были ведущим производителем мусора в мире. Ясное дело: забастовка мусорщиков на такой жаре — это бедствие. Но на этот раз мусорщики решили взять президента за горло — они свозят мусор в центр Вашингтона и сваливают его, перекрывая улицы.

Взглянув на мусорную баррикаду, Артем даже свистнул от удивления. На горе восседал здоровенных размеров кот.

— Смотри, Лайза, какая кошара. А Сергеич хвастался, что у него самая большая домашняя кошка на всем белом свете. Может, поймать и отослать ему, чтобы не задавался.

— Не валяй дурака, у нас важная встреча.

Они развернулись и пошли в обход. Но, к удивлению Артема, кот сбежал с кручи и увязался за ними.

Дело в том, что это и на самом деле был Масипас. За последние несколько часов он пересек Атлантику, возглавил местное мусорное королевство и разочаровался в прелестях абсолютной власти. Виной всему — мерзкий мальчишка, который схватил его на улице Штутгарта и приласкал, заставив поверить в лучшие чувства. Он приволок Масипаса в космопорт, откуда семейство нового хозяина эвакуировалось в Америку из охваченной огнем Европы. Тут Масипасу вкололи львиную долю прививок, обязательных при пересечении границы, сделали соответствующую наклейку на ошейнике, которая делала животное свободным от пограничных трудностей на целый месяц — никакая дрянь не должна прилипнуть. И это была только первая степень свободы.

В шатле Масипас все время спал. А вот в космопорте Вашингтона проснулся и ощутил острое чувство голода, И тут новый хозяин показал себя как капризное и равнодушное животное. Он все время приставал к Масипасу с каким-то фантиком на веревке, а жрать не давал. Масипас наградил его длинной царапиной через всю руку,

малец заорал, его мать больно пнула Масипаса в бок. На этом их сотрудничество кончилось, и кот направился напрямую к ящику, из которого соблазнительно пахло пищевым мусором. Это была вторая степень свободы. Дома жизнь Масипаса была строго регламентирована, его пускали лазать только в бумажный отсек мусоросборника, строгой запрещая доступ к остальным. Теперь он прибыл в Страну Свободы, где каждый мог хоть поселиться в горе мусора. Именно это и произошло с Масипасом. Как только он залез в ящик и начал обглаживать остатки дорогостоящего искусственного бройлера, содержимое мусорника пересыпали в машину, которая отправила обескураженного кота прочь из космопорта. Он с трудом выбрался на поверхность мусорной горы как раз в тот момент, когда машина вывалила содержимое прямо среди улицы Джорджтауна.

И это была новая ступень свободы. Теперь Масипас стал хозяином огромной мусорной кучи пищевых отходов (к чести мусорщиков надо отметить, что они остались верны принципу отдельного сбора отходов и здесь сваливали только пищевые — для бумажных, твердых и жидких у них были выделены другие улицы). Люди — источник несвободы — обходили его королевство стороной, зато всякая живность сбежалась сюда толпой. Еды было много, но на жару она быстро портилась, а мусорщики перестали подвозить новый мусор, так как методически засыпали другие кварталы столицы. Поэтому Масипас взял на себя распределение лакомых кусочков, отстояв это право в нескольких славных сражениях с другими котами, собаками и целой толпой белок. Теперь он восседал на вершине, мучаясь от жары и изжоги. Свобода повернулась к нему своим неожиданным оскалом — оказывается, она привязывает тебя к источнику пищи. Ты свободен идти на все четыре стороны, но голод возвращает тебя назад к вонючей куче современной цивилизации, причем не на вершину, которую ты покинул, а к самому подножию. Выбрал свободу? Теперь карабкайся снова с самого низа. Выбрал вершину — потерял свободу.

Естественно, когда Масипас увидел здесь одного из завсегдатаев дома Сергеича, он решил, что с него хватит приключений в Стране Мусора и Свободы. Он отдохнул, пора и домой. Но дело было в том, что Артем его не признал. Действительно, на мусорных харчах кот отъелся, но шерсть свалылась и окрас стал каким-то пегим. Поэтому программа репатриации усложнилась. Пришлось действовать через подругу Артема. Он бежал за ней, жалобно мяукал и старался потереться о ногу.

Они расположились около джорджтаунского канала на лавочке. Кирпичные домики, искусственная зеленая травка, которой нипочем даже здешнее палящее солнце. Никого рядом. Удивительно в наше перенаселенное время. Раньше даже в 60-градусную жару народ здесь сновал, прикрываясь зонтиками и зеркальными плащами. А теперь — тишина. Только шум водопада и мявы кота, изысканно переплетенные с громким навзрыд урчанием. Где местные жители?

Лайза договорилась с Федерикой встретиться здесь. Минут через пятнадцать смуглые ребята в одинаковых зеркальных костюмах перекрыли подходы к лавочке, на которой сидел Артем. Ах, как он расслабился. Пристукнут сейчас, и привет.

Но нет, не сейчас. Это были латиносы, охранявшие Федерику. Поблескивая солнцезащитным капюшоном, она присела на их лавочку.

После первых приветствий и любезностей они перешли к делу:

— Как ваша версия, Артем? После нашей прошлой встречи вы нашли, я надеюсь, более убедительные доказательства.

Он передал Федерике диск, который она тут же бегло просмотрела.

Там были разъяснения по поводу покушений последнего времени. Получалось, что на Артема действительно открыта охота. История с похищением Ольги тоже кое-что доказывала. Рекомендации для США. Не много ли берет на себя доктор Грустин...

Артем очень надеялся, что американка лучше поймет его опасения, чем соотечественники. Американцы живут в состоянии антитеррористической мании постоянно, тогда как у нас она возникает истериями время от времени. Однако Федерика и другие люди, к которым он обращался раньше, требовали более весомых доказательств. Для них серьезными казались только теракты массового поражения, особенно в свете явной угрозы со стороны исламских экстремистов. Артем же бил тревогу по поводу единичных смертей, которые к тому же можно было бы объяснить и другими причинами. Да, конечно, эти несчастные случаи вписывались в какую-то тенденцию, но она не указывала на исламскую угрозу и потому выглядела не очень убедительно.

Мнение Федерики стало меняться после покушения на Романова. Все-таки заметная фигура в экспертном сообществе. Чем он не угодил исламистам? А тут еще письмо Артема... В общем, она согласилась лично поучаствовать в экспедиции Васи (инкогнито, конечно). Никому нельзя было доверять, сегодня непонятно, кто на чьей стороне. А лишние друзья в Азии могут быть очень кстати, когда мир ислама стучит в дверь собственного дома. Федерика надеялась при случае заручиться поддержкой варварских вождей, используя возможности «Социума». Она даже завербовала проводника Ахмеда, который имел связи с этими вождями. Но выяснилось, что Ахмед прекрасно знал, кто она такая, да еще пытался руководить ею, стал повелительным тоном раздавать неполиткорректные указания, что делать латиносам, чтобы договориться с неграми. В общем, она решила вернуться, пока дело не зашло далеко. Тем более что дома были срочные дела, а на месте действий оставался надежный источник.

После очередного сообщения Гульнары Федерика укрепила во мнении, что Романов попал в переplet внутрисоюзной разборки. А это было важно, учитывая необходимость срочного вовлечения Союза в войну. Но Артем продолжал гнуть в другую сторону: на место либеральной элиты, правившей миром в начале века, идет новая. Федерика действительно все сильнее чувствовала присутствие в Америке какой-то неучтенной силы. И это мешало ей играть в любимую игру, где фигурами были люди.

Наступили недобрые времена, старая дружба ничего не стоит. Как здорово они рулили миром в эпоху глобального соперничества социал-либералов и неоконсерваторов! Какие партии разыгрывали в Ираке и Киргизии, чтобы потеснить противника, нередко сидевшего в офисе через улицу! Все в прошлом. Теперь старые коалиции распались, каждый умирает в одиночку. Принтам и Адлеркрейц со своей местечковой заботой о Европе уже ничего не хотят слышать о других частях Света. Особенное раздражение вызывал у Федерики Саланас, который не желал согласовывать свои шаги даже с ее нынешним шефом Хуаресом — лидером испаноговорящих граждан США. Материалы Артема объясняли странное замешательство Саланаса на его последней передаче. Что же, попробуем взглянуть на ситуацию и под этим углом, проверим «третью силу» на зуб. Правда, предложения Артема излишне радикальны, но здравый смысл в этом есть. Одна голова хорошо, а бесплатные выносные мозги — лучше.

— Согласна, Артем. Считайте, что ваша миссия удалась. Я сделаю, как вы просите. Или почти так.

Чтобы Артем не подцепил «хвост» при соприкосновении с Родиной, Лайза самолично направилась в наше посольство. Решили встретиться у Линкольна. Артем понял, что это была ошибка, лишь когда стал приближаться к знаменитому монументу. Подходы к нему были запружены народом.

Скопление граждан на Моле, в самом центре столицы, казалось невероятным, учитывая возможности видения. (Видимо, с этим и была связана необычная пустота улиц — все, кто не пришел сюда, сидели дома и смотрели действие.) Море зонтиков и светоотражающей пленки слепило глаза. Мощные кондиционеры на солнечных батареях гнали холодный воздух так, что в толпе многие простуженно кашляли. Но народ все прибывал. Люди пришли, чтобы участвовать лично. Как и в 60-е годы прошлого и позапрошлого веков, американцы разделились на тех, кто наблюдал, и тех, кто хотел действовать, сражаться, «качать права».

Центр событий бурлил довольно далеко, в районе монумента Вашингтона. На холме вокруг знаменитого «напильника» было не протолкнуться. Там, видимо, находилась и трибуна (судя по шелесту флагов, фонившему в микрофоне). Но местонахождение ораторов было не столь важно — их циклопические фигуры возвышались над Молом вровень с «напильником». С трудом протолкнувшись на ступеньки линкольновского Акрополя, Артем был заморожен зрелищем героической эпохи. Крупные лбы, отточенные движения рук и даже кончиков бороды, профессионально обаятельные выражения лиц ораторов. Именно такими, наверное, были лидеры великих революций (во всяком случае, подобным образом они выглядели в кино). Говорили примерно одно и то же, постепенно распаяя толпу: США не должны проливать кровь своих детей в Европе во имя непонятных целей и сомнительных интересов. В этом — залог единства нации в столь тяжелый для нее час. Нужно заниматься поиском энергоресурсов, умиротворением расовых и религиозных противоречий, возрождать сельское хозяйство в новых климатических условиях на основе гидропоники и т.д. Эти и прочие правильные и политкорректные вещи звучали как набат.

Ужас положения для Артема заключался в том, что он не мог пользоваться связью — все его ящики и номера контролировались, и по любому контакту можно было установить местонахождение беглеца. Найти друг друга в этой покрытой зонтиками слепящей толпе было нереально. Придется ждать, когда все кончится. Список ораторов был еще довольно велик. Артем приготовился к гражданскому подвигу стояния в толпе (сидеть было невозможно, внизу была духота, и ступени мемориала были раскалены).

Ба! Знакомые все лица. Выступала Челка: «Товарищи! Я приехала из далекой России, где мы, так же как и вы, боремся против войны!» Эта фраза не вызвала единодушного гула одобрения. Часть митингующих как раз предпочла бы, чтобы Россия воевала с Халифатом. Ведь это их дело, они же там — в Азии. Челка продолжала свою речь: «Только революция, которая сметет обезумевшие режимы милитаристов, может остановить войну! За нашу и вашу свободу!» Этот финал вызвал всеобщий восторг, и было видно, как Челку понесли на руках. Бедная Челка. Она верила в то, что на развалинах старого мира расцветет нечто более гуманное. Впрочем, Артем не очень любил современный мир и не видел возможности остановить

революционный вал, катившийся по планете. Челка была наивна, но она пребывала на гребне волны Истории. С Челкой или без Челки — эта волна неслась на побережье. Жаль только, что революции часто приходят с войнами и стремление к свободе смешивается с жадной жаждой убийства.

В районе трибуны стали происходить престранные вещи. У одного из ораторов (Артем тоже знал его лично, это был координатор Глобальной сети полисексуальных инициатив Джон-Джоанна Смитсон) внезапно выросли уши. Они менялись в размерах, превращаясь то в ослиные, то в слоновьи, явно намекая на связь Смитсона с обеими правящими партиями. Толпа зашумела, кто-то возмущался, а кто-то хохотал. Следующий оратор тоже пострадал. Когда он стал сходить с трибуны, от реального «напильника» отделилась его виртуальная копия и стала бить гигантскую фигуру оратора по голове. Получилось, что стела согнала витию с трибуны. Легко было заметить, что эти виртуальные «диверсии» производятся из-за Белого дома, точнее сего территории. Неудивительно, что взошедшая на трибуну Джесика Райз, всем известная валькирия Союза нудистов (ее еле уговорили явиться на мероприятие не в костюме Евы, а хотя бы одетой как «Свобода, ведущая народ»), обрушилась на Белый дом с каскадом проклятий и обвинений. Часть митингующих, застоявшаяся на жаре, словно ждала команды и, отделившись от основной массы, ринулась на резиденцию ненавистного президента. Сверкающая солнечными бликами линия атакующих перешла четко обозначенную красной линией запретную зону. Металлический голос стал предупреждать нарушителей о противозаконности их действий, но, разумеется, не преуспел. В следующий миг из земли вырвались фонтаны слезоточивого и усыпляющего газа, но и это не остановило людскую волну — оказывается, многие запаслись противогазами, прижившимися в каждой американской семье после террористических атак начала века. Напирая и наступая на падавших, атакующие прорвались к стене ограждения и полезли на нее. И тогда по ушам ударили звуки выстрелов. Демонстранты посыпались со стены. Видимо, погибших было немного, так как наиболее рьяные демонстранты надели армейские бронежилеты. Но пули и реактивные стрелы все равно были способны нанести тяжкие увечья. Некоторых демократов отбрасывало метров на сто, они ломали руки, ноги и шеи. Шальные пули выхватили несколько жертв в толпе у монумента.

Демократы отхлынули назад. Заметно поредела и толпа даже вокруг Артема. Не все были готовы рисковать ради идеи. Хотя, пожалуй, если дело примет серьезный оборот, колеблющихся мобилизуют зажигательные речи.

Артем посмотрел местные новости. Рейтинги президента пикировали, Хуарес тоже выглядел неважно. Рос рейтинг юного Кеннеди, который, к тому же, произносил сейчас речь в конгрессе с предложением объявить импичмент президенту. Вокруг конгресса возводили баррикады из пенобетона. Над Белым домом кружили армейские автолеты, шла перегруппировка сил. Накачаные рыцари в бронежилетах и шлемах со стрекозиными бронеглазами спрыгивали на лужайку перед резиденцией правителя полумира, чтобы занять последний рубеж обороны.

Бойцы демократии не собирались сдаваться. С холма по Белому дому выпустили несколько ракет. Ответная ракета разорвалась недалеко от трибуны, после чего виртуальную установку заклинило, и взывавшая к народу все это время фигура Джессики застыла как пародия на картину Делакура. Народ разбежался. Кто-то забился в Акрополь, справедливо полагая, что по Линкольну стрелять не будут. Артем все же решил подняться повыше, на ветерок, но остаться на ступенях — иначе Лайза не

нашла бы его.

Рядом с ним остался пожилой американец с пышными усами. Видимо, он уже решил, что ему поздно бояться.

— Ну, как вам наша революция?

— Вы думаете, это революция?

— Почему бы нет? Во всяком случае, назад уже ничего не вернется.

— Извините, не мог бы я передать сообщение с помощью вашей почты...

— Отчего нет? Набирайте код вот здесь.

Вскоре подошла Лайза. Она не теряла времени даром, договорилась о новых каналах связи, разослала нужным людям сообщения Артема относительно событий последнего времени, проверила номер в гостинице, оформила ему новые документы, подготовила комп вместо украденного в Риме — с резервной базой данных, которую Артем задепонировал месяц назад. Теперь он снова был во всеоружии, хотя жаль, конечно, что они знают все, что он о них знает.

Усач вывел Артема и Лайзу из толпы, уверив их, что здесь уже не будет ничего интересного. Они прошли к какому-то невзрачному зданию (если бы Артем заглянул за угол, то увидел бы, что дом уходит чуть ли не за горизонт — это был Госдеп). Усач провел их мимо охраны в кабинет с пуританской обстановкой — экраны во всю стену, на которых отображались события на площади, прения в конгрессе в режиме он лайн, и портрет президента.

Пока гости Усача пили кофе, парламентарии на экране все более распялялись. Вкус крови пьянил демократическое сознание. Нетрудно было догадаться, какое впечатление эти речи произведут на президента. В зале то и дело мелькали люди с оружием, выглядевшие очень патриотично и героически. Центр уличных событий перемещался к конгрессу. Пенобетон застыл, и баррикады заселялись вооруженными противниками президента. И на все это взирал высоченный «куклуксклановец» в балахоне с красными глазами, моргавшими в темноте, — символ Вашингтона, памятник его основателю. Кровавое мерцание вечерних фонарей колосса выглядело сейчас особенно зловеще.

Артем не знал, какому лагерю служит Усач. Поэтому надо быть осторожным с доказательствами. Но сейчас, когда Федерика продвигает его, Артемов, план, любой союзник будет кстати.

— Вы, представители западной элиты, потеряли время. Пока социал-либералы и неоконсерваторы все начало века соперничали друг с другом в борьбе за Миронов господство, подрастала «третья сила». И это — не Халифат, который сам — орудие других сил. «Третья сила» уже не привязана к территории и народам вообще. Она подыгрывает то одним, то другим, но в чем смысл ее игры, не ясно, а воздействие на события очевидно. Вот скажите, кто решил издеваться над ораторами. Ведь этот «грязный пиар» явно приблизил гражданскую войну?

Старичок поднял палец: «А действительно». И стал куда-то звонить по старомодному, но, видимо, прямому телефону. Ответ не вызвал удивления только у Артема. Оказывается, установка для наведения образов располагалась за Белым домом — и ее уже убрали. Кто все это делал и по чьему указанию — неизвестно. Но полиции показали весомые удостоверения с высшими кодами. Старичок, распалившись, орал на кого-то в трубку, но больше ничего выяснить не смог. О чем и послал сообщение «наверх». Его вывод был неутешителен:

— Да, здорово нас «сделали». Если все это так, то важно понять, как быть хотя бы

здесь, в Америке.

— Да какая разница? Я и в Союзе-то пока не очень преуспел, а здесь мы с вами что можем поделать, когда пальба началась и никто никого не слушает.

— И все-таки. Если бы вы были президентом Соединенных Штатов, что бы вы предприняли?

Как просто было бы повторить то, что он посоветовал Федерике. Но старичок мог играть на другой стороне, и тогда он все бы сорвал. Артем решил ограничиться общими рассуждениями.

— Хорошо. Я бы прикинул, за меня или против сейчас играет «третья сила». Судя по всему — против, раз все так плохо. Значит, надо ей противодействовать. Она выдает собственные намерения направлением своих шагов.

— А может, она не справляется? Ведь кризис начался уже давно.

— Значит, и стратегия выхода из кризиса есть уже давно. Они валят вас, чтобы посадить за пульт своих людей. Вот что непонятно: здесь они провоцируют гражданскую войну, а в Европе — войну между Союзом и Халифатом. Это значит, что они играют и не за Халифат, и не за НАТО.

— Да, мотив неясен.

— Пожалуй, нельзя вам лезть в этой ситуации в Европу. Митингующие правы. У вас нет для этого сил, а если втянетесь, они возьмут вас голыми руками.

— Ну так ли уж слабы наши институты? — Старик задал этот вопрос с ерническим пафосом. Было уже понятно, что Усач играет за нынешнего президента, а тот повязан союзническими обязательствами. Он уже не может отступать от них — власть тут же перехватит «капитулянт» Кеннеди.

— Тогда усиливайте то, что сильно. Что делает ваше общество непрозрачным для них. Люди-атомы, «свободные индивидуальности» легко манипулируемы. Чтобы вылезти из болота, нужно позаботиться о кочках. Общество должно быть пористым, упругим, а не прозрачным. Давайте людям обустроивать свою жизнь как они хотят, и у вас будет прочное общество. Особенно если переплести совместными интересами людей разных культур...

— Ага, щас. (По этому просторечному «ага, щас» Артем оценил, какой хороший переводчик стоит у Усача — судьба послала ему нужного человека. Или нужный человек сам как-то вышел на Артема.) Вот дети разных культур переплелись вместе и штурмуют Белый дом.

— Так ведь сами виноваты. Как бы ни было неправо гражданское общество, с ним стоит находить компромисс. Иначе вас ждет в лучшем случае саботаж, а в худшем — гражданская война. Это же азы.

— Ай, как все просто, на уровне «азей». А общество-то как раз расколото. Уступишь одним — получишь удар от других.

— Вот это верно. Но сегодня, насколько я понимаю, все будет как раз наоборот. Хуарес — ваш шанс выиграть время.

— Да? Ну, его еще нужно уговорить. И потом, он много запросит.

— А если он запросит как раз то, что нужно? Вы помните, как это происходило у нас в стране. Направление ресурсов на переквалификацию и наукограды, программа пространственного разведения интересов...

— Легко сказать. Вообще, все это очень абстрактно. Понятно, что вы можете сейчас излагать мне опыт вашей страны, креативного социализма, советской демократии, корневых структур информалиата и этого невероятного сочетания сразу

трех систем власти, вам там хорошо, в России. У вас нет африканцев, у вас есть пространство, чтобы развести интересы с исламистами и в то же время избежать сецессии Сибири.

— Почему же президенты бездействовали, пока Америка еще была великой державой, а потом стали делать глупость за глупостью? — не выдержала Лайза циничного разговора на банальную тему «Почему гибнет Америка?».

Поскольку Артем отделялся общими словами, Сэм решил раскрыть его с помощью ершистой спутницы и не стал отмахиваться от ее наивного вопроса.

— Наши предки создали наиболее мощную государственную систему в мире. Таким же успехом могли бы похвастаться только творцы СССР, но мы переиграли даже их. Впрочем, у них просто раньше проросли те же проблемы, что позже у нас. Понимаете, в такой мощной машине даже водитель является деталью. Он не может справиться с ее инерцией и не должен даже пытаться. Если он хочет вести машину не туда, куда влечет его инерция, это ведет только к разрушению всего механизма. Этот урок СССР мы не поняли. Кстати, Артем, вам вообще повезло, что кризис индустриального общества у вас совпал с кризисом государства. Знаете, у вас было больше возможностей для создания кочек на болоте. Вам было плохо, вы карабкались, восстанавливали ваш Союз. А у нас было все о'кей. Вместо нервных набегов на Восток нужно было просто готовиться к черным дням.

— А ведь Они готовились. Они просчитали ситуацию, — перебил Артем, сделав ударение на местоимение.

— Вы думаете?

— В России об этом писали еще в начале века, когда упали башни.

— Ну, может быть. Вполне возможно, что уже тогда... Во всяком случае, сейчас Они наслаждаются своим всевластием. Разрушение старого — усиление нового. Может быть, не стоит мешать новому? Мне даже жаль, что я не с ними.

— А почему вы не с ними, а с этим глупым президентом? — снова встряла Лайза, которая, как и большинство граждан государства периода упадка, терпеть не могла своего президента.

— Знаешь, девочка, я старомоден. У меня еще сохранилось чувство долга перед этим государством. Я не хочу дожить до его распада. Миллиарды людей не дожили, и я не хочу.

— Но может быть, имеет смысл объяснить ему то, о чём кричат со всех углов: хватит делать глупости!

— Какие «мудрецы» стоят там, на этих углах! И каждый предлагает свое «умное» решение. Все понимают, что глупость — это глупость, когда она уже сделана. И почти никто не задумывается над тем, к каким последствиям привело бы другое решение. Во всяком случае, и это решение тоже объявили бы глупостью.

Артем смотрел на экран. На ступенях конгресса он разглядел Челку, которая была готова сражаться за революцию. Жаль, что плодами ее борьбы опять воспользуются те, кому интереснее суть, чем форма происходящего. А почему жаль? Мы циничней, чем она? Но таков уж закон истории: романтики помогают циникам в борьбе с романтическими циниками. Ему так понравился выведенный им закон, что он даже отвлекся от видеоряда.

Лайза продолжала обличать глупость режима, дядюшка Сэм вяло реагировал. Беседа клонилась к закату.

— Знаете, Сэм, — вернулся в разговор Артем. — Глупость все-таки играет роль в

ваших неприятностях. Вы делали ставку на имидж, а не на знание. Вы презирали предупреждения ученых, которые не вписывались в публицистический мейнстрим. Главным вопросом вашей политики десятилетиями был имидж. Виртуальность рухнет в столкновении с реальностью, и тогда обнажится ее глупость.

Но тут виртуальность сказала свое слово. Портрет президента вдруг ожил и стал говорить: «Вы хорошо потрудились, Сэм, но это только начало. Зайдите ко мне, пожалуйста. Надо подумать, как расхлебывать всю эту кашу. Может, просто взять конгресс штурмом, спалить его к чертовой матери? Ладно, шучу. У нас тут не Латинская Америка. Кстати, ко мне сейчас придет Хуарес. Так что поспешите».

Они распрощались с дядюшкой Сэмом, поблагодарив друг друга за интересную беседу. Артем еще раз намекнул, что Хуарес — это шанс. Но вот оправдает ли Хуарес его надежды?

Уже стало темнеть, когда Артем и Лайза закрыли за собой дверь гостиничного номера и принялись целоваться.

Артем лежал на огромных размеров кровати в ожидании Лайзы, застрявшей в ванной. Чистая вода стала дорогим удовольствием, и по случаю визита Артема Лайза пользовалась энергоресурсом «Социума» в свое удовольствие. Она даже помыла Масипаса, который теперь распушился и урчал в углу, удивляя Артема своим сходством с романовским Масипасом.

Когда Лайза вышла, Артем встал ей навстречу, чтобы обнять. Вокруг шли последние новости, виртуальные фигуры носились, спасая Америку каждая на свой лад.

— Выключай их, Тема, так я чувствовать себя нудистка среди толпа бургеров.

— Погоди. Сейчас будут новости, которых я жду. Вот.

«Глава католической лиги Бенито Хуарес назначен главой администрации президента». Полненький индеец деловито выходил под ручку с президентом на лужайку перед Белым домом. За ним Артем заметил выдающийся нос Федерики. Советники любят иногда появляться за плечом своего шефа. Речь Хуареса по-испански с переводом. Остановить гражданскую войну. Сохранить единство страны. Вот спасение лица президента: США будут выполнять свои внешнеполитические обязательства по мере возможности. То есть выполнить вроде бы будут, но только, если возможности позволят. Хитрый Бенито. А вот оно, главное — ресурсообмен на территории США свыше миллиона долларов осуществляется только под общественным контролем. Президент подписал соответствующий указ. Операции санкционируют три уровня власти... Местное самоуправление, правительства штатов, специальная комиссия с участием президента, палат, национально-культурных общин, профсоюзов, сексуальных меньшинств... Пока Хуарес перечислял всех, кого допускают к большому пирогу, Артем прикидывал, что этот мастер компромисса и его советница Федерика взяли из его дискеты, а что придумали сами. Пожалуй, у них получилось даже лучше. Теперь враждующим сторонам будет что обсудить, а общины получат возможность создавать «кочки на болоте». Историческое значение события ласкало самолюбие Артема так же приятно, как Лайза его кожу. Главное: теперь оплатить Их работу в США не сможет никто. Артем сумел заблокировать их счета, по крайней мере, здесь.

А видео приносило все новые вести. Огромный испаноговорящий митинг разделил вооруженных сторонников и противников президента. Гражданской войны в столице не будет.

«Есс, ты сделал это, Тема», — прошептала Лайза и ещё теснее прижалась к нему.

Артем выключил видео и забыл о политике на остаток ночи. Он не слышал других новостей: «В ответ на объявление войны Халифату Соединенными Штатами группа южных штатов заявила о выходе из США и образовании Исламской республики Америка». Толпы восторженных мусульман громили антитеррористические комитеты и офисы министерства безопасности. Миллионы беженцев заполнили воздушное пространство.

Послание махатм

25 августа — 12 сентября.

Сахалин.

Ольга, Лайза.

«Творческого человека тянет к свежим впечатлениям. Тот, кто был воспитан в традиционном обществе, среди полей или узких улочек, в лоне церкви и под властью самодержца, восхищался стройностью дымящих труб, широтой прямых проспектов, правильностью геометрических форм, суровым критическим реализмом и рационализмом. Но поколение, воспитанное в домах-коробках, среди идеально спланированного быта (гладко было на бумаге) с удобствами, скоростями, стандартами и ритмами, тянется к природе, туризму среди улочек и церквей. Нас же, развращенных впечатлениями о сущем на земле, тянет в космос».

Для Ольги прибытие на Американский материк было торжественным, но пребывание непродолжительным. После нескольких однообразных интервью об ужасах Халифата и необходимости борьбы с ним (Ольга теперь говорила на эту тему очень осторожно, но репортеры договаривали за нее, заостряя углы) бывшая пленница получила в посольстве все необходимые документы и могла покинуть распадающиеся Штаты. Сразу после пальбы у Белого дома интерес к Ольге был потерян, и тусовка смишников вокруг нее рассеялась. Когда Ольга вышла из посольства, ее встретила девушка, представившаяся приятельницей Артема. Она передала его видеосообщение. Артем извинялся, что вынужден был отъехать, но через несколько дней вернется в Москву. Девушка, представившаяся Лайзой, тоже собиралась в Россию, и Ольга была рада попутчице.

Не без труда они выбрали средство передвижения. Лететь космолетом Ольга отказалась. После всех унижений, пережитых в лагере, она не готова была проходить сложные проверки, обыски и просвечивания, которые в Америке претерпевал каждый, желающий воспользоваться космическим шатлом. Автолет тоже не подходил — пересекать на нем океан было рискованно, серьезный шторм мог привести к аварии легкого суденышка. Оставался корабль на воздушной подушке. Атлантический маршрут отвергли из-за военных действий. Тем более что они находились на Тихоокеанском побережье.

Как только они заняли каюту, из Лайзиной сумки вылез Масипас, вскочил на колени к Ольге и заурчал. Лайза ревниво посмотрела на кота, сменившего хозяйку. Но Масипас, увидев еще одну знакомую Сергеича, знал, что делал: он возвращался домой.

Путешествие по Тихому океану было однообразным: корабль старательно обходил любые зоны дурной погоды. Все время светило яркое солнце, на котором

можно было жариться в любое время дня. Маршрут получился извилистым, но безопасным. Изредка мимо проплывали экзотические острова, и пассажиры голосовали — заходить в порт или нет. Через пару недель большинству надоели полногрудые красавицы с кокосовыми орехами, и корабль двигался безостановочно вплоть до Корсакова. Его складской небоскреб появился на горизонте в конце недели.

После строительства Трансьевразийской магистрали сахалинский порт перестал нести пограничную службу и занялся перевалкой японских и корейских грузов для отправки в Европу. Вскоре он стал вторым Сингапуром, во всяком случае, по уровню товаропотоков и загрязнения окружающей среды.

После прибытия на Сахалин девушкам нужно было пересечь в воздушно-магнитный вагон, который двигался по магистрали, построенной вдоль прежней железной дороги. Но, заказав билет, они решили искупаться в водах Анивского залива, отделенного от порта фильтрующей пленкой и потому считавшегося приемлемо чистым. Пляж начинался прямо у города, и желающих пересечь его развозили небольшими автобусами — шагать несколько километров, лавируя между загорающими, было бы утомительно. Мест на песке не было, девушки разместили одежду на шестах и сиганули в воду прямо с неба. Рядом бултыхнулся солидный мужик, который прилетел вместе с ними. Он поздоровался: «Привет, Оля, представьте меня своей подруге».

Сначала Ольга решила, что мужик просто увидел её по видео. Но нет, чем-то он был ей знаком. В современном мире, когда перед глазами мелькают тысячи лиц в день, узнать человека не так-то просто. Ах да, это Володимир, друг отца Фомы с репутацией восточного гуру. Честно говоря, для нее это была не лучшая рекомендация. Но купание — не философский чат.

— Это Лайза. Подруга Артема. Помните Артема?

— Привет, Лайза. — На правах старого знакомого Володимир фривольно шлепнул ее по появившейся над водой пятой точке. Лайзе это не понравилось, и она затаила обиду, ответив пока в чисто американском стиле:

— Как дела?

— Вот, вернулся с Миранды, спутник Урана. Маленький такой кусок суши среди космоса. Куда ни глянь — везде обрыв.

Ольга подумала, что это уж очень далеко, но спорить не стала — мало ли чудиков. Но Лайза вцепилась в Володимира и стала доказывать, что при современных технологических возможностях, когда только-только создана колония на Марсе, полет в регион Урана невозможен и русский гуру их просто дурит.

— Ну что вы, как можно, — с хитрецой в глазах «обижался» Володимир. — А как объяснить описание космических далей в «Махабхарате»? Ведь космических технологий тогда тоже не было. А путешествия были.

— И как вы путешествовали?

— Примерно так же, как далекие предки. В Тибете есть соответствующие космодромы. Важно только знать место и совершенствовать духовные техники под руководством опытного гуру.

— А-а-а, понятно. Речь идет лишь об иллюзии, о впечатлении.

— Но что еще, кроме впечатлений, получаете вы в путешествии, скажем, по Тихому океану? Возможно, впечатление — главное, что мы можем получить и за пределами Земли.

— Ну, не скажите. Без ресурсов космоса нам долго но протянуть. Да и излишки

людей нужно куда-то расселить. Вот, пока вы бродили по Миранде, ваше тело сидело на «крыше мира».

— Но оно там никому не мешало. Ведь никому не мешает статуя. Нас там сидело тысяч пять, и каждый жил своей полноценной жизнью. Как видите, я даже не похудел. Энергии мира многообразны.

— Знаю, знаю. Хакеры сидят на растворах полезных веществ, которые поступают прямо в организм, минуя желудок...

Сравнение с хакерами Володимиру не понравилось, Он глубоко нырнул, фыркнул, как лохнесское чудовище, и торжественно ответил:

— Хакеры бродят по искусственному миру, а я видел настоящую Миранду и общался там с настоящими людьми.

— Почему же было не встретиться с ними прямо в Лхассе?

— Потому что каждое слово, сказанное на Земле, будет услышано не только теми, кому оно предназначено.

Ехидная Лайза стала допытываться, что такого секретного мог обсуждать этот чернобородый космонавт.

Из ответа Володимира стало ясно, что к этому они клонил разговор с самого начала.

— Махатмы обеспокоены сложившейся на Земле ситуацией. Их дело — нейтралитет в этой игре. Они имеют строго ограниченные права на вмешательство. Они решили, что настало время обратиться к ключевому человеку.

— К Романову? — Ольга понимала, что сейчас все крутится вокруг Романова.

— Нет, к Романову они не хотят обращаться. Он предал Учителя. Среди махатм такое считается основанием для бойкота.

Прежде до Ольги доходили лишь обрывки этой истории. Весьма любопытно, что Романов всегда упоминал своего Учителя как-то вскользь, называя его разными уважительными, но неконкретными прозвищами. Как будто у того не было собственного ФИО. Володимир добавил в эту размытую картину важный штрих:

— Кстати, вот вы называете Романова архитектором Советского Возрождения. А ведь и сам этот бренд, и план возрождения советов придумал именно его Учитель.

Тут уже Ольга вступилась за своего Учителя, за Сергеича:

— Не надо, не надо обвинять Романова в плагиате. Он не претендует на единоличное авторство. Он прописал технологию Возрождения, разработал корневую сеть делегированных советов, их связей с нуждами людей, пути вытеснения советами мафий. И вообще, Советскую идею выдвинул еще Геннадий... Не помню фамилии...

— Вот видите, сколько архитекторов. А Учитель один. Не нужно его обижать.

— А кстати, где он, этот Учитель Романова?

— Сидит в лесу и играет через Сеть в философский пинг-понг.

— И с ним можно поиграть?

— Он сам выбирает партнеров.

— Жаль, а то я попробовала бы смягчить его претензии к Сергей Сергеичу.

— А он и не в претензии. В претензии махатмы. Но ключевой человек для них не Романов, а Артем.

С этими словами Володимир полез на шест за одеждой. Он понимал, что теперь девицы от него уже не отстанут, пока не поговорят.

Одевшись и так и не ступив на сахалинскую землю, они поймали «левака», который повез их на вокзал в Южный. Поскольку Володимир многозначительно

молчал, говорил в основном сахалинец, который, очевидно, хотел понравиться девушкам. Как и следовало ожидать, он был из новых поселенцев, с Дона. Казачий быт, борьба за южные рубежи были не в его вкусе. Он не любит кавказцев и китайцев, обожает море. Сначала хотел осесть на Шантарских островах, но там еще холодновато. Лет через двадцать, когда еще сильнее глобально потеплеет, обязательно туда переберется. Тогда у него будет жена и семеро детей, чтобы в случае чего отбиться от китайцев.

Ольга, которая считала себя докой в климатологии, пыталась предостеречь его от надежд на глобальное потепление. Да, сейчас климат сдвинулся в плюс. Но вообще-то потепление идет рывками, с откатами. Происходит глобальная дестабилизация климата. В Сибири стало жарче, а в Африке, слышала, недавно пронеслась снежная буря...

Но ему не было дела до Африки. Он получит землю на восточном берегу и займется гидропоникой. Он в этом деле поднаторел на Дону. Да там и так все завалено фруктами и овощами безо всякой гидропоники. А здесь рынок есть. Будет сидеть себе на берегу, болтать с друзьями по телику и следить за растворами. Он уже и место смотрел, договорился с общиной.

— Но чтобы вступить, нужно прожить на Сахалине пять лет и не набедокурить. Тогда возьмут в общину соискателем. Вообще, повезло тем, кто родился на Сахалине: все им на блюде с голубой каемочкой. Бесплатный ветряк от общества, даровой энергосчет. А мне придется сначала энергию у общества покупать. Только через десяток лет стану сахалинцем.

Лайзу очень интересовало все, связанное с переселенческими делами, она то и дело задавала вопросы на уточнение и понимание. Похоже, шофер решил, что она сможет составить его счастье и разделить с ним тяготы и радости дальневосточной инкорпорации. Он даже положил ей на плечо свободную от руля руку.

— А как же Шантарские острова? Все начинать сначала?

— Не-е. Через двадцать лет — федеральная союзная пенсия. Селись, где хочешь.

— Двадцать лет. Что-то будет здесь двадцать лет спустя? Можно ли загадывать? Нет, жить надо здесь и сейчас, — Лайза сняла его длань с плеча.

Впрочем, шофер не очень огорчился. Выгрузив пассажиров у вокзала, он позвонил... Нет, ни в какой-то разведывательный центр или политический клуб, а очаровательной флористке из Паронайска, с которой собирался провести вечер. Он никому не рассказал о своих сегодняшних пассажирах, хотя информация о них немало стоила на бирже мировой политики. Но большинство людей в мире не участвуют в большой политике и смотрят на нее как на развлекательный сериал.

В поезде Володимир возобновил «секретный разговор»:

— Ваш друг — единственный представитель экспертного сообщества, который всерьез воспринимает существование Ведьминого кольца. Но он неверно воспринимает его цели. Вернее, он судит о Кольце по его тактическим задачам. Отвратить войну, спровоцировать войну — это мелочи игры, второстепенные задачи. Он — единственный из вашего круга, Ольга, кто способен внимательно выслушать более полную информацию о Кольце. Поэтому махатмы поручили мне высказать Артему их соображения. Необходимо срочно начать новый этап работы экспертного сообщества с Кольцом. Поэтому мне нужно срочно связаться с Артемом.

— Боюсь, что это нереально, — властно заявила Лайза, которая, в отличие от Ольги, была в теме.

— Но необходимо, — ответил Володимир тоном, также не терпящим возражений. — Он рано или поздно свяжется с одной из вас. И тогда я должен быть рядом.

Ольга в общем поняла, что дело Володимира серьезно. Она поинтересовалась, почему нельзя просто передать Артему координаты Володимира и суть дела.

— Боюсь, в этом случае я могу не дожить до контакта. — Вполне серьезно исключил эту возможность хранитель тайны махатм.

В конце концов договорились, что Володимир может путешествовать с ними в ожидании заветного звонка.

За окном проносились бесконечные ряды домиков с зелеными садами, и их кварталы уходили за горизонт, ограниченный горной грядой. «А ведь когда-то здесь были только болота и пурга», — мечтательно произнес Володимир.

Остров накрывал тайфун, горизонт потемнел, ветер взметнул над бескрайним полем крыш вихри мусора. Поезд нырнул в туннель под Татарским проливом, и за окном стало темно.

Володимир, мирно дремавший в кресле, вдруг встрепенулся и молвил не своим голосом:

— Торопитесь. До начала Большой игры осталось семнадцать дней.

Война трех Дани

24 августа — 3 сентября.

Париж.

Романов, Аника.

«Философы и историки не устают спорить о первичности. Что первично, что определяет развитие событий. Хотя бы в человеческом обществе. Экономисты и их последователи нашли объяснение всему в экономике. Но попытка внедрить их теории в жизнь показала, что экономические процессы в свою очередь легко вывести из политических. Именно политическими, властными силами направляются экономические потоки. Собственность — это власть над людьми. Признание за экономикой первичности — описание человека как тела, потребляющего и производящего ресурсы, совокупляющегося и размножающегося. Это — преувеличение роли животного начала в человеке. Политическое понимание экономики превращает человека в инструмент или источник власти. Это — взгляд на человека как на передаточный механизм. Но и действия властителей определяются их идеями. Любой шаг человека можно вывести из его представлений, а развитие мира — из развития идей. Но не слишком ли много чести человеку, если судить о нем как о воплощенном духе? Мир идей, хотя и путем множества упрощений, можно поставить в зависимость от экономических интересов. Что же первично? Кругооборот».

Кругооборот событий неожиданно занес Сергеича в тихую заводь.

В связи с военной обстановкой в Европе парижские власти закрыли воздушное пространство. Вокруг города висела цепь дирижаблей с металлическими сетками и соответствующими надписями. Пришлось садиться в каком-то пригороде Медон, откуда можно добраться до центра по железной дороге. В связи с дефицитом энергии электричка ходила два раза в день — утром и вечером, и билеты были недешевы. Во

всяком случае, для французов, большинство которых предпочитало велосипед.

Был уже вечер, вторая электричка ушла, и Сергеич стал искать ночлег. Гостиницы забиты беженцами. В конце концов после долгих хождений по узким улочкам удалось найти местечко, которое сдавалось усталому путнику.

Дом недавно купил эмигрант из Тель-Авива, осажденного маврами. Хозяин подробно разъяснял жильцу, как пользоваться допотопной системой отопления и водоснабжения, у которой не было компьютерного управления, и поэтому нужно было постоянно самому регулировать температуру в комнате ручкой.

— А как же ночью?

— Ночью лучше сделать поменьше, для экономии, и накрыться одеялами, их много. А вот видеоплощадка в нашем апартаменте не предусмотрена. Мы соблюдаем тишину. И еще не надо стучать дверьми. Здесь все очень слышно. Старинные материалы — никакой звукоизоляции. А у меня маленькие внучки, если они проснутся, то не дадут спать не только нам, но таки и вам. Мы собирались делать ремонт, но запретило местное общество охраны культуры. В этот дом заходил Роден к одной своей знакомой. Вы понимаете. По этим ступеням ступала великая нога. Теперь они под защитой гражданского общества. Так что, ради Бога, ступайте осторожней.

Вперемежку с бытовым инструктажем хозяин дома рассказывал, как они бежали из Хайфы на перегруженном старом глиссере со всей семьей и скарбом (ветряк, небольшой автолет, кухонное и компьютерное хозяйство), а над ними проплывали на Анкару корабли мавров. Могли бы сделать один выстрел — и все. Но не сделали. Господь милостив к своему народу.

«Господь милостив к тем, кто выжил, — подумал Сергеич. — Или к тем, кто умер вовремя».

Сергеич прибыл в Медон, когда весь мир следил за ходом сражения в Штутгарте. Нибелунги остановили прорыв мавров страшной ценой. Мавры надеялись на средства глушения радиоуправления, которые не позволяли автоматическим средствам вторгаться в воздушное пространство над их группировкой. Чтобы пробить эту зону глушения, нибелунги бросились вперед сами с навесными ракетами. СМИ без конца крутили кадры, полученные прямо с боевых автолетов, — видеокамеры были установлены на большинстве нибелунговых машин. Стремительно приближаются прифронтовые холмы. Видны транспорты противника. Рой автоматических «жуков» ПВО мавров. Кто выстрелит первым? Справа от кабины море огня. Этого нибелунга пронесло, а его товарища нет. В век всеобщей автоматизации людей снова кладут на алтарь истории. Но, может быть, это лучше, чем погибнуть в обычной летокатастрофе? А вот и масса войск, склады. Наши ракеты пошли. Наверное, попадут в цель — там внизу полным-полно войск и техники. Но камера этого не видит — впереди только звезды. Выполнив задание, пилот резко забрал в ночное небо. Нужно уносить ноги. Звезды не стали ближе — трансляция прервалась. Видимо, конец.

А вот иной сюжет. Зрители полны адреналина, болеют за пилота, как на чемпионате мира. В общем, это чемпионат мира и есть. «Давай, парень!» Чуть не в каждой квартире Европы, в том числе и в нейтральных странах, это кричат на своем языке. Мочи их! Ага, завалил! Молодец, уходи влево! Кто-то кричит: «Вправо!», кто-то: «Вверх!», кто-то: «Вниз!» Пилот, слава Богу, не слышит этих миллиардов голосов, уходит по сложной траектории. Под ним коловорчение боя. Кто свои, кто чужие — не разобрать. Ошалев и озверев, пилот поливает весь этот клубок огнем. Кого он сбил — своих, чужих, кто теперь разберет. Несколько машин, объятых

пламенем, рушатся на разворошенный муравейник мавров.

Многие сгорели над этими холмами. По непонятной европейцам причине африканцы не стреляли в автолет под скрещенными золотыми мечами, и хотя Анна бросалась в самую гущу, ее машина потерпела аварию в самом конце битвы, столкнувшись с уходящим грузовиком противника. Ее автолет разгерметизировался, потерял часть газа и плавно спустился в лес. В общем, вождь нибелунгов остался жить, но потерял половину армии. Шварц включился в кампанию воспевания Анны. Доля славы досталась и Алексею Засурскому, имя которого как пресс-секретаря центрального фронта стало ассоциироваться у зрителей с последними успехами. Ликование длилось недолго — мавры высадились в Испании. Европа снова почувствовала смертельную угрозу. Но в Германии наступило затишье.

Судьба Парижских информационных фондов продолжала вызывать у Сергеича тревогу — война приблизилась к границам Франции с юга и запада. Что же, завтра за дело.

Однако назавтра Сергеич не смог встать. Голова болела и ничего не могла переварить, вся полость рта полыхала, несмотря на лекарства, принесенные сердобольным хозяином.

Но Сергеич не стал вызывать из «Социума» никого, кто мог бы ему помочь выехать на Родину. Ему стало как-то все равно. Он просто отдыхал в этом полубредовом состоянии. Болел с удовольствием, как болеют школьники, — отмазка от занятий. Только через неделю он решил все же что-то предпринимать. Два обстоятельства казались ему странными. Во-первых, Таня отключилась от адреса, и он не мог с ней связаться. Она даже не знала, что он болен. Во-вторых, академик Принтам не отвечал на его запросы о встрече. Секретарь сообщал, что академик не может сейчас никого принять. В-третьих, вокруг местоположения Романова еще недавно кипели такие страсти, что нынешнее равнодушие мира к мэтру социальной науки было более чем странным. «Вот он я, лежу здесь доступный и бессильный, а вам все равно. Чем я мешал вам месяц назад и почему не мешаю сейчас?» Да, Сергеич отдыхал, но с каждым днем непривычное одиночество все больше тяготило его. Он уже думал переломить вялость и лень, вызвать сюда кого-нибудь. Но тут дверь открыла... Аника.

Она всплеснула руками, стала кипятить молоко, пичкать его какими-то микстурами из походной аптечки и отвечать на недоуменные вопросы. Да, она пока больше не воюет. Главное сделано, а теперь и Шварц справится. Он, в сущности, славный малый, присвоил ей звание полковника и отправил в бессрочный отпуск. Ребят жалко, но дело того стоило. Она пыталась связаться с Сергеичем, но безуспешно (действительно, так мутило, что почту он не просматривал). Она обегала Париж. Там такое творится! Надо бы ввязаться, показать французам, что почем. Но сначала надо было разыскать Сергеича. Да, Шварц помог ей — проверил со спутника все номера автолетов, припаркованных вокруг Парижа. Дальше — дело техники. Где она остановилась? На Вальми, у канала. Да, в Париже есть каналы, только этот очень маленький. Очень далеко, добираться приходится на велосипеде.

Намек был понят, и Сергеич разрешил ей остаться. Вечером она попыталась разложить на полу портативный армейский матрас, но площадь пола оказалась для него слишком мала. После непродолжительных мучений пришлось отказаться от использования военного снаряжения, и Сергеич пригласил Анику под собственное одеяло...

Утром Сергеич, как-то сразу окрепший и помолодевший, изъявил желание

посетить Париж. Его еще шатало, но, опираясь на Анино плечо, он постепенно осваивался с искусством вождения организма. Они вышли по узеньким улочкам к миниатюрной железнодорожной станции, которая находилась под надежной охраной отряда профсоюза транспортников — на халяву никто не должен был пользоваться электропоездом. Само средство передвижения было извлечено из какого-то музея, но заново отремонтировано и выглядело как во времена юности. В трех вагонах ехало человек двадцать, но дорогие билеты все окупали. Поезд помчал по старинным акведукам, проложенным выше домов, горящих солнечными батареями крыш, и в какой-то момент даже казалось, что им в качестве исключения разрешили воспользоваться автолетом.

Когда поезд прибыл в Париж, выяснилось, что Сергеич уже может ступать довольно твердо, а вот Аника хромает. Оказывается, она уже лет десять не ходила пешком более десяти минут. А тут еще во время недавних подвигов ударились сапожком о педаль автолета, и обувь разгерметизировалась, «потекла». Из подошвы стали выпирать какие-то структуры и царапать ногу. Аника смущенно улыбалась: «Это надежная шведская обувь. Только немножко хрупкая, не для войны». А вот свой отпускной ресурс она уже истратила, мотаясь по Парижу в поисках Сергеича. Что же, ухаживать так ухаживать. Они завернули в Латинский квартал, где горела реклама обувного. Но не тут-то было — средневековая улочка была перекрыта баррикадой. Осмотревшись, Сергеич вдруг обнаружил, что квартал превращен в настоящий укрепрайон. На баррикадах, сделанных из строительной пены, сидели молодые люди воинственного вида, но в гражданской одежде. Один из них подошел к Сергеичу сзади и грозно спросил, с какой целью он пытается проникнуть в квартал. На это ошарашенный эксперт ответил, что хотел бы приобрести пару обуви. К его удивлению, страж баррикады учтиво поклонился и ответил, что защитники Латинского квартала рады приветствовать покупателя и способствовать торговле.

По улочкам и магазинчикам бродило не так много покупателей (в основном японцы, латиноамериканцы и русские). К радости членов союза работников легкой промышленности, который держал обувной магазин, Сергеич ввел Анику в их заведение. Пока шведка медитировала в мире французской обуви, Сергеич стал просматривать новости, восполняя упущенное за дни болезни.

Период, в который Романов посетил Париж, впоследствии вошел в историю как война трех Дани. Она была связана со вторым этапом мавританской войны, когда Халифат, увязнув в атаках и контратаках, прекратил наступление и начал воздействовать на тылы противника. По всем странам Запада стали распространяться болезни, взрываться транспортные и промышленные объекты. Пиком этого террора стал взрыв туннеля под Ла-Маншем. После этого антитеррористический режим в Европе достиг апогея, «подозрительные» арестовывались безо всяких объяснений, комендантский час был распространен на все темное время суток, а снабжение дешевыми ресурсами и продуктами происходило с небывалыми перебоями. Естественно, что такой произвол власти вызвал волнения, которые нельзя было подавлять силой — это привело бы как минимум к немедленным перевыборам всех властей, авторитет которых и так держался на волоске. В парламенте борьба фракций дошла чуть ли не до дуэлей, а Верховный президент по доброй французской традиции на всякий случай бежал в Мец, откуда агитировал за порядок. Но в конце концов все понимали, что в современном обществе президенты не могут повлиять ни на что существенное.

В этих условиях судьбу Франции снова попыталось взять в свои руки студенчество. В Сорбонне и вокруг нее закипели столкновения между молодыми сторонниками твердого порядка и очищения Парижа от выходцев из Африки, с одной стороны, и защитниками гражданских прав, расового равноправия и широкого социального обеспечения — с другой. Южная часть Парижа, населенная более обеспеченными людьми и покрытая сетью дорогих магазинов, поддержала и экипировала отряды студента-филолога Даниэля Вальжана, который в серии ожесточенных драк выбил демократов на север и занял Латинский квартал. Вальжан, которого из-за его белокурой шевелюры звали Белый Дани, выдвинул лозунг «Долой внутренних мавров» и пригрозил мэрии навести порядок даже через ее голову, если она будет и дальше уклоняться от выполнения своих обязанностей. Мэрия усилила полицейские наряды, вооружила их ракетными арбалетами, но строго-настрого приказала ни в кого не стрелять.

Тем временем в восточных кварталах, населенных преимущественно выходцами из Африки, кипели страсти. Положение здешних жителей, каждый второй из которых остался без работы и ресурсов, становилось бедственным. Недовольство аккумулировали молодые ребята во главе с вожакот отрядов черной самообороны, которого прозвали Черный Дани. Он обосновался в дешевом американском ресторанчике на Севастопольском бульваре, который издавна был излюбленным местечком цветной молодежи и небогатых туристов — близко к центру и восточным кварталам, и поесть можно недорого. Теперь здесь решались судьбы Парижа. Каждый вечер Черный Дани совещался с лидером Объединенной коммунистической лиги, имя которого было засекречено, но внешность напоминала американского дедушку, нарисованного на всем в этом ресторанчике (видимо, он основал данную фирму). И сам дедушка, и секретный вождь объединенных коммунистов напоминали Троцкого, только подобрешшего и потолстевшего, и поэтому их обоих звали «Добрый Троцкий». Многие даже считали, что ресторан принадлежит живому Доброму Троцкому, хотя на самом деле заведения фастфуда давно уже контролировал профсоюз пиццевиков.

Сим Черный Дани понимал, что весь Париж черным не одолеть и, скорее всего, полиция ждет только повода отыграться на цветных (всех цветных полицейских он считал предателями). Но Добрый Троцкий, повествуя о нищете масс, которые «доверились тебе», звал своего товарища к «походу на Париж», то есть на относительно обеспеченные «белые» кварталы левого берега. А для начала нужно захватить мэрию и провозгласить советскую власть!

На переговоры с Черным Дани иногда заходил Даниэль Распайль, уже немолодой профессор Сорбонны, утонченный, возвышенный и экуменичный, как собор Сакре-Кер. Он сохранил со своей левацкой юности рыжие волосы (может быть, и крашеные — здесь историки расходятся во мнениях), но с возрастом приобрел рассудительность и влияние в верхах. Его теперь называли Красный Дани, и он был надеждой остальной части Парижа, которая боялась, что война молодежных группировок перерастет в полномасштабное гражданское побоище. Поскольку Красный Дани был преподавателем Белого и в то же время симпатизировал Черному, он курсировал между Латинским кварталом и ресторанчиком Доброго Троцкого, уговаривал власти не стрелять в случае чего.

Крепкие ребята Черного Дани наложили свою дань на многочисленные ресторанчики и магазины, которые теперь должны были кормить всех желающих бесплатно. Меню каждый раз становилось предметом торга с профсоюзами, которые в

целом сочувствовали голодным парижанам, но кормить многомиллионную массу на халяву тоже не хотели. Несколько частных ресторанов оказались слишком упрямыми и были разгромлены. После чего продукты исчезли со всего востока Парижа.

После некоторых колебаний Черный Дани собрал митинг перед ратушей, произнес зажигательную речь об угрозе голода, которая была проиллюстрирована смонтированным накануне видеорядом голода в Африке прошлого века и продовольственных излишеств Парижа полувековой давности. Даже белые защитники гражданских прав, пришедшие на митинг, были готовы «идти на Париж». Выступивший следом Добрый Троцкий провозгласил советскую власть и назвал электронный почтовый ящик, по которому можно отдавать голоса за депутатов Совета. Но его уже мало кто слушал. На Париж! На Сорбонну! Зададим им жару!

В тот момент, когда Сергеич и Анна входили в обувной магазин, колонна Черного Дани двинулась мимо ратуши (полицейские, приготовившиеся было к бою, смогли перевести дух) в сторону Латинского квартала. Тысячи отверженных продвигались мимо ко всему привыкшей громады Нотр-Дама, приплясывая и притоптывая под музыку народов Африки, разбрасывая вокруг петарды, скандируя лозунги дня: «Мы хотим есть!», «Мы тоже люди!». Шествие напоминало танцующего в стиле рэп огнедышащего дракона. Выступление не было спонтанным — впереди шли крепкие ребята с электродубинками, арбалетами (правда, стрелы были спортивными, без наконечников) и флагами различных политических клубов, которые больше напоминали копия.

Аника сфокусировала свой взор на красных сапожках, вполне соответствовавших ее имиджу валькирии. Сергеич взглянул на ресурсный эквивалент и крикнул. При всех неслабых доходах «Социума» Сергеич много тратился на эксклюзивную информацию и гордился скромным образом жизни (впрочем, это не мешало ему мотаться по всему свету и останавливаться в хороших отелях). Но Аника смотрела на сапожки и Сергеича таким восторженным взглядом, что он даже не стал ворчать (что обязательно сделал бы, будь рядом Татьяна). Он просто перевел соответствующий ресурс на счет союза легкой промышленности Парижа. Аника сняла сломанную обувь и торжественно погрузила ее в контейнер по переработке мусора. Затем она прошлепала босыми ногами к покупке, встала на подошвы, и сапожки включились, обволакивая очаровательные ножки валькирии своими тканями. Аника отрегулировала температуру в сапожках и с удовольствием попрыгала. Работники магазина с присущим французам эстетизмом наблюдали зрелище, несмотря на доносившийся с улицы шум толпы. Они тут же предложили Анике еще невесомую сумку-пояс с воздушным зонтом — в цвет к сапожкам. Не успел Сергеич рта раскрыть, как она согласилась. Ну что же, ухаживать так ухаживать. Ее глаза расширились от восторга, заслонив собою мир. Счастливая Аника вышла из магазина, ступая по старинным камням Латинского квартала ножками в новых красных сапожках, на ней еще был пояс, куда она положила свой миниатюрный арбалет (как новоиспеченный офицер, Аника имела право на ношение оружия). Хотя дождя не было, она решила опробовать обнову и включила зонтик. Струя воздуха задела волосы, и они волшебным образом взвились к общему удовольствию Аники и Сергеича. После этого валькирия всю свою благодарность вложили в долгий поцелуй.

И вот тут они заметили, что находятся в минуте ходьбы от исторических событий. Русско-японско-латиноамериканские туристы запускали видеокамеры не на себя, любимых, а куда-то за угол, а оттуда доносилось скандирование и шум борьбы.

Сергеичу не было видно, что там происходит, и он обошел линию фронта, выйдя на бульвар Сен-Мишель. Атакующие не использовали возможность обойти осажденную крепость с фланга тем же маршрутом. Тактика была не так важна по сравнению с эстетикой боя. Для французов независимо от их происхождения и социального положения эстетика была превыше всего. Тем более когда все происходило под камеры СМИ. На монументальную баррикаду карабкались толпы с флагами-копьями, постепенно затопляя эту плотину, еще защищавшую Латинский квартал от погрома. Защитники, одетые в каски, пневматические доспехи и антиударные плащи, щедро наносили удары по головам и плечам гораздо хуже экипированных «варваров». Картина воистину античная. Автолеты «Скорой помощи» отвозили раненых, вокруг летали камеры видеозапаси и дымовые шашки. Полиция была наготове в ожидании приказа, но было ясно, что в случае чего ей не справиться с этим буйством страстей.

Всем нападавшим не хватало места для драки, и они стали рассасываться вдоль бульвара, нанося ущерб витринам и обывателям.

Перед Сергеичем вырос детина в берете под Че Гевару, но со значительно менее симпатичным лицом (природа, в отличие от сериалов, не всегда щедра на обаятельные лица), и схватил профессора за шиворот. В руке боец социально-этнического протеста сжимал грозную электродубинку, которая могла вот-вот причинить ущерб здоровью всемирно известного ученого. Автопереводчик с трудом трансформировал возглас нападавшего на литературный русский язык: «Буржуйская сволочь». Но за угрозами словом не последовало действий. Перед носом поклонника Че Гевары появился арбалет. Анна сняла его с предохранителя, крылышки резко выдвинулись с хлестким щелчком, натягивая тетиву. Стрела автоматически вошла из зарядного пенала в ложбинку так, что противник увидел ее как раз напротив своего глаза. Надо сказать, что революционеры всегда уважали силу. Проблема была решена. Но в следующее мгновение и Сергеича, и Анику сбила с ног толпа, нахлынувшая сзади. Отборная ватага Белого Дани, пройдя как раз через обувной магазин, двинулась в атаку на оголенный фланг осаждавших. Когда наблюдатели встали с земли, драка шла уже на мосту. Но масса отверженных напирала от Нотр-Дама. И тут Белый Дани применил новое для уличных боев оружие — мощные брандспойты со строительной пеной. Ее поток слизистой массой устремился на противника, сбивая с ног, окутывая и обтягивая тела, сползая в Сену, непредсказуемо меняя формы старинного моста. В этой вязкой массе копошились тела, озабоченные тем, чтобы не задохнуться. О победе уже никто и не думал. Часть сторонников Черного Дани ретировалась с поля боя, часть отступила, полная революционного достоинства. Через несколько минут туристы снимали на пленку скульптурный результат драматической баталии: из Фундамента мостовой выделялись приведения борцов за свободу, частично окаменевшие, но, слава Богу, с живыми лицами. Насколько Сергеич мог понять, жертв не было. Некоторые бойцы торчали из фундамента, как утопающие из болота. Мастера современного искусства сбежали на мост, голографируя это произведение.

Полиция, орудуя отбойными молотками, не торопясь производила аресты проигравших, устраивая облавы и в пограничных кварталах. Штаб Черного Дани в «Добром Троцком» был разгромлен.

Белый Дани сделался героем средств массовой информации. Не сходя с баррикады, он развивал свой успех под камерами СМИ: «Балаган президентов и бессильных, неработоспособных мэрий и префектур изжил себя. Я объявляю

подготовку к референдуму по изменению конституционного устройства страны. Шестая республика уже умерла, и нам надо решить, заменить ли ее седьмой. Или третьей империей. Лично я полагаю: у нас было слишком много разных республик, чтобы питать иллюзии относительно этой формы правления. Настало время накормить голодных не в ущерб порядку, прекратить бессмысленную помощь разлагающемуся западному сообществу и выйти из НАТО».

Аника, как военный человек, возмущалась такими беспорядками в тылу действующей армии. В принципе, Сергеич считал это нормальным — революции нередко начинаются в воюющей стране. Но странно, что армия не вмешивается. Было бы логично установить военное положение или что-то в этом духе. Аника просветила его на этот счет: оказывается, у Шварца даже было совещание по поводу угрозы волнений в крупнейших городах Европы. Решили, что армия не должна вмешиваться. Организовать жизнь в этих муравейниках она все равно не сможет. Пусть выкручиваются мэрии. Военные подразделения взяли города под контроль по периметру, чтобы они не стали очагами исламистских диверсий. В европейских городах чуть не половина населения мусульмане, и они могли бы составить пятую колонну мавров.

Решив все увидеть своими глазами, а не через кривое зеркало видеокамер, Сергеич и Аника проследовали в сторону площади Республики и обнаружили, что «белое дело» далеко от торжества. Восток и Север Парижа покрылся баррикадами. Идея со строительной пеной пришла по вкусу не только победителям, но и побежденным. Сероватые глыбы баррикад прекрасно гармонировали с серо-желтыми фасадами зданий. В окнах крыш были видны невесты откуда появившиеся стволы. Некоторые защитники революции таскали с собой весьма серьезное оружие, которого еще не было сегодня утром. Аника прокомментировала, что оружие, насколько она понимает в нем, имеет халифатское происхождение. Информационные средства сообщали, что мэрия срочно вооружает отряды Белого Дани. К Парижу стягивается армия, но основная ее часть в это тревожное время вынуждена стеречь границы республики (или что там будет существовать на ее месте).

Центром «черных» теперь стала площадь Республики. Вокруг каменной дамы, символизирующей республиканскую форму правления, шел постоянный митинг базарно-дискотечного типа. Участники бродили, сидели вокруг выступавших, перебивая и дополняя их, пританцовывали под звучащие над площадью мелодии. Делегаты от этих групп то и дело собирались у памятника, и вместо него под новую мелодию появлялся очередной виртуальный оратор. Публика была многорасовой, защищать республику пришли участники гражданских движений со всего Парижа. При этом все хотели какую-то другую республику. Сергеич запомнил некую Марию Уари, которая убежденно проклинала «это фашистское государство, которое отняло у меня родителей, родной язык и детство из любви к холодным бюрократическим предписаниям». Смутно вспоминалось какое-то давнишнее дело о девочке, которую не могли поделить русская мама и французский папа, и в итоге ее вообще отобрали от родителей, изолировали от русского языка и культуры. Любви к справедливому государству это не прибавило. Остальные выступавшие тоже находили, чем укорить государство всеобщего благоденствия, которое перестало быть таковым после начала Великого кризиса. Белый Дани, выглядевший на виртуальной площадке как новатор, здесь, на площади Республики, воспринимался просто как фашистский диктатор, который пытается «реанимировать труп капитализма». Но, кроме Доброго Троцкого,

мало кто предлагал выход, а его рецепты немногим нравились. Черного Дани не было видно. Он ушел в подполье. В кучке лидеров сидел Красный Дани, которого Сергеич знал несколько лет назад по научной части. Отлично, можно вступить в игру.

Уверенно пройдя через малоубедительную охрану, Сергеич представился Красному Дани (тот мог не помнить его в лицо, но имя-то знал наверняка) и без обиняков спросил:

— Ну что, воевать собираетесь?

— Вы смеетесь. С кем тут держать оборону. Нас разбили еще до сражения. Большинство СМИ на стороне белых. Противно капитулировать просто так.

Распайль был женственным утонченным человеком, не выпускавшим из тонких пальцев витаминозную сигарету, которую изредка потягивал. Сергеич не любил курильщиков, считая, что они слишком помешаны на своем здоровье, а в результате становятся рабами сигарет и уже не могут получать полезные вещества нормальным путем. Впрочем, это их дело.

Одно было несомненно: Красный Дани не годился на роль харизматического вождя для СМИ. В нем был интеллект, но не было силы. Его ставкой был Черный тезка с мощной фактурной фигурой. СМИ любили показывать его интервью, которые он давал, танцуя рэп. Но Франция не могла пойти за африканцем. Она лишь страшилась партизанско-террористической войны, пятой колонны мавров. И Красный Дани, в принципе, мог бы договориться с этой угрожающей силой. Но сегодня дело компромиссов явно проигрывало. Они решили, что ничего существенного тут пока не будет, и Романов предложил сходить глотнуть кофе. Красный Дани, конечно, не мог отказаться от возможности попить кофейку за счет богатого советского профессора. Сейчас этот традиционный для французов напиток сильно подорожал. Они выбрались из толпы, где Красного Дани почему-то никто не узнавал, и, надев предложенный Распайльем воздушный скейт-борд, прошвырнулись до улочек Монмартра. Перед ними под синтетическую музыку а-ля гармошка как ни в чем не бывало танцевало несколько сот парижан. Может быть, это и есть представители большинства? С террасы кафе была видна вся панорама противостояния. Вон там, где над собором Инвалидов реет виртуальный трехцветный флаг сил «порядка», расстилается старинными крышами юг, занятый белыми. За ними вся мещанская Франция. Средний класс, оплот «партии порядка», будь то фашизм или либерализм. За романтическими улочками Монмартра, на фоне новых промышленных небоскребов, — восток, занятый черными. Это всегда бедность, перекасти-поле, маргиналы — кочевники мира, беженцы с бурлящего Юга. А что за интеллектуалами? Интернет-кафе Елисейских Полей, каштаны, скрывающие своей зеленью Триумфальную арку. Да уж, не до триумфа. Распайль, быстро отхлебывая кофе уже из второй чашки, горячо доказывал, что за маргиналами, истинно свободными людьми, будущее информационного мира.

— Но сегодня Франция и вся Европа жаждут стабильности, и средние слои тоже, — возразил Романов.

— А не вернуться ли к пятой республике? — рассуждал Распайль. — Но эту мысль сам Красный Дани отверг сразу. В информационном обществе бюрократическая система руководства не будет пользоваться никакой популярностью. Манипуляторы сознанием получают прямой доступ к власти, Европа окончательно отвернется от Франции, а регионы — от Парижа. С тех пор как начался кризис, регионы стремятся жить сами по себе, Париж вынужден крутиться сам в этом общеевропейском винегрете. В конце концов, Белый Дани — это борьба за сохранение размываемой

французской культуры, примитивно понимаемой мещанским сознанием как мода. Он — стильный парень, и это нравится консервативному французу. Для французов мода — второе «я».

Романов ощущал, что сегодня за «красными» нет своего социального слоя, своей культурной ниши. Сборная солянка. А нужно убедить эту разрозненную армию в том, что она защищает единое дело. В лучах восхищенного взгляда Аники Романов начал доказывать Распайлю теорию информалиата — лидирующего класса современного общества, который противостоит как нетворческому мещанству, так и маргинальному хаосу.

— Сила информалиата в его опоре на информационные технологии, в его способности сочетать и производство, и управление своим трудом, и социальное творчество. Сеть неформальных информационных связей и лежит в подкладке вашего гражданского общества. Это огромная сила, которая просто не осознает своих интересов. Если вы сумеете заразить ее верой в собственные силы, вы горы свернете.

Распайль, в принципе, знал эту теорию и слушал, скептически улыбаясь. В его положении это ничего не давало:

— Ну информалиат, ну неформалы и информационное общество. И что? Всей этой социологией мы белых не побьем. За ними и СМИ, и физическая сила.

— Как вы не понимаете! — вмешалась Аника, которой академическая подготовка и военная смекалка помогли понять, куда клонит Сергеич. — Вам же дают новое оружие. Если под ваше знамя встанут программисты, они могут обойти СМИ, а то и парализовать враждебные каналы. Тут бы хакеров поднять. Как вы думаете, нужна ли хакерам империя? И потом, если вы проигрываете лобовое столкновение, неформальное информационное пространство позволяет вам уйти из-под удара.

— Точно, — продолжал Сергеич напирать на Распайля, заказав ему четвертую чашку кофе с пирожным. — Вальжан провозгласил референдум. Референдум — всегда обман, манипуляция. Настаивайте на постоянном референдуме. Ну как с президентами. Ведь голосуя за президента, вы просто решаете, кто будет от вашего имени выступать в политическом эфире. Вы как бы живете в стране с таким президентом, в то время как ваш сосед живет в обществе другого президента.

— Ну да, это — принцип шестой республики. Очень удобно, у первых пяти президентов — важные прерогативы в отношении правительства...

— А теперь представьте, что одновременно во Франции, а затем и во всем Евросоюзе будут сосуществовать и империя с императором, и республика со всеми президентами...

— Нет, это вызовет слишком очевидное противостояние. Империя сожрет...

— Для равновесия можно добавить еще что-нибудь покруче империи.

Аника вспомнила, что Добрый Троцкий провозгласил Совет. Но Романов отмел этот лозунг:

— Нет, глупый Троцкий. Совет — это наше, это годится в Северной Евразии. Здесь нужно что-то похожее, но на французский манер.

— Парижская коммуна! — воскликнул Распайль и сам испугался своей смелости.

— Точно! Если я что-то понимаю в СМИ, они будут в восторге! Можно набрать вождей потипажней, только чтобы уравнивали друг друга. Это будет лучше единоличного императора.

В этот момент с грохотом взорвалась бомба, которая разнесла остатки центра Помпиду, который уже взрывали три раза.

— Как надоел этот терроризм. Скоро начнут взрывать и красивые здания. Представляете, в терактах стало гибнуть больше народу, чем в технических катастрофах. Ну, так вернемся к нашим бананам. Коммуна, говорите. Но Коммуна плохо кончила. Вальжан может примерить лавры Тьера.

— А мы договоримся с «Версалем». Ведь половина депутатов национального собрания вам сочувствует. Регионы сейчас примут идею Коммуны на ура — они отстаивают свою автономию, а вы принесете ее им как законное право. И с мэром можно договориться, если объяснить, как накормить город.

Распайль неуверенно погружался в идею Коммуны; ведь это же всего лишь игра, как и все в нашем мире. Сейчас только мавры предпочитают стрелять по-настоящему, а остальные — виртуально. Глядишь, за это время удастся накормить людей, и они поверят, что это сделал новый порядок, а не новые порядочные люди.

Распайль, который только что сам обрел сытость благодаря Сергеичу, был готов выслушать дальнейшие спасительные рецепты. Но французская гордость не позволяла ему просто так принять советы советского человека. А когда прозвучали слова «организованное общество», Красный Дани пришел просто в возмущение: «Я так и думал, что вы захотите заменить нашу свободу своим организованным обществом!»

Сергеич стал привычно разьяснять, что существующее в Союзе организованное общество не ограничивает свободу даже так, как ее ограничивает система Евросоюза. Просто каждый человек получает своего «проводника», если не готов самостоятельно найти применение своим способностям. Разве плохо, если каждый занимается тем, что у него получается, а профессионалы-психологи и дилеры пристраивают плоды его трудов, обеспечивают его всем необходимым?

— Да это худший вид капитализма! Человек оказывается опутан паутиной этих «проводников»!

— Неправда ваша! У проводника нет власти, кроме убеждения. Вот вы бы пожили таким образом и не говорили бы... Или безработица лучше? Или постылым делим заниматься всю жизнь?

Спор разгорался. Романов стал обличать европейскую цивилизацию:

— Вы не смогли уследить за Накоплением маргинальной массы, не смогли ее рассосать. И еще говорите о том, что за ней будущее! Если так — мавры будут вашим будущим! Накопление маргинальных масс — фундаментальная социальная ошибка, которая, как правило, ведет к революционным потрясениям!

Распайль тоже злился, но во многом разделял мнение Романова о европейской политике:

— Хорошо вам с вашими просторами, общинной традицией. Вам легко обустроить электронные общины, наукограды, агломерации коттеджей в чистом поле. А у нас занят каждый клочок земли, все закрыто частной собственностью, а сейчас еще и природные катаклизмы из-за потепления — земля гибнет на глазах. Отсюда и нехватка продовольствия, военные потрясения только обострили проблемы, доставшиеся еще со времен Депрессии.

— Общинную традицию, между прочим, не легко было восстановить. Да и просторы такие, что французы не поедут их осваивать. Чукотка — это совсем не Нормандия.

— Почему бы не попробовать? Какая-то часть активных маргиналов с удовольствием сменит скуку Парижа на авантюру жизни в Сибири.

— Вот! — остановила их Аника. — У вас есть вторая за день конструктивная

идея. Серж вполне может договориться о такой программе в России.

Сергеич чувствовал вдохновение деспота, который перекраивает жизнь по собственному произволу. Все казалось возможным. Где достать продовольствие, чтобы накормить Париж, пока их реформы не наберут обороты? И снова Сергеич шокировал Дани:

— Заложить парижские музеи!

Распайль, который уговаривал уже третий бокал вина из купленной Романовым бутылки, молча бросился на Романова с кулаками, но Аника хладнокровно прижала его к столику.

— Ну что ты, дурашка, все равно из Парижа ничего не уйдет. Просто город должен создать музейную корпорацию, которая будет доить туристов круглосуточно, а не несколько часов, как сейчас. А владельцами половины корпорации будут крестьяне со всего мира, которые предоставят вам продовольствие. Они даже не соберутся никогда все вместе, но зато будут считаться совладельцами культурных сокровищ. Так что не бойся, Мона Лиза из Лувра не уедет, будет и дальше всех доставать своей улыбкой за конкретный энергоресурс, которым вам просто придется делиться с крестьянами. По сути, за нынешнее спасение вы делитесь престижем и частью будущих доходов. Плохо ли? У нас музейная корпорация вообще на треть принадлежит музейным работникам. Знаешь, как они пашут. Только появись у музея среди ночи — будут зазывать посмотреть их экспозицию.

— Ну, конечно, что у вас смотреть в русских музеях, — съязвил Распайль и тут же испугался. Возмущенный Романов замахнулся на обидчика русской культуры только что опустевшей третьей бутылкой. Но бдительная Аника спасла французскую историю от трагедии, схватив Романова за руку.

Когда они вышли из кафе, уже вечерело. По мере дегустирования вин все трое успели неоднократно поссориться и помириться и сейчас находились в состоянии братства и любви. Распайль вис на Анике, Сергеич обнимал их обоих. В этом состоянии они добрались до площади Республики, где все еще продолжались демократические камлания. Отодвинув охранника уверенной рукой, Дани ступил на лестницу к трибуне. Его тут же узнали и пропустили без очереди. Он преобразился. Дани поднимался по лестнице сосредоточенно и торжественно, так, как поднимаются на эшафот. Его лицо было одухотворено. Когда над площадью зазвучал энергичный ритм, обычно сопровождавший выступления Красного Дани, другие речи стихли, и только камеры СМИ стали стягиваться к статуе, вместо которой уже появилась фигура оратора.

В свете виртуальной подсветки Дани походил на статую мушкетера или Сирано. Он говорил фразами, отточенными, как клинок, и разил точно в цель, одновременно попадая в ритм мелодии. «Мастерство есть мастерство», — признал Сергеич. Призыв Дани к информатиату связать Францию воедино нитями дружбы дошел до адресатов. Романов опасался, что во Франции термин «информатиат» не очень распространен, но у слушателей не было сомнений в контексте — они и есть часть этой великой силы, этого творца нового счастливого мира, который наступит после войны.

Нос, руки, плечи Красного Дани жестикулировали в такт музыке и мысли, а невесть откуда появившаяся сигарета описывала в воздухе замысловатые пируэты, которыми Дани чертил будущее устройство Франции. И все понимали — это будет прекрасный храм. Коммуна? Конечно, Коммуна! Империя? Бог с ней, если они хотят — будет им и империя. Снизойдем до их опасений и предрассудков. Все, кто видели

эту речь в СМИ, конечно, стали за Коммуну. Так это было красиво и романтично. Кто будет осуществлять декреты Коммуны? Те, кто за них проголосует и будет готов их выполнять. Правителями станут те, кем правят. Кто против, пусть живет в империи. Жалкая участь трусливого мещанина, который боится сделать шаг и доверяет свою судьбу наглому молокососу. Даже в рядах Белого Дани многие теперь были за Коммуну. Такую средневековую и архитектурно-культурную.

В заключение Распайль пригласил к переговорам всех Даниэлей, мэрию, президентов, депутатов, по ходу упомянув положительные стороны каждого из них. Не забыл поблагодарить и друга из России Сержа Романова за предложение помощи в преодолении кризиса. Похоже, Романова приняли за какого-то энергомиллиардера, и его имя стали повторять с надеждой на халяву.

Уже вечером Красный Дани и Сергеич вели переговоры в Ратуше с теми, кто на сегодня представлял Францию. Собственно, за столом сидели человек десять, но еще три десятка присутствовали в видеоокнах. Здесь были и мэр с его советниками, и несколько президентов и фракционных лидеров, и видные региональные боссы, и несколько загадочных бизнесменов, о которых шептались, что они уполномочены какими-то транснациональными тайными обществами и без них никак нельзя. Но тон задавали не они. Активно вели себя Черный Дани, вожаки хакеров и держатели серверов, ролевые джидай и диджей, которые согласились считать себя информалиатом. Это понятие становилось модным в чатах, видеоклип «Информалиат» занимал ведущие строки в топах. Заканчивалось обсуждение структуры видеопортала Коммуны и интерактивной сети референдума. Прибыли и первые депутаты Коммуны, уже собравшие достаточное для избрания количество голосов. Половина из них состояла из прежних депутатов мэрии, но наиболее ярких и радикальных. Были и новички, в том числе неизменный Добрый Троицкий, который именовал себя также председателем Парижсовета, вызывая у присутствующих улыбку.

В кулуарах Красный Дани уже провел большую работу. Кивая на Сергеича, он угрожал несогласным, что в случае широкомасштабного кровопролития и установления диктатуры Белого Дани в Париже Франция будет подвергнута остракизму мирового экспертного и информационного сообщества. Имидж фашизма прилепится к ней, хотим мы этого или нет. Сергеич знал, что «белым» сочувствует половина мэрии, но угроза хаоса еще страшнее.

Получив слово, Сергеич на полную мощь включил свою квалификацию переговорщика. На переговорах важно повторять то, что говорят непримиримые противники, лишь немного сдвигая акценты и освежая атмосферу юмором, интересными сплетнями, радужными перспективами жизни участников после того, как все кончится успехом. В сущности переговоры — вещь интересная, если не занудствовать. Ключ к решению социальных проблем заключается в том, чтобы развести интересы. Антагонистические социальные группы просто не должны находиться в одной точке.

«Тертые калачи» Франции в нюансах перетирали детали — как вывести из Парижа безработных и чем их занять, где взять на это ресурс. Восстановление туннеля под Ла-Маншем, дезактивация окрестностей разрушенных АЭС, вербовка желающих поработать какое-то время в сельскохозяйственных общинах южной России (Сибирь их, пожалуй, отпугнет). Идея всефранцузского сбора продовольствия под залог музеев прошла, несмотря на вялое сопротивление Распайля. Сергеич предлагал объявить конкурс на реконструкцию восточной части Парижа и другие социальные программы,

которые сыпались из него сейчас как из рога изобилия. Половина их потом так и останется на бумаге, но важно увлечь критическую массу бунтарей какими-то конструктивными делами, разрулить социальную ситуацию и направить энергию людей в тысячи разных направлений, желательно подальше от столицы. Пусть нынешние защитники разных баррикад встречаются как можно реже, потому что все волнующие их проблемы должны решаться на разных виртуальных пространствах — будь то религия, культура, мировоззрение, музыкальные вкусы и т.п.

Сергеич воспользовался своим положением главного переговорщика и попросил кое-что для себя. Он получил право использовать автолет, что позволило ему в дальнейшем мотаться между тремя Дани, мэрией, президентами Франции, сохранявшими какой-то авторитет, профсоюзами, видеоккомпаниями, военными штабами. Еще под каким-то предлогом он продавил решение снести пирамиду перед Лувром (Сергеичу она с юности не нравилась). Пролетая на автолете мимо всемирно известного здания, Сергеич увидел, что стеклянного монстра, загоразивавшего фасад дворца, уже разбирают.

Ну, дело пошло. Переговоры станут новым увлекательным сериалом. Пусть только начнут, это отвлечет их от подготовки войны. Пока они будут заниматься переговорами, энтузиазм масс спадет, особенно если найти способ их накормить и занять. Но тут все высокие договаривающиеся стороны вспомнили, что Белый Дани в Ратушу не пришел. И хотя соотношение сил было не в его пользу, но без его согласия ничего бы не получилось.

В долгосрочной перспективе Белого Дани можно не бояться и объяснить смишникам их судьбу в условиях империи, да еще с таким императором, как Белый Дани. Его идеи должны высмеиваться в каждой передаче. Империя — это гражданская война. Вся Европа снова станет против нас. Грядут блокада и деспотизм, который больше всего бьет по людям творческим. В борьбе за свои права смишники готовы творить чудеса. Черный Дани должен успокоить элиту страны тем, что его сторонники воздержатся от насилия, если удастся накормить страждущих. Чтобы у парижан было меньше соблазнов к баррикадным боям, Сергеич попросил Анику вызвать с фронта нибелунгов (со Шварцем он договорится, да тот сам будет рад избавиться от этой махновщины) и создать на их основе разделительные отряды, действующие совместно с полицией в пограничных кварталах. Слава победителей мавров должна была укрепить авторитет правопорядка.

В обмен на освобождение его товарищей Черный Дани торжественно обещал, что его ребята не будут стрелять первыми. Но если Белый полезет...

Что делать, если Белый Дани перейдет Сену прямо сейчас? Узнав, что за его спиной договорились, он почти наверняка нанесет удар. И тогда все хрупкое строение мира в Париже, а значит, и во Франции — в тартарары.

Аника не торопясь поднесла микрофон к очаровательным губкам:

— Ладно, не печальтесь. Белый Дани не ударит. У меня в его армии высокий рейтинг. Я только что поступила к нему на службу генералом. Так что приказа на атаку сегодня не последует.

Через четверть часа перед Нотр-Дамом вспыхнул виртуальный флаг с желтым крестом. На следующее утро мосты через Сену заняли нибелунги. Белый Дани согласился на переговоры.

Тот, кто видит

12 сентября.

Байкал.

Вася, Ольга, Лайза.

«Игра и Дело меняются местами. С детства игра для вас — имитация дела, тренировка жизни, творческое безответственное времяпрепровождение, которое позволяет снять напряжение занудной ответственной деятельности или отрепетировать действие, от которого что-то зависит в вашем будущем. Повзрослев, мы начинаем играть в серьезные игры. Мы сочувствуем остроумным шулерам, которые обирают скучных трудяг. Мы с напряженным интересом следим за приключениями политических игроков, от которых зависят и наши судьбы. Мы погружаемся в игры каждую свободную минуту, лишая себя этих свободных минут. Игра становится Делом для миллиардов. Рутинка остается уделом автоматов, и нам кажется, что на нашу долю остается творчество. Но чьим уделом остается творение правил наших игр? В серьезной игре арбитр остается в тени. Но он должен видеть всю игру».

Прочитав это предисловие к игре, они не успели насладиться самой игрушкой — путь от Иркутска до истока Ангары короток.

Не всякий готов выдержать унижения, через которые необходимо пройти, чтобы попасть на Байкал. Особая заповедная зона охранялась целой дивизией Союзной экологической комиссии. Уже на стоянке электромобилей в Иркутске их обыскали на предмет всяких недозволенных веществ, подвергли инструктаж и взяли подписи, что они обязуются выполнять... не нарушить... выбрасывать мусор в строго... использовать костры в специально отведенных...

В электромобиле и у истока Ангары обыск продолжился, затем пришлось подождать около часа, пока зону покинет несколько посетителей (их количество не должно превышать определенного числа), после чего им наконец вручили временный пропуск и напомнили, что в их распоряжении шесть часов. Они решили не тратить время на облет всего Байкала и посидеть на берегу недалеко от Ангары.

Ближайшие несколько кострищ — специально оборудованных площадок с привозными дровами — были заняты. В одиночестве у потухшего костра сидел человек в черном плаще, сосредоточенно смотревший в сторону Саян. Лайза направилась было к нему, но Володимир ее остановил: «Не надо его трогать. Их вообще лучше не беспокоить. Пойдем дальше».

Они уже подустали брести по берегу, как вдруг увидели знакомые лица. Ольгу и ее спутников бурно приветствовал Вася, с которым у костра на травке сидело еще несколько человек, распевая песни под прилагавшуюся к костру гитару (прежнее поколение сотрудников ФЭКа вышло из недр Дружин охраны природы и считало, что сидеть у костра без гитары дурной тон).

Невзирая на секретность, Вася и Ольга принялись эмоционально рассказывать друг другу новости последнего месяца. Гуля уже несколько дней практически не отлипала от Васиной фигуры — путешествие до границ Союза сблизило их. Ахмед почти не мигая смотрел на загадочную поверхность Байкала, в котором все время что-то двигалось и перемещалось, словно озеро ворочалось в неудобном ложе, отороченном по-рериховски вычерченными Саянами. Володимир бывал на Байкале

десятки раз и чувствовал себя здесь как дома. Собственно, он и уговорил Ольгу посетить это блаженное место. По глубокому убеждению Володимира, именно здесь расположена истинная, сокрытая от непосвященных, столица мира. Лайза была готова с ним согласиться. Она в восторге бегала вдоль берега и иногда, повизгивая, загребала босыми ногами ледяную воду и тут же выскакивала на теплый берег. В восторге пребывал и Масипас, который взбирался на сосны, курлыча низвергался вниз и прыгал на всех своих новых и старых знакомых, призывая их носиться, как Лайза, чье поведение, с его точки зрения, было единственно верным. Равнодушнее всего к Байкалу оказалась Челка. Ее интересовал Ахмед, которого возвращавшаяся из Америки революционерка случайно встретила в Иркутске и очень тому обрадовалась. Она видела видеogramму Ахмеда в антитеррористическом досье, которое удалось скачать из взломанной хакерами Среднеазиатской базы. С лидером аральских партизан она не могла не познакомиться и пристала к нему с антиимпериалистическими предложениями и планами. Ахмед знал о Челке и даже взял у нее несколько явок, но от дальнейшего обсуждения перспектив борьбы уклонился. Но Челку от себя гнать не стал. Он уже проверял людей для нового дела. Может, пригодится.

Сейчас Челка, найдя в лице Володимира собеседника, принялась обличать оппортунизм американцев. Ведь была возможность свалить преступный режим, и тут...

Володимир оценивающе разглядывал молодую революционерку и, чтобы поддержать разговор, интересовался, зачем было валить режим и чем был бы лучше следующий президент или что там пришло бы на смену предыдущему. Челка горячо доказывала, что единственная возможность обеспечить движение мира вперед — это перегибать палку, чтобы общий вектор не был равен нулю.

— Ох, если бы все было так просто, как кирпич в учебнике физики. А если ты играешь с маятником... — Володимир символично поднял фильтратор на шнурке и щелкнул его по головке: — Бух! Народовольцы грохнули государя-реформатора. Очень радикально. А общество качнулось назад. Народовольцы привели к власти реакционного Александра-миротворца. — Фильтратор рассчитанным маршрутом качнулся назад и стукнул Челку по носу. Очень обидно. Но она была выше этих дешевых проходов и отбила выпад:

— Народовольцы выиграла. Без Александра III и его тени — Николая-святого не было бы Пятого года. Они — великие революционеры.

— Кто, народовольцы или Николай-святой?

— И те, и другие. Только первые — сознательные вершители, а другие — игрушки в руках истории. Поэтому народовольцев чтили в период революции, а Николая — реакции. — Воспользовавшись паузой, Челка вырвала фильтратор из расслабленных перстов Володимира, да еще и попыталась вернуть ему щелчок по носу, но неудачно.

— Боюсь, народовольцы, как люди честные, меньше всего хотели привести к власти Александра III. «Чем хуже — тем лучше» — это не их принцип. К сожалению для них, они не знали, как устроено поле, на котором играли. Отсюда и результат.

— Да! Они хотели другого! — Челка резко вскочила и в прыжке размяла затекшие ноги. Товарищи по борьбе знали, что гимнастика — для нее способ сбросить адреналин. Да и Володимир догадался, что поддел революционерку намеком на ее иезуитство. — Но радикальная стратегия беспроигрышна. Народовольцы хотели заставить террористический режим отступить под угрозой террора. Их сумели

схватить. Однако слабые стороны режима они же вскрыли! И смотри: через двадцать лет эсеры ударили поточнее, убили Плеве — и режим потек!

— Это точно, потек. Только пораньше. Когда завербовал Азефа. И его руками сановники стали выяснять отношения. И потом эту игру было уже не остановить. Сталин воспользовался выстрелом Николаева, Гитлер — пироманией Ван дер Люббе, Буш — атакой камикадзе.

— Ну не надо путать Гоголя с Гегелем! Народовольцы и эсеры знали, чего хотели, а твои примеры — это же отморозки, безмозгляк.

— Да почем ты знаешь? У каждого психа — своя программа, и притом очень логичная. Вот только результат не всегда соответствует ожиданиям. Азеф хоть был профи, предшественником стрелков на заказ. А тем, кто лезет в эти игры по своей инициативе, остается роль пешек. Ты вот тренируешься, изнуряешь себя, как Рахметов, ради великого дела. А кто-то уже разместил тебя на доске.

— Может, и разместил. А если у меня своя доска шире, чем у него? Он ведь ведет сиюминутную партию, а я — вечную.

— Только ли ты ведешь вечную? Партию ведет тот, кто видит поле.

Володимир задавал «наивные вопросы», неторопливо опутывая и заманивая.

Отвлечись от Байкала, Ахмед негромко произнес:

— Кому не слабо искупаться в байкальской воде?

— Легко, — ответила Челка, словно только ждала приказа. Она разделась и молча мужественно вбежала в ледяную воду. Сначала ожесточенно барахталась, затем застыла на мелководье.

— Для лобовой атаки годится, для партизанской войны — нет. Пошли вытаскивать, — резюмировал Ахмед.

Нехотя войдя в Байкал по колено, они вытащили дрожащую Челку на берег, и Володимир стал умело растирать ее теплым свитером, как полотенцем.

Масипас с курлыканием понесся вверх по холмам, словно зазывая своих спутников в пампасы. Лайза предложила друзьям пройти за котом. Сверху должен открываться красивый вид. Компания с радостью последовала за котом-гидом, оставив Челку в ласковых умелых руках Володимира. Обернувшись с холма, Ахмед промолвил: «Разомнет, отогреет, но не завербует».

Вася и Гуля, держась за руки, первыми взбежали почти на самую вершину холма. Сосны остались ниже. Здесь жарило солнце. Залив Байкала лежал под ними, отгородившись от жары полупрозрачной дымкой. Он шевелил водными извилинами, словно Солярис, наблюдающий за сиюминутной суетой расплодившихся вокруг людей. Видит ли он нас? Что понимает в нашей жизни? Или ему все равно, и он погрузился в тысячелетнее созерцание красоты Саян? И есть ли до нас дело кому-то, кроме нас?

Они продолжали подниматься все выше, ноги наливались тяжелым, как старый добрый рок, металлом. За каймой зелени открылось небольшое сооружение в стиле постмодерна. Оно было, как пень опятами, покрыто тарелками связи, и огромный телескопический лопух накрывал его сверху.

В сторонке сидел загорелый дедок, недвижимый, как памятник Солженицыну в Москве. Подойдя ближе, они обнаружили, что старик все же отличается от памятника, зато похож на Байкал. Его испещренное морщинками лицо неуловимо двигалось. Морщинки покрывали физиономию плотно, как текст страницу, но перетекали с места на место. «Дед-текстовик» то ли что-то обдумывал, то ли уже начал улыбаться

загадочной неуловимой улыбкой Джоконды своим новым гостям.

— Привет, Масипас, — весело сказал дед и улыбнулся уже по-настоящему своими белоснежными пластмассовыми зубами. — И вы тоже заходите.

— А вы кто? — с опаской спросила Гуля.

— Я — ваше место в истории.

— Наше? А откуда вы нас знаете?

— Стараюсь не пропускать никого, у кого есть место в истории. История имеет ограниченное пространство, и нужно всем найти свое место. Забудешь кого-то, придется всех перетрясать — морока.

«Дед-текстовик» встал с кресла и спросил:

— А где Ахмед с Ольгой. Вроде тоже подходили?

Отставшие гости со смехом появились из-за деревьев. Над чем уж они смеялись, истории осталось неизвестно. Просто им было хорошо.

Гуле показалось подозрительным, что дед знает Ахмеда. Честно говоря, пирату пустыни она по-прежнему не доверяла, считая его опасным террористом. Но Ахмед замаялся в нерешительности и, похоже, сам «текстовика» не знал.

— Ну что вы стоите, как неродные? Вася, Оля, берите своих друзей и заходите.

Но на приглашение откликнулся только Масипас.

— А... Как вас величать? — Вася, равно как и Ольга, тоже не знал, с кем они имеют дело.

— Зовите меня дядя Саша. Не удивляйтесь, но я всех вас знаю. И даже намерен напоить чаем. А попить здесь чайку дано не каждому.

С этими словами дядя Саша распахнул дверь и впустил их в зеркальный дворец. Во всяком случае, так сооружение выглядело изнутри. Оно все состояло из телеокон, в которых были видны самые разные виды Байкала. Это было красиво, но наблюдение за Байкалом велось не только по эстетическим соображениям. Перед окнами сидели два сотрудника, которые следили за тем, соблюдают ли посетители режим экологической безопасности резервной территории. Вася понял, что дядя Саша мог уже давно за ними наблюдать, узнать их имена и подготовиться к встрече. Так что ничего противоестественного в том, что он их знает, оказывается, нет.

Пока дядя Саша варил чай в многотрубчатом самоваре и разливал его в старинные стационарные кружки, гости оглядывались кругом, проникая в самые что ни на есть интимные подробности жизни посетителей Байкала, наивно полагавших, что они уединились в лесу или на побережье. «А не нарушает ли это права человека?» — Этот вопрос больше всего волновал Ольгу, только что вырвавшуюся из лап тоталитаризма.

— Все равно все за всеми смотрят, — меланхолично ответил Сема, молодой парень с нашивками лейтенанта природоохраны, — папарацци, антитеррористические службы, даже космонавты, когда им делать нечего. Сейчас такая оптика, что остается только расслабиться и понять: на вас практически всегда кто-нибудь смотрит. В Средние века это хорошо понимали. На всех смотрел Бог, и грешить было неудобно. Хотя, если неудобно, но очень хочется, все равно грешить. Вот это уже безобразия.

Последние слова относились к юной леди, которая в припадке любовной неги сломала ветку. Сема активировал ближайший баллончик с «антитуристином», как называли экологи вонючий безвредный газ. Провинившиеся туристы с удивлением озирались, морщились и недовольно спускались к берегу.

— Чай готов! — торжественно провозгласил дядя Саша и стал расхваливать

напиток: — У них тут деляночка с разными травами душистыми. Основа чая китайская, а приправы — местные.

Гости интересовались здешним житьем. Хозяин прославлял заповедные края, отсутствие народа, который снует по остальной части планеты.

— А не скучно?

— Ну что вы. Во-первых, всегда кто-нибудь заходит. Вот как вы. Во-вторых, мы тоже не сидим здесь все время, иногда ездим по свету. А в-третьих, у нас тут замечательная компания. Даже астроном есть. (Здесь раньше был радиотелескоп.) Потом обязанности нашей организации совместили с природоохранным и еще... В общем, с другими. Смотрим и за космосом, и за землей. Дима, покажи небо.

На экране во всю стену разверзлась «бездна звезд полна». Затем отдельные фрагменты стали быстро увеличиваться, разворачивая разноцветные картины загадочного мироздания. Вася подумал про себя, что, вероятно, это просто база астрономических данных, которую легко можно вывести на экран. Так что хозяин опять посмеивается над ними.

— И далеко видят телескопы?

— Квазары разбираем неплохо. Но это не так красиво — метод не оптический.

— А теперь — что поближе. — Сема вернул стену к ее обычной функции и прочесал ближайший берег.

Челка продолжала спорить с Володимиром: «И все-таки я против ресурсного социализма!»

— Ставлю киловатт, он ее соблазнит, — предположил Вася.

— Можешь перевести киловатт на счет нашей общины. Володя не станет изменять жене ради Вики. Он ее вербует.

Так они узнали, что Челку зовут Вика. Или «дед-текстовик» просто это выдумал?

Сема узнал Володимира: «А я знаю этого мужика. Он недавно по Миранде бродил зачем-то».

Ольга поперхнулась чаем.

— Наверное, он шутит, — успокоила ее Лайза, которой, впрочем, и самой стало как-то не по себе.

Вася, который вообще не понял этого обмена космическими мнениями, крутил головой, разглядывая многочисленные мониторы. Он заметил, что в соседнем зале транслируются уже не только виды Байкала, но каких-то городов, кварталов, виды из космоса на Землю с разной степенью увеличения.

— Это как же жить, если постоянно всех видишь? Ведь никакая голова не выдержит такого потока информации.

— Тот, кто видит, не смотрит на все подряд. А кто не видит, не может рассмотреть, даже если ему показывают, — ответил дядя Саша. — В наше время информации всегда слишком много. Ты можешь быстро узнать все, что тебя интересует, за исключением строго охраняемых личных и корпоративных тайн. Их ты тоже можешь узнать. Но для этого нужно потрудиться, потратить время. Так что лучше просто обходить эти мелочи. Их все равно можно вычислить. Узнавать нужно только то, что имеет значение для более общей картины или непосредственно для твоего дела. В этом — главный фокус. Если ты знаешь, что имеет значение, а что можно оставить статистике, информации становится совсем немного. Ее можно разложить по полочкам и следить только за теми событиями, от которых зависит изменение направления потока.

— Ну, это философия. Сергеич нас тоже грузит подобными социологическими правилами. «Определи систему координат, выдели большие массы, зону индивидуального выбора, точки развилки и тогда отслеживай основных носителей альтернативы».

— Молодец Сережа, хорошо усвоил, — дядя Саша улыбнулся с необъяснимой теплотой. — Вот видишь, Вася, никакого информационного перегруза и не возникает.

«Дед-текстовик», прихлебывая чай, прошаркал к пульта и отогнал от него Масипаса, который норовил походить по кнопкам. Видимо, это было не очень опасно, ибо наиболее важные кнопки были закрыты колпачками, а то и заперты.

— Вот, берем систему координат... — Дядя Саша включил виртуальную площадку, на которой под торжественную старомодную музыку повисла довольно сложная объемная схема, напоминавшая двухмерные чертежи Романова, только много сложнее, — ... выделяем большие массы, — в огромном сетчатом яйце, изображавшем то ли общество, то ли мир, то ли и то, и другое, выделились цветом несколько очагов и разной степени четкости очерченных зон. — Берем предмет вашей деятельности за последний месяц, — на схеме очертилось черное кольцо, состоявшее из каких-то взаимосвязанных центров и лежавшее как бы внутри всей схемы в замысловатом наклоне.

— Я не удивлюсь, если сейчас появимся мы, — пророчески промолвил Ахмед.

— Правильно не удивляешься. — Дядя Саша включил несколько звездочек, и при увеличении появились их лица.

Вася узнал обозначение ящичков досье. Он взял с виртуального столика указатель и без спроса открыл свое. В этом не было нарушения моральных норм, это же его досье. Вниз потянулся текст, подлиннее, чем в обычных справочниках, где Вася читал о себе. Вот открылась карта его последнего путешествия, можно было просмотреть ролик прыжка с моста в Сан-Франциско.

— Впечатляет. Из космоса снимали?

— Нет, зачем? Тебя наблюдали через залив. Это не мои кадры, я их выменял.

— И много у вас таких досье?

— Много. Это — историческая энциклопедия. Поскольку вы уже влипли в историю, в ней есть место и для вас. Системой координат я пока не готов делиться с человечеством, а вот сокращенную часть текстов и виртуальное оформление ты можешь заказать себе домой. Энциклопедия «Новая гармония». Имею честь по совместительству быть редактором социального раздела. Так что милости прошу быть нашими читателями.

— И что же, вы вот так за всеми следите, всех рассовываете по полочкам? Когда же у вас хватает времени пить чай?

— Нет, конечно. — Дядя Саша решил проигнорировать нотку раздражения в интонации Гули. — У нас большой коллектив авторов. Лично я имею привилегию уже просто сидеть на Зеленой горе и смотреть на все это сверху, как на плане, иногда вглядываясь в наиболее интересные сюжеты. Правда, я внимательно отслеживаю судьбы своих предшественников и учеников.

— Предшественников? Они еще живы?

— Ах, бестактная девушка. Напоминает мне о старости. Но, в принципе, все, кто попал в историю, приобщился к полю культуры, вечно живы. Их вес в современности то и дело меняется. Часто выясняются новые подробности прошлого. Эти персонажи вечно общаются с последующими поколениями, чему-то учат потомков собственной

судьбой, своими мыслями. А потомки веками спорят с предками. Это ли не жизнь?

— А остальные? Ну, кто не приобщился?

— А если не приобщился, то, может, он и не человек вовсе, а животное. Биологический раздел нашей энциклопедии — это не ко мне.

Гуля приняла эти слова на свой счет и, презрев восточное уважение к старшим, собиралась сказать что-то невежливое. Но Вася остановил ее взглядом — он не хотел ссориться с дедом. Только что тот продемонстрировал значительное могущество, которое способен оценить эксперт-социолог.

— Одно успокаивает, мы уже в истории, так что нам обеспечена вечная жизнь. Но мы явно не предшественники и вроде не ученики.

— Ученик твоего ученика — твой ученик. Потенциальный ученик — уже ученик. Так что им — мое особое внимание. Ради них я готов сходить с горы.

— И давно сходили в последний раз?..

— Вот недавно с Олей виделся в Египте. Там был еще один общий знакомый. Вы его, Оля, тоже видели. И он вас. Сняли груз с его души. Теперь с легким сердцем может заняться делом, а не этим детективом.

— Каким детективом?

Дядя Саша не ответил, продолжая прежнюю мысль:

— В наше время все играют в игры, носятся по планете или сидят перед мониторами — окнами в мир. Но в каждой из игр занято не так много людей, легко уследить за всеми.

— Вы играете в нашу игру?

— Скорее, играю с играми. Формирую миссии. А уж как они выполняются — судьба игры.

— Какие миссии?

— Ваша миссия, кроме Масипаса, в этой игре уже выполнена, и вы можете с чистой совестью возвращаться домой.

— В каком смысле?

— В прямом. — Дядя Саша включил новостной канал.

В центре внимания мировых и, конечно, отечественных новостей было разоблачение оборотней в армейских погонах в Астрахани. Мотивы их криминальной деятельности были корыстными. Они установили контроль над остатками каспийской нефти, для чего совершили переворот в Азербайджане. Хотя все и так знали, что азербайджанская политика целиком зависит от Союза, не от группы военных же! Еще эта военная мафия торговала оружием в обход союзных властей. Они продавали его аральским террористам.

— Неправда, у этих мы ничего не покупали, — возмутился Ахмед.

— Не бойсь, твое имя не всплывет, — обещал дядя Саша.

Уже проведены аресты в руководстве двух военных округов. Там мобилизована народная гвардия, ее части блокировали военные городки, но военные профессионалы не стали рыпаться. Арестованные дают подробные признательные показания. Даже удивительно, насколько охотно и подробно они закладывают себя и друг друга.

СМИ особенно хвалят военную прокуратуру, которая рыла дело о нападении на известного ученого С. С. Романова и вовремя напала на след преступников. Оказывается, Романов подготовил доклад о распределении редких материалов, в том числе нефти, который был очень невыгоден для астраханской группировки. Это она устроила покушение на ученого, он только чудом остался жив. Вскрылась связь

астраханских злодеев с расстрелом колонны пацифистов, которые шли на Крым. СМИ дают комментарий известного политолога А. Квидзе: «Генералы тянутся к диктатуре, как черепахи к морю!» Саланас, посвятивший сенсационным событиям в Союзе целые полтора часа, суммировал общее мнение: «В Союзе была пятая колонна!» Еще наблюдатели отмечали, что Халифат, захватив Стамбул, не продолжил наступление на восточном театре.

Дядя Саша приглушил звук и стал рассуждать:

— Теперь все это дело будут сводить к банальной торговле оружием, рассказывать про «оборотней». А разоблаченные злодеи будут соглашаться с версией следствия, прямо как в 37-м году прошлого века. Совершенно добровольно. Чтобы не всплыла истина. Но Романов уже может увидеть как минимум четыре точки кольца. Исчезновение Ольги, Астрахань, Крым, Прага, а если будет внимателен, то и в других местах заметит следы. Полкольца видит он, полкольца — Артем. Две половинки картины. Пора им соединиться.

— Разрешите сообщить, — как-то по-военному обратилась Лайза, когда дед закончил. Тот кивнул. — Владимир хотел бы связаться с Артемом и передать ему послание махатм о Ведьмином кольце.

— Контакт с Артемом? Рано ему еще с Артемом. Пусть вон Челку воспитывает. Суть Кольца Артем с Романовым должны понять сами. Сообща. Махатмы вечно торопятся, навязывая пастве непереваленную истину. И апологеты понимают неточно, а скептики отторгают целиком, не желая уже разбираться. Критический ум верит только той истине, которую добыл сам. Пусть это будет их истина, выстраданная, за которую потом не жалко отдать жизнь. Так что пусть Володимир пока погуляет по периферии нашей истории. Вот здесь... — И дядя Саша переставил фишку на какой-то своей схеме в обходной туннель. — А насчет Артема ты правильно напомнила.

Дед набрал номер и произнес:

— Ирочка, сведи, пожалуйста, Артема и Романова. Только так, чтобы они могли интимно пообщаться, без посторонних. Контакт должен состояться 27 сентября. Успеешь?

— Хорошо, дядя Саша, — ответил грустный голос из динамика. — Замок подойдет?

— Отлично.

— А Паше не пора позвонить?

— Это твое решение. Но, по-моему, его раны это не залечит, а твои — разбередит. Подожди пока.

Дед чего-то загрустил, стал гладить седую бороду и жевать усы.

— Ну вот, чай допит. У вас есть еще три часа, чтобы насладиться природой Байкала. Веток не ломать, мусор не оставлять. Счастливо.

Когда Вася с Гулей вышли, дядя Саша задержал Ахмеда и Ольгу:

— Ахмед, прибудешь в Мытищи, обратишься по этому номеру. Там тебе есть работа инструктора рукопашного боя. С регистрацией все договорено. Но без совета — ни шагу. Согласен?

— Хорошо, Учитель.

— Ну, гуляйте, дети мои.

Когда они вышли из дома, Ольга спросила Ахмеда:

— Так ты его знал?

— Здесь познакомились.

— Так почему ты назвал его Учителем?

— Потому что он сейчас принял меня в ученики.

Лайза задержалась в доме:

— Еще Володимир чревовещал что-то непонятное. «Большая игра начнется через семнадцать дней».

— Ай-яй-яй. Я-то думал, позднее. Спасибо, что сказала. Тогда вот что — ты поступаешь в распоряжение отца Фомы.

— Где его найти?

— Сейчас скажу. Сема, дай небо над Европой. — Дядя Саша стал изучать карту звезд, потом сделал проекцию на карту земли. — Вот что, Лайза. Езжай-ка ты в Салоники и жди указаний. Там сейчас недалеко фронт, так что можешь обосноваться в каком-нибудь безопасном пункте, только сообщи место. В случае чего можно будет договориться, чтобы там не бомбили.

Закрыв за ней дверь, он сел в кресло и стал ворчать:

— Стар я стал. Вот, погулял немного по окрестностям, и искусственные кости уже болят на сростках. И голова чего-то ноет после этих разговоров. А сейчас еще наверняка Этот позвонит. Тут вообще держи ухо востро.

Этот не заставил себя долго ждать. Заиграл мотив видеофона. Дядя Саша включил экран. Там сидел неприметный человек с равнодушным взглядом.

— Привет. Как дела, не спрашиваю, не хочу сыпать соль на раны, — заявил Саша без предисловий, не скрывая своего торжества. — Получается, зря вы Нестерову-то, того...

— Напрасно, напрасно вы так думаете. Мы всем очень довольны. Наша ресурсная мощь теперь превосходит любой союз мира.

— Кинули, значит, натовцев.

— Кинули. А что нам НАТО? Пустая банка. Даже забавно было бы посмотреть, как их раздавит Халифат, но нельзя так нарушать мировое равновесие.

— Ну, ты мне еще сейчас будешь рассказывать, что это вы остановили наступление Халифата.

— Остановить не остановили, но посоветовали. Советники, консультанты — великая сила истории.

— Ты мне только не рассказывай про советников. Я тебе и сам могу порассказать и о вашем Мустафе, и о Шамиле. Правильно перечисляю? Правильно. Не в них дело и не в их советах. Халифат в глобальную игру вошел, как утюг, локальную дырку прожег и остановился. Против него сейчас все. Он уже проиграл. При случае Исе так и передай. Пусть окапывается в Африке, там ему самое место — из Евразии его выдавят. Вот, пусть с американскими исламистами дружит. Но они для него — еретики.

— Не любите вы ислам, и что он вам сделал?

— Я к исламу равнодушен. А вот вы, уважаемый, с прошлого века ислам подставляете по полной программе. И Иса это уже понял, просто достать вас не может. Пора вам заканчивать эту партию. Вот, и Сергеича упустили. Не так он прост, как вы думали.

— Это ты ему подыграл, старый хрыч. — На лице собеседника проступило напряжение. Видимо, он это понял и немного размыл свое изображение телережимом «ограниченный туман».

— А не надо хвастаться, что у вас все на мази. Силы уравнились. Все зависит от Романова...

— Ой, ой, ой! Мы снова полюбили Романова! Мы снова, дорогой Александр, верим дорогому Сереже.

— Не юродствуй. Что там решит Романов, неведомо, но надеюсь, что на этот раз он вас удивит.

— Удивит, не удивит... Хорошо бы, конечно, чтобы не удивил. Но свой ресурс мы за это с европейцев уже получили, так что ультиматум Союза для нас теперь не так уж и важен.

— Что, я могу прямо вмешаться и объяснить Романову...

— Нет уж, дудки, — собеседник снова напрягся. — Игра есть игра. Спортивный интерес, знаете ли. Не так уж Романов важен, но все же. Не надо резких движений, а то получится, как десять лет назад.

— Ах, мы угрожаем? Предатели, раскололи Школу Хранителей и гордитесь до сих пор.

— История переросла эту вашу игру в Хранителей. Никакого предательства — красивое завершение партии.

— И теперь ждете красивого завершения? Уверены в себе?

— Уверены. Но нас эта игра действительно уже не так волнует.

— Ничью хочешь?

— Затем и звоню. Давай ничью.

— Ладно. Тогда так: вы отстаете от Артема, Тани и других участников «Социума».

— Лады. Но доследующей игры, если они в нее ввяжутся.

— Само собой. Значит, тайм-аут на семнадцать дней?

Видимо, дядя Саша ударил ниже пояса, показав свою осведомленность. Во всяком случае, чтобы не выдавать эмоций, Мастэр совсем стер свое изображение с экрана видеофона, заменив его рисунком венецианской маски. Это значило, что сообщение махатм, переданное через Володимира, было достоверным. Саша продолжил развивать успех:

— А Романов?

— Романов — другое дело. Здесь у нас обязательства. Дело нашего престижа, чтобы он написал в докладе то, что нам нужно. Так что от него мы отстанем только 2 октября. Это и будет конец прежней игры.

Когда окно погасло, дядя Саша погладил лысину и сообщил Семе:

— Плохо дело. Большую игру они начинают прямо сейчас.

Сема, как это часто бывает с учениками, отвлекся и не следил за этим разговором. Он обнаружил Ольгу и Ахмеда сидящими на солнечной лужайке и оживленно что-то обсуждавшими. Ольга кокетливо смеялась, а Ахмед подвигался все ближе.

— Сема, блин, выключи их. Нечего распускать слюни на чужое счастье. Не нужно было Маню упускать.

— Ладно, дядь Саш, Маню мы вернем.

— Мы-то вернем, а вот ты...

Сема переключил формирующийся роман Ольги на формирующиеся ученические отношения Челки. Там шел какой-то бесконечный разговор о духовной креативной революции, направленной против мещанства. Скучно. Сема оттолкнулся от монитора и подлетел в кресле к столику, чтобы налить еще чайку.

Дядя Саша по-стариковски рассуждал сам с собой: «Пора заканчивать нашу книгу. Устал я обсуждать ее в форумах. Сколько все-таки разных идиотов ее читает. А

ведь не про них писано...»

На пульте запищало. Загорелась одна из кнопок.

— Вот, Сема, чем дурака валять, пойди посмотри. Там что-то на Новокуйбышевском заводе опять сбоит в цеху вакуумной пластики. Ремонтники минут через пять подъедут. Проследи, нормально ли устранят.

— Ага, щас.

— Не щас, а так точно. Пока спустишься, как раз вовремя будет.

Сема допил чай и прошел к двери в глубине комнаты, которая оказалась лифтом. Через секунду он скрылся в недрах холма.

Челка почти кричала с экрана:

— И я скажу снова: «Долой систему тотального контроля! Долой контроль за расходом каждой капли ресурсов!»

— Хорошо, а что дальше? — охлаждал ее Володимир.

— А действительно, что дальше? — спросил Дима дядю Сашу.

— А дальше? Мы отправим Масипаса хозяину. Пусть восстанавливает гармонию.

Столица мира

27 сентября.

Брюссель.

Романов, Принтам.

«Как различить, кто перед тобой — маленький человек или большой? Маленькие люди решают свои маленькие проблемы, обустроивают мирок вокруг себя, передают культуру от поколения к поколению по заданным правилам. Благородное и полезное дело. Большие люди, исторические личности — другое. Они определяют правила игры для всех. Но тогда и правитель может быть маленьким человеком, как Акакий Акакиевич. А нищий философ продолжает будоражить умы через тысячелетия. Наверное, большой человек отличается от маленького тем, что его воздействие на мир сильнее, чем воздействие мира на него».

Романов прикинул баланс. Что же, пока получалось в его пользу.

План Романова — Распайля реализовывался вкривь и вкось, но до настоящей гражданской войны в Париже дело так и не дошло. По всему городу вспыхивали ночные перестрелки, но решающего сражения не случилось, так как вожди были заняты на переговорах. Красный Дани, почувствовав перспективное дело, превратил переговоры трех Дани в переговоры двух при своем посредничестве, так что Нобелевская премия в конце концов достанется им троим, а Сергеич удостоился только ордена Почетного легиона. Романову было немного обидно, что его роль в успешном разрешении французского кризиса не находила достойного освещения. Ладно, ученики опишут все как надо.

Во Франции на общественные работы почти никто не нанялся, так как большинство безработных не было приучено к монотонному физическому труду. Зато продовольственная помощь потекла рекой — в условиях нынешнего кризиса продовольственные излишки было выгодно одолжить под будущее процветание. Около десяти тысяч представителей авантюрно настроенной молодежи уехало попробовать жизнь в России, после чего Сергеича стали поминать добрым и недобрым

словом в некоторых отечественных весях.

Аника заполучила от Шварца только батальон, который стала наращивать за счет французских добровольцев. Она материла французов по-шведски. Программа переводчиков, не содержащая шведских ругательств, сбоила, что позволяло французам обожать Жанну (как они ее называли). Она жаловалась, что французики не имеют понятия о дисциплине и точном выполнении приказа, истерила и плакала, но добивалась своего. Вскоре ее отряды стали основой муниципальной гвардии, которая решительно пресекала любые беспорядки.

На референдуме была одобрена новая конституция, позволявшая сосуществовать Республике, Империи и Коммуне в отдельных виртуальных пространствах. Французы сами могли решать, куда платить налоги, но львиная их доля должна была идти на объединенную армию и оставаться по месту жительства — в дистриктах. После этого в бесчисленных кварталах страны начались работы по технической реконструкции и экологическому оздоровлению. Парижане продолжали митинговать, но эти митинги-базары были уже не столь многочисленными и посвящались более прозаическим проблемам, нежели революция. Может быть, именно в этом революция и заключалась. Неотъемлемой частью Парижа стали и баррикады, которые приносили дистриктам неплохой доход за счет многочисленных туристов из Азии. Несмотря на продолжавшуюся войну, их поток не ослабевал. Было модным во время отпуска сменить серые будни на обзор европейской войны и революции.

Профсоюзы включили в свои ряды безработных и более активно взялись за их трудоустройство, организуя обучение перспективным профессиям. По образцу России был принят закон, который гарантировал выплату пособия в зависимости от успехов в этой учебе. Часть безработных поглотила армия, расширявшаяся по мере продвижения мавров к границам Франции.

Все эти итоги своих реформ Сергеич оценивал, просматривая сайты на видеостолике в поезде Париж — Брюссель. За пределами Парижа автолетом пользоваться не мог даже он. Полотно железной дороги только что было отремонтировано после очередного теракта и теперь вроде бы надежно охранялось. Путешествие было опасным, но Сергеич решил рискнуть, поскольку в Брюсселе находился Принтам. Академик некоторое время уклонялся от встречи, но после успехов Романова в Париже сам вышел на контакт, передал привет от Адлеркрейца и пригласил приехать в Брюссель.

Романов не интересовался светской хроникой, но хроника нашла его сама, выскочив рекламным слоганом: «Франко-шведско-русский любовный треугольник». На столике материализовались бюсты самого Сергича, Его Величества Даниэля I и Аники. Причем Аника была изображена в совершенно неприличном виде. Разумеется, Сергич не мог не кликнуть на этот сюжет. Ему тут же представилась возможность ознакомиться с фривольным текстом о любовных похождениях Аники сначала с русским экспертом, а потом с новоиспеченным императором. Текст подкреплялся довольно откровенными голограммами и уж совсем неприличным постельным роликом Аники и белого Дани. Соседи по вагону с удивлением увидели, как уткнувшийся в видеосайт пассажир густо покраснел.

Первым делом Сергеичу захотелось разнести вдребезги видеоплощадку, но он вдруг подумал, что и теперь его могут снимать. Скорее всего, этот сюжет ему тоже подсунили намеренно. И потом, такие ролики можно, в принципе, смонтировать. Немного успокоившись, профессор послал сюжет на экспертизу, а копию перевел

Анике с вопросом: «Это правда?» Ответа он не дождался.

Как ни гнал Романов от себя поганое настроение, но именно в этом состоянии он и прибыл в столицу Европы. Выйдя из вокзального бункера, путешественник обнаружил себя в азиатском городе. Вокруг шла оживленная базарная торговля, раскинулись шатры, среди свалок и картонных туалетов сидели толпы то ли беженцев, то ли уже постоянных жителей города. Сверившись с планом, Сергеич понял, что такой является только часть Брюсселя — «Гостеприимный приют», или, проще говоря, гетто. Предъявив соответствующие визы, Романов прошел через КПП и оказался на стройплощадке. Вокруг улицы были вырыты котлованы, возведены стены и даже отдельные здания, черневшие пустыми глазницами незастекленных окон. Вдали тоже виднелось множество кранов. Гигантская стройка столицы Европы, множество офисов и жилья для чиновников Объединенной Европы, стала подмораживаться уже во время Депрессии, а теперь и вовсе остановилась. Так что город напоминал недостроенную Вавилонскую башню. Сергеич легко представил себе следующий шаг — нашествие перенаселенного гетто на эти дома, затопление столицы Европы привокзальной Азией и Африкой.

Противостояние Запада и Юга, переросшее в войну и бунты в европейских городах, грозило и здесь привести к трагедии. Европа не могла ассимилировать своих новых жителей, явно надеясь вытолкнуть их куда-нибудь, и это грозило резней.

Романов не успел обдумать эту мысль. Но привычка есть привычка — он запомнил проблему: куда они собираются отправить этот табор?

Эскалатор вынес своего пассажира на смотровую площадку, с которой открывались два гиганта — дворец юстиции и базилика Святого Сердца, построенные еще тогда, когда Брюссель впервые был имперской столицей. На горизонте виднелся купол космопорта. Дымка размыла его очертания. А вот почти законченный пластибутовый купол нового здания безвластного Европарламента выглядел неважно — его уже продырявили ракетами, выпущенными неизвестно кем, слишком много группировок взяли на себя ответственность за эту акцию.

Сергеич подумал, что каждый раз, когда бельгийцы самоутверждались в архитектуре, доказывая Европе свою мощь, вскоре их кто-нибудь завоевывал. Как оно сложится на этот раз? Сергеич взглянул на грубую мощь громадной базилики Святого Сердца, возвышавшуюся на горизонте. Неужели и ее переделают в мечеть, как Святую Софию? И это даже будет проще, приделы так похожи на минареты. В XX веке западная культура стремилась доказать исламу свою политкорректную близость, готовность принять его в свое лоно. Но не наоборот. Европа ощущала превосходство своей эпохи. Что для исламских стран было в диковинку, Европе уже приелось. И нынешняя мировая война лишь воспоминание о прошлом столетии, о мировых революционных мечтах и кровавых оргиях мировых держав. Нет, не справиться исламу с этой утомленной опытом цивилизацией. И придется ему со временем возвращаться к роли одной из мирных и миролюбивых мировых религий, как католицизму или социализму.

Рассуждая подобным образом, Сергеич подъехал к другому гиганту — дворцу юстиции, дому-кварталу в стиле французской третьей империи. Жажда имперского будущего, надежда стать новым Вавилоном. Эта мечта сбывалась здесь не раз, принося городу новые возможности и новые беды.

Сегодня европейские институты раздавили средневековый Брюссель, оставив нетронутым только ядро старого города. Кругом небоскребы, причем сплошь и рядом

недостроенные. А между ними остатки когда-то уютных улочек.

То же произошло и с европейскими нациями, которые сейчас бунтуют против Евросоюза. Еще бы. Объединялись ради еще большего процветания, а великий кризис привел всех вместе в нынешнее болото. Вот и винят друг друга шотландцы и австрийцы, баварцы и каталонцы. Сергеич намеренно не стал встречаться сейчас с руководителями многочисленных брюссельских бюрократий, стремительно терявших рычаги управления европейскими регионами и войсками группировки «НАТО-Европа». Подождем-посмотрим. Сыграют умело — останутся в силе, подомнут поднявших голову национальных президентов и монархов. Наделают глупостей — сами станут голыми королями, данью традиции, которую оплачивают из жалости и по мере возможности. Сейчас возможности невелики. Попробуют вернуть свое нахрапом — развалят оставшееся. Таковы судьбы союзов и империй.

С такими размышлениями, вполне, впрочем, типичными для самодовольных жителей Союза, Сергеич прошел сканирование в дверях дворца, встал на стойку, которая понесла его по коридорам к кабинету Принтама.

Академик Принтам был типом француза, отличным как от Распайля, так и от Вальжана (о Черном Дани не приходилось и говорить). Более всего Принтам напоминал Эркюля Пуаро.

Подали настоящий кофе с ликером и свежие буcriки. Похоже, их выпекали здесь же. Принтам не мог скрыть эстетических мучений от звуков французского языка в версии романовского автопереводчика (а у Сергеича был хороший переводчик, но в Академии текста все были помешаны на чистоте и качестве родной речи).

Романов изложил Принтаму свой план спасения ценностей европейской культуры, но академик с ходу отверг его:

— Все уже готово к эвакуации, но не в Союз, а в Швецию. Адлеркрейц все подготовил на крайний случай. Но я хотел говорить с вами не об этом.

Принтам развернул перед Романовым перспективу грядущего, которое важнее сегодняшних социальных потрясений и, в сущности, не зависит от исхода нынешнего завихрения в потоке времен. Предстоит Битва смыслов. Кто бы ни победил: какой-то Дани, плебеи или аристократы, империя или республика, все сойдет к одному. Все участники драмы говорят на одном языке, и язык программирует развитие их судеб. Тексты — основа мышления, а значит, и человеческой жизни. Несовершенство мира очевидно, но менять его можно, только овладев таинством текста. Познавая смыслы, вы управляете сознанием.

Сергеич заметил, что управление чужим сознанием — дело не очень благородное. К тому же нынешние завихрения в потоке оплачиваются страданиями людей, и хотелось бы уменьшить эту плату. Тем более что экспансия с Юга создает угрозу и людям, и текстам, и смыслам. Там — другие смыслы.

Слова о страданиях и цене Принтам, видимо, счел данью политической корректности и не обратил на них внимания. А вот экспансия исламского мира его живо интересовала.

— Вам, как историку, конечно ясно, что наши нынешние страсти — рябь на океане, течения которого идут из древности. Север и Юг могут сосуществовать, но они не могут смешаться. Смыслы ислама плохо переводимы на иные смысловые языки, и поэтому он не сможет завоевать мир. В своем буйстве он нанесет разрушения, и застынет там, где мы с вами его остановим.

— Почему мы с вами? «Мы» еще ничего не решили.

— Но для вас-то вопрос, вероятно, решен. Вы ведь испытали их удар на себе.

— А я не уверен, что это был их удар.

Сергеич сказал это из духа противоречия. Но про себя подумал: «А действительно, в свете всего известного вовсе не факт, что Халифат заказал покушение на меня».

Лицо собеседника было совершенно спокойно и непроницаемо. Сергеич посмотрел не на лицо, а за лицо и увидел замешательство. Академик Принтам выстроил весь разговор, и тут в тексте образовалась дыра, которая была для него как для филолога непереносима. Принтам был поражен: оказывается, Романов не верил, что на него покушались исламисты. При всей очевидности этого факта он знал что-то еще. Что?

— Тогда чей же?

— Мы ищем.

— Могу ли я чем-либо помочь в этих поисках?

— Можете. Вы общались с Софьей незадолго...

— Ах, Софья! Сама мудрость! Да, это было очень интересно, у меня есть запись. Хотя какое это имеет отношение к вашему делу?

— Похоже, у нас с Софьей были общие враги. Вы, кстати, не боитесь пострадать от этой развязанной сейчас охоты на экспертов?

Романов давно готовился вернуть этот коварный вопрос, и вот Принтам сам «подставился» под него. Если он что-то знает о заказчиках охоты на экспертов, где они с Софьей стали мишенями, обязательно выдаст себя. В общем, надежда оправдалась, но как-то странно. Принтам заохал:

— В наше время всего стоит опасаться. Бедная Софья. Но вы тут ни при чем. На вас, почтеннейший Серж, никто не охотится.

— Очень интересно, уважаемый коллега. Получается, что вам известны мотивы убийства Нестеровой, и они — совсем иные, нежели мотивы покушения на меня. Причем теперь на меня никто уже не охотится. Вас правильно понял?

Но «прижать» академика было непросто:

— Что вы, что вы, Серж. Вы не так меня поняли. Мотивы убийства Нестеровой лежат на поверхности: Халифату нужно было дестабилизировать ситуацию в Крыму. Вкупе с разгромом колонны пацифистов они этого добились. Любой аналитик поймет, что мотивы покушения на вас были иными, хотя источник, может быть, и тот же. Но признайте — на вас уже давно никто не покушался. Значит, их мотив исчерпан. Элементарно, Ватсон!

— И что, Софья вам что-то говорила об угрозах в свой адрес?

Вот об этом академик как раз ничего сообщить не мог: с милейшей Софьей Петровной мы обсуждали исключительно историсофские вопросы.

Принтам использовал повод, чтобы щегольнуть своим системным модулятором. В пространстве между собеседниками возникла выпуклая карта Средиземноморья со множеством регулирующих значков.

— Видите ли, мы обсуждали, насколько место действия человека связано с его результативностью. Собственно, нас волновал классический сюжет. Почему Христос явился именно в Палестине. Конечно, конечно, избранный народ и все такое. Но обратите внимание: это очень удачный стык империй и культур. Римская империя — прекрасное поле для распространения учения на огромном пространстве. Греческая философская мысль — отменный переносчик и переводчик нового учения, который

сделал его доступным интеллектуальной элите. А та уж «раскрутила» христианство для широких масс. Христос не мог явиться в еврейской общине в Персии, тогда его учение охватило бы не склонный к переменам Средний Восток. Он не мог прийти в Индии — там христианство было бы растворено в плюралистичном и терпимом индуизме. Похожий сценарий ждал бы Христа и в Китае. Даже на западе Римской империи эксперимент был бы неудачным — местный варварский мир просто ничего бы не понял в этой проповеди и замолчал бы странного проповедника. Так что Господь неслучайно привел «свой народ» именно в Палестину — этот геополитический перекресток. Это — истинная столица мира. Ведь столица мира там, где находится его истинный правитель, тот, кто определяет направление наших помыслов.

— Да, я в курсе этой проблемы, — прервал Принтама Романов. Модулятор был довольно простенький — карта, фишки. Структура общества отражалась слабовато, с помощью линий связи. Так, немного сложнее школьного видеоатласа. Понятно, что Принтам — не спец по античности и не обязан ваять что-то экстраординарное на тему Христа и Кесаря. Но зачем тогда грузить Романова, и так ли он мог увлечь Софью?

— Да, но это только преамбула. А если бы случилась война Персии и Рима, все сложилось бы иначе, не получился бы христианский проект. Смотрите.

На карте пришли в движение армии, огонь войны охватил Средиземноморье. Фигурки, означавшие проповедников, исчезали одна за другой.

В этот трагический миг древней истории Принтама потревожил вполне современный звонок. Академик был так увлечен сюжетом, что не выключил модулятор. Однако беседа поглотила академика еще сильнее, а поскольку все его коммуникации были сейчас подключены друг к другу, это сказалось и на модуляторе.

Картина изменилась. Античность сменилась современностью. На карте проявилось множество сложных связей разных цветов. Это была база данных Принтама и всей его конторы по вопросам современной политики Восточного Средиземноморья.

Беседа шла как раз на эту тему, и касалась она не прошлого, а будущего. Стрела Халифата выдвинулась в сторону Крыма, хотя и не достигала его. Ответная стрела Союза врывается в Турцию и на Балканы. Вокруг прорастают какие-то значки и связи. Внимание Романова привлекло черное кольцо, которое на периферии карты уходило в самое сердце Союза — через Самару, Астрахань, Киев. Интересно, вдруг подумал Сергеич, а что у них в Киеве. Стоп, почему он решил, что именно у них? И у кого?

Карта довольно быстро менялась, но Сергеич заметил и свой маршрут, и параллельный маршрут Доггера, от которого тянулись какие-то связи. Интереснее всего было то, что Халифат у Принтама был красиво обозначен, как и положено, зеленым цветом, от него тянулись зеленые нити связей. Но они практически не пересекались ни с Доггером, ни с черным полукольцом, проходившим через Союз и куда-то дальше. Более того, от кольца в Халифат связи шли. Это значило, что кольцо управляет этими связями, а не наоборот.

Принтам распался. Шел жаркий спор. Академик мысленно указывал на разные точки пространства, и они вспыхивали на виртуальном мониторе. Собеседник отвечал, указывая на другие точки. Но Сергеич не был подключен к их речевой линии и сути спора не знал.

И вдруг, видимо спохватившись, Принтам прервал разговор и снова вернул карту в исходное древнее положение.

Сергеич решил быть бестактным:

— Вы хорошо осведомлены о кольце. Я и не знал, что вы входите в его орбиту.

Принтам повысил голос до нот возмущения:

— Что вы, коллега, как вы могли подумать?! Всей своей жизнью я доказал, что служу европейской культуре! И с этим кольцом я имею дело лишь постольку, поскольку оно служит Европе. Ваши недоразумения с ним для меня крайне прискорбны.

Сергеич выдерживал паузу, потому что не знал, что говорить. Он понятия не имел ни о каком кольце и пять минут назад еще думал, что попал в какой-то переплет с Халифатом. Высказывая Принтаму сомнения на этот счет, Романов просто блефовал. Позднее, вспоминая эту ситуацию, он, конечно, говорил себе и друзьям, что сомнения были и прежде, что он все равно еще раз проанализировал бы новые обстоятельства... Но, честно говоря, его уже заставили поверить в то, что Халифат — главная угроза. Он уже знал, что рекомендовать Новгородскому Собору. А тут все получается как-то не так, какое-то кольцо...

Принтам расценил молчание Романова по-своему. Вдруг профессор, преуспевший в расследовании покушения на самого себя, сейчас начнет на всю Европу кричать о том, что к заговору причастен его научный конкурент. «Как же я забыл отключить монитор?! Впрочем, его намеки в начале беседы... Конечно, он все знал заранее. Эти вопросы о Софье... Еще немного, и он докопается до скромного участия Академии текста в российских делах. Конечно, Романов не может не знать, что сегодня любая академия — мозговой центр нескольких правительств, да еще и разведка в придачу. Но одно дело — догадываться, а другое — предъявлять обвинение». Принтам решил слить часть правды, чтобы отмежеваться от опасных связей.

— Да, мне нужно было это Кольцо! Оно помогало нам в борьбе с Халифатом и американским гегемонизмом. Но работа выполнена, расчет произведен. Все! Сейчас они предлагали мне новое дело, но, если вы видели, разговор кончился ничем...

— А я почти ничего не видел и ничего не слышал. Но, как вы понимаете, чтобы поверить вам на слово, мне нужно знать, от чего вы сейчас отказались. Чтобы, по мере того как Они будут это делать, мы могли четко отделять их действия от ваших.

— Ладно, ладно. Это как раз небольшой секрет. Их интересы теперь всецело прикованы к Греции. Но это не военный интерес. Судьба греков зависит теперь от исхода борьбы на других фронтах, так что меня этот регион волнует не очень. Если хотите, я могу обещать вам, что вообще не буду заниматься Грецией года три.

Принтам встал с кресла и картинно приложил руку к сердцу в знак клятвы. Он подошел к окну и поднял жалюзи. В комнате повеяло уличными газами. Академик простер руку над кварталами Брюсселя:

— Меня манят иные дали. Надеюсь, недоразумений между нами больше нет. Честно говоря, когда я узнал о том, что Кольцо причастно к нападению на вас, тотчас решил не иметь с ними дело. Потому что, не скрою, считаю эффектнейшим деянием года разработанные вами французские преобразования. Увы, лауреаты Нобелевской премии на этот год уже выдвинуты, а то... Но знаете, одно из направлений Парижских инициатив можно было бы развить. Посмотрите на этих страждущих, — Принтам указал на кварталы мигрантов. — Их, а не парижских сорванцов следует пригласить на просторы Сибири. Ведь климат теперь таков, что они не замерзнут и на Колыме. Мы могли бы разработать проект переселения, который в случае успеха был бы достоин премии Нобеля. Представьте: лауреаты Романов и Принтам. Это вошло бы в учебники

истории.

— Да уж, тем более что учебники истории пишут наши ученики. Но знаете ли, дорогой Принтам, я не готов кланяться скандинавским королям после того, как видел их солдат в деле. Всем премиям я предпочитаю Библическую. Среди нобелевских лауреатов такая публика, что мне как-то не хочется вставать в этот ряд.

Может быть, он все же кривил душой. Просто знал, что социологам и историкам Нобелевскую премию не дают, а с политиков за нее слишком много просят. Вот и Принтам сейчас просил ни мало ни много поспособствовать превращению западноевропейской беды перенаселения мигрантами с Юга в проблему Союза. Сибирь уже давно перестала быть безлюдным краем. По мере глобального потепления на север и восток продвигались кварталы электронных коттеджей, обходя лишь заранее определенные Федеральной экологической службой материка и острова тайги, пятна болот и неприступные горные цепи. После строительства новых городов на прохладном океанском побережье Северного океана открылся второй фронт заселения, и свободного места в Сибири осталось не так много. Одно дело — растворить в миллиарде сибиряков десятки тысяч французских тинэйджеров, другое — полмиллиарда арабов и африканцев.

Однако когда Принтам прямо спросил, следует ли воспринимать слова Романова как отказ, Сергеичу стало страшно. Он вдруг подумал, что Принтаму стоит только сообщить этому самому Кольцу: Романов все знает — и его могут не выпустить из Евросоюза. Или выпустить вперед ногами. Поэтому он решил лукавить:

— Нет, сама идея интересна. У нас сейчас подъем, нужны рабочие руки. Просто я не хочу, чтобы вы решили, будто меня можно поймать на крючок тщеславия.

Чтобы снять напряг, возникший в разговоре, Сергеич засмеялся, после чего Принтам облегченно расхохотался:

— Что вы, что вы! И в мыслях не было. Ведь мы же оба служим Европе, а не себе! Теперь можно было не беспокоиться, Принтам пока никому ничего не скажет.

На прощание Романов шутя сказал Принтаму:

— Знаете, коллега, не ходите к жерлу вулкана. Там вас ждет назгул. — К удивлению Сергеича, Принтам понимающе кивнул.

Когда Романов вышел из дворца на вонючий воздух, он вспомнил Штирлица, его уникальную удачу разведчика. Конечно, такие удачи случаются только в фильмах и романах. Романов даже невольно заподозрил, не является ли он героем какого-нибудь романа. Посмеявшись в усы, он молвил вслух: «Но уж во всяком случае не фильма. Интересно, а висела ли моя жизнь сегодня на волоске? А то как-то обидно: удача как у Штирлица, и риска нет».

Что-то было непонятное с этим самым риском. То Романову разнесли комнату ракетой, то стреляют в его знакомую, а теперь он свободно ходит по Европе в свете юпитеров, и никому до этого дела нет. Чтобы пощекотать нервы, можно было просто сообщить Принтаму: «Закатай свою брюссельскую губу, нового Великого переселения народов я не допущу». Один звонок Принтама своему собеседнику из этого таинственного Кольца — и кранты. Какая-то глупость: если опасность возникла только сейчас, когда Романов узнал о Кольце, почему за ним охотились раньше и перестали охотиться потом? «Зачем покушаться на меня, если я ничего не знал о Кольце и знать не хотел? Артем на что-то такое намекал, а мне было наплевать. Но вот они выстрелили в меня, отравили Софью и просто-таки навели меня на собственный след. А тут еще просчет Принтама, его виртуальная проговорка. Он-то знал о Кольце,

и судьба его упрямо вывела на меня. Судьба?» Но ведь Принтам с самого начала попал в поле его расследования. Случайность? Теперь Романов все меньше верил в случайности.

Нужно было сложить кусочки картины, спокойно посидеть. Сергеич решил спуститься на Гранд-пляс. Эта туристическая точка хорошо проветривалась, воздух там был почти чист. Можно было посидеть, попить пива — единственный напиток, который на Западе все еще делали лучше всех.

Несмотря на то что до старого города было рукой подать, Сергеичу пришлось миновать несколько контрольных ворот, где его снова просвечивали на предмет взрывчатки, химоружия и чего-то не менее ужасного. Один из охранников проворчал по-голландски: «Этим иностранцам хорошо, по одной визе можно проходить все двери. А гражданину страны нужно еще доказать, что он имеет честные намерения, посещая тур-зону. Надо позвать сюда французского императора, он наведет порядок, хоть и француз».

В средневековом Брюсселе посетителей было меньше, чем в прошлые годы, но русские и японские туристы по-прежнему норовили взгромоздиться поближе к заветному органу мальчика Писа, чтобы лучше выйти в домашнем видеоклипе.

Сергеич устроился в кафе и стал разглядывать ажурные каменные брабантские кружева ратуши. Он любил эту сказочную площадь, которая выпала из XXI века. Она состояла из множества любовно выточенных кусочков.

Кусочки постепенно складывались и в рассуждениях Романова. И без последних откровений Принтама он продолжал сомневаться в том, что советовать Политическому Собору. Ясно, что исламская экспансия захлебнулась. Ясно, что нам можно атаковать Халифат, только если есть гарантия, что он развалится под ударом, а это не факт. Ясно, что нас толкают к участию в разделе Халифата, чтобы разделить не только плоды, но и издержки затяжной войны. Также ясно, что в Союзе есть силы, которые вольно или невольно играют на стороне чужого интереса. Но создается странное впечатление, что те, кто играет против нас, одновременно разваливают и Запад.

В новом свете выглядели и события последнего месяца. Похоже, Доггера Алекс поторопился записать в агенты Халифата. Да и астраханский след вел не на юг. Доггер замешан в истории с пацифистами, но он не мог один устроить эту бойню. Получалось, что пацифистов переключали для того, чтобы возбудить общественное мнение Союза против исламской угрозы и втянуть Союз в войну с Халифатом. Заказчиком этой инициативы, очевидно, является НАТО. Но вот кто является исполнителем? Неужели советские военные выполняют такой заказ? Какой-то абсурд. Их сейчас и так неплохо кормят. Как-то не верилось в чисто шкурный интерес офицеров в этом деле.

И зачем было покушаться на самого Романова? Он, стыдно признаться, и так бы скушал всю эту антиисламистскую игру, тем более что пацифистом не был и к исламскому тоталитаризму относился вполне отрицательно. Они не были уверены в его позиции? Чушь. Для того чтобы проверить или уговорить, применяются гораздо более мягкие средства. Сейчас, после всего случившегося, он для них гораздо более серьезная угроза, чем до покушения в Полисе.

Вдруг Романов заметил, что к нему решительной походкой направляется человек в какой-то форме.

Неужели Принтам все же донес?..

— Господин Романов?

Деваться некуда — у них наверняка есть его видеограмма. Допив пиво, Романов внутренне сгруппировался и кивнул.

Почтальон протянул ему посылку. Пришла только что, почта среагировала на регистрацию Романова при прибытии в Брюссель, а затем почтальоны отслеживали перемещение клиента по городу — ведь он несколько раз предъявлял идентификационную карточку, перемещаясь из района в район.

Сергеич было собрался вскрыть коробку, но в ней что-то зашуршало. Тогда он попросил почтальона открыть самому. Тот пожал плечами — коробку уже проверяли. Из нее, шурясь на свет, вылез Масипас.

Сергеич не знал, что и думать. Масипас ведь оставался с Таней. Неужели это символ развода: выслать ему кота? Нет, исключено, кота она бы оставила себе. Сергеич попытался связаться с женой, но ее номер был по-прежнему заблокирован. Это уже не лезло ни в какие ворота. Она-то куда делась, и как могла так безобразно поступить с котом?

Надо поскорее выбираться с дикого Запада, устроиться в любимом кресле в окружении информационных порталов и учеников, произвести мозговой штурм.

То, что Принтам проговорился, компенсировало ему Артема. Уж теперь-то Романов повнимательнее отнесся бы к Артемовым домыслам. Но, поняв ситуацию лучше, Романов стал еще сильнее нуждаться в «базе случайностей», которую собрал Артем. Да, сейчас бы задать ему пару вопросов, и прежде всего о его роли в покушении на самого Сергеича. Кому Артем рассказал о местонахождении Романова в Полисе?

Романов даже помолился Господу, чтобы Артем все же остался жив. Это надежное средство не подвело и теперь. Автоматически поглаживая урчащего на коленях Масипаса, Сергеич обнаружил у него на ошейнике приклеенную записку:

«Уважаемый Сергей Сергеевич, вы можете встретить Артема в Гремингемском замке».

Рокировка

27 сентября.

Ялта.

Алекс, Татьяна.

«Игра в шахматы отличается от жизненных ситуаций количеством клеток на доске. В шахматах их — 64 на плоскости. В жизни — бесконечность в нескольких измерениях. И если вы играете в жизнь, как в шахматы, готовьтесь к неожиданностям», — прочитала Таня бегущую строку над памятником Ленину. Кажется, этот правитель был еще и шахматистом.

Таня прогуливалась по набережной Ялты. Ей нравился шторм — водные горы нарастали у гранитного борта и шаршили по нему. Брызги взмывали к небу, не причиняя никому вреда. Таня стояла на безопасном расстоянии и размышляла о тщетности всей этой возни вокруг Халифата. Вот он атакует, подкапывается под Крым, а границы Союза по-прежнему нерушимы. Мужикам лишь бы бряцать оружием.

Днем Тане было нечего делать, и она бродила по улочкам, разглядывая расцвеченные виртуальной подсветкой особняки и серые татарские домики с эркерами, похожими на старинные запыленные фонари. С темнотой Таня возвращалась в отель Аютка. Говорят, на улицах пошаливают башибузуки и лучше не бродить в темноте. Таня сядила в кафе «У Мироныча», где турки готовили чудный кофе, и ждала своего бога. Она предвкушала новую ночь — Алекс был неутомимым выдумщиком, и ни одна ночь не походила на другую.

Коротая время, она завязала полезное знакомство. Нужно было думать о будущем. Скажем, автолет — без него нельзя, а придется оставить Романову. Очень кстати завсегдаем кафе оказался пожилой конструктор Яков Оскарович. Он крутил на своем мониторе носовой узел дирижабля машины, когда Таня заглянула ему через плечо.

— Это летает?

— Лучше чем птица! Интересуетесь?

Они познакомились, и Яков Оскарович развернул перед ней волшебный мир автолетостроения — десятки моделей только его конструкции. На сайте были выложены по десять «жуков» на страницу — в фас и профиль. Вот обратите внимание — «Каскад-23». Смотрите, вертикальный взлет, до 18 метров в минуту. Резервные двигатели — самозамораживание воздуха. Экономия какая!

Его интерес понятен — он получает три процента с каждого заказанного автолета. Стоит ей внести авансовый ресурс, и заказанная модель пойдет в производство. Но Таня привыкла сначала проводить маркетинг.

— А вот у нас был Ил-512...

— Ох уж эти мне большие фирмы. Они же штампуют свои машины партиями по тысяче штук. Никакого индивидуального подхода. Для вас мы оформим все в соответствии с индивидуальными запросами. И выйдет подешевле. И техосмотр от изготовителя.

— И сколько в у.е.?

Цифра Таню устроила. Из «Социума» придется уйти. Но за время ее работы там ресурсоемкость организации выросла раз в шесть, так что выходные подъемные будут ого-го. Хватит не только на автолет. Да, многих удивит этот ее ход конем...

— Ладно, полистаем ваши каталоги. А с режимом автопарковки...

— Обижаете, у нас все модели с этим режимом.

— Да, полистаем... Скажите, Яков Оскарович, как местный старожил, а что это за Мироныч, у которого мы собираемся?

— А, раньше Аутка называлась его именем. Был он всесоюзной шишкой, да вот беда, грохнули его. Вроде муж любовницы подстрелил. А выстрел этот пошел волнами, многих за него арестовали. Громкое было дело, сложная комбинация... Прямо, как с мужем вашим. По нему выстрелили, и пошли волны. Вот-вот сюда докатятся. У многих позиции шатаются.

Таня удивленно подняла брови. Откуда Яков Оскарович знает, кто ее муж? Хотя наверняка их лица сейчас мелькают по видео и на сайтах. Впрочем, ей нечего скрывать. Она круто разворачивает свою жизнь, кнопка «бэк» зависла, обратной дороги нет. Только вперед, только с Алексом. А вот и он.

Алекс появился в дверях в элегантном мундире офицера войск Союза (здесь его переделали, чтобы не демаскировать контакты с НАТО). В руках он держал здоровую корзину, из которой выглядывало крымское вино, виноград и горка инжира —

любимого Таниного фрукта. Она вспорхнула с места, наскоро попрощавшись с конструктором.

Наутро Алекс встал чуть свет — у него был трудный день. Ранехонько нужно было лететь на Ай-Петри. Отсюда до вершины пятнадцать минут лету.

Подлетать к стене Ай-Петри ближе чем на 10 метров было нельзя. Нарушить запрет Федеральной экологической службы никто не рисковал — могли задержать авиолет. Но чуть поодаль авиолетов вокруг нее было — как мух. Любители природы любовались морщинистой скалой и ее растительностью. Так что Алексу пришлось сложно маневрировать, прежде чем он достиг парковки у бывшего здания фуникулера. Здесь его уже встречали крепкие ребята из Корпорации охранных услуг. Корпорация была основана лет двадцать назад так называемыми «регулярными рэкетирами», после того как они разгромили «иррегулярных рэкетиров» в так называемой «второй крымской войне». После войны, в которой кровь авторитетов лилась рекой, было заключено секретное соглашение Крымского совета и сходки «регулярных», по которой последние легализуются, создают корпорацию, получают легальный ресурс и не пускают в Крым посторонних бандитов. Позиции Корпорации были нерушимы до последних трех лет, когда их стали теснить башибузуки.

Алексу предстояло уточнить планы охраны мероприятия. Председатель Корпорации оказался низеньким старичком, который когда-то мог быть спортсменом, борцом или боксером, а теперь ожирел и обрюзг. Как и положено радушному хозяину, он провел Алекса на террасу, с которой открывалась панорама Ялты, моря и нагорья. Подали здешнее вино и шашлычок с овощами. Почему-то во всех корпорациях, с которыми здесь вел переговоры Алекс, его угощали одним и тем же.

Впрочем, Алексу нравилась и здешняя кухня, и здешняя природа, которую почти не коснулись глобальные экологические перемены. Горы и море служили защитой этому краю как минимум четыре тысячелетия.

Внизу мельтешили авиолеты, а здесь на горе открывалась равнина в стиле дикого Запада, процветало «боевое сафари». Председатель не преминул предложить Алексу здешнее развлечение, но тот вежливо отказался. Во-первых, он на службе, а во-вторых, свою порцию адреналина он получил в Центральной Европе.

Суть «сафари» заключалась в том, что в карстовых пещерах партизанили башибузуки — обобщающее название бесчисленных экстремистских группировок татарской и турецкой молодежи. Корпорация обязана была предотвращать проникновение башибузуков к краю горного хребта, откуда они могли обстрелять что-то важное. Как и в Средние века, за пятьдесят километров к северу от этой линии башибузуки могли перемещаться относительно свободно. Там находились лагеря беженцев, массив татарских поселений, можно было пользоваться авиолетами. А вот сюда проникнуть было тяжело — или под покровом ночи, выводя из строя системы наблюдения и сигнализации, или через карстовые пещеры. Боевики Корпорации должны были патрулировать полосу отчуждения, но предпочитали сидеть в тылу, продавая право на патрулирование искателям приключений. Для этого их оформляли на службу на несколько дней, давали оружие и опытного командира. Выгодный бизнес, который сейчас практиковался по всему миру, но в Союзе — только здесь и на границе Великой пустыни.

Алексу предстояло обсудить с председателем другое патрулирование, где дилетантам было не место. Еще вчера Генерал ознакомил его с тремя главными объектами — Ливадийский, Воронцовский и Юсуповский дворцы. Хотя Генерал был

здесь для Алекса начальником, но Крым — такое место, которое располагает к приятельским отношениям. Генерал радушно демонстрировал Алексу этот благословенный край. То ли ему нравился молодой офицер по связям, то ли у Генерала были виды. Прошло три дня, прежде чем он провез Алекса по дворцам. Почему именно эти здания? А ты не догадываешься? Предстоит Ялтинская конференция. Причем не просто дежурная встреча публичных политиков, от которых мало что зависит. Предстоит Вторая Ялтинская конференция — с большой буквы. Ялтинская конференция, которая должна определить лицо мира. Как та, Первая. Поэтому и делегации должны были располагаться в тех же зданиях, чтобы все сразу все поняли.

— Круто, — только и вымолвил Алекс. Поскольку делегация НАТО должна была располагаться в Воронцовском (намек на Черчилля), то Алексу предстояло уточнить детали охраны, размещения, организации работы и тысячу других мелочей, вплоть до досуга. С утра он и начал облет всех заинтересованных сторон.

К полудню Алекс прибыл в Воронцовский дворец — затейливое серое здание, фасад которого являл собой западный замок, а тыл — архитектурную арабскую сказку. Что же, в духе нашего эклектичного времени, Алексу предстояло обсудить подготовку здания к конференции с нынешними хозяевами дворца — представителями Музейной корпорации. А он все еще не знал сроков начала мероприятия. Пора было звонить Пану. Тот динамил его со сроками, третий день предлагая перезвонить завтра. Дальше тянуть было нельзя.

— А, привет Алекс. Как дела? Сроки? Вот, учу тебя, учу, а ты все требуешь от меня указаний. Ну подумай сам, вычисли. Когда это произойдет?

— Откуда мне знать? Я же не член комитета начальников штабов.

— Не надо поминать всуе такие высокие структуры даже по защищенным линиям связи. И все же, до какого момента встреча не может состояться?

— До того, как русские не примут решение.

— А когда они его примут?

— Через четыре дня.

— Молодец. Сколько еще нужно времени, чтобы собраться?..

— Ну, от трех до пяти. Хотя в 1939 году англо-французская делегация добиралась в Москву целую неделю.

— Сообщаю тебе стратегическую информацию — они прилетят на крыльях любви уже на следующий день. Все готово. Никто не будет повторять ошибок прошлого века.

— Сколько продлятся переговоры?

— Ориентируйся на сроки 1945 года. Наши вожди хотят надеть исторические мундиры.

Итак, Алекс теперь знал все, что нужно.

Координатор музея по связям встретил офицера по-восточному — на задней площадке с ее арабским колоритом. Здесь лежали мягкие подушки, стояли низенькие столики с фруктами и восточными сладостями. Хорошо хоть не шашлык. Музейщик уже получил распоряжения от совета Корпорации — МИД договорился с ними об аренде.

— Ну что, выгоняете нас?

— Боже упаси, скорее — вы принимаете гостей.

— Да уж, гости в отсутствие хозяев.

Нет, музейщик не ворчал, а кокетничал. Они уже свернули экспозицию и

складировали ее в нескольких залах. Вот здесь нужно поставить охрану. Советую вам также охранять парк — там много подходов, каменный хаос. И личная просьба: охраняйте лебедей. Очень ранимые создания, боятся шума. Знаете, во времена моего детства здесь жил замечательный лебедь. Но однажды сюда заехали мегазвезды, снимать какие-то свои кривляния на тему Фигаро. Да так разгулялись, расшумелись, что лебедь улетел. И подруга его, представляете, не приняла другого, тосковала прямо как Кончита.

— Красивая легенда.

— Это не легенда. Я ведь сам внук мегазвезды. Должен был петь, но вовремя скипнул в музейщики.

— Извините, мой русский недостаточно хорош. Что такое «мегазвезды»?

— Это что-то вроде нынешних артистов балетоперы. Они тоже пели и плясали, но, по чести сказать, не умели ни того, ни другого. А были безумно популярны и получали очень большие деньги, говоря современным языком — ресурс. Меня брали в турне, помню, огромные толпы собирались...

— А почему?

— О, в этом все величие сего культурного явления. Там не было ни капли искусства, а народ собирался. Соль заключалась в мастерстве манипуляции. Эпоха мегазвезд — грубый, несовершенный, в чем-то топорный прообраз нынешней манипуляции сознанием. Этих бездарей «раскручивали», причем принудительно, а не так, как сейчас, тонко воздействуя на сознание. Представьте, всего-то был с десяток телеканалов, из них три основных. И по всем крутили одни и те же шоу, с одними и теми же эстрадными пошлыми шуточками, одни и те же похожие друг на друга песенки. Волей-неволей люди их подхватывали и напевали. Исполнители были знамениты и богаты — ведь люди слушали только их — «звезд», «суперзвезд», «мегазвезд». Подбирали «мегазвезд» в основном по благу — среди родственников, любовниц и близких знакомых. Так что моя судьба была predetermined. Уже в десять лет я спел свою первую песню. Слуха у меня не было, но вышло здорово — компьютер сделал так, будто я попадал в ритм и играл голосом. Дальше я попрыгал по эстраде, делая вид, что пою. Подпевочку мне дали престижную — из популярной программы «Фабрика манекенов». Я стал героем года...

Он помолчал, словно взвешивая, стоило ли продолжать такую карьеру.

— Но мне было жалко лебедей... Я бросил все и, к ужасу родни, ушел в музейщики. А потом настала пора краха мегазвезд...

— А что случилось?

— Технический прогресс. Каналов стало настолько много, что контролировать их было невозможно. Да что телеканалы, любой сайт можно было превратить в телеканал и размещать на нем все, что хочешь. А компьютерные программы, с помощью которых из меня и мне подобных делали певцов, подешевели. И теперь любой графоман мог написать для своей дочки песенку, обработать ее исполнение с помощью компьютера, склеить сносный видеоклип и разместить у себя на сайте или продать по дешевке на видеоканал. Мегазвезды стали не нужны.

— Позвольте, но почему они так быстро сдались, если их конкурентами были графоманы?

— Вы не поняли. Так ведь и их песни писали графоманы, их поэты тоже были бездарями. Это была монополярная манипуляция. Кончилась монополия, и Великие графоманы и бездари растворились в массе обычных. Некоторые успели уйти в бизнес,

стали менеджерами в других сферах. Переход на ресурсную систему обкарнал их капиталы. Сейчас я помогаю моим родственникам материально и наслаждаюсь балетно-оперными постановками. Но их не раскручивают так, как мегазвезд, и нынешние танцоры популярны среди ценителей, а не затмевают своим блеском ученых, литераторов, общественных деятелей и вообще все и всех. И знаете, они не распугивают лебедей.

Когда я приобрел вес в Музейной корпорации, то попросился сюда, накопил средства и купил славную пару лебедей. Так что особая просьба — не надо шума.

— Шума как раз не будет. Истинная дипломатия шума не терпит. Журналистов будем пускать в другой дворец.

— Очень хорошо, для меня это важно. Теперь досуг. Можем предложить интересные маршруты: Севастополь, Бахчисарай, дно Черного моря...

— Оставьте мне маршруты, я продумаю их с точки зрения охраны.

— Что вы, охрану корпорация берет на себя.

Действительно, что это Алекс так недооценил Музейную корпорацию. Музейщики — влиятельнейшие люди в современном мире. Прежде они были такими же бедными крысами, как и другие социальщики. Зато работали в охотку — ранним вечером музеи уже были закрыты. Но повезло им больше других. Когда проходили реформы Советского Возрождения, было решено отдать музейные сокровища в аренду специально созданной Музейной корпорации. Доходы также причитались ей же, но при условии сохранения низких цен на билеты. Музеи стали работать круглосуточно, целая армия зазывал увлекала людей посмотреть старые и новые экспозиции, корпорация развернула новую сеть экскурсионного бизнеса со своими постоянными дворами, охраной, изданиями — от научных до рекламных. Быть музейщиком стало также престижно, как раньше — работать на мегазвезд. Интересно, что будет престижно лет через пятьдесят? Убирать мусор? Плотничать? Огородничать? Почему бы нет, ведь работал же Сергей Радонежский на общину «аки раб купленный».

Попрощавшись с любителем лебедей, Алекс сообщил Генералу, что готов подлететь к нему. Но Генерал предложил встретиться на небольшом служебном пляже, подальше от лишних ушей. Тем более пляж был оборудован защитой от прослушки.

Хотя пляж был служебным, на его траверзе плескалось под сотню пловцов с других пляжей — на ялтинском побережье было тесно. Экологические буи были довольно близко, а заплывать за них рисковали немногие чудачки, наплевательски относившиеся к своему здоровью. На пляжах места тоже не хватало, и многие бултыхались в воду прямо с авиолетов. Вообще-то такие прыжки считались опасными и были запрещены, но спасатели смотрели сквозь пальцы — куда деваться? Людей в современном мире вообще гораздо больше, чем места под солнцем.

Генерал долго молчал, греясь на солнышке, и Алекс даже решил, что русский решил прикорнуть. Он встал, чтобы искупаться, но Генерал дотронулся до его ноги, и, не открывая глаз, показал на гальку — садись.

— Устал я, Алекс. Еще дело не началось, а уже устал. Твои уверены, что конференция состоится, а у нас тут развернулась большая борьба. Понимаешь, сейчас очень некстати начались аресты среди офицеров. Это подрывает авторитет армии. Поговаривают, что в такой неясной ситуации негоже начинать войну.

— Да, подумаешь. Вороватыми военными никого не удивишь.

— Не говори так о них. Эти ребята пострадали за идею. И если все получится, мы

их вытащим.

— А что получится? Вступление Союза в войну? Остается молиться об этом. Но зачем нам эти астраханские оборотни в погонах, которые признались черти в чем?

— Я знаю этих людей. Если начнутся мировые развязки, нам будет нужен каждый хороший специалист. А то, в чем они признались... Знаешь, в нашей стране офицеры иногда признаются в том, чего не делали. Чтобы спасти товарищей по оружию и по делу...

Алекс понял, что ему сообщили страшную тайну и он стал ее заложником. Получается, что Генерал — один из вождей только что раскрытого в России заговора. И эти офицеры признались в уголовных преступлениях, чтобы скрыть более серьезное дело, скорее всего, военный заговор.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Я все-таки представитель НАТО. Не боишься прослыть шпионом?

— Понимаешь, Алекс, чтобы у нас все хорошо получилось, ты должен знать главное. И я, и твой Пан, и те ребята из Астрахани делаем одно дело. Важное благородное дело прекращения анархии, разгулявшейся и в нашей стране, и вообще в Европе, да и во всем мире. В условиях истощения ресурсов, нового Великого переселения народов, надвигающейся экологической катастрофы полуанархическое советское общественное устройство, неуклюжий компромисс либералов и социалистов — слишком дорогое удовольствие. Мир погибнет, если мы не победим.

— Победим Халифат?

— Халифат — ерунда. Мы сами его раскрутили, мы можем в любой момент взорвать его изнутри. Халифат нужен, как страшилка, как бич Божий, чтобы вразумить народы, пока не вступили в действие более серьезные угрозы, пока не стало поздно.

— Извини, я должен связаться с Паном.

Алекс спросил своего шефа только об одном:

— Мой здешний руководитель говорит о вашем с ним общем деле, по сравнению с которым Халифат — мелочь. Я могу ему верить?

Пан ответил по закрытому каналу так, что Генерал не мог слышать:

— Не верить, но доверять. Я просил его сообщить тебе, чтобы вы могли взаимодействовать на месте. Но сейчас ситуация изменилась. Предстоит рокировка. Тебе придется занять его место.

— В каком смысле?

— Скоро поймешь.

Алекс повернулся к Генералу и кивнул. — «Чтобы занять его место, мне придется стать советским генералом?» — подумал он, а вслух сказал:

— Пан подтвердил.

— Хорошо. Эта конференция должна пройти так, чтобы вы потребовали у нас определенных гарантий стабильности принятых решений — хотя бы на время войны. Мы даже не будем разрушать корневые структуры советского общества, просто ограничим их право болтать. Нужно гарантировать власть военного времени от анархического вмешательства советов. Понимаешь мою мысль?

— И кто будет новым гарантом?

— Общество еще не готово к тому, чтобы гарантом стал один человек. Пока — руководство военного времени.

— Состав?

— Узнаешь, как только Союз вступит в войну.

— Что же, недолго осталось.

Генерал встал и довольно потянулся. Странно, почему Пан попросил его провести инициацию Алекса, а не сделал это сам? «Ладно, спрошу при встрече».

Он зашагал к морю, эффектно оттолкнулся ногами от гальки и вонзился в воду. Вынырнул метра через четыре. Классная подготовка у русских военных. Алекс моложе, а так бы не смог.

Обернувшись, Алекс увидел, что на территорию пляжа вошли два человека, одетых подчеркнуто официально. Они направились прямо к Алексу. Неужели Генерал провернул провокацию, записав их разговор? Пожалуй, при некоторой обработке ответы Алекса можно истолковать как вмешательство во внутренние дела Союза...

— Вы — Александр Засурский?

— А вы?

Один из официальных протянул Алексу ладонь, на ней высветилось удостоверение сотрудника ССК. Придется отвечать.

— Да, я — Александр Засурский.

— С вами должен был встречаться Генерал...

— Да, он встречался, и что?

— Мы хотели бы его немедленно видеть. Где он?

— Да вон, — Алекс показал на море, — купается.

— Замечательно, — официальные лица подстелили свои переносные мониторы и сели на гальку с явным намерением дожидаться Генерала. Алекс попытался спросить, в чем дело, но они молчали.

— Я могу быть свободен?

Они кивнули, причем одновременно. Алекс на всякий случай оделся, но уходить не стал, пытаясь разглядеть Генерала среди десятков голов, болтавшихся в море, как клецки в супе.

Прямо над Генералом нарисовался автолет. Из него стал вылезать человек в тяжелой водолазной экипировке. Зачем этот чудака надел глубоководное оборудование на мелководье? О, нет! Водолаз прыгнул в воду прямо на Генерала. Алекс ясно видел, как реактивный акваланг ударил острием в генеральскую голову. Эсэс-кашники вскочили и ринулись в воду не раздеваясь, Алекс немедленно связался с Паном и рассказал об увиденном.

— Знаю, знаю, я наблюдал это в реал-тайм со спутника. Ужасная случайность. Ты меня понимаешь. Теперь о дальнейшем. Ты вошел в курс дела предстоящей конференции. Остальную информацию я привезу на саму конференцию, куда прибуду со Шварцем. Но я не могу быть центральной фигурой по ряду причин. А ты оказываешься в ключевой позиции. По должности как старший по званию участник предварительной организации конференции ты будешь координировать ее техническую сторону. Большое место при низком звании — это то, что нужно. У нас сейчас потери в России, и тебе предстоит завязывать контакты с союзниками. Больше друзей — вот, что тебе надо. Ты должен стать популярным и среди союзных смишников во время конференции. Русские будут темнить, а ты сможешь сообщать первым самые горячие новости. Не бойся, тебя за это не уволят. Ты легализуешься как офицер НАТО по связям, как только начнется мероприятие. Действуй напористо, мой мальчик, пусть эта конференция ассоциируется в мире не только с большими шишками, но и с тобой. Я тебе помогу, но готовься сейчас.

— Жаль, что Генерал...

— Мне тоже жаль, но что делать. Было бы хуже, если бы его арестовали. И вот что еще. Ты молодец, что так вышло с Татьяной. Но теперь все меняется. Если всплывет твой роман с известным русским — все псу под хвост. Так что роман окончен, и вам пора прощаться. Ты сделаешь это?

Алекс думал минуту. Это много, и Пан понял, что выбор серьезен. Но Алекс согласился.

Вечером, когда Таня поднималась по лестнице от Спартака к Аутке, она почувствовала странную неловкость в теле. Неужели? Вернувшись в отель, она провела простой тест... Да, сегодня предстоит серьезный разговор с Алексом. Как будет жить их семья, воспитываться их ребенок? Может, ему уволиться в отставку? Или ей следовать за ним? Где она будет рожать? Сколько всего...

Она вышла на улицу и увидела, что Алекс сидит в кафе. Сегодня рано. Она влетела к «Миронычу» и стала о чем-то разговаривать с офицером. Яков Оскарович, наблюдавший эту сцену, с удовлетворением отметил, как радостная встреча превратилась в ад. В заключение она врезала ему сочную оплеуху, от которой офицер профессионально уклонился. Таня выбежала из кафе, а Яков Оскарович набрал адрес в Сети.

— Дядя Саша? Пора давать рекламу.

Таня бежала вниз по лестнице, связывающей улочки Ялты, как этажи. Она выскочила на улицу Пушкина и стала озираться. Куда идти, что делать?

Прямо перед ней красовался большой щит электронной рекламы. Под надписью «Не забывайте о близких» красовался... Масипас. Ее кошак. Боже, он ведь остался с Сергеичем, который бывает варварски равнодушен и может кормить лялика без должной регулярности. Нужно немедленно выяснить, как там Масик. Да и вообще...

Таня подключилась к порталам, и ее наполнили информационные потоки, которые наперебой сообщали о непрочитанных сигналах. От Романова целых 16 запросов. А-а-а, старичок, не забываешь свою Таню.

— Эй, Сергеич, что поделяваешь?

— Лечу домой.

— Как там Масипас?

— Урчит.

— Отлично. Ты куда, в Москву или Посад?

— Залечу в Москву, а потом в Посад.

— Отлично, я буду ждать тебя там. Сергеич, я соскучилась. И знаешь, я дозрела до одного важного вывода: нам пора подумать о наследнике.

— Легко.

Дудочка

27 сентября.

Брюссель.

Романов.

«Знание рождает власть. Власть рождает принуждение. Принуждение рождает протест. Протест рождает разрушение. Разрушение рождает боль. Боль убивает иллюзии. Смерть иллюзий рождает знание».

Эту надпись Сергеич прочитал на рекламном щите перед входом в космопорт. Обычное свойство рекламы — выпендриваются, как могут, а что рекламируется, так и не запомнишь. Впрочем, сейчас ему было не до рекламных слоганов. Выдающийся ученый шел решительно и целеустремленно. Наступал его час. Он уже знал, что обладает эксклюзивным знанием, но еще не знал — каким именно. Сначала домой. Собрать учеников, разбродившихся по земному шару, еще раз проанализировать все, вызвать Артема из Гремингемского замка. Романов твердо знал, что учеников нельзя надолго отпускать от себя. Если люди долго не общаются, их взгляды начинают расходиться. Сначала в деталях, а потом, глядишь, в главном. И нет школы. Сейчас именно такой момент, надо собраться в кулак.

Эти мысли рассыпались, как мандала, потому что прямо на его пути стояла Аника. Да, она заехала в Брюссель его проводить. Все-таки как-никак... И потом у нее официальное поручение — вручить орден Почетного легиона. Ах, у него уже есть один. Ничего, это другой — имперский.

— И потом, Серж, разве ты откажешься принять эту безделицу из моих рук? Как узнала, что уезжаешь? Очень просто: ты отдал команду автолету, и он взял курс на Москву в автоматическом режиме. Значит, в Париж возвращаться ты уже не собирался, вот и вся разгадка.

Сергеич ждал, что она спросит, почему не связался с ней, не поговорил. Но Аника не спрашивала. Она, в общем, все понимала. Пресса была не так уж неправа.

— Ну что, станешь императрицей?

— «Монархии зловещий смрад», — процитировала она Бальмонта по-русски. — Нет уж, лучше стану маршалом Франции.

Сергеич понял, что увлечение императора Даниэля может стоять тому трона. Прощаться с Аникой было грустно, но не обидно. В конце концов он возвращался к жене, Аника хорошо пристроена, а если в их жизни потом что-то изменится, то это будет двадцать или десять лет спустя, уже в каком-то новом романе. Что ж, последние объятия были вполне дружескими.

Сергеича просветили и просканировали, блеснули лучом в глаза и сверили отпечатки с базами данных. Романов еще раз подумал, что если Принтам его сдал, то корабль, пожалуй, собьют мавританской ракетой. Как отзвук на эту мысль приятный голос объявил, что рейс Брюссель — Москва через Северный полюс задерживается в связи с нелетной военно-политической ситуацией. Противник опять продвинулся вперед, и Брюссель попал в зону действия его ракет. На выстраивание новой конфигурации системы противоракетной защиты уйдет часа три.

Сергеич побродил по зданию космопорта, но это было скучно. Брюссельский космопорт, снаружи выглядевший также внушительно, как базилика, и внутри был столь же пуритански прост, как она. Функциональные бегущие дорожки, развозившие пассажиров по рейсам. Звукоизоляция скрывала грохот космического хозяйства, кафешки и магазины всех народов мира выстроились вдоль стен и были даже подвешены к потолку.

Сергеич было сошел с «линии покоя», но тут же отступил назад — на него обрушилась агрессивная реклама. Полуобнаженные женщины предлагали мыло, из коробок со сладостями вылезали шоколадные монстры, а сверху налетел целый рой веселых энергосберегающих лампочек и злобных химикалий (экологическая антиреклама). В Союзе агрессивная реклама вне рынков была запрещена, а здесь для пассажиров, ненастроенных что-то покупать, оставили лишь эту «линию покоя», на

которой реклама не действовала.

Была бы с ним Таня, они бы уже играли в увлекательную игру. Она бы лукаво строила глазки, уговаривая его купить какую-нибудь безделушку вроде реактивного мышонка для Масипаса или светящегося гнома для ночной подсветки. А Сергеич корил бы ее за расточительность, заранее зная, что несколько очаровательных безделиц все равно пополнят их коллекцию ненужного хлама. Гнома потом нечаянно раздавят спросонья, у мыша кончится горючее, а новое они будут забывать заказать, пока мышь по ошибке не заглотит автоматический мусоросборник.

Сегодня Сергеич был один, Таня не отвечала на запросы. Он разозлился и купил мальчика Писа, отлично зная, что Таня не выносит этот «пошлый генератор мещанского умиления».

В конце концов, Романов забрел в висячее кафе, заказал себе пива в банке по форме руки и, посасывая трубочку, включил связной компьютер. Пока есть время, следует наконец пообщаться с чудесно спасшимся Артемом.

Сергеич стал выяснять, где же находится этот Гремингемский замок. Однако географическая карта не дала ответа. Замок отсутствовал на карте Европы. Однако в названии было что-то знакомое, где-то Сергеич уже слышал его.

— Где же этот замок? — произнес он вслух.

— Замок — Европа — хорошо, — ответил на его возглас сидящий рядом японский турист.

— Говорите по-японски, я пойму.

— А, у вас переводчик. Очень хорошо. Вы ищете замок? Я объездил много замков. Замки — настоящая Европа.

— Да бросьте. Замки — игрушка для туристов. Настоящая жизнь — в сотах коттеджных кварталов, в медиастудиях и виртуальных пространствах.

— Послушайте себя: «настоящая жизнь — в виртуальных пространствах».

— Да, тут вы меня подловили.

— Внимательно слушая себя, можно понять мир. Туристические тропы — нервы мира, единственная возможность проверить, есть ли за пределами твоего города что-то реальное. Скопив энергоресурс на ежегодное путешествие, я попадаю в реальность. Дома нет в реальности. Там — виртуальная работа, традиционные церемонии семейной жизни, сон — отец всех виртуальностей. А здесь я могу пощупать своими руками то, что было до изобретения компьютера. Путешествие вырывает человека из времени и погружает его в вечность. Это — современное паломничество по святым местам. Как и века назад, это — главные моменты нашей жизни.

Сергеичу почему-то захотелось переспорить японца, хотя во многом он и был прав:

— А если замки выстроили специально для туристов из пенобетона? Если гид расскажет вам кучу мифов вместо реальной истории, которую знают только избранные ученые сухари? Свою жену уж вы-то знаете на самом деле, а с основателем замка так и не познакомились.

— Но с архитектором замка я познакомлюсь. Его дух — в гармонии стен. А кто из нас знает своих жен? Что сейчас делает ваша?

Этот вопрос поставил Сергеича в тупик. Между тем лицо собеседника застыло. Видимо, он так утомился от туристических впечатлений Брюсселя, что просто заснул.

Увы, философствующий турист не помог в поисках Гремингемского замка. Запустив поисковую систему, Сергеич с удивлением вспомнил, что читал о

Греммингемском замке в детстве, в повести о мальчике Нильсе, которого в педагогических целях заколдовал гном. Мальчик, сделавшись крохотным, летал с гусями и совершал разные подвиги, в том числе спас от крыс Греммингемский замок.

Все это было забавно, но при чем же здесь Артем? Посмотрев в отсылки, выброшенные поисковиком, Сергеич обнаружил игру «Нильс и гусиная стая» по мотивам этой истории. Артем назначил встречу в игре? Хитро. Ладно, сыграем с конспиратором.

Игра предлагала Романову набор ролей: Нильс, гном, гусь Мартин, предводитель крыс, бронзовый король, старик Розенбом и другие персонажи. Видимо, партнеры подбирались автоматически. Как же Артем узнает, что я — это я? И удастся ли попасть в ту же игру, что и Артем?

Ладно, не боги горшки обжигают.

Чтобы оглядеть всю панораму игры, Сергеич решил сыграть за Нильса. Сначала все было хорошо. Он нахамил гному, гном превратил его в пигмея и изложил два условия возвращения в нормальное состояние. Без труда оседлав гуся, Сергеич направился к Греммингемскому замку. Они величественно парили над Северной Европой. Забавно, но Сергеич заметил, что авторы игры выбрали для съемок полета почти тот же маршрут, которым Романов летел на Запад еще совсем недавно. Под ними проплывали зеркальные озера, разноцветный осенний лес, волны Балтики. Все было замечательно, пока на ночлеге на них не напала лиса. Нильс, как и следовало, вцепился ей в хвост, но лиса извернулась и шмякнула его о лед, после чего ловко перегрызла горло Мартину. При виде этой кровавой сцены Нильс снова атаковал лису с какой-то палкой в руках, но лиса легко парировала этот удар, отбросив Нильса на полынью, где незадачливый путешественник и утоп. Гейм овер.

Посидев минуты три перед экраном в растерянности, Сергеич решил сыграть снова, но учесть опыт и быть с лисой осторожнее. Теперь он был готов к ее атаке, вовремя поднял тревогу, стал прыгать перед лисой с льдинки на льдинку, но промахнулся и снова утоп.

Постепенно Сергеич распалялся и от игры к игре чувствовал себя все глупее. Сосредоточив недюжинные мозговые усилия и ловкость рук, один из лучших аналитиков Европы жал на клавиши, пытаясь продраться через примитивную виртуалку. Он все-таки «прошел» лису и попал в замок. Но тут в дело вступил злой гном. Как только Нильс обегал замок в поисках запчастей к дудочке и собрал это чудо-оружие, гном уже провел крыс в какую-то потайную дверь, они заполонили замок. Не успел Нильс заиграть на дудке, как гном перескочил на следующую страницу, и Сергеич обнаружил себя уже не в замке, а в столице бронзового короля. Он проскочил, заветный замок остался позади. Здесь Сергеич уже играл вяло, и его просто раздавил король.

Ладно, гады, вы у меня получите. Оказывается, Нильс здесь самая слабая фигура. Сыграю за гнома — вот где вы у меня все окажетесь. При этой мысли Романов сжал кулак и потряс им в воздухе, к немалому удивлению сидевшего рядом японского туриста.

С гномом дело пошло гораздо проще — не нужно было сражаться с лисой. Сергеич получил явную фору, проник в замок и принялся искать Артема. Но фора была невелика: прилетела стая гусей, и гадкий мальчишка Нильс стал путать все карты. Он бодренько распорядился, привычно носился по замку в поисках частей дудочки. Не успел гном опомниться, как Нильс уже выполнил свою миссию на этой

странице, утопил войско и был таков. Гнома тоже выбросило на следующее поле боя. Озлобленный Сергеич попытался отомстить обидчику, «застучав» его бронзовому королю. Последовав совету гнома, король разmozжил голову бедному Розенбому, но Нильса там не оказалось. Оказывается, он прятался за углом. Огорченный король обнажил голову перед своим погибшим матросом, Нильс снова выполнил свою миссию и перескочил на следующую страницу игры.

Здесь униженному гному пришлось торжественно изложить Нильсу третье условие его реабилитации: «Когда на блюде, запеченным в яблоках, подадут твоего лучшего друга...» Нильс равнодушно выслушал условие, пошел к Мартину и прирезал его, запек в яблоках и положил гусятину на блюдо. После этого он вырос до натуральных размеров и раздавил изумленного гнома. Гейм овер.

Отвращение к такому финалу заставило Сергеича искать нестандартный ход. Ему нужен был союзник. Он разбудил японца.

— Скажите, вы играете в виртуальные игры?

— Конечно. В нашей стране иначе нельзя. Слишком мало места. Приходится всю жизнь сидеть в кресле. На работе — в кресле, потом встал, перешел в зал физической культуры, сел в другое кресло, разминаешься. Потом назад. Потом в транспорт — домой. Потом дома — квартирка маленькая. Для японца в современном мире слишком мало места, если хочешь жить именно в Японии. Зато каждый день надеваешь виртуальный шлем, и ты в ином мире. Просторном, бескрайнем.

— А зачем тогда туризм?

— Скажете тоже. Символ красив, но жизнь полнее. Туризм — реальность, будни — иллюзия.

— Да, наверное. Не согласитесь ли мне помочь? Я тут увяз в одной игре...

Японец этой игры не знал, но быстро разобрался. Он согласился играть за Мартина.

Дело пошло. С лисой проблем не было. Самурай урыл ее отработанным ударом ребра крыла по хребту. Крыло, правда, болело, но до замка они дотянули. Здесь Мартин построил гусей в боевые порядки и вступил в героический бой за замок. Положительная сторона баталии заключалась еще и в том, что гуси потеряли много перьев, так что улететь из замка на следующую страницу они просто так не могли. Но крыс было слишком много, и они все равно одолевали. Нильса в этой ситуации возмущали обитатели замка, которые не спешили вступать в сражение, надеясь только на свою Книгу мудрости. Просто как фарисеи на Писание. Совы могли бы здорово помочь, а они сидели на башнях, как приклеенные, пока летучие мыши переворачивали страницы Книги.

— Ну что же вы сидите? Почему не сражаетесь? — воскликнул он. Но его услышали только посетители кафе, которые ничему не удивились. Человек играет. Почтенное занятие.

Молчание. И ведь где-то здесь сидит Артем и усмехается над его злоключениями. Или Артем так и не понял, кто тут кто. Но, как назло, не было никакой возможности что-то сказать. Возможности говорить были регламентированы сценарием игры.

Когда Нильс прочитал ритуальную фразу о возможности завести кота, аист Айзерлих столь же ритуально возразил: мол, кот передушит птенцов. Тут появился злой гном, удобно устроился на анфиладе и с ехидной улыбочкой стал ждать очередной ход незадачливого противника. В отчаянии и озлоблении Нильс ткнул в иконку кота. Плевать на птенцов. Все участники застыли в недоумении. Целью этого

раунда была дудочка для крыс, и кота никто никогда не заказывал. Игра спросила: какого кота вы хотели бы приобрести? В ответ Сергеич сфотографировал Масипаса и закачал его объемную копию в игру.

Из Книги мудрости материализовался Масипас. Он потянулся, хищно взглянул на ошарашенных птиц вокруг, но тут услышал шуршание крыс. Глаза Масипаса сверкнули металлическим блеском, и он бросился вниз по лестнице. Вскоре пришел изрядно потрепанный, но непобежденный самурай Мартин. Поскольку игра пошла не по шаблону, теперь герои могли произносить небольшие фразы, которые печатались рядом с их фигурками. Мартин стал первым актером со словами: «Не знаю, что это было, но оно отбросило крыс в подвал. Я думаю, у нас есть немного времени. Ты будешь делать дудку?»

Побоявшись, что если он вернется к дудке, то снова онемееет, Романов написал: «Арт...»

Нильс не успел закончить имя Артема, как сова спикировала со своего места и унесла главного игрока в один из коридоров замка.

Гном бросился за ними. Сергеича это удивило, ведь Нильс теперь уклонялся от цели, и противник получал фору, мог бежать дальше. Между тем сова закрыла за ними массивную дверь, и они оказались в башне. В колебаниях факельных отсветов различались еще две фигуры: черный молящийся монах и статуя основателя замка.

Здесь заработала звуковая карта — они могли говорить. Голос Совы показался Сергеичу знакомым, но это был не Артем, а кто-то значительно старше.

Сергеич первым делом спросил, где Артем. Сова кивнула на статую: «Давно здесь сидит. Забронировал это место на все игры. Вообще-то свои данные он уже давно переслал в «Социум», но имена файлов и коды там никто не знает. Так что «сокровенное знание» — у основателя замка. Через минуты три можно будет оживить статую».

Почему через три минуты? Все очень просто. Статую можно оживить только с помощью дудочки, дудочку может сделать только Нильс. Как Нильс соберет запчасти для дудочки, сидя в башне? И это продумано — их соберет гном. Дело в том, что гному на самом деле очень нужна дудочка. Нильс ее делает, а гном потом прикарманивает. Пока ты гнался за гномом, у него было преимущество. Когда ты сошел с беговой дорожки — ему придется бегать за тобой. Я думаю, он вселится в кого-то и поступит сюда со всеми частями. Без дудочки, которую ты должен сделать, он не может перейти на следующую страницу. Без дудочки они вообще мало что могут. Одни — мастера делать дудочки, другие — играть на них. Игра на дудочке — полюс нашего мира, сила манипуляции. Но дудочки делаются на другом полюсе.

— А это кто? — показал Нильс (а точнее Сергеич, тут же вспомнивший о неприятном эпизоде в Карелии) на молящуюся фигуру.

— Ну, это такой монах. Он совершает глубокий контакт.

— С чем?

— С трансцендентным. Он как бы все время молится, сидит здесь, а живет Там. Этим он связует и миры, и части света. Тебе его лучше не трогать.

— О, можете не волноваться. Я знаю, что молящегося лучше не трогать. Но зачем он здесь?

— Чтобы облегчить мою задачу.

— А как вы попали именно в мою игру и так быстро поняли, что это я?

— Это было несложно. Я брал роль, от которой мало что зависит. Так обычно

начинают новички в игре, чтобы присмотреться. Роль быстро кончается, и можно вступать в новую игру. При этом в сообществе игроков прошедшие партии обсуждаются, расходятся сплетни. Мне нужно было лишь дождаться, когда в игру вступит дилетант, который начнет хвататься за главные роли, не имея к тому навыка. Извините, Сергей Сергеевич, но поскольку вы вообще редко играете в игры и считаете себя большим стратегом, то должны были повести себя именно так. Не обижайтесь, но когда ваша игра вызвала смех всего круга участников, я влез в перья совы и стал вас поджидать. Я уже собирался вступить в контакт, но тут вы показали свое мастерство политика, да еще начертали три буквы. Так что и гном все понял.

— Гном? А кто это?

Тут в дверь постучали. Сова отворила. На пороге стоял милый Мартин, в крыльях которого лежали деревянные кусочки, из которых Нильс без труда собрал дудку. Мартин жестом пригласил его идти заклинать крыс. Но Нильс задудел прямо здесь. Статуя ожила и первым делом снесла голову Мартину. Затем основатель замка прикоснулся к дудочке, и они с Нильсом затряслись, как от электрического разряда, а комната засветилась светом Эдисона.

— Информация прошла, — констатировала Сова. Действительно, у Сергеича в компьютере появились новые файлы.

Барон передернулся, стряхивая с себя оставшийся статический заряд, облегченно вздохнул, разжег камин и стал ощипывать Мартина. На недоуменное восклицание Нильса основатель замка виновато улыбнулся: «Но я ничего не ел уже триста лет». И принялся поджаривать гусятину на шпаге, как на вертеле.

— И что дальше? Нильс станет большим?

— Конечно. Гном погиб, заклятие потеряло силу. Нильс станет большим, как только выйдет из замка. По дороге он также может утопить крыс. Или помиловать их — это теперь все равно. От результатов нашего нашествия в наше время не зависит исход игры.

— Скажи, Сова, обязательно ли поджаривать друга, чтобы стать большим?

— В общем, это самый простой путь. Но, слава Богу, не единственный. Но об этом потом. Объявили посадку, вам нужно спешить.

— Откуда вы знаете? Вы же в игре, а посадку объявляют в космопорте.

— Хе. Старший Брат смотрит на вас. В наше время можно постоянно держать в поле зрения любого человека. Нужно только знать, к какому монитору подключиться.

С этими словами Сова шагнула к молящемуся и пропала в нем, как в темном туннеле. Сергеич остался с бароном, обсасывавшим косточки Мартина. Но это был не сам Артем, а лишь его канал связи. Игра теперь не интересовала Романова. В «большом мире» действительно объявили посадку, и ему было пора идти. Канал связи был установлен, информация Артема поступила к самому Сергеичу. Он проглядел сопроводительное письмо: «Уважаемый Сергей Сергеевич. Прежде всего, разрешите извиниться за то, что подверг угрозе ваше имущество в Полисе. Честно говоря, я не ожидал такого эффекта...» Это многое объясняло. По крайней мере, теперь Романов знал, почему обстреляли его башенку в Полисе.

Остальные материалы Сергеич прочтет в шатле и к прилету в Москву будет готов вступить в бой.

А Пан заканчивал анализ информации, которая выскочила в поисковике на пересечении понятий «Романов Сергей Сергеевич» и «АРТ». Получилось немного.

Во-первых, в юности Романов участвовал в Анархо-революционном товариществе (сокращенно АРТ). Во-вторых, недавно «Социум» проводил исследование по «оранжевым акциям», среди организаторов коих видную роль играла группа провокативной эстетики «АРТ!». Собственно, «Арт!» — это был боевой клич, под который они, просочившись на какое-нибудь серьезное мероприятие, внезапно начинали делать из него буффонаду.

От агента пришла еще одна новость:

— Привет, шеф, в последний момент вашей игры клиент получил какое-то сообщение из библиотеки Британского музея. И что странно: сообщение поступило прямо в игру, так что мы не могли понять его содержание. Вы могли это видеть, ведь вы были в игре.

Манипуляторы и правдоискатели

27 сентября.

Лондон.

Артем, Марина.

«Объективные интересы информалиата выражает креативизм как освободительное движение участников социального творчества к социальной гармонии духовного общества».

«Злодейство интересно, но не почетно. Добродетель скучна и занудна. Злодейство драматично, оно завораживает. Но в нем нет настоящей любви, и мало кто хочет быть злодеем даже ценой места в истории, потому что каждый стремится быть любимым».

Эти два тезиса Пан скачал из компьютера Романова, как только тот подключился к Сети. Более обстоятельно покопаться в его компьютере не позволили сложные системы защиты. Эти надписи лежали на поверхности, но, увы, не позволили понять, что можно теперь ждать от профессора. В принципе, Романов вел себя хорошо. Его французская эскапада вполне укладывалась в сценарий борьбы с исламской угрозой.

Пан специально позвонил Принтаму, когда у него был Романов, чтобы еще раз подвигнуть строптивного француза покрепче привязать Романова к исламской проблематике. Благо это в интересах жалкой Европы. По итогам встречи они связались еще раз, и Принтам подтвердил, что Романов «думает, как надо». Правда, добавил не без ехидства: «Романов, видимо, знает о вас». Но у Принтама есть основания злиться на них — участие Союза в войне еще не обеспечено, а они уже переходят к новой Игре. Принтам уже понял это и высказал Пану свое неудовольствие.

— А, пошел он... — произнес Пан вслух.

Беспокоили и провалы последнего времени... Американцы вышли из-под контроля и наложили лапу на часть ресурсов Кольца. Почти вся военная организация в Союзе погорела из-за выстрела по Полису. Оставалось надеяться, что это того стоило и Романова удалось толкнуть в нужном направлении. «Хотя, признаться, вышло случайно — просто хотели поджарить этого наглеца Грустина». — Примерно так рассуждал Пан. «Честь Ордена стоит на кону. Но честь в наше время — нетвердая валюта, не самый ценный ресурс. Даже если мы и кинем Принтама со всей Европой — ресурс уже под нашим контролем. Хотя придется развести руками — мол, извини, не

смогли. Но что заплачено, то заплачено. Ладно, не будем о грустном. Может, все и обойдется. Хотелось бы располагать поддержкой нынешней европейской элиты в Большой игре».

Раз уж от Романова столько зависело, Пан решил еще раз его прощупать. Очень удачно, что Сергеич решил на досуге сыграть в виртуалку. Пан был мастером игр этого класса и с удовольствием возил Романова «мордой по батарее» (Пан любил это старинное абсурдное выражение), выставляя профессора идиотом в разных игровых ситуациях. Хорошо, что Романов тратит время на игру. Значит, доклад написан и ему больше нечего делать. За последнее время все должно было убеждать Сергея Сергеевича в необходимости вступления Союза в войну. Это было бы очень хорошо. И обязательства Ордена перед НАТО будут выполнены. И удастся замять астраханское дело. И главное — сдвиг власти в Союзе в результате войны сейчас был бы очень кстати. Можно будет продвинуть Алекса так, что именно на нем остановится благосклонность Ордена...

Рассуждая таким образом, Пан ненадолго отвлекся, и тут случилось нечто неожиданное. Мартин начал крушить крыс с невесть откуда взявшейся сноровкой. А затем произошло что-то вообще невероятное. Вопреки всем традициям этой игры Романов наслал на крыс здорового мохнатого кота, который отбросил крысиное войско. А потом Нильс вдруг написал «АРТ» и тут же был унесен Совой.

Это событие заинтриговало Пана. Получается, в игре был кто-то, готовый среагировать на этот сигнал. На всякий случай Пан пролистал пособие по игре, но такого сигнала в нем не было. Романов действовал не против правил, он просто загнал игру в патовую ситуацию. Нужно было что-то делать. Быстро собрав детали дудочки, Пан воспользовался особыми возможностями гнома и вселился в Мартина. Он решительно вошел в зал, куда Сова унесла Нильса, но три секунды спустя внезапно ожившая статуя снесла Мартину голову.

Гейм овер.

Такого исхода Пан никак не ожидал. Даже обиделся. Но, с другой стороны, Романов просто выиграл партию.

Все же странные обстоятельства происшествий в Греммингемском замке беспокоили Пана, и он стал наводить справки. Получалось, что Романов контактировал с кем-то из АРТа прямо в игре. Зачем такая конспирация? Что-то подозревает?

На всякий случай Пан поделился своими сомнениями с коллегами. Мастэр отреагировал быстрее других:

— Может, взорвать шатл с Романовым? Это можно обставить под атаку с халифатского спутника.

— НАТО и Халифат воздерживаются от применения спутников по гражданским кораблям. Но если надо... Я вообще-то обещал дяде Саше, что мы не будем трогать «Социум». Но ты ведь мог этого и не знать до нашей общей встречи...

— Да я и сам не хотел бы... Но, с другой стороны, что-то тут не так. И АРТ этот. Подозрительно. А где параноик, с которого началась вся бодяга с Романовым, этот Артем Грустин?

— Канул в Атлантике. С тех пор не проявлялся. Надо пошарить в Лондоне. Что там делает АРТ, и нет ли поблизости этого Грустина? В принципе, не хотелось бы после всех затраченных усилий взрывать Романова. Да и опасно сейчас устраивать новое потопление «Лузитании», из-за которого война может выйти на новый виток.

Вообще со всей этой пальбой надо бы заканчивать. А то помешает главному делу.

Решили так: Романова, пока он в полете, оставить на мушке. Поскольку из-за войны шатл летит через Северный полюс, у них есть часа три. Надо выяснить, что АРТ прислал ему из Британской библиотеки и не был ли причастен к этому зловредный Грустин. Пан предложил еще раз дать шанс Коше. Как вовремя ее отправили в Лондон, чтобы на «Жанну» больше не наткнулся Сергеич. Поскольку Коша имела основания опасаться Мастэра, ее предстояло курировать Пану. Добрый следователь вместо злого.

Коша с дочерью провели целый месяц в фильтрационной зоне Дувра, преодолевая многодневные допросы в эмиграционной службе. Британские чиновники еще в прошлом веке отличались особым рвением в изблечении женщин, желающих посетить туманный Альбион, как проститутток, старающихся подцепить английского мужа. Теперь все стало гораздо хуже. Целый рой психологов принуждал тех, кто хочет въехать на остров, совершать сложный обряд собеседований, напоминавший стриптиз. После такого психологического раздевания, по сравнению с которым исповедь была делом весьма поверхностным, Марина чувствовала себя совершенно выпотрошенной, а Коша испытывала чувство глубокого удовлетворения подготовленными для нее легендами. Психочинювники не поймали ее на лжи, но продолжали проверки. Неизвестно, сколько бы это еще продолжалось, да тут Коша понадобилась Пану. Он через нужные каналы нажал на миграционную службу, и она выпустила двух русских дам из своих цепких лап.

Через четверть часа они подлетали к центру Большого Лондона. Маршрут шел под перекладной моста Тауэра, разумеется, виртуального. Крохотные башни настоящего моста, как и крепостица Тауэра открывались внизу в просвете между рекламными имиджами, заменявшими современному человеку облака. Все достопримечательности английской столицы были скопированы в десятикратном размере и к ним добавлены новые. Все это было изрядно сдобрено рекламой. Взгляд Коши с трудом протолкался между виртуальными кораблями, капитаны которых рекламировали ром, танцующими королями и Шерлоками Холмсами, обещавшими найти для вас лучшее средство от чесотки Бробсона. Путешественницы еще не успели подхватить чесотку Бробсона, поскольку жили в более здоровом климате, чем лондонский. Кошу интересовал другой сюжет: «Смотри, Мариш, вот он — британский Кутузов, спаситель Англии от Наполеона, искалеченный в сражениях Нельсон. Лучшая парковка в центре Лондона».

Колонна Нельсона возвышалась над общим уровнем рекламы и даже была защищена от нее кольцом отчуждения. Но с другого конца площади к адмиралу все равно тянул ручонки виртуальный адмирал Ховард, символ сети приливных энергостанций «Приливы Ла-Манша».

Коша была женщиной стильной и потому любила Лондон. Он сохранял свой стиль, презирая течение времени. Величие классических зданий без давящих на психику небоскребов, неторопливые электрокэбы и флегматичные полисмэны в традиционных шлемах, скучающие без работы. Цепочки автолетов терялись в тумане, и вообще мало что напоминало XXI век. Разве что виртуальные шлемы на некоторых прохожих и раскрашенное рекламой небо.

— Посмотри, Мариш, это Карл I, которому отрубил голову Кромвель.

— За то, что он украл кораллы у Клары?

— Мариш, кто не знает истории, обречен ее повторить. Ты что, не знаешь

историю Карла и Кромвеля?

— Мам, глупо полагать, что я могу повторить судьбу Карла. В крайнем случае — Марии Антуанетты. И что же этого идиота поставили под Нэлсон, если его экзэкьютэд Кромвелл? Если Кромвель — герой, то зачем на Труффэлгер-сквере — Кэррлл?

Марина, которая проходила в школе курс языков вдвое дольше, чем программирование, не любила лингвистику («зачем знать языки, когда есть программы-переводчики?») и передразнивала фразы из «топиков», коверкая слова.

Коша не знала, почему Карла разместили под Нельсоном, но высказала предположение, что англичане вообще хорошо относятся ко всем, кто внес вклад в историю. Внес вклад — получи памятник. Чтобы потомки тебя вспоминали. А хороший или дурной вклад, не так важно.

— Да ладно, вклад. Все, что сделал Карл, — это определил свою несчастную судьбу. А остальное было запрограммировано. Играл бы иначе — снес бы голову Кромвелю. А в Англии все было бы так же. Только здесь бы стоял маленький памятник Кромвелю, а где-нибудь у Вестминстера — большой памятник Карлу.

— Чушь, Марина. Полная чушь. — Коша-то точно знала, как много может зависеть в судьбах народов от одного шага участника игры. Но сказать Марине не могла. «Или, может быть, начать приобщать дочку к семейному ремеслу?»

Тут как раз и пришло сообщение от Пана с очередным заданием. «Ну вот, Марина, сейчас и увидим, все запрограммировано или нет».

Это сообщение неведомыми путями спецслужб и частных сыскных агентств попало также к дяде Саше. Он хоть и знал шифр, но сначала ничего не понял из-за мудреной системы намеков. Только имена собственные: Британика, АРТ. Какой АРТ? Ах, вот оно как! Забавно. Что же, они хотят АРТ — они его получают.

Дядя Саша связался со знакомым из Лондонской группы провокативной эстетики:

— Слушай, ты можешь через часик подготовить небольшой флэш-моб?

— Ну ты задачи ставишь. Через часик — очень небольшой, человек на сто.

— Годится. Значит, так...

В этот час Лондон был на редкость пустынным для XXI века городом. Конечно, люди сновали туда и сюда, но их можно было обходить, а не протискиваться между ними. Коша объяснила дочери, отчего здесь так мало людей: «С одной стороны, был присутственный час, и большинство работников сидели по домам, надев все те же шлемы и участвуя в планерках, совещаниях и переговорах. Да и вообще англичане сейчас старались как можно меньше выходить из их дома — их крепости, которая обеспечена всем необходимым даже на случай осады. Сидишь дома — не станешь жертвой теракта, техноаварии, просто давки или криминала. Мигрантов в Англии стало заметно меньше уже в правление «Железного джентльмена». Туристов сейчас было немного — те, кто интересовался войной, были на континенте, а те, кто ее боялись, вообще не летели в Западную Европу».

Бегущая дорожка донесла дам до библиотеки. Мать вела себя загадочно, на вопросы о цели их похода отвечала намеками и явно собиралась посвятить дочь в какую-то тайну, но только потом. Наверное, она хотела заинтриговать Марину, но та давно уже привыкла к этому дешевому педагогическому приему. Интригуют, интригуют, а потом сообщают какую-то бесполезную чушь вроде формулы Эйнштейна или фрактального исторического закона.

Температурный барьер, заменявший в музее дверь, пахнул им в лицо прохладой.

Температура в музее и его знаменитой библиотеке не должна была зависеть от переменчивой трансокеанической погоды.

Поскольку фонды библиотеки давно были переведены на компьютерный носитель и стали доступны прямо на дому любому желающему, здание использовалось для разного рода сейшенов. Студенты со всего мира, съехавшиеся за престижными дипломами, не теряли связи с родной культурой. В одном углу на фоне старинных фолиантов эмигранты из Африки танцевали запрещенные на родине первобытные танцы. В другом русские и англичане горячо обсуждали понятную только им проблему «Есть ли на Западе духовность?», сопровождая дискуссию демонстрацией видео и экспериментальным потреблением разрешенного психоделика водки.

Коша решительно прошла мимо соотечественников к стойке хранения информации:

— Здравствуйте. Мы должны были отправить важные файлы по адресу `nils.command.game`. Хотелось бы узнать, дошло ли это сообщение.

— Дошло, — глядя куда-то в пространство, ответил библиотекарь. Коша знала, что библиотекари — люди вообще-то очень высокомерные, почти такие же, как архивариусы. Ощущая себя хранителями вековой мудрости и при этом пребывая в бедности, они воспринимают свой труд как Великое Альтруистическое Служение Культуре. Соответственно, на остальное население они смотрят свысока, и если уж говорят «дошло», то странно требовать от них еще и улыбку, как от какого-нибудь продавца в супермаркете, который заинтересован в доле прибыли. Библиотекарь не заинтересован ни в чем, кроме сохранности Культуры. Но Коша решила быть настойчивой:

— Вы не могли бы все-таки посмотреть?

— Зачем? Я смотрел десять минут назад. От вас уже приходил молодой человек.

— О, как это мило с его стороны. Кто-то из нашей группы любезно выполнил мою обязанность. Хотелось бы его поблагодарить. Интересно, кто из наших это был, Алекс или Питер? Как он выглядел?

— Выглядел он обычно: иностранец, бородка клинышком, солнцезащитная шляпа, синяя рубашка, белые шорты, электрика в коричневом поясе.

— О, это конечно Питер! Спасибо большое.

Найти человека с такими приметам было непросто. Хоть ей и повезло — объект был здесь всего десять минут назад — но за это время он мог уйти куда угодно. Если, конечно, где-то здесь не готовится акция АРТа. Тогда он вместе с ними.

Выйдя на улицу, Коша стала озираться в надежде все же обнаружить «бородку клинышком». Увы — бород было много, но остальные пункты описания не совпадали.

Присутственный час кончился, и лондонцы высыпали на тусование. Одни шумно гуляли под присмотром полиции в пабах, другие медитировали прямо среди улицы, не дотерпев до парков, третьи просто слонялись, слушая музыку или погрузившись в виртуальный мир. Эти чудачки иногда сталкивались (хотя «окошко реальности» и предупреждало их об окружающей ситуации), учтиво раскланивались и продолжали бродить дальше. А вот и молодежный конфликт. Двое размахивают руками в электрических перчатках. О, это опасное оружие самозащиты — может последовать удар до ста вольт. Правда, как только они включают разряд выше 20 вольт, появится полиция. Так, пугают друг дружку, переругиваясь через Сеть. Больше всего Марину заинтересовали стайки студентов, заполнявших улицу сверху. Она тоже хотела научиться пользоваться костюмом для индивидуального полета, но ей еще не было 18

лет.

Мать прервала мечты Мариши неадекватным поведением. Сначала она озиралась по сторонам, затем о чем-то задумалась и вдруг поднесла к губам микрофон и на всю площадь крикнула «АРТ!». Это сработало. Человек десять тоже крикнули «АРТ!», довольно быстро разделась донага, стали подходить к ошарашенным прохожим, трясти их за плечи со словами: «Пробудись! Разоблачись! Не скрывай свою сущность!» Затем вверх с грохотом и треском взметнулись дымные фейерверки. В дыму участники акции быстро оделись и рассосались в толпе — нудизм в публичном месте был наказуем. Акция имела некоторое последствие — оказавшиеся в толпе нудисты из Швеции решили, что все можно, тоже разделась и стали скандировать по-английски: «Нам нечего прятать!» Они и попали под раздачу — прилетел полицейский автолет, из которого попрыгали полисмены, похожие на космонавтов, и повинтили голяков. Им придется провести на островах лишний месяц.

Акция АРТа стала волнами расходиться по стране и миру. Сначала о ней спорили тусовавшиеся вокруг студенты. Многие из них были подключены к чатам, так что весть о лондонской выходке, обрастая невероятными деталями, быстро облетела мир. Чуткие к запросам зрителя смишники быстро достали запись видеонаблюдения площади перед библиотекой. Остроумные ведущие стали прикольно обсуждать особенности тактики нынешнего флэш-моба, серьезно-пафосные комментаторы осуждали провокацию, из-за которой теперь пострадают шведы. Антитеррористическая служба Ми-1 заподозрила, что флэш-моб должен отвлечь ее внимание от готовящегося нападения на Уайтхолл, и суэта людей в черном на подходах к Даунинг-стрит не осталась незамеченной медиасообществом. Главный Даун, как именовали обитателя знаменитой квартиры на этой улице, даже выступил с опровержениями. На короткий момент Лондон затмил вести с европейского фронта (тем более, что там все было без перемен), чудеса индийского гуру Махакришны Великолепного и скандальные разоблачения фальсификации американской высадки на Марсе. Но через час пришли новости о срыве нанкинских переговоров Нового гоминьдана и КПК-«путь Мао». Лондон был забыт смишниками, новая тема затерла предыдущую.

Просмотрев видео из Лондона, Пан обнаружил Кошу, внутренне одобрил ее остроумный ход и затребовал от нее более подробный отчет. До посадки Романова оставалось два часа.

Коша потеряла Марину. В коловращении АРТа девушку отбросило от матери, закрутило и выплюнуло на край площади. И тут в толпе мелькнул Артем.

Если вам доводилось случайно увидеть в толпе недавно погибшего близкого человека, то вы поймете Марину. Она вцепилась глазами в эту движущуюся точку и, не видя более ничего вокруг, стала продираться к цели, как самонаводящаяся ракета.

Артем удовлетворенно разглядывал флэш-моб, обеспечивший ему алиби. Обстоятельства этой акции были загадочны. План контакта через игру ему предложила Ирочка, знакомая Павла Слепцова, его приятеля-пацифиста. С Павлом произошла крупная неприятность, его поход в Крым был зверски разгромлен неизвестными террористами. Артем не верил в исламский след в этом деле. Скорее это укладывалось в его версию о «третьей силе». Но расспросить подробности у Павла не удалось. Он был так потрясен, что подался в монахи. Тогда Артем стал искать его подружку. Делал он это инкогнито, с адреса, который знала только Лайза. Сначала он получил сведения,

что Ира погибла в этом походе. Но затем Ирочка внезапно проявилась через Сеть сама. Мол, разыскивал, чего надо?

Хотя Ире было тяжело обсуждать обстоятельства гибели их похода (девушка была ранена в эту ночь и до сих пор не поправилась), она все же согласилась рассказать Артему, как было дело. Детали оказались интересными. Ирочке, в свою очередь, понравилась точность вопросов Артема, которые свидетельствовали о хорошем знании подоплеки. Знаешь подоплеку — знаешь и тайну.

Затем в их диалоге возникла пауза. Но вот на днях Ирочка снова вышла на связь и спросила, не хотел бы он безопасно связаться с Романовым. Учитель дозрел до восприятия вашей информации. Самое интересное заключалось в том, что Артем ничего не сообщал Ирочке о своем общении с Романовым. Откуда Ира знала о сути их споров с Романовым, о его нынешних настроениях? Откуда она вообще знает, кто он такой? Он для нее не Артем, а лишь X-221, а она предлагает ему ход в игре, которую он вел в гордом одиночестве. Сначала Артем просто испугался, но по зрелом размышлении решил, что если это — враги, то они его уже нашли бы. Значит, появились осведомленные союзники. Федерика? Вряд ли. Его игра против «третьей силы» в Америке резко отличалась от игры в Европе. По непонятной ему пока причине «третья сила» разрушала США и подыгрывала НАТО в Европе. В этом не было геополитической логики, но, видимо, была какая-то другая. Поэтому Артем решил играть на стороне Штатов и Союза одновременно. Но от Федерики и дядюшки Сэма того же ждать не приходилось. Они также мечтали о втягивании Союза в войну с Халифатом, как и любой из правителей Евросоюза. Если это не Федерика, то кто его друг? Неужели дядя Саша все-таки вступил в активную игру?

Артем заложил файлы с базой данных и объяснением происшествия в Полисе на депоненте библиотеки. Теперь Романов точно поверит — слишком много подтверждений, которые касаются лично его. Ирочка настаивала, что эту информацию нельзя передать Романову просто так — в сложившихся условиях это подвергнет его жизнь угрозе. Есть какой-то другой способ. Артем отправил Ирочке программу доступа к файлам. После этого по логике вещей ему нужно было уходить из Лондона. Но теперь он хотел проследить, покинули ли файлы библиотеку. Оставлять их там он не хотел. К тому же ему было любопытно, куда на самом деле эти файлы попадут. Артем был дока в электронном слежении, но его машина была не очень мощной для того, чтобы проследивать движение информации в Сети вдали от источника сигнала. Поэтому он, как кот вокруг горячей каши, ходил вокруг библиотеки и в конце концов рискнул. Он забился в дальний угол одного из залов, включился в местную систему доступа и под африканские ритмы проходившего здесь сейшена стал нащупывать свои файлы в хранилище. Артем быстро вышел на соответствующие «полки», но тут последовал сигнал. Какие-то файлы ушли. Он мониторил их путь, сколько смог. Получалось непонятно. Сигнал ушел на игру, а оттуда в Брюссель. Одновременно через игру произошел какой-то еще обмен информацией, характер которого Артем не понял. Что-то ушло на военные порталы НАТО, что-то — в Союз, в сферу Федеральной службы экологии.

Важно, не пострадали ли при этом файлы Артема. На всякий случай он спросил о судьбе файлов у надменной библиотечарши. Та равнодушно полистала страницы в старомодном мониторе и кивнула — все файлы ушли, куда заказывали.

Свершилось. Закралась льстивая мысль: «Если все пройдет успешно, то в нашей стране Британский музей будет ассоциироваться с тремя людьми: Карлом Марксом,

Владимиром Лениным и Артемом Грустиным».

Выйдя из библиотеки, Артем обнаружил себя в труднопроходимой толпе. Сначала он решил, что гвардейцы Сити опять перекрыли проход в город. Этот застарелый конфликт, начавшийся еще в период Малого мятежа, уже почти рассосался. Но Сити, который при крахе монетаризма потерял основной источник своих финансовых доходов, теперь занимался экспертированием ресурсопотоков и также пробавлялся своеобразным рэкетом — брал плату за проход через свою территорию. Постоянные споры в совете Сити между сторонниками и противниками увеличения этой платы стали притчей во языцех. Ведь большой Лондон немедленно ввел ответные меры, и Сити стал чем-то вроде Западного Берлина прошлого века. Интересы тех, кто часто навещал Лондон и вынужден был платить за это, сталкивались с интересами граждан Сити, предпочитавших пролетать над Лондоном, а не заходить в него. Размеры таможенного сбора колебались так резко, что это то и дело вызывало пограничные конфликты с потасовками и электроразрядами. Но на этот раз со стороны Сити все было тихо.

Чаринг кросс и Оксфорд были заполнены народом, что даже для этого часа было необычно. На перекрестке образовалась пробка — плотная группа человек в сто мешала остальным свободно проходить, толпа накапливалась. Артем в ней и застрял. Когда он выбрался к Чаринг кросс, начался АРТ. Артем обернулся. Этого было достаточно, чтобы его заметила Марина.

«Ракета» настигла цель. Марина чуть не сшибла Артема с ног. На него обрушился поток любви и гнева, вопросов и ответов. Артем и сам был очень рад и немного обескуражен. Но если Марина рассказала ему о своих приключениях, то Артем вовсе не был настроен делиться с подругой подробностями собственных похождений. Чтобы отвлечь ее от расспросов и убраться отсюда, минуя метро, Артем увлек Марину в сторону модного лондонского развлечения.

С виду это был обычный ресторанчик на колесах, красный двухэтажный автобус, запряженный двойкой лошадей. Ретро-транспорт не уступал по скорости электро-кэбам, тем более что наземная скорость в Европе была ограничена двадцатью километрами в час. Хочешь перемещаться быстрее — к твоим услугам автолет, метро, трубопоезд и даже шатл. А улицы теперь отданы пешеходам. И так еле помещаются.

Их встретил типичный английский джентльмен, как с картинки, в смокинге (несмотря на уличную парилку) и котелке. Он предложил посетителям нажать кнопки заказа в меню. Автобус тронулся.

Гид предложил выстроить маршрут. На этот раз предложения были обычными — прокатиться по центру. Нет, на Даунинг-стрит они не попадут. После установления антитеррористического режима Уайтхолл превращен в настоящую крепость, подходы к которой недоступны для простых смертных. К тому же, леди и джентльмены, даже ваша несложная электроника в состоянии с близкого расстояния прослушать, о чем беседуют премьер Англии с комиссаром Евросоюза.

— А, бросьте, кого это интересует. Они сейчас мало что решают. Как говорят правители, «единственное, что от меня зависит, это общий политический курс». Но как раз он-то от них и не зависит. Так, мелкие интриги, последствия которых до нас не докатываются. Объедем их! — крикнула с места Мариша, хотя могла бы зафиксировать свое мнение на табло столика.

Гид странно посмотрел на нее, будто запоминая.

Ресторанчик имел своих завсегдатаев, которые любили встречать здесь

традиционный файв о клок. По причине все того же файв о клока толпа рассосалась. Мимо них проплывал настоящий Лондон. Огромные дома, выстроившиеся в линию, как фрегаты королевского флота, арки, через которые не торопясь проезжали кэбы. И, конечно, целая армия монументов.

Файв о клок типичного лондонца (во всяком случае, судя по красному автобусу) был продолжением работы. Рядом с ними сидел модельер (через плечо был хорошо виден его монитор), который прямо за чашечкой кофе с порошковым биггсом ваял надувной полубуйзер, видимо, по индивидуальному заказу. Через час клиент получит свою обновку. За это время модель поступит на компьютер автоматического цеха, смешаются ингредиенты ткани и краски расцветки, вещь высохнет, ляжет в почтовый бокс, и по трубе поезд перенесет ее в какой-нибудь Оксфорд.

А вот певица. Вроде Артем даже видел ее лицо в какой-то дешевой подпевке. Посасывая сладенький чаек, она кладет образцы своего голоса на стандартный мотивчик со сладенькими словечками. Чтобы в пабах звучала песенка, не мешающая посетителям думать о своем или не думать вовсе. Лучше бы совершенствовалась в пении — получила бы место в мюзикле, балетно-оперной труппе. Гораздо престижнее. Престиж сейчас более ценен, чем простой ресурс.

Или профсоюзный активист — он довольно громко рассказывал собеседнице об очередном раунде своей борьбы с кооперативной сетью быстрого питания «Властелины пирожных колец». Они там защищают право какого-то Бэггинса, который то не допекает, то вовсе сжигает кольца, неумеха. Коллектив хочет от него избавиться, но не может договориться с несчастным об отступных. Бэггинс — совладелец кооператива, как и большинство нынешних трудящихся. Профсоюзник все «разрулил», предложил выгодные условия переквалификации. Бэггинс — неплохой альпинист, работу булочника унаследовал от отца, а сам грезил восхождениями на вулканы. Хорошее дело — и для туризма, и для науки.

Гиду предстояла нелегкая задача расшевелить эту публику, которая привыкла ценить свое время и хорошо знала заповедь современного труженика: потребитель — единственный начальник. Сейчас они были потребителями и видели этого гида уже много раз. Но завсегдатаи знали — предстоит зрелище, интеллектуальная дуэль. Сейчас гид докопается до одного из новичков, и начнется спектакль.

Они выехали на роскошную Пиккадилли. В огромных витринах стояли настоящие вещи — не рекламные щиты, поверьте. Такова уж Пиккадилли. Яхта, сделанная из настоящего дерева, настоящий автомобиль-ретро с запасом бензина на 200 км пути, костюм начала XX века (более древние вещи не подлежат продаже, ибо предназначены для публичной демонстрации в музеях).

— Итак, леди и джентльмены, перед вами Пиккадилли и, соответственно, высшие достижения английских ремесленных корпораций. В какой стране мира еще встретишь такое изящество?!

Это был провокационный вопрос, рассчитанный на национальные чувства иностранцев. Гид не ошибся, хотя удар последовал не с той стороны.

— Все это бессмысленное мажорство, отрывка эпохи олигархов. Олигархию вы свергли, распределяете ресурсы по всем правилам социальной справедливости, а мажорство в душах осталось. Вот и предел мечтаний — лодка, которой не умеешь управлять, и груда эксклюзивного железа, которая встанет на шоссе через двести км, когда кончится горючее.

Все это негромко сказала Марина, но гид только и ждал выпада, чтобы начать

главное действие. Он взмахнул руками, и слова Марины прозвучали на весь автобус (они ведь были записаны с микрофона под столиком).

— Итак, леди и джентльмены, высказан тезис. Утверждаю обратное: доступность роскоши — неотъемлемая черта справедливого образа жизни, а мечта о ней — черта уважающего себя человека. Угодно ли принять вызов, или это сделает джентльмен дамы?

Артем встал и торжественно заявил:

— Джентльмен принимает ваш вызов.

Гид церемонно поклонился, что-то прицепил к поясу Артема. Тот покрылся виртуальными доспехами русского витязя. От котелка гида также развернулась картинка, и он превратился в ходячий портрет Ричарда Львиное Сердце в полном вооружении.

— Итак, вы лично, если наша фирма предложит вам Это, — Ричард указал копьём в сторону витринного корабля, и виртуальное копьё достигло цели, пронзив витрину, — вы откажетесь?

— Я бы сказал, что откажусь, да только вы не предложите, — парировал Артем и обрубил копьё своим клинком.

— Bravo, Тема! — зааплодировала Марина. Завсегдатаи не торопились поддержать ее, битва только начиналась.

— Нет, вы только представьте! — И рыцарская фигура вылетела из автобуса, соединившись с виртуальной каравеллой на фоне синего моря, закрывшего от зрителей часть улицы. Рыцарь уверенно вел каравеллу по виртуальным просторам и романтично смотрел вдаль. Повернувшись к зрителям, он спросил:

— Неужели и вы не хотели бы также?

Витязь ударил в рыцаря копьём:

— Вот вы и опровергли себя! Ведь такое путешествие доступно каждому. Оно виртуально.

Рыцарь пошатнулся, но не упал:

— Хорошо, принимается. Но все же настоящая каравелла лучше, чем виртуальное приключение.

— Лучше. Но и это не дорогое удовольствие. Оно доступно всем желающим, если делать каравеллу не из дерева, а из более дешевых материалов.

Виртуальная каравелла рассыпалась, гид вернулся в автобус и стал осторожно прощупывать противника.

Артем развивал успех:

— Сегодня любой человек может получить практически все, что хочет. Полезного эксклюзива не существует. Любой предмет можно изготовить из дешевых и прочных материалов и облечь в имидж любого дизайна. В Европе прошло время, когда голод и холод заставлял людей грезить о вещах.

— История кончилась? Мы больше не боремся за ресурсы?

На это было трудно ответить. Ресурсы планеты сокращались так стремительно, что никакие технологические прорывы не помогали. А тут еще Халифат взял под контроль лакомые сырьевые кусочки.

— Боремся, боремся. Не волнуйтесь за историю — у нее конца-краю не видно... — Артем почувствовал, что пропустил удар. Но ничего, обернем поражение победой: — Однако же единственный шанс выкарабкаться из ресурсного кризиса — это потреблять умеренно. Нынешняя система, когда мы обмениваемся своими долями в

ресурсах, заставляет потреблять их по минимуму. Сегодня мы тратим очень мало материи, остальное добираем информацией и впечатлениями. Лучше сыграть в виртуалку «Крестовые походы», чем рубить строевой лес на изготовление каравеллы. Теперь людей тянет к эксклюзивным вещам только мещанское сознание — рудимент животного страха и борьбы за чисто внешнюю крутизну. За дорогие бессмысленные цапки — мечта папуасов и бандитов-феодалов.

— Хорошо, я — мещанин, животное. А вы — нет? Не хотите быть круче других? Ну признайтесь!

— Я не мещанин, я — информал. Престиж определяется не вещами, а мудростью, исходящей от вас информации, неформальным авторитетом человека.

— Какой пафос. Но не все могут похвастаться мудростью гуру и авторитетом Махатмы Ганди. К чему же стремиться нам, простым смертным? — Слова рыцаря прозвучали глумливо. Но Артем решил не сдавать позиций и продолжал рассуждать в патетических тонах:

— Чтобы быть счастливым, не надо стремиться к вещам! Важно не то, что у вас эксклюзивная каравелла, а то, где Палестина, к которой вы плывете. Что вы хотите изменить вокруг себя? В чем ваша миссия?

— Что же, провозглашается аукцион миссий. Чья выше. Вот вы, — рыцарь навис над модельером, как вопросительный знак.

— О, моя миссия — красота. Я, правда, не хватаю звезд с неба, но капля камень точит — мода постепенно меняется, и внешний вид человечества зависит от нас.

— Вот видите! — Артем почувствовал поддержку публики, поскольку каждый хотел иметь смысл жизни. — И наш профсоюзный друг, он защитник слабых, которые не знают о своей силе и скрытых способностях. И даже певица...

— Почему — даже? Опять нас, шоуменов, низводят до роли скоморохов. А мы — люди искусства.

— Ну ладно, ладно... — Артем покровительственно похлопал певицу по плечу. — Когда-нибудь и вы сочините что-то оригинальное, и слушатели зарыдают или засмеются.

Честно говоря, в это Артем не верил, так как вообще низко ценил дешевые синтетические шоу, сляпанные на компьютере. Но сейчас он возглавил массы и мог быть великодушен.

— Эти миссии мелковаты. Как насчет спасения Европы? — услышал он низкий женский голос прямо над ухом. На борт автобуса поднялся новый пассажир и с ходу вступил в бой. Памятуя разговор с дочерью, Коша облачилась в виртуальный костюм короля Карла, который она скачала с картины Ван Дейка.

Коша не могла узнать Артема под доспехами, но он-то сразу ее узнал. «Вот и все. Как глупо попался. Марина, сучка, грамотно сработала. А он поверил».

Но Марина как ни в чем не бывало чмокнула маму в щечку. Мама созвонилась с ней четверть часа назад, узнала, что они едут в сторону Бэкингемского дворца, где и перехватила их. Коша знала, что Мариша встретила какого-то Артема и эта встреча несказанно обрадовала дочку. Это тот перспективный бойфренд, надо его посмотреть. А посмотреть его было нельзя — он резвился в образе Александра Невского, и глаза его были закрыты забралом, лишь борода торчала. Только глаза как-то странно забегали.

Мариша с восторгом смотрела на Артема и ждала, как он отбреет противника. Нет, Артем не мог покинуть поле боя.

Карл I продолжал свою речь:

— Сбылась мечта утопистов — миллиарды людей получили свободу от ежедневного добывания хлеба насущного. Условия труда — сплошной комфорт. Время отдыха — больше, чем работы. И что? «Всестороннее развитие личности»? Отнюдь! Тупая тусующаяся толпа, уставшая от виртуальных зрелищ. Кто не устал, сидит дома или просто живет овощем в банке, поглощая виртуальные грезы.

Гид, недовольный вмешательством нового лица, переоблачился в Кромвеля и, блистая кирасой, бросился на Карла:

— А что плохого? Это же предел мечтаний. Сколько угодно хлеба и зрелищ. За это стоит сражаться с варварами. Так было со времен Римской империи. Сила человека в его здоровых инстинктах. Вожди народа должны следовать этим инстинктам и не мудрствовать лукаво.

Артем решил, что пора ему вмешаться и расставить все точки над палочками:

— Следовать инстинктам — удел животных, а не людей. Люди следуют идеалам, поскольку они люди.

— А если не следуют, то не люди?

— Поскольку не следуют, постольку — не люди. Человек стал свободным от нищеты, и теперь ему нельзя сваливать свои грехи на социальные язвы. Теперь он сам отвечает за то, стоит ли он в стойле или учится летать, стремится ввысь.

Карл снисходительно отвел копьё Артема своей шпагой:

— Какая высь? Какое может быть у вас представление о выси? Вы вообще забыли, где верх, где низ в вашей виртуалке. Вы потеряли ориентацию в мире в тот момент, когда пошли на поводу у масс. И вот пришли к хаосу и скотству.

Артем продолжал защищать современность от призраков прошлого, но почувствовал, что действительно потерял ориентацию. Карл и Кромвель наезжали на него с противоположных сторон. Элитарный снобизм и всегда уверенное в своей правоте мещанство. Приходится сражаться на два фронта.

Ладно, для начала Артем решил опереться на привычную горизонталь:

— Нет никакого хаоса. Мир состоит из людей, которые тянутся к свету, как ростки. И каждая эта травинка множеством корней переплетена с другими. Корни травы тянутся туда, куда хотят. Это свободный поиск отношений, это — прямые связи. Современный человек сам выбирает, в каких сетях развиваться — в перекрестье интеллектуальных и духовных дебатов, как мы с вами (Артем решил продемонстрировать уважение сопернику), или в паутине медиакэйфа.

— Сети, сети. Некуда деться от них. Нас буквально впихивают в разные общества и сообщества, каналы и коммуникации! — воскликнул Кромвель. — Некуда деться от них свободной индивидуальности. А если я не желаю дебатов, если я хочу, чтобы меня оставили в покое с моими маленькими радостями? Если я хочу быть тварью, хотя и право имею?

— Но право-то имеете. Для этого теперь даже не нужно бить топором по головам. Дверь открыта.

Карл по-своему понял упоминание топора (Артем вообще-то отреагировал на перефраз Достоевского). Ну верно, ему же отрубили голову, и король обиделся:

— Что-то немногие хотят воспользоваться этим чудом полноправия. Толпа машет топорами не от безысходности, а от любви к мясу, к виду плоти, разрубленных костей, вкусу крови. Что больше всего любят сейчас показывать СМИ? Развороченное человеческое мясо. Войдите в любой чат для широкой публики. Посмотрите, что они

обсуждают. Не Шекспира, не Маркса или Стругацких, а дурацкий флэш-моб любителей обнажиться на публике. Духовный рост требует усилий, привычки напрягаться. А нынешний социальный комфорт учит только расслабляться. Рыпаются тысячи, а миллиарды спят. Если раньше государство и иные виды насилия делили людей на классы в зависимости от происхождения, то нынешнее торжество демократии делит их на те же классы в зависимости от готовности напрягаться.

— Так это справедливо! Теперь власть получает трудящийся. Трудящийся над собой. А кто не работает над собой, попадает в отстой. Им и манипулируют. Я согласен: наш мир — не свершившаяся утопия, не идеальный сад философов. Но он и не стойло для скотов, как ваша средневековая Англия. Разрушив современную демократию из-за ее недостатков, вы снова закроете дверь перед носом простых людей. Вы оставите отстой отстоем, но не пустите наверх тех, кто мыслит творчески, а значит, не так, как вы.

Вы низко цените их интересы, но смотрите, мы только копнули, и сколько сразу миссий вырвались наружу, — Артем широким жестом обвел публику, зондируя ее поддержку. Никто не хотел признать себя скотом в стойле, даже если и был им по жизни. Соглашаясь с Артемом, британские мещане росли в своих глазах.

Но король не унимался:

— Да ну, всегда была масса и те, кто над ней возвышается.

— Ну и что? Важно не это, а как человечество находит лучших. Вспомните, что было лет двадцать назад. Без капитала или влиятельных родственников никуда. А теперь все зависит только от человека. Жить в наше время — это шанс.

Карл стал убеждать собравшихся, что толпа не в состоянии выделить лучших, способных решать проблемы всего общества. Артем возмущался:

— Сейчас любой работник лучше знает свое дело, чем его менеджер, по существу сотрудник по связям. А вы надеетесь отдавать приказы.

— Приказы? Вчерашний день. — С этими словами Кромвель внезапно извернулся и снес голову Карлу. Поскольку это была Кошина голова, Марина взвизгнула. Но через секунду выяснилось, что гид таким образом просто вывел Кошу из игры, аннулировав ее образ. Карлу опять суждено было проиграть — время грубой, откровенной в своем блеске власти прошло безвозвратно. Покончив с символом власти, Кромвель сменил гнев на милость и заговорил с Артемом весьма любезно:

— Приказы — вчерашний день. Мы с вами уже почти час подсказываем людям их мысли. Вы и я, будь наша воля, заставили бы собравшихся действовать без всяких приказов. Все дело в силе убеждения.

Артем почувствовал, что гид почти победил. Артем возглавил публику, он вел ее за собой. И значит, диктовал ей свою волю, подтверждая правоту гида. Где-то здесь подвох. Да какая разница — просто важно выиграть. Выиграть в глазах слушателей, в глазах Мариши. Но проиграть по сути. Добиться признания своей квалификации манипулятора?

Кромвель взял противника под ручку, он говорил ласково и мудро:

— Есть нечто большее, чем местечковые интересы общин и рвачество коллективов. Федерализм способен уравнивать их, но лишь в спокойные времена. Кто объединит нас перед лицом внешних и внутренних угроз? Те, кто может вести людей за собой. Кто-то всегда идет впереди. Сегодня мы. Почему бы нет? Если ты не готов идти впереди, ты либо следуешь за другим, либо вовсе никуда не идешь. Такова жизнь.

Артем открыл рот, чтобы ответить. Но не нашелся. Что на это ответить? Ведь и впрямь кто-то идет впереди.

Они проезжали Вестминстер, и в беседу внезапно вмешалась Мария Стюарт. Коша не хотела выходить из игры и снова переоделась:

— Кого это вы собрались вести к звездам? Мещан, которым всю жизнь внушали, что они — пуп земли и не должны никому подчиняться. Они переполнены недоверием к любому призыву. Нужен орден новых иезуитов, действующих негласно, но точно. Вы — узкий круг интеллектуалов, «титанов возрождения», мечтателей, тонкая нервная сеточка, накинутая на новое Средневековье. Вы ищите истину, а люди хотят мифов. Вы оторваны от основной массы современников, которые живут в своих раздробленных мирах. Чтобы объединить их вместе, нужно действовать мифами, как рычагами.

— Манипулировать сознанием?

— Да, пусть так. Такова эпоха. Новое Средневековье. Современному миру — не до сентиментального правдоискательства.

— Вот! — Артем заорал, как Архимед «Эврика!». Он понял, в чем разница. Идти за другим незачем, если ты с ним заодно. А его призывают вести за собой людей, играя на них, как на клавишах. Гид умело подменил цели, а простодушная королева нечаянно разоблачила этот ход. Успех не в том, сколько людей ты увлек за собой. Важно, на самом ли деле они идут с тобой, или ты их тащишь обманом. Правда — вот ключ. Не было времени обдумывать это, и он почти автоматически отбил кинжал королевы несложной репликой:

— Даже в Средневековье история не обходилась без правдоискателей. А теперь без них человечество и вовсе не обойдется. Без них беззаботное человечество попадет в лапы манипуляторов.

Кромвель был взбешен — Мария Стюарт сорвала его тонкую игру. Он метнул в назойливую посетительницу виртуальным топором, и правда истории снова восторжествовала — Марии снесло голову, и ее останки улетели назад, в Вестминстерское аббатство.

Они как раз проезжали здание парламента и памятник Черчиллю. Бывший премьер сошел с постамента и стал надвигаться на Артема шагами командора. Артем ждал от него чего-то вроде: «Демократия — ужасная вещь, но никто не придумал ничего лучше». Но грузный старик стал гневно тыкать в Артема своей палкой и, брызжа слюной, кричать:

— Ты правды захотел, сопляк? А сам-то ты ее знаешь? Ты тут битый час расточаешь словеса, совсем запутался и будешь учить нас правде. Правду знают немногие, массам она недоступна. Или ты можешь проникать через стены, чтобы подслушать правду?

— Бросьте, сэр, — задумчиво ответил уставший Артем. — Правда — это не секреты этих стен, — он вяло показал на Вестминстер. — Правда — это просто отсутствие лжи в оценке событий. Если не лгать себе и другим, то ваши маленькие секреты не так уж важны. Правда проступит над рябью событий.

— Надежды юношей питают. Хороши бы мы были, если бы во время войны не знали, что творится в штабах противника.

— А вы знали ничтожную толику. А что знали, то мало помогало. Вы же не сообщили американцам о том, что на них собираются напасть японцы.

— Но мы сообщили русским...

— И они не поверили. Потому что вы постоянно лгали прежде. Ложь рождает недоверие, недоверие рождает ложь. Люди могут заблуждаться, но они должны быть честны хотя бы друг перед другом. Если они думают вместе, вместе ищут истину, не скрывая ее добытых частиц, тогда становится неважно, кто ведет, а кто ведом. Тогда из Правды как истины возникает Правда как справедливость.

— Весьма мудрено, но не убеждает, — Черчилль высокомерно прикурил сигару. — Не зная секретов, вы не знаете и правды.

— И что, вы знали правду, когда попивали коньячок со Сталиным?

— А что вам Сталин? Во всяком случае, он знал, что хочет. Сейчас такой человек пригодился бы миру. А то у всех по парламенту в голове.

Почувствовав, что Артем потерял темп, Марина решила поддержать его если не интеллектом, то энергией:

— Ты получил ответ, старый бульдог. Ты знал кучу секретов, но не знал собственной страны. Тебя вышвырнули сразу после войны. Те, с кем ты вчера делился сокровенными тайнами, стали твоими врагами. Зная секреты, ты ничего не знал.

Их даблдеккер повернул за угол, и тень премьера исчезла. Внешность Кромвеля слетела с гида и слилась с памятником у парламента. Пора было заканчивать экскурсию:

— «А» упало, «б» пропало. Что осталось на трубе? Средневековье с его прочными моральными традициями — в прошлом. Индивидуализм и капиталистическая гонка за деньгами побеждена лейбористами, социалистами и прочими радетелями за справедливость. Все счастливы? Нет, все борются. Одни со скукой, другие — с варварами. Те, у кого есть миссия, тянут нас в разные стороны. Кто укажет нам путь: правдоискатели, которые вечно во всем сомневаются? Или новые инквизиторы, отравляющие сознание сладкими мифами и устраняющие сомневающихся?

Мне остается только поблагодарить наших мужественных участников, поднявших перчатку на этот раз. Демонстрацию нашего ток-шоу вы можете увидеть на сайте «Британские традиции» в любое время начиная с завтрашнего дня. Рекомендуем вам следить за дискуссией наших прошлых и будущих ток-шоу. Я прощаюсь с вами, но наш ресторан по-прежнему в вашем распоряжении. Продолжайте ваш ланч. Ищите новых впечатлений!

С этими совами гид приподнял свой котелок и сошел с подножки автобуса. Виртуальные костюмы исчезли вместе с ним, и Артем предстал перед Кошей в своем натуральном виде. Обнаружился коричневый пояс с переносной электроникой. Синяя рубашка, шорты. Бородка клинышком. Коша поняла все и даже больше, чем требовалось. АРТ... Совпадение? Или Арт-ем? Он мог запросто подстроить Это алиби своего контакта. А Венеция? Боже, это же он — ее невыполненное задание.

Артем было дернулся к выходу, но в бок ему уперлась деревяшка арбалета. Коша не могла провезти оружие в Англию и была вынуждена мастерить его из подручных материалов.

— Сиди тихо, — негромко, но твердо приказала убийца.

Марина ничего не заметила и продолжала доедать подостывший обед.

Впервые Коша оказалась перед таким выбором. Если она его пристрелит, дочь ей этого не простит. Вот если бы Мариша и этот урод поспорились или просто разошлись потом как в море корабли... Но сейчас на это нет ни доли шанса. Или дочь, или работа, может быть — и жизнь. Как некстати она наткнулась на этого своего Ромео. Милый парень, живучий, умный. Почему так получается? Но его просто нельзя не убить.

— Слушай, а зачем тебе все это надо, а? Зачем ты стал дразнить наших гусей, послал из Полиса это свое глупое сообщение с угрозами и разоблачениями?

— За планету обидно. Живут миллиарды людей, тянутся к свету, а вы их тусуете как карты. А лучших просто убиваете.

— Не лучших, а лишних. Людей и так слишком много, они и без нас уничтожают друг друга тысячами. А я по каждому приговоренному могу объяснить, в чем он виновен. Это — справедливый суд.

— Суд в отсутствие подсудимого не может быть справедливым. А смерть не может быть воздаянием, так как не заставляет покаяться.

— Это — абстрактные рассуждения пацифиста. Но без нас ничто не могло бы удержать мир от катастрофы. Если давление людской массы слишком велико, кто-то должен разруливать потоки.

— Так, я смотрю, наш диспут продолжается.

— Ты думаешь, ваша Советская революция привела к демократическому социализму, самоуправлению, равноправным корневым связям, отбору мудрейших для регулирования жизни тех, кто предпочитает обустривать свой маленький мирок? В учебнике так и есть. А в жизни есть еще кое-что. Это мы не даем системе выйти из-под контроля, отсекая тех, кто слишком ее раскачивает. Так что единственным по-настоящему реальным завоеванием вашей революции стало возрождение пространства державы. Великой будущей державы, которая придет на смену вашей аморфной системе.

— Так вы спасаете систему, стабилизируете ее или собираетесь сломать и заменить другой?

— Раньше спасали. Теперь пора менять. Вы ведь с помощью виртуальных игр едва сдерживаете человеческую агрессию. Игроки могут вот-вот на практике начать мочить друг друга.

Вы не успели. Да, массы стали культурней и даже увлекаются вашими заумными писаниями, по мотивам которых снимаются клипы и пишутся игры. Но народа слишком много, а ресурсов мало, и люди становятся агрессивнее. Только мы железной рукой способны остановить катастрофу.

— Вы, похоже, редко общаетесь с обычными людьми. Они умнее, чем вы думаете.

— Боюсь, у тебя нет времени это доказать. Мы не пойдем сейчас проверять IQ людей из толпы.

— Зачем так далеко ходить? У нас есть универсальный пример. Ваша дочь и девушка, которую я люблю. Она — продукт нашей эпохи. Она живет в виртуальном мире больше, чем под солнцем. И вы скажете, что она — животное, просто часть тусующегося стада?

Он потом не раз задавал себе вопрос: а любил ли он ее тогда? Но момент был историческим, и в такие моменты правда — это то, что диктуется логикой событий. Но его признание в любви решило исход спора, определив судьбу всех троих. И даже более того, предопределив создание Общества правдоискателей, их семейного дела.

Марина слушала Артема и Кошу, оцепенев. Постепенно до нее доходило, что сейчас решается судьба Артема. Она заметила и нос арбалета, упершийся в бок человеку, которого она только что обрела. Тогда она решила вмешаться:

— Слишком много слов.

Сказав это, Марина взяла со стола бутылку вина, треснула ей по арбалету и

возвратным движением дала матери по голове повыше виска — чтобы не убить.

К удивлению посетителей, еще оставшихся на верхней палубе автобуса, после грохота и шума все трое снова уселись за стол, девушка стала обрабатывать рану женщины медмазью, а потом все трое продолжили беседу как ни в чем не бывало. Ох уж эти русские.

Итоги подводила Марина. Они будут жить вместе, в Союзе. Мать со своей работой завязывает и помогает Артему защититься от его недругов. Вот так просто, по-детски.

На самом деле Коша и сама склонялась к такому исходу. Семейное счастье было ей сейчас дороже прежних хозяев, тем более что в Праге они уже брали ее на мушку. Сменив игру, она могла сейчас и выиграть.

Теперь Коше нужно было как-то аккуратно освободиться от Пана. В этом деле ей неожиданно помогла местная полиция. Когда они спустились с даблдеккера, рядом проявились два томми и предложили проследовать в участок. Кошу подозревали в организации незаконных действий перед библиотекой. Ах, конечно, ведь это она крикнула «АРТ!», что и зафиксировало вездесущее видеонаблюдение. Конечно, в участке она могла бы легко объясниться, сказав, что увидела знакомого Артема и позвала его таким образом. Но эти объяснения тоже будут записаны на цифровик и могут попасть не в те руки. Поэтому наша террористка выбрала другой образ действий. Она кивнула, сделал несколько шагов, чтобы оказаться в мертвой зоне видеокамер, и тут элегантно вошла коленом в диафрагму одного полисмена, одновременно поразив костяшками пальцев горло другого. Это были несмертельные удары — ей ни к чему было оказаться в списке разыскиваемых за убийство полицейских. Стражи закона просто выключились минут на десять. Этого как раз хватило, чтобы попрощаться.

Марина предложила им немедленно ехать в Союз. «Я буду позднее. В Англии меня сейчас разыскивают, в космопорте наверняка задержат. Для начала доберусь до Шотландии. Там своя юрисдикция по таким незначительным правонарушениям, меня там искать не будут. У полиции космопорта в Эдинбурге, конечно же, будут мои пальчики. Все-таки, тоже ворота Евросоюза. Но в Финдхорне живет мой знакомый яхтсмен...»

В положенное время Пан получил сообщение: «АРТ организовал акцию в Лондоне, о чем заведомо информировал Романова. Мне удалось вступить в контакт с организаторами акции. Они утверждают: акция интересовала Романова как возможность осуществить социологический замер скорости распространения информации о незначительных общественных явлениях. Договоренность о его информировании была достигнута месяц назад. К сожалению, выполнение задания повлекло за собой включение меня в списки разыскиваемых на территории Евросоюза. Мне придется перейти на нелегальное положение. По истечении срока розыска выйду на связь».

В положенное время Романов, судьба которого три часа висела на волоске, благополучно прибыл в космопорт Шереметьево-3.

Решение

28 сентября.

Сергиев Посад.
Романов, Татьяна.

«Во все эпохи есть возможность выбрать свой путь. Сидеть в родной деревне, наслаждаясь тоскливой недвижимостью времен. Стяжать духовные вершины в монастырской аскезе. Или до изнеможения махатья тяжелым мечом плечом к плечу с сорвиголовами из пограничной марки, защищающей от варваров хрупкое пространство культуры. Той культуры, в которой довелось родиться».

Так мудрый монах, сидящий на белой горе, говорил супергерою Макс, который взобрался на Гималаи, чтобы узнать, как совладать с Халифатом. Таня, сладко нежась в постели, мониторила киносайты и выбрала этот фильм для переделки. Последняя серия с Максом отличалась повышенной зрелищностью, что сейчас как раз подходило под Танино настроение. После ночи с Сергеичем и вообще после прошедшей недели ее не тянуло на эротику. Хотелось взрывов, стрельбы, катастроф и насилия. Макс обеспечивал все это в избытке, вокруг него взрывались даже планеты. Только Землю он неизменно спасал от организаторов глобальных катастроф вроде тотального загрязнения, ядерного терроризма, астероидов-убийц или демографической бомбы. Теперь, в соответствии с «общественным заказом» дня, на очереди был Халифат. И, конечно, его помощником был очаровательный русский полковник Максим Исаев, тоже Макс, что вовлекало друзей в забавную путаницу. Ну как не поглумиться над таким сюжетом. Таня стала орудовать монтажкой и голосовыми модуляторами, меняя сцены, внедряя в ткань чужого киношедевра сцены из других фильмов, переозвучивая реплики. Пока Сергеич корпел над своим историческим докладом, она готовила ему забавный сюрприз, который потом можно вывесить на пародийном сайте. Если понравится, зрители даже скинутся на приз автору — будет небольшая ресурсная прибавка.

Довольное побрякивание Тани обеспечивало Сергеичу возможность работать без помех. Но он не работал. Он пребывал в колебаниях.

Перед ним на стене высветились два варианта доклада. Один в основе своей был написан еще до отъезда из Союза, с месяц назад. Там анализировалась экспансия Халифата, ее угрозы для европейской цивилизации. Европейская цивилизация — колыбель родной ему культуры! Какими бы ни были их старые счеты с Западом, но это старый спор европейцев между собой. С другой стороны, Сергеич скрупулезно разбирал опасности, которые Халифат нес мусульманам Евразии. В общем, это была основа для будущей пиар-кампании в поддержку войны. То, чего от него ждали многие. Убедительная аргументация — то, что как раз и нужно лидерам перед финальными выступлениями.

Оказавшись близ эпицентра войны и революции, Сергеич только укреплялся во мнении, дополнял доклад убедительными штрихами: участие агентов Халифата в дестабилизации ситуации в Крыму, в политических убийствах на территории Союза и похищениях советских граждан, создание плацдарма для прямого нападения на нашу территорию.

Пока Романов летел назад, в Союз, читал материалы Артема, сопоставлял их с тем, что увидел и услышал в последние дни, он написал другой доклад. И теперь не знал, что делать. Совместить два доклада не получалось. Выбрасывать старый было жалко. Тем более что с ним пришлось бы выкинуть и прежний этап собственной

жизни.

В своем письме для начала Артем объяснил, как получился обстрел комнаты Романова в Полисе. У него была версия, был материал, но не было доказательств существования «Кольца». Нужен был союзник. Артем изложил свою версию Сергеичу — тот не отнесся серьезно. Тогда он рассказал кое-что Анатолию, для понта сославшись на какие-то важные источники, которые он должен получить от осведомленного информатора в Средней Азии. После этого Артем почувствовал за собой плотное наблюдение. Неужели клюнули? И тогда у него возникла мысль добыть доказательства самым что ни на есть провокационным способом.

Стервец эдакий, он просто отправил с сетевого выхода комнаты Романова разоблачительные материалы о «Кольце» по адресу Квидзе, изрядно преувеличив свою осведомленность о деятельности таинственной организации. Артем настолько обнаглел, что подписался под своим сообщением, открыв таким образом сезон охоты на себя. Именно эта охота и была доказательством самого существования подозрительной структуры. Артему вообще повезло с тем, что охота началась немедленно. Сразу так — хрясь прямо по комнате Романова. Тут и до Сергеича дошло, что не все так безоблачно. Правда, злодеи стали аккуратно убеждать Романова в том, что источник происшествий запрятан в том же Халифате. Спрятали концы в пустыне, стащили Ольгу, чуть не пришили и самого Артема.

Артем подробно описал свои приключения, умолчав, впрочем, о Марине. Романов Марину вычислил уже сам, вспомнив пражские приключения. Доггер, проговорка Принтама. Интересно, Аника тоже из «Кольца»?

Сергеичу оставалось написать второй доклад. Он получился небольшим и очень понятным. В мире действует организация (условное наименование — «Кольцо»), которая стремится (и не безуспешно) играть самостоятельную роль в мировой политике. Влияние «Кольца» сопоставимо по силе с Советским Союзом, Евросоюзом, НАТО, США, Халифатом, Китайским сообществом и Японией. Организация занимает важные позиции в медиасообществе, вооруженных силах нескольких союзов и государств, включая Халифат. Возможно, вторжение в Европу и первоначальные успехи Халифата связаны с деятельностью «Кольца». Организация сконцентрировала в своих руках значительные энергетические ресурсы, оккупировав их источники с согласия союзов и государств, которым оказывала услуги. «Кольцо» физически устраняет людей, которые мешают его деятельности и вообще знают о нем. Его деятельность подпадает под действие мировых законов о терроризме, но арестованные террористы не признают связи с организацией, предъявляя следственным органам легенды, с которыми те радостно соглашаются. Романов присовокупил к преамбуле несколько страничек со списками участников «Кольца» и его союзников, основные доказательства. В докладе было очевидное слабое место — цели «Кольца» оставались неясными.

Копию доклада и подлинники доказательств Романов депонировал в Ленинке. Это неплохой информационный банк, можно спрятать все, что угодно. Если с ним что-то случится, Ленинка автоматически разошлет доказательства по адресам видных политиков и экспертов.

Если он представит такой доклад, взорвется бомба, осколками которой может разнести все здание «Социума» и покалечить самого Романова. Они сделают все, чтобы представить его сумасшедшим. Да, «Кольцо» понесет потери. Да, Союз не вступит в войну. Но его, Романова, могут просто уничтожить в глазах научного

сообщества. «Социум» из уважаемой и хорошо обеспеченной ресурсами научной структуры превратится в секту. Выдержат ли ученики такой поворот событий? Вот их и сейчас не соберешь. Ольга и Вася летят где-то над Уралом, Артем ведет свою игру в подполье. Хорошо хоть Таня вернулась. Она все-таки не способна его предать, а вот он... Ему стало стыдно за роман с Аникой.

Сергеич сказал Тане, что пойдет прогуляться. Она кивнула, лихо заворачивая сюжет кино в сторону гибели цивилизации. Сергеич вышел из своего кампуса. За высоким забором высилось трехэтажное здание с аудиторией в центре, к которому примыкали домики для студентов. Бывали времена, когда здесь по году жили сотни искателей Истины. Из них Романов постепенно отбирал более узкий круг «Социума». Сейчас поселок был почти пуст, как обычно бывало в конце лета.

Сергеич спустился с зеленого холма, который сохранил от застройки в обмен на то, что добился предоставления Посады статуса наукограда. Он шел по улочке деревянных домов, пропитанных консервантами. Если не случится пожара (мирового, например — пронеслось в голове), то они добавят еще тысячу лет к своим двумстам. И жизнь в таких домах тоже словно пропитана консервантами. Здесь люди гоняют чай и переключают каналы на допотопных многопрограммниках. Как в прошлом столетии гоняли чай да пересказывали друг другу слухи. Скука обыденной жизни. Не тряхнуть ли ее? Для этого ему, Сергеичу, достаточно просто умыть руки. И все переменится. Ведь уходили же и отсюда люди на фронт. И возвращались другими. Его, Сергеича, спокойное, в чем-то мещанское благополучие в обмен на спокойствие тихих мещан, его соседей, с благоговением и опаской смотревших в сторону кампуса.

Если он направит в Новгород первый доклад, то окажется на волне патриотических чувств, настроений большинства, во многом инспирированных информационными потоками. Наверное, ложными. Но война все спишет, и даже если придется отвечать, то легко будет скрыться в толпе вчерашних героев.

Нет, теперь он настолько приблизился к Правде, что не может выступать за эту войну. Он может переделать первый доклад, сточить острие, спрятаться в облаках объективизма. С одной стороны... С другой стороны... Вот вам «за» и «против» — решайте сами. Хотя при нынешних раскладах такая его позиция не остановит войну.

Сергеич легко представил себе, как завтра в Великом Новгороде, среди соборов кремля и торговица, колыбели отечественной демократии, будут прохаживаться лидеры партий и регионов, советники и руководители федеральных служб. Они будут бросать взгляд на памятник тысячелетию России, словно примериваясь, где разместят их потомки — рядом с Петром Великим или Сергием Радонежским.

Это — последний совет, сверка часов. Они будут брать друг друга под ручку и обсуждать, что заявят назавтра по главному вопросу: стоит ли Союзу вступать в войну. Потому что еще через день — точка Фиксации. Соотношение голосов граждан по этому вопросу будет зафиксировано, и результат референдума определит решение Союза. Пока только двадцать семь процентов граждан разместили свои голоса «за» и «против». Остальные ждут финальных выступлений. Их ждут в деревянных домиках и электронных коттеджах, на орбите космических станций и в акватаунах. В последний день впервые за несколько лет у голосовален встанут очереди. И если большинство граждан решит, что Европу нужно спасти силой, то Союз предъявит Халифату ультиматум. Халифат откажется, и грянет гром.

Если он предоставит Собору второй доклад — с информацией о «Кольце», все будет иначе. Гром грянет прямо в колыбели демократии. Это, конечно, повлияет на

нынешние решения. Союз не вступит в войну. В такой неопределенной ситуации, когда есть угроза заговора на территории Союза, никто не решится рекомендовать рискованные шаги. Текст доклада станет известен смешникам на следующий день, и сенсация вспыхнет во всю свою мощь. О, этот доклад попадет на скрижали истории. Имя Сергея Романова станет нарицательным, но только не как имя спасителя Отечества. Это будет имя провокатора-пацифиста, который устроил пожар в храме войны.

А потом «они» перейдут в контрнаступление! Для них это будет вопрос выживания. «Они» отмежуются от разоблаченных, на каждый его аргумент выдвинут десять своих, сфабрикуют чего недостает. О нем будут говорить как о параноике, свихнувшемся на аналитике. Все силы, которые рассчитывают на вмешательство Союза в Европе, которые выстроили под него свои ресурсы, организуют травлю Романова и затем, что страшнее, — бойкот. Влиятельные люди и коллеги по экспертному сообществу будут смотреть на него не как на потенциального союзника, а как на сомнительного проповедника, впавшего в маразм раньше положенного срока.

Нет, Сергеич не определился, рисковать ли. Менять ли профессию эксперта на проповедника. В наше время пророки смешны.

Ноги сами привели его от стен наукограда ко Граду Божьему. Благо от кампуса до Лавры было всего полчаса ходу. Последнее время Сергеича не оставляло ощущение, что его кто-то «ведет». Кто-то за ним все время смотрит, направляет его. Или эти «кто-то» различны, тянут его в разные стороны? Кто привел его сюда, и понравится ли такой маршрут остальным?

В Лавре на Романова снизошел покой. Все вокруг было покойно. По своим делам не торопясь шествовали монахи: кто так, а кто и с поклажей, летевшей следом на воздушных саночках. Прихожане стайками переходили через тихую площадь от храма к храму. При входе снимали виртуальные шлемы. Вообще следовало бы при входе в Лавру, но Церковь терпима. В конце концов у некоторых прихожан встроенные компьютерные порталы — не выдирать же.

Сергеич вошел в сумрачное лоно Троицкого собора. Пока он стоял в очереди к своему святому, напряженно искал выход из создавшегося положения — то ли размышлял, то ли молился. Когда он преклонил колена перед ракой, то понял: «Умывать руки негоже. Но до Куликова поля еще далеко».

Когда Романов вышел из храма, поступил срочный сигнал:

— Сергей Сергеевич, извините, что беспокою. Это координатор Новгородского Собора. Хотелось напомнить, что сегодня мы ждем ваш доклад. Готов ли?

— Да, думаю, что через час я закончу его редактировать. Осталось посмотреть некоторые материалы...

— На какую тему? Может быть, мы можем помочь вам своими источниками.

— Нет, вряд ли. Это об Иване Калите и Дмитрии Донском.

Сергеич перекрестился, глядя на собор, и про себя сказал:

«Спасибо, Святой Отче, за совет».

Начало

29 сентября — 2 октября.

Афины — Метеора.

Фома, Павел.

— *И как же устроен мир?*

— *Устройство мира — результат взаимодействия костного, животного и духовного начал. Оно обеспечивает гармоничное периодическое развитие мира, при котором в каждой части присутствуют его модель и начало.*

На этом заканчивается «Написание». Но не жизнь вечная».

Волхв дочитал текст и погрузился в размышления, из которых его вывел чуть заметный, но хорошо знакомый толчок, будто кто-то тронул его пальцем за основание горла. Он сосредоточился и понял: «Время пришло». Он давно ждал этого момента, пребывая в вычислениях и молитвах, в общении с братьями и Богом. Вычисления показывали приближение Момента, молитвы откликались приказанием смиренно ждать. И он ждал, что ему или кому-то из братьев будет дано Знание. И сегодня оно было дано. Жаль, что не ему, но и того достаточно, что он — один из немногих, кто в курсе Дела.

Он погрузился в медитацию и задал вопрос:

«Я правильно понял? Сейчас?»

И три голоса ответили ему: «Пора идти».

Он подошел к потаенному уголку хижины, взял завернутый в тряпицу Армагерд и сел на верблюда. Впереди был долгий путь до моря.

В тот же момент трое молящихся в разных концах Земли встали с коленей и пошли к тем средствам передвижения, которые предоставила им история. Впереди был трудный путь.

Каждый из них думал примерно об одном: «Не ошиблись ли они? А если не тот? Ведь сейчас они определяют его судьбу, и если он не сможет устоять, если он — не Он, то и судьба мира сложится не так». Но они продвигались к своей цели, потому что в этом моменте заключался смысл жизни многих поколений Учителей их Школы.

И это движение не осталось незамеченным.

— Они вышли. У нас осталось совсем мало времени. Желательно решить эту проблему в зародыше. Судя по маршрутам, мы все вычислили верно. Предлагается Акрополь.

Акрополь был хорошим местом для встречи. После оккупации Афин войсками Халифата никто не поднимался к языческому святилищу.

Как и большинство жителей Северного полушария, собравшиеся говорили о войне. Но, в отличие от остальных, они уже подводили ее итоги.

«Заявление из Новгорода последует через час. Доклад Романова поступил, но мы не знаем, что в нем. Дядя Саша храбрится, но чувствует, что опять проиграл. Предложил ничью. Я согласился — от этого мы уже ничего не теряем. Последнее сообщение о Романове: его интересуют Иван Калита и Дмитрий Донской. Глубокое противоречие русской истории. Иван Калита — мир с исламом, согласие на иго. Но какое уж сейчас иго. Союз равен по силе Халифату, а вместе с НАТО — значительно сильнее. Глубоко копает Романов — к самым корням русской культуры. На них будет строить пиар. «Вставайте, люди русские, на смертный бой, на бой святой». Стратегия Донского против стратегии Калиты. Он тут посетил Троице-Сергиеву лавру. Замечательно — Донской ходил к Сергию Радонежскому на благословение перед Куликовской битвой. Все складывается как нельзя лучше.

Через неделю Союз вступит в войну. Это приведет к необратимым последствиям

в развитии обществ Евразии, что позволит компенсировать частичную неудачу в Америке. К полученным уже ресурсам Америки и Евразии мы добавим контроль за системой военной власти. Дальше нужно перевести войну и на этом фронте в режим позиционной, постепенно выдавливая Халифат назад в Африку. Там он и останется длительной угрозой, чтобы временные военные власти стали постоянными. Это — хорошая почва для следующего шага на главном пути.

Хотя заказ еще не выполнен, но ресурс уже наш. Им не отнять его назад. Можно переходить к главному делу».

Посетители Акрополя подошли к краю стены-скалы, чтобы лучше видеть панораму города.

— И где сейчас наши гости?

— Как и следовало ожидать, мы их потеряли. Они сейчас смешались с толпой на подходах к Монастираки или Псири. Вон там, смотрите, правее античных развалин. Ищем, конечно, но, видимо, не успеем найти. Можно застать их при входе или выходе из дома. Видите черепичные крыши, там небольшие домики.

— Может, они ошиблись? Точно родился тот, кого мы ждем?

— Думаю, все правильно. Сюда непросто добраться, но эти люди готовились всю жизнь к своему путешествию. И потом... — Пан цинично улыбнулся, — своим выбором они определили судьбу младенца. Даже если это не Он, он Им станет.

— Постой, постой, что значит станет? Надо задавить эту змею в зародыше, — Мастэр гипнотизировал его взглядом.

— Меня не прельщают лавры Ирода. Скорее всего, вы наведете такого шороху, что это только помешает нам контролировать процесс. Нет уж, играть так играть. Для победы нужен достойный противник, иначе все пойдет не по сценарию и мы просто родились не в то время. Мы должны наблюдать и готовить позиции, готовить нашего бойца.

— Из этого капитулянтства ничего не выйдет. Я уже дал распоряжения. Если его обнаружат, тут же убьют. Сможешь смахнуть скупую мужскую слезу.

— Ну, ну.

Остальные с интересом наблюдали за кварталом Монастираки и окружающими холмами в оптику. А вдруг повезет уловить лицо волхва? Ладно, удастся сейчас уничтожить или нет, началась главная игра.

— Наконец-то. А то надоела геополитика.

— Без геополитики у нас ничего не получится. Как бы мы получили такой контроль над ресурсами? Это — большое дело.

— Это — мелочи. И опасно думать, что мы чего-то достигли. Знаете, наш круг напоминает мне «ведьмино кольцо». Это такая грибница. Грибы разрастаются все шире, все дальше от центра. А центр отмирает. Получается кольцо с пустотой внутри. Круги, потерявшие сердцевину, помнящие о том, что они — целое, шлифующие навыки, но забывшие о том, ради чего все. Мы потратили уйму сил, чтобы спасти цивилизацию, которую все равно придется разрушить и заменить другой. И все — ради своего собственного благополучия, спокойствия, преуспевания. Еще полвека назад мы были скромной сектой, каких много. Но вот настало время кризиса системы манипулирования, и мы единственные, кто был к этому готов. Теперь манипуляторам не хватает их искусства, настроенного на старую культуру. Культура движется дальше, и манипуляторы уже не могут без нас. А это значит, мы манипулируем ими. Манипуляторы манипуляторов. Цари царей. Теперь им нужна тотальная дисциплина и

сверхидея. А сверхидею можем дать только мы и Он. В рациональный век секты — игра. В постмодернистский век — связующая нить мифа. Но наш Миф шире всех идей, кроме христианской. Кто не с нами, волен уйти и забыть. Даже получить выходное пособие.

— Брось, мы игроки. А эта игра с максимальной ставкой. Кто же будет сидеть в стороне.

Собравшиеся кивали.

Тогда мы должны решить, кого выдвигать навстречу противнику. Кто станет лидером планеты?

— А что тут решать? Алекс. Мы в него уже столько сил вложили, хорошо продвинули.

— Не будем рубить сплеча. Алекс — мальчик хороший, ничего не скажешь. Но нельзя все яйца класть в одну корзину. А вдруг сейчас Романов нас подведет. И что? Алекс окажется все на той же стартовой позиции, ваши усилия — почти что псу под хвост. Потом вдруг он загордится, погибнет, наконец. Нужна подстраховка. Человек должен быть молодой, но уже известный. Волевой, но манипулируемый. И крючок для него должен быть хороший — на уровне подсознания.

— Ладно, есть и подстраховка. Вон его отсюда видать. Смотрите на гору святого Георгия. Видите, из церкви выходят два монаха. Один из них и есть подстраховка. Он об этом сейчас не знает. А мы его судьбу можем круто изменить.

— Но мы договорились отстать от «Социума».

— А он и не является членом «Социума». Все по-честному.

Четыре путника сошлись у Кафедрального собора. Помолвившись, они пересекли площадь и вошли в маленький дворик, где проходило скромное торжество в честь прибавления семейства. Отца, правда, не было, но кого это удивляет в наше время.

Не говоря ни слова, путники подошли к младенцу и возложили перед ним золотой Армагерд, круглый Бассат, несравненный Экстраскрипт и хранилище даров. Собравшиеся смотрели на путников с удивлением и почтением.

— А теперь всем пора уходить. Сюда придет смерть. Вашего сына хотят убить. Спасайся, — сказал один из путников и вручил матери дары, уложенные в хранилище. Почему-то она поверила ему, схватила дитя и бросилась к черному ходу. Раздался возмущенный ропот. Как смеют эти сумасшедшие говорить такие вещи! Но путники уже сели молиться.

В следующее мгновение во дворик ворвались солдаты, которые, не особенно разбираясь, начали поливать собравшихся автоматными очередями. Мать выскочила в заднюю дверь, которая вела в целый лабиринт проходных переулочков.

Услышав стрельбу, народ бросился с площади во все стороны. Мать в панике бежала вместе с толпой по улице Метрополиос.

Тем же часом Фома и Павел неспешно спустились с холма по извилистым лесным дорожкам. Улицы города с их мирской суетой и военными проверками утомляли. Стремление отгородиться от суеты сподвигло монахов на ученую дискуссию о пневматических ногах. Фома пользовался ими, а Павел отказался. Пиная сандалией валявшиеся на улице мандарины, он доказывал, что паломнику негоже пользоваться пневматической поддержкой своего тела, а значит, и духа. Монахи приводили друг другу цитаты из Писания и наставления Отцов Церкви, которые, к сожалению, не сказали на эту тему ничего конкретного. О глиняных ногах — да, а о

пневматических... Было что обсудить. Они проследовали мимо Вечного огня, где теперь не было забавных солдат с пумпонами на тапочках. Зато на площади стоял военный автолет с автоматическими пушками, и воинов ислама вокруг было более чем достаточно. Они следили за порядком, и греки чувствовали себя относительно спокойно. Но в душе, конечно, уже готовились к борьбе. Судачили, что еще устроит оккупантам Ирак.

Вдруг что-то произошло. Народ ринулся с окрестных улиц. В общей свалке на монахов наткнулась женщина с ребенком. Она была ранена и быстро говорила по-новогречески. Фома с трудом разбирал: за ней гонятся, армия хочет убить ее сына, его нужно спрятать. И вот это тоже — она протянула саквояж и стала терять сознание. Фома запахнул свою мантию над младенцем и командовал Павлу: женщину донесешь до госпиталя, запомнишь ее данные, чтобы потом вернуть ребенка. Свяжемся через адрес православной миссии.

Толпа прижала Фому к изгороди Ботанического сада. То, что нужно. Он стрельнул пневматическими ногами, и перелетел через ограду. Его примеру с разной степенью успеха последовало еще несколько человек. Но они пробежали через сад на другую сторону, а Фома решил остаться. Сад был закрыт, военные не интересовались им, так что здесь среди экзотических растений, водоплавающих птиц и античных колонн можно было переждать. Положение было непривычным — какой-то ребенок, которого нужно спрятать. Зачем преследуют его мать? Или младенца? Загадочно, и напоминает библейский сюжет.

Ребенок оказался удивительно спокойным, но он хотел есть. По счастью, скоро стемнело, отец Фома выбрался из своего убежища и отправился в миссию. Настоятель выслушал историю отца Фомы в большой тревоге. Ему уже было известно о странных событиях этого дня. Действительно, военные ищут женщину с младенцем. Прямо как Мюллер (у каждого свои сравнения, подумалось Фоме). Многих похватали. «Так что, отец Фома, вам лучше не оставаться здесь, не подвергать миссию угрозе. Детским питанием я вас обеспечу, еще рекомендательным письмом... И вот что, нельзя пользоваться публичным транспортом. Его тщательно досматривают».

А в это время в госпитале рыдал монах. Никто не обращал на него внимания — вокруг был суший ад. С Метрополиос привозили раненых. Слух о расстреле облетел Афины, у госпиталя собралась толпа, которую еле сдерживали санитары. Солдаты предпочли не появляться: несколько мавров, двигавшихся поодиночке, были буквально растерзаны толпой.

Но Павел рыдал не из-за нынешних событий. Сюда он притащил на себе раненую женщину с Метрополиос. Ее звали Марией. Он взял ее адрес и собрался связаться с Фомой. Сел за свободный монитор, но сначала посмотрел свою почту. Старый ящик, как и всю свою прежнюю жизнь, он закрыл. Новый адрес принадлежал монаху Феодору, и письма шли только от священников. Одно письмо было с непонятным адресом, но программа против рекламы его почему-то не стерла. А потом он прочитал эту короткую записку и зарыдал. Перед ним было сообщение о нынешнем адресе Иринки, вернувшейся с того света.

Павел достаточно разбирался в медицине, чтобы понимать: она умерла. В ночь расстрела их лагеря она лежала у него на руках и не дышала. И Павел знал, что не в силах ее воскресить и не в силах пережить, что подвел ее под удар. Он просто ушел и не стал интересоваться, когда и где пройдут похороны. А похороны не состоялись.

Когда Павел пришел в себя, он стал лихорадочно манипулировать указкой.

— Где ты?

— Здесь, — немедленно ответила она, будто только и ждала вопроса (письмо с ее адресом было послано два дня назад).

— Где, здесь?

— Рядом. Всегда рядом.

— Я хочу тебя видеть.

— Вряд ли тебе это понравится. Я не в форме.

Это был отказ от аудиенции. Но теперь Павла было не остановить. Набрав ее полное имя и все известные ему идентификационные номера, Павел быстро выяснил, что Иринка поступила в киевскую больницу в состоянии комы. Там она находится и сейчас. В коме ее и стабилизировали. Павел понял, что она будет лежать так в хранилище, пока в ее тело подаются соответствующие химикалии и импульсы. И у нее есть электронная связь с внешним миром и даже голос, модулируемый специальным устройством.

Павел был в ужасе. Ее руки и ноги не могут пошевелиться, сердце работает от мотора, а голова, как у профессора Доуэля. Ее глаза всегда закрыты. Всегда! И я в этом виноват. Я привел ее на заклятие!

Теперь он проговорил с ней несколько часов. Она сообщила, что совершенно счастлива! Она парит в четырехмерном мире, творит какие-то там философские миры и смотрит на нас, как на двухмерных плоскатики, бессмысленно копошащихся на поверхности земли.

Он решительно встал из-за стола, вышел на улицу и пошел прочь. Еще одна страница его жизни была перевернута. Фома не дождался своего товарища.

С рассветом Фома уже покинул Афины, углубившись в кварталы Большой Аттики. Ему предстоял долгий путь к горам Метеоры. Устроившись на маленькой повозке, которую тянул ослик, Фома не торопясь ехал по улочкам Греции, переливавшимся одна в другую. Повозку иногда трясло на трещинах пенобетона, и сначала Фома все время оглядывался, опасаясь, что ребенок зарыдает от такого обхождения. Но нет, он улыбался и, казалось, даже подмигивал: мол, ничего, старик, все нормально. Греки были рады в такую годину приютить монаха, да еще с младенцем — религиозные чувства были на подъеме. На ночлеге Фома кормил своего спутника молоком и какой-то, наверное, не очень полезной искусственной кашей. Но ничего, младенец принимал и это испытание стоически.

В пути Фому застали новости большой политики. Официальные видеозкраны оккупационной армии сначала вещали о том, что бойня в Афинах организована агентами НАТО, но затем все затмила новая сенсация: «Благодаря Великой мудрости Исы угроза военного столкновения с Советским Союзом преодолена. Аллах вразумил вождей Севера. Их мирные предложения Халифату и Европе позволяют избежать дальнейшего кровопролития».

Фома подумал, что, пожалуй, он знаком с «аллахом», вразумившим вождей Севера. За компромиссными решениями Новгородского собора выглядывали уши Сергеича. С чего это Иса стал таким пацифистом? Чем теперь ответит Европа? Еще позавчера эти вопросы волновали бы Фому прежде всего, но теперь он вспомнил, что есть вещи поважнее войны и мира. А новости сами догоняли Фому. У греков сохранилось немало видеоприемников, которые они смотрели по вечерам, а потом судачили на каждом углу. Мавры не мешали разговорам, они готовились отхлынуть в

свои пределы.

— Иса не дурак, он и так уже понял, что кто-то зря втравил его в этот европейский поход. Когда возникла русская угроза, он и сам был бы рад уйти. А сейчас воспринял мирные предложения как манну небесную, — рассуждали в кафе политологи квартального масштаба.

Кто-то говорил, что русские кинули Европу, но другие не соглашались — Европа получает русское оружие и ресурсы больше, чем раньше. Но, видимо, при условии, что НАТО согласится на идею пояса нейтральных стран — Греция, Турция, Курдистан, Иран. Это — уступка с обеих сторон, ведь НАТО теряет две страны, не считая куса Америки. К тому же теперь война продолжится на более узком фронте, и в Европе станет еще больше развалин. Не обошлось без давления Союза, который стал лидером «нейтралов», гарантом нового «санитарного кордона». Беженцы будут возвращаться... Сейчас мавры уйдут, но ведь могут и вернуться... Ничего, разложатся, как все тоталитарные страны... Мы бы и сами справились... Надоело все, скорей бы мир...

Страница истории была перевернута. В Москве прошел громкий «процесс военных», которых на пять-десять лет отправили в изолятор на космическую станцию. Под сотню офицеров и с десятков генералов уволили. Алекс с грустью покидал Южный берег Крыма — столько хлопот впустую. Впрочем, будет, что вспомнить, Танюша была так мила. И Пан не оставит его своей поддержкой, ведь все сорвалось не из-за Алекса, а по каким-то неведомым политическим причинам...

Романов снова был триумфатором и, на зависть конкурентам, раздавал интервью направо и налево. Он говорил о мирном давлении Советского Союза, которое помогло предотвратить разрастание войны. Его речи были банальны и обтекаемы, как у дипломата. Пан, Мастер и дядя Саша оценили, что о «Кольце» не было сказано ни слова.

Сергеич собрал весь состав «Социума» в Москве, и ученики наперебой рассказывали друг другу о подробностях своих путешествий. Артем говорил меньше других, но Сергеич понимал, что он знает об этом деле даже больше его самого. Ладно, пусть торжествует — он действительно молодец. Масипас, без ведома «родителей» совершивший кругосветное путешествие, теперь изображал домоседа и комментировал обсуждение громкими курлыками.

Не хватало только Фомы, который бросил их в такой ответственный момент и отправился в какое-то паломничество.

«Кольцо» было «прорисовано» в секретнейшем файле «Социума» и помещено в компьютер, не имевший выхода в Сеть. В итоге решили никому ничего не сообщать, чтобы не прослыть сумасшедшими.

Человечество не узнало о «Кольце», но и «Кольцо» не сумело повернуть историю в нужном ему направлении. И теперь оно сжималось вокруг Фомы, но в эпоху всеобщего информационного контроля священник вдруг растворился, исчез. Он не излучал информацию и стал невидим...

Скалы-великаны встретили Фому своим суровым строем, как окаменевшие языческие боги, пораженные Господом, — страшные, но бессильные повредить Божьему человеку. Там, на высокой скале, ждал их заветный монастырь,

отгородившийся от мира.

Фома свернул с крайней улочки на тропку в заповедном лесочке. Ослик тащил повозку среди гор и деревьев. Припекало солнце, подвывал ветер, скрипели колеса. Как две тысячи лет назад.

Словарь

Автолет — летающее транспортное средство, сочетающее технологию реактивного дирижабля и дизайн автомобиля.

Варварская территория — пространство, которое практически не контролируется ни одним из государств. Как правило, эта территория непривлекательна из-за экологических условий и отсутствия там полезных ресурсов.

Видение (видео) — голографическое телевидение. Сотни видеоканалов транслируются в Глобальной сети и доступны любому обладателю видеоплощадки, которая генерирует объемное изображение.

Духовные общины — научно-творческие экологические поселения с общей мировоззренческой или религиозной идеей.

Комиссар — руководитель союзной комиссии.

Наукоград — город-университет, вся организация которого направлена на поддержку научной деятельности. Включает собственную производственную и продовольственную базу, структуру образования и воспитания детей, систему обороны от внешних угроз, автономное энергоснабжение.

Президент — в Северной Евразии — официальный представитель граждан, которые за него проголосовали. Поскольку граждане голосуют за разных президентов, то в виртуально-политическом пространстве действуют одновременно несколько президентов, которые различаются по своим полномочиям. Еще сохраняются государства, в которых существует только один президент.

Сеть — система глобальной связи, объединяющая все электронные коммуникации.

Смишники — работники средств массовой информации (сайтов и видеоканалов).

Собор — собрание высших лиц политических структур, существующих на территории Союза. Обсуждение на Соборе определяет позиции ведущих политических сил накануне важнейших голосований. После Собора его участники выступают с заявлениями, в которых рекомендуют своим сторонникам, каким образом голосовать.

Советы — органы власти и самоуправления в Советском Союзе. В ходе Советского Возрождения образовались местные, производственные и креативные

советы как органы самоорганизации граждан, в руки которых перешли ресурсы страны и власть на местах. Для решения общих вопросов низовые советы создают из своих делегатов городские и районные советы, наделяя их полномочиями. Эти советы создают из своих делегатов советы земель, которые принимают региональное законодательство в рамках своей компетенции, предоставленной им нижестоящими советами. Делегаты земельных советов формируют Верховный совет, полномочия которого определены конституцией наряду с полномочиями президентов и комиссий.

«Социум» — известный экспертный исследовательский центр и менее известная Школа.

Союз — наднациональное политическое образование, охватывающее значительную часть мира. Союзные комиссии более влиятельны, чем национальные президенты, но Союз не может вмешиваться в сферу компетенции самоуправления и земель (регионов). Регионы Союза могут одновременно входить и в другие политические образования — империи и республики, каждой из которых в этом случае передается небольшая часть прав регионов (но не прав Союза). Впервые такие принципы организации были приняты в Советском Союзе по его соглашению с Российской Федерацией, Украинской народной республикой, государством Беларусь и рядом кавказских государств. Постепенно с теми или иными особенностями эти принципы распространяются на другие союзы — Европейский, Южноамериканский, Китайский, Индийский.

Союзный следственный комитет (ССК) — структура, ответственная за безопасность граждан Союза от политических и террористических угроз.

Стан — государство в Центральной Азии.

Учитель — руководитель ученого, эксперта, сформировавший основы его научного и духовного мировоззрения. Как правило, Учитель — это лидер общественно-научной Школы.

Фиксация — момент завершения очного голосования граждан на референдуме по наиболее важным вопросам социальной и политической жизни.

Халифат — исламское государство, возглавляемое пророком Исой. Оно расположено в Африке, но контролирует часть Азии и Европы.

Школа — общественно-научное сообщество, объединенное единой методологией, основами мировоззрения и общественными целями.

Эксперт — исследователь, имеющий высокий научный авторитет. Не имеет никаких формальных полномочий, но располагает большим влиянием, так как любое решение властей должно быть научно обоснованно и потому иметь поддержку экспертов. Успешность экспертов зависит от того, насколько удачными были поддержанные ими проекты.